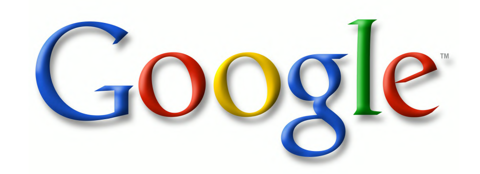
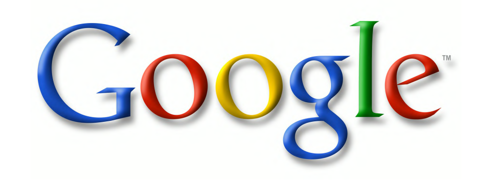






РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
Б. А. ПАВЛОВИЧЪ
4-е ИЗДАНІЕ
С. Петербургъ
1893.


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

Б. А. ПАВЛОВИЧА.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ 23 рисунками.

Цѣна 1 руб. 25 коп.



С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1893.



[2114]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1893 г.

О БЫТѢ
НАРОДОВЪ АРІЙСКАГО ПЛЕМЕНИ
ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

I.

Расхаживая по нашимъ великолѣпнымъ зданіямъ или путешествуя на пароходахъ и въ вагонахъ, намъ и въ голову не приходитъ сравнить нашъ бытъ съ бытомъ нашихъ отдаленныхъ предковъ.

А между тѣмъ, такое сравненіе очень интересно. Нужны были цѣлыя тысячелѣтія, чтобы люди, мало-по-малу совершенствуясь, дошли до того, чѣмъ они пользуются теперь.

Читая разсказы путешественниковъ про разныя отдаленныя страны, въ родѣ, напримѣръ, островов Австраліи, песчаныхъ степей Африки и первобытныхъ лѣсовъ Америки, мы узнаемъ о многихъ странныхъ, грубыхъ, смѣшныхъ и ужасныхъ порядкахъ, господствующихъ между ихъ жителями, которыхъ мы называемъ *дикарями:* одни изъ нихъ ходятъ нагишомъ, другіе еле-еле прикрываются звѣриными шкурами и незатѣйливыми передниками, сплетенными изъ листьевъ и перьевъ; одни поклоняются дикимъ звѣрямъ, другіе — грубымъ деревяннымъ и каменнымъ чурбанамъ; одни красятъ свое тѣло въ красный, бѣлый и зеленый цвѣтъ, другіе, намазавъ свое тѣло медомъ, щеголяютъ прилѣпившимися перьями птицъ; одни питаются человѣческимъ мясомъ и гордятся, какъ орденами, головами убитыхъ враговъ, которыя вѣшаютъ на шею, другіе

доходятъ даже до такой жестокости, что считаютъ необходимымъ убивать своихъ престарѣлыхъ родителей; одни привязываются къ той или другой мѣстности и весьма неохотно покидаютъ ее, другіе шляются постоянно съ мѣста на мѣсто по широкой степи или дремучему лѣсу, не имѣя понятія о томъ, что̀ такое постоянное жилище. Вотъ какія племена встрѣчаются еще и по настоящее время; они теперь, конечно, представляютъ собою явленіе довольно рѣдкое, держатся только въ отдаленныхъ уголкахъ земли; но чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ древность, тѣмъ чаще будемъ наталкиваться на такихъ людей. А когда-то было время, что и многіе другіе народы, забывъ слово Божіе, открытое Адаму и древнимъ патріархамъ, вели жизнь подобно австралійскимъ, американскимъ и африканскимъ дикарямъ. Какъ же они вышли изъ такого положенія? Кто ихъ просвѣтилъ, научилъ полезнымъ искусствамъ и ремесламъ, одѣлъ и доставилъ постоянныя жилища? Вотъ вопросы, которые сами собою приходятъ въ голову, когда подумаешь, что въ незапамятную старину многіе народы вели столь грубую жизнь.

Лѣса были любимымъ мѣстопребываніемъ древнихъ людей, и теперешніе дикари рѣдко покидаютъ свои заповѣдные лѣса. И въ самомъ дѣлѣ, лѣсъ представлялъ много заманчиваго для человѣка: разразится ли надъ землею страшная буря, прольется ли сильный дождь, — въ лѣсу и затишнѣе, и можно найти убѣжище подъ темными вѣтвями вѣкового дуба. Въ лѣсу такой человѣкъ найдетъ себѣ скорѣе пищу, чѣмъ на полѣ; тамъ есть множество животныхъ, за которыми онъ охотится, есть грибы, ягоды, которыя могутъ утолить его голодъ, а въ случаѣ крайности можно поживиться кореньями и древесною корою, чего въ открытомъ полѣ не найти. И вотъ человѣкъ живетъ-себѣ въ густомъ лѣсу. Онъ нагъ, у него нѣтъ ни хозяйства, ни даже постояннаго жилища. Спрятался ли онъ въ темный уголокъ отъ бури — является волкъ и оспариваетъ у него убѣжище; нужно силою отвоевать себѣ мѣстечко, и человѣкъ вступаетъ съ волкомъ въ борьбу. Человѣку захотѣлось

ѣсть — и ему нужно довольствоваться или скудною растительною пищею, или поймать быстроногаго звѣрка, или съ опасностью жизни сразиться съ дикимъ воломъ, убить его и насытиться его мясомъ. Однимъ словомъ, ему со всѣхъ сторонъ угрожаетъ опасность, и, чтобы противостоять ей, человѣкъ долженъ въ себѣ развить и смѣлость, и силу, и ловкость, и быстроту бѣга. Онъ наблюдаетъ за окружающею его природою и заимствуетъ у своихъ товарищей-звѣрей тѣ привычки, которыя для него оказываются полезными. Онъ видитъ, что лиса роетъ себѣ ямы, куда прячется въ случаѣ опасности и гдѣ выводитъ своихъ дѣтенышей; вотъ и онъ воспользовался случившеюся по близости пещерою и сдѣлалъ изъ нея свой первый домъ. Онъ видѣлъ, что медвѣдь въ опасности хватаетъ передними лапами большіе куски дерева и отмахивается ими отъ враговъ, — вотъ и человѣкъ пришелъ къ мысли употреблять съ пользою для себя палицу. Но человѣкъ превосходитъ звѣрей одною драгоцѣнною чертою, именно, умомъ, вложеннымъ въ него Создателемъ вмѣстѣ съ безсмертною душою. Умъ этотъ неразвитъ, но онъ уже начинаетъ пробуждаться и мало-по-малу заставляетъ человѣка какими нибудь окольными средствами восполнить то, чего не дано его тѣлу. Человѣкъ видѣлъ, что дикій волъ и олень успѣшно дѣйствуютъ рогами, и вотъ онъ нашелъ въ лѣсу скелетъ умершаго вола, отдѣлилъ рогъ, насадилъ его на палку, и такимъ образомъ получилась первая пика. Другое, тоже важное преимущество человѣка предъ прочими животными — это его руки. Только обезьяна можетъ съ нимъ сравниться въ этомъ отношеніи. Руками онъ удачнѣе можетъ направлять удары своей дубины, чѣмъ медвѣдь передними неуклюжими лапами; руками онъ можетъ бросать на болѣе или менѣе далекое разстояніе камень или бревно и такимъ образомъ поразить своего врага-звѣря еще прежде, чѣмъ тотъ подойдетъ къ нему. Однимъ словомъ, человѣкъ хотя по физической силѣ и не можетъ сравняться со многими другими жителями дремучаго лѣса, но тѣмъ не менѣе рано является уже опаснымъ врагомъ послѣднихъ, такъ какъ онъ находчивѣе,

умнѣе ихъ. Но если и теперь охотникъ за крупными четвероногими, несмотря на свой стальной кинжалъ и свое мѣткое ружье, зачастую подвергается опасности потерять жизнь, то такіе случаи бывали гораздо чаще, когда человѣкъ могъ вооружиться только камнемъ или дубиною съ рогомъ на концѣ. И большое множество людей погибло, по всей вѣроятности, отъ когтей медвѣдя и льва, зубовъ волка и тигра, роговъ дикаго вола и клыковъ слона...

Если мы не умираемъ отъ холода, господствующаго зимою во всѣхъ сѣверныхъ странахъ, то это благодаря только нашимъ хорошо сшитымъ шубамъ, нашимъ закрытымъ убѣжищамъ и искусственному согрѣванію нашего тѣла посредствомъ огня и нѣкоторыхъ видовъ пищи и напитковъ. Но гдѣ же было дикому человѣку пользоваться такими благами? Понятно поэтому, что утвердиться въ болѣе холодныхъ странахъ человѣкъ только смогъ тогда, когда кое-чему научился, пріобрѣлъ возможность искусственными средствами восполнять природные недостатки. Первобытною родиною человѣчества, какъ это доказали и ученыя изслѣдованія, были страны теплыя. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что почти всѣ жители нынѣшней Европы и западной Азіи происходятъ отъ народа арійскаго, жившаго за нѣсколько тысячелѣтій въ лѣсистыхъ горахъ Гинду-ку, въ Индіи, слѣдовательно въ климатѣ, не знающемъ зимы. Только постепенно, съ увеличеніемъ населенія этихъ горъ и съ большимъ развитіемъ жившихъ въ нихъ людей, послѣдніе начинаютъ выселяться въ различныя страны. Бытъ этихъ арійцевъ долженъ былъ быть первоначально такимъ, какимъ онъ по необходимости является у дикарей, живущихъ въ лѣсахъ. Они жили въ лѣсахъ, укрывались въ пещерахъ и на деревьяхъ, боролись съ дикими звѣрями, ходили нагишомъ, чему не препятствовалъ теплый климатъ ихъ родины. Пищу ихъ составляли различныя животныя, которыхъ имъ удавалось поймать и умертвить. Питались они также ягодами, грибами и плодами фруктовыхъ деревьевъ, которыя, какъ извѣстно, растутъ безъ всякаго ухода въ теплыхъ странахъ. По всей вѣроятности и

рыба обратила на себя вниманіе этихъ людей, такъ-какъ они не могли не подмѣтить, что нѣкоторыя животныя ею питаются. Конечно, о томъ, чтобы варить пищу, у этихъ людей сначала не могло быть и рѣчи. Прошло, вѣроятно, много времени, пока человѣкъ научился добывать огонь и пользоваться имъ для различныхъ надобностей. Притомъ въ жаркихъ странахъ въ огнѣ необходимости гораздо меньше, чѣмъ въ умѣренныхъ и холодныхъ, а потому на него и меньше обращали вниманія [1]).

Мы уже видѣли, какъ древній человѣкъ сталъ скрываться въ норахъ и пещерахъ. Но такъ какъ онъ во всякой гористой мѣстности могъ находить подобныя убѣжища, то понятно, что онъ не дорожилъ постояннымъ жилищемъ. Вся его утварь состояла въ тѣ времена въ его деревянномъ или каменномъ оружіи, да еще подъ-часъ въ звѣриной кожѣ, накинутой небрежно на плечи. Такое хозяйство не сильно затрудняетъ при перемѣнѣ жительства, а потому и не удивительно, что дикарю не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Еще до тѣхъ поръ, пока есть вокругъ употребляемые имъ въ пищу звѣри, пока сильному льву или тигру не понравилась его пещера, пока дѣтеныши не подросли и не могутъ сами добывать себѣ пищу и даже слѣдовать за охотниками-родителями,—до тѣхъ поръ послѣдніе стараются держаться на мѣстѣ; но лишь только предметовъ питанія вокругъ стало меньше, лишь только на пещеру сталъ нападать сильный звѣрь, лишь только дѣти могли, какъ говорится, пойти на свой хлѣбъ,—дикарь оставлялъ мѣстность, съ которою его ничто не связывало, и шелъ дальше. Женщины въ тѣ времена немногимъ отличались отъ мужчинъ въ образѣ жизни; только въ тотъ періодъ, когда у нихъ бывали маленькія дѣти, онѣ сидѣли съ ними, охраняя ихъ отъ дикихъ

[1]) Извѣстный португальскій мореплаватель Магелланъ еще за триста лѣтъ до насъ открылъ на одномъ островѣ дикарей, не знающихъ употребленія огня. Костеръ, разведенный Магелланомъ, показался дикарямъ какимъ-то страшнымъ звѣремъ; пламя они принимали за языки, которыми этотъ звѣрь кусается, а дымъ—за его дыханіе.

звѣрей, пока они малы и безсильны. Но лишь только такая опека дѣлалась не необходимою, лишь только у дѣтей развивалась силенка, всѣ расходились въ разныя стороны. Семейной жизни при такихъ условіяхъ не было.

Мы уже знаемъ, что древній человѣкъ, жившій въ лѣсу, долженъ былъ постоянно сражаться, охраняя себя отъ нападеній и добывая пищу. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ развить въ себѣ силу, быстроту и ловкость, а также позаботиться о томъ, чтобы искусственными средствами восполнить природные недостатки въ этомъ отношеніи. Теперешніе дикари, находящіеся въ подобныхъ условіяхъ, отличаются тоже этими качествами. Путешественники нерѣдко удивляются ихъ исполинской силѣ, дозволяющей имъ бороться подъ-часъ безъ всякаго оружія съ медвѣдемъ; они разсказываютъ, что, напримѣръ, краснокожіе американцы на пространствѣ двухъ-трехъ верстъ не отстаютъ отъ лошади, бѣгущей шибкою рысью. Тѣ изъ дикарей, которые живутъ у береговъ большихъ рѣкъ и озеръ, отлично плаваютъ, удивительно долго могутъ оставаться подъ водою и ловятъ рыбу руками. Только благодаря такимъ способностямъ, доисторическіе люди могли кое-какъ отстоять себя отъ постоянныхъ опасностей.

Рано человѣкъ сталъ придумывать различныя искусственныя средства для защиты, и постоянная тревога, заставлявшая его неусыпно заботиться о безопасности, была первою учительницею человѣка. Мы уже видѣли, что первымъ оружіемъ его являются палка и камень. Твердость послѣдняго и часто острое очертаніе должны были навести человѣка на мысль употреблять камень не только какъ метательное оружіе. Съ этою цѣлью онъ сталъ прилаживать его къ палкѣ, сталъ, посредствомъ тренія и удара другимъ камнемъ, придавать ему ту или другую форму, и такимъ образомъ получилъ нѣчто въ родѣ топора или молотка, который тяжестью удара, твердостью и клинообразностью оказывалъ ему неоднократно услугу въ борьбѣ. Обыкновенно въ камнѣ, предназначенномъ для такого орудія, просверливалась дыра, въ которую вставляли палку. Такихъ топоровъ

или молотковъ найдено очень много въ различныхъ странахъ Европы и Азіи. Иногда камень, въ формѣ набалдашника,



ремнемъ, полученнымъ изъ шкуры убитаго звѣря, привязывался къ концу палки и давалъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ булавы.

Мы уже знаемъ, какъ произошла первая пика изъ рога; такія пики бывали также съ каменными наконечниками. Для



этой цѣли расщеплввался одинъ конецъ палки, въ расщепъ вставлялся острый кремень, и палка у расщепленнаго конца туго стягивалась ремнемъ, что̀ укрѣпляло каменный наконеч-



никъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены острые кремни, обдѣланные, очевидно, рукою человѣка, имѣющіе форму, нѣсколько похожую на нашъ обыкновенный ножъ.

Живя постоянно въ лѣсахъ и наблюдая окружающую природу, человѣкъ замѣчалъ какъ свойства животныхъ, такъ и свойства деревьевъ, его окружающихъ. Мы уже видѣли, какъ наблюденіе за животными привело его къ возможности сдѣлать себѣ нѣчто въ родѣ оружія. Онъ не могъ не замѣтить упругости въ тонкихъ, но прочныхъ вѣткахъ. Нѣкоторые виды деревьевъ особенно отличаются упругостью. Онъ видѣлъ, съ какою силою вѣтка, выведенная изъ своего естественнаго положенія, стремится воротиться на прежнее мѣсто; онъ замѣтилъ такое же

свойство въ костяхъ нѣкоторыхъ рыбъ. Это могло его навести на мысль воспользоваться такимъ свойствомъ дерева и сдѣлать себѣ лукъ. Первобытный лукъ состоялъ изъ длинной, не очень согнутой дуги; оба края ея соединены были тетивою, для которой употреблялись обыкновенно жилы животныхъ. Натянуть такой лукъ не легко; но человѣкъ, могшій безъ оружія справиться съ медвѣдемъ, имѣлъ, конечно, достаточно силы для этого.

Посредствомъ такого лука пускались деревянныя стрѣлы съ костяными или каменными наконечниками. Ударъ стрѣлы, пущенной посредствомъ лука, и мѣтче, и сильнѣе, и дѣйствуетъ на болѣе отдаленное разстояніе, чѣмъ ударъ камня, брошеннаго рукой. Подобныя каменныя стрѣлки нерѣдко находятъ у насъ, особенно въ Московской губерніи: народъ убѣжденъ, что онѣ падаютъ съ неба во время грозы. Эти каменные наконечники плотно прикручивались къ дереву ремешками и жилами, иногда при помощи смолы. Стрѣлы пускали посредствомъ лука, а длинныя копья метали рукою. Впослѣдствіи, познакомившись съ ядовитыми соками нѣкоторыхъ растеній, стали намазывать наконечники такого оружія такимъ сокомъ, чтобы вѣрнѣе нанести смерть непріятелю.



Вотъ каковы были люди въ старину незапамятную. Какой же выводъ можемъ сдѣлать о ихъ нравѣ? Они были жестоки и свирѣпы, не знали семейной жизни, не имѣли другихъ стремленій, кромѣ желанія удовлетворить потребности своего тѣла. Добываніе пищи — вотъ единственное ихъ занятіе; а такъ какъ оно было сопряжено съ различными затрудненіями, то и вниманіе человѣка было обращено на удаленіе этихъ затрудненій. Въ пищѣ они не могли быть разборчивы: поѣдали все, чтò имъ ни попадалось, лишь бы только оно могло насытить ихъ. Весьма вѣроятно, люди этого періода, на подобіе нѣкото-

рыхъ дикихъ племенъ нашего времени, не брезгали и человѣческимъ мясомъ.

При такой свирѣпости и неразвитости, у нихъ не могло быть истинныхъ понятій о Богѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ предметы страшные внушали къ себѣ глубокое уваженіе. Поэтому особенно сильные и почти непобѣдимые звѣри, въ родѣ льва, слона, змѣи и т. п., могли явиться божествами. Другіе чтили предметы, оказывающіе имъ пользу, напримѣръ, большіе дубы, ясное солнце и т. д. Но, не смотря на столь жалкое состояніе, человѣкъ въ сильной степени отличался отъ окружающихъ его



животныхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ въ раннее время успѣлъ себѣ приготовить кое-какое оружіе, потому что онъ одаренъ способностью мыслить, разсуждать. Эта-то способность не позволила ему оставаться на одной степени развитія, дала ему возможность постепенно, хотя медленно улучшать свое положеніе и, наконецъ, дойти до той точки, на которой онъ находится теперь. Волкъ, съ которымъ сражался нашъ нагой, дикій предокъ, остался такимъ же волкомъ и не сдѣлался ни

снисходительнѣе, ни умнѣе, ни богаче; но человѣкъ, столь же свирѣпый въ незапамятныя времена, какъ и волкъ, теперь уже представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ не то. Чѣмъ же это объяснить? Да, конечно, тѣмъ, что человѣкъ, благодаря Творцу, надѣлившему его умомъ и безсмертною душою, способенъ совершенствоваться, а другія созданія остаются такими же, какими они разъ созданы.

Для того, чтобы побѣдить тѣхъ животныхъ, которыя превосходили человѣка силою, послѣдній долженъ былъ изобрѣсти извѣстное оружіе въ родѣ молотка, копья, стрѣлы, лука; но успѣхъ будетъ еще вѣрнѣе, когда борьбу станутъ вести совмѣстно два человѣка. Простой опытъ долженъ былъ убѣдить въ этомъ. Какъ ни лютъ и ни неразвитъ былъ человѣкъ, все же онъ не могъ не сообразить возможности сблизиться съ другимъ себѣ подобнымъ созданіемъ, которое могло при помощи рѣчи, хотя и несовершенной, понять его. Сближаться заставила и простая выгода, и желаніе побольше обезопасить себя. Вотъ почему люди уже въ древнѣйшій періодъ своего существованія перестаютъ жить въ разбродъ, въ одиночку, и начинаютъ искать общества. Самыми близкими людьми по врожденному чувству должны были явиться собственныя дѣти, о которыхъ дикарь заботился во время ихъ малолѣтства. Они ближе знали другъ друга, слѣдовательно могли и потомъ согласнѣе жить вмѣстѣ. Такимъ образомъ, произошло общество или семейство, члены котораго были связаны родствомъ и, главное, бо̀льшею безопасностью каждаго изъ нихъ. Когда такая семья размножилась, когда у сыновей и дочерей рождались дѣти, то образовался цѣлый родъ. Тутъ уже людямъ дѣлается гораздо безопаснѣе, потому что за каждаго въ отдѣльности стоятъ его родичи. Если одинъ изъ нихъ выдумаетъ какое-нибудь новое оружіе, то изобрѣтеніе его дѣлается извѣстнымъ всему роду, перенимается имъ; если одинъ умудрился сдѣлать изъ жилъ и ремешковъ силокъ для ловли птицъ, то и каждый изъ родичей не преминулъ обзавестись такимъ же оружіемъ для доставленія себѣ пищи. Конечно, между роди-

чами должны были возникать споры изъ-за убитаго звѣря, изъ-за пойманной птицы, изъ-за оружія и т. д.; недовольные оставляли родъ и шли бродить въ одиночку или заводили около себя отдѣльный кружокъ, но во всякомъ случаѣ люди стали уже другъ съ другомъ сообщаться. Теперь они были болѣе безопасны отъ дикихъ звѣрей. Прежде человѣкъ только защищался, теперь уже онъ сталъ господиномъ и самъ началъ преслѣдовать все то, что̀ ему не нравилось. Роды кочевали по полямъ и лѣсамъ и добывали себѣ пищу охотой. Если во время такихъ странствованій одинъ родъ встрѣчался съ другимъ родомъ, то между ними обыкновенно возникала кровопролитная борьба. Одни видѣли, что другіе бьютъ звѣрей, ловятъ рыбъ и птицъ, а потому считали ихъ врагами, отнимающими пищу. Послѣ битвы слѣдовала обыкновенно пирушка, и побѣдители съ восторгомъ пожирали своихъ враговъ, подъ-часъ вырѣзывая у живыхъ плѣнниковъ мягкія части тѣла и поѣдая ихъ на глазахъ несчастныхъ. Такія жестокости повторяются и до настоящаго времени у дикарей Австраліи, Африки и Америки; онѣ были въ ходу и у другихъ народовъ въ старину незапамятную.

II.

Шатаясь по лѣсамъ, люди питались исключительно охотою, которая во всякомъ случаѣ была сопряжена съ извѣстнаго рода опасностями. Ничего правильнаго въ такой жизни и не могло, конечно, быть. Человѣкъ ѣлъ не тогда, когда ему хотѣлось, а тогда, когда ему удавалось успѣшно поохотиться. Отъ охоты на желудкѣ иной день густо, а другой и пусто. И въ настоящее время охотникъ, несмотря на свое совершенное оружіе, нерѣдко приходитъ домой безъ добычи; но въ настоящее время у человѣка есть домъ, въ домѣ кое-какой запасецъ пищи, а потому онъ, воротившись со своихъ поисковъ за звѣремъ и дикою пищею, все же не останется голоднымъ и насытится хоть кускомъ хлѣба. Но въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, голодъ или сытность исключительно зависѣли отъ охоты. Удалось убить звѣря или птицу—можно поѣсть и воз-

становить свои изнуренныя силы; не удалось—сиди голоднымъ до утра, а тамъ, проголодавшись еще болѣе, ступай опять отыскивать пищу, которой можешь и не найти. Приходится подчасъ цѣлыми недѣлями питаться плодами или ягодами. Благо еще, коли такое время года, что есть ягоды и плоды; но если ихъ нѣтъ, то скудные корни или вонючая падаль должны были замѣнять для человѣка его обыкновенное кушанье—свѣжее мясо дикихъ звѣрей. Не весело тогда дикарю, который высшею цѣлью своей жизни считаетъ удовлетвореніе своихъ физическихъ потребностей. Обладая умомъ, онъ по необходимости станетъ придумывать средства, какъ бы помочь такому горю. Но, спрашивается, что̀ ему дѣлать? Конечно, первый совѣтъ, который ему можно дать въ этомъ случаѣ, заключается въ томъ, что нужно оставлять пищу для себя про запасъ, что въ тѣ дни, когда отъ охоты бываетъ густо, не слѣдуетъ забывать, что могутъ настать времена, когда будетъ и пусто. И вотъ, дѣйствительно, охотникъ нашъ, которому повезло на охотѣ, припряталъ на черный день убитаго зайца, да пару перепелокъ. На слѣдующій день онъ задумалъ сняться съ прежняго мѣста и перейти въ другое. Онъ идетъ съ ношею на плечахъ, и тяжело ему отъ его ноши. Она утомляетъ его, стѣсняетъ его движенія. Она была причиною того, что, отягощенный зайцемъ и двумя перепелами, охотникъ не могъ съ обычною скоростью погнаться за попадавшимся ему по пути оленемъ, и, такимъ образомъ, добыча ускользнула. Но, несмотря на то, человѣку удалось подстрѣлить кое-какого звѣрка, онъ насытился и идетъ далѣе, довольный тѣмъ, что запасъ его и цѣлъ, и можетъ ему сослужить службу въ случаѣ неудачной охоты. Черезъ нѣсколько дней такой случай представляется, и нашъ дикарь принимается за своего зайца. Но послѣдній лежалъ не на ледникѣ, а былъ выставленъ на палящіе лучи южнаго солнца, потому испортился, завонялъ, въ немъ завелись черви. Охотникъ, разсерженный на зайца, кидаетъ его прочь и принимается за перепелокъ, но и съ ними случилось то же. „Ужъ лучше поголодать, пробиться кое-какъ грибами и кореньями, чѣмъ ѣсть такую

скверность", думаетъ охотникъ. Но зачѣмъ же я таскалъ на моихъ плечахъ эту негодную пищу? спрашиваетъ онъ себя; къ чему я мучился съ нею? Она мнѣ помѣшала убить вкуснаго оленя, заставила меня потѣть, и все напрасно: теперь она ни на что негодна. Значитъ, запасовъ дѣлать нельзя". Вотъ заключеніе, къ которому приходитъ дикарь, послѣ того, какъ его запасная пища оказалась никуда негодною. Онъ перестал заготовлять ее и пошелъ опять пробиваться кое-какъ со дня на день.

Если заготовленіе запасной пищи для одного человѣка сопряжено съ такими затрудненіями и непріятностями, то каково же сдѣлать это для цѣлаго рода, состоящаго изъ двадцати, тридцати, а иногда и болѣе человѣкъ?

Очевидно, что нужно придумать другой способъ предохраненія себя отъ голода, и наши дикари приходятъ къ тому заключенію, что еслибы имѣть при себѣ постоянно живыхъ животныхъ, то прежнія неудобства устранились бы сами собою. Но если и ноша, покоящаяся на плечахъ, стѣсняетъ дикаря, постоянно мѣняющаго свое пребываніе, то возня съ живымъ звѣркомъ еще затруднительнѣе. Нужно постоянно смотрѣть, чтобы онъ не убѣжалъ, чтобы ему доставить пищу. Да онъ, пожалуй, въ неволѣ и ѣсть не станетъ и издохнетъ отъ голода и скуки прежде, чѣмъ понадобится человѣку его мясо. Но что же дѣлать? Нужно испробовать. Конечно, таскать съ собою дикаго быка невозможно,—на это и силъ не хватитъ, нужно взять маленькаго теленка. И вотъ охотники изловили нѣсколько штукъ и погнали ихъ передъ собою. Возня была страшная; животныя постоянно разбѣгались во всѣ стороны; путешествіе, такимъ образомъ, затруднялось до невѣроятности. Но вотъ еще новая бѣда: молодыя животныя, оторванныя отъ матери, стали хирѣть и одинъ за другимъ простились съ жизнью. Изъ многихъ плѣнныхъ остался только одинъ, два теленка, которые сначала хирѣли, потомъ стали поправляться, расти и наконецъ уже совершенно не нуждались въ помощи матери. Но смотрите, какая перемѣна въ его нравѣ. Изъ дикаго и неукротимаго онъ сдѣлался смирнымъ: сначала онъ порывался

бѣжать, теперь самъ, безъ понукиванія, слѣдуетъ за людьми. Но, можетъ быть, онъ таковъ, пока совсѣмъ не выросъ? Нѣтъ! Онъ преобразился уже съ теченіемъ времени въ здороваго, большого быка, и нравъ его остался тотъ же. Вотъ, наконецъ, секретъ-то открытъ: можно имѣть при себѣ постоянно животныхъ живыхъ и убивать ихъ тогда, когда понадобится. Да жаль только, что изъ цѣлой кучи пойманныхъ телятъ уцѣлѣла и воспиталась только одна, двѣ штуки; убивъ ихъ, племя проживетъ въ довольствѣ день, два. А если голодъ посѣтитъ на недѣли и болѣе? Опять, значитъ, придется бѣдствовать по прежнему. А между тѣмъ, сколько хлопотъ, пока животное приручишь, сколько разъ изъ-за него приходилось бороться со львомъ или медвѣдемъ, который не прочь воспользоваться трудами человѣка. Правда, въ открытомъ мѣстѣ, въ степи, безопаснѣе отъ лѣсныхъ хищниковъ, но вѣдь человѣкъ, главнымъ образомъ, находитъ свое пропитаніе въ лѣсу, и если оставить его, то скоро придется прибѣгнуть къ съѣденію скуднаго запаса и потомъ опять возвращаться въ лѣсъ и продолжать жить прежнею жизнью. Значитъ, чтобы разстаться съ лѣсомъ, нужно позаботиться объ увеличеніи числа прирученныхъ животныхъ. Человѣкъ начинаетъ дѣлать опыты надъ различными видами ихъ и приходитъ къ тому заключенію, что вола, козу, овцу, осла, верблюда, лошадь, свинью и собаку приручить довольно легко. Послѣдняя, хотя не вкусна для ѣды, но тѣмъ не менѣе до того привязывается къ человѣку, что готова защищать и его добро, и его самого, готова сторожить по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вотъ одному племени охотниковъ-дикарей удается, хотя съ большимъ трудомъ, приручить нѣсколько животныхъ, которыя своимъ мясомъ могутъ доставить ему пищу на извѣстное время. Эти дикари покидаютъ лѣсъ и выходятъ на степь привольную, сочная трава которой въ состояніи доставить обильную пищу для стада, а сама мѣстность ставитъ и людей, и скотину въ болѣе безопасное положеніе отъ хищныхъ звѣрей. Проходитъ извѣстный періодъ времени, и стадо размножается; маленькіе дѣтеныши

не гибнутъ такъ, какъ прежде, потому что они не отрываются отъ матерей, не лишаются своей обычной пищи — молока. Оказывается, что положеніе людей, покинувшихъ лѣсъ, не только не ухудшается, но дѣлается гораздо лучше сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было прежде, и относительно питанія, и относительно безопасности. Отъ прирученныхъ животныхъ человѣкъ начинаетъ получать молоко — пищу, которая едва ли доступна въ охотничьемъ быту. Но, можетъ быть, вы скажете, что въ степи нѣтъ широколиственныхъ деревьевъ и затишныхъ пещеръ, гдѣ бы человѣкъ могъ найти убѣжище во время ненастья, а потому ему съ этой стороны станетъ жаль своего прежняго лѣса? Ничуть не бывало: у него есть теперь болѣе удобныя жилища. Кромѣ мяса и молока, скотина доставляетъ ему шкуры. Снявъ шкуру съ мертваго животнаго (издохшаго или зарѣзаннаго), онъ не бросаетъ ее, а беретъ съ собою. Это нетрудно сдѣлать тѣмъ болѣе, что онъ можетъ взвалить свой запасъ шкуръ на спину одного или нѣсколькихъ изъ прирученныхъ животныхъ и не затруднять себя вознею съ такого рода ношею. Эти шкуры, непроницаемыя для воды, дадутъ довольно удобное убѣжище во время дождя, если человѣкъ ихъ пристроитъ при помощи кольевъ и ухитрится сдѣлать такимъ образомъ палатку. Вотъ и искусственная пещера, вотъ и убѣжище отъ дождя и палящихъ лучей солнца. Иногда люди не довольствовались такого рода жилищами, и тогда они рыли себѣ въ землѣ, на склонѣ холма, ямы, которыя служили имъ тоже убѣжищемъ. Конечно, послѣднее было сопряжено съ нѣкотораго рода трудомъ; но такъ какъ стадо обыкновенно въ одной и той же мѣстности могло очень удобно оставаться нѣсколько недѣль, даже нѣсколько мѣсяцевъ, то трудъ предпринимался не для одного дня, а для болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Этотъ бытъ носитъ названіе *кочевого* или *пастушескаго*. Въ восточныхъ и сѣверныхъ степяхъ Европейской Россіи, въ Сибири, въ Туркестанѣ и во многихъ другихъ странахъ еще и по настоящее время живутъ такіе кочевники. Конечно, такой

переходъ отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому обусловливается самою природою мѣстности, въ которой живутъ люди. Если вся мѣстность сплошь покрыта дремучимъ лѣсомъ, не имѣетъ богатыхъ растительностью степей, то въ ней, безъ сомнѣнія, людямъ не легко разстаться съ охотничьею жизнью; если же, напротивъ, лѣса идутъ въ перемежку съ равнинами, если страна изобилуетъ тѣми животными, которыхъ можно приручить, то дикари-охотники легче разстанутся со своими привычками и преобразятся въ *кочевниковъ* или *номадовъ*.

Стоитъ только немножко подумать, чтобы сообразить, сколько значительныхъ преимуществъ представляетъ собою этотъ новый бытъ сравнительно съ предыдущимъ. Жизнь человѣка идетъ теперь гораздо правильнѣе, онъ гораздо достаточнѣе, устраивается удобнѣе, пища у него обильнѣе, онъ болѣе безопасенъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Мало-по-малу онъ начинаетъ присматриваться къ своему новому положенію и открываетъ такія удобства, какія ему прежде и въ голову не приходили. Скотина, которая входитъ въ составъ его стада, не только даетъ ему пищу,—она даетъ ему, какъ мы видѣли, и жилище изъ шкуръ. Она бываетъ способна и къ тому, чтобы нести на своихъ плечахъ различныя тяжести. Вотъ, значитъ, человѣкъ можетъ обзавестись тѣмъ, что̀ ему необходимо; его утварь переносится съ мѣста на мѣсто животнымъ и не затрудняетъ его. Замѣтивъ, что нѣкоторыя изъ домашнихъ животныхъ способны къ переноскѣ тяжестей, человѣкъ приходитъ къ мысли, нельзя ли и для самого себя воспользоваться этимъ качествомъ животнаго, т.-е., сидя на его спинѣ, передвигаться съ мѣста на мѣсто. Оказывается, что волъ, корова, оселъ, верблюдъ, а особенно лошадь очень способны къ этому. Такимъ образомъ, входитъ въ употребленіе верховая ѣзда. Это обстоятельство дѣлаетъ переходы гораздо болѣе удобными и скорыми. Но ѣздить верхомъ и возить съ собою маленькихъ дѣтей, которыя самостоятельно на лошади держаться не могутъ, нѣсколько стѣснительно; а потому человѣкъ долженъ подумывать о томъ, нельзя ли устроиться въ путешествіяхъ такъ, чтобы сидѣть было попро-

сторнѣе. Подъ вліяніемъ такихъ думъ онъ приходитъ къ возможности сдѣлать нѣчто въ родѣ телѣжки. По всей вѣроятности, первоначально телѣги были похожи на наши сани, и колеса, кажется, составляютъ изобрѣтеніе болѣе позднее. Оси колесныхъ телѣгъ обыкновенно ничѣмъ не смазывались, и потому во время движенія такого экипажа слышался всегда пронзительный крикъ и шумъ. Такія кибитки или „арбы“ въ большомъ ходу и теперь у кочующихъ татаръ, которые говорятъ, что они ѣздятъ какъ честные люди, не скрываются, а потому не имѣютъ надобности заботиться о томъ, чтобы ихъ повозки не „кричали“. Такая телѣга обыкновенно двигалась при помощи впрягавшихся въ нее воловъ или коровъ. Она имѣла наверху нѣчто въ родѣ будки изъ шкуръ, служившей непроницаемымъ препятствіемъ для дождевыхъ капель и солнечныхъ лучей. Въ такихъ телѣгахъ или кибиткахъ помѣщаются обыкновенно дѣти, женщины и всѣ пожитки незатѣйливаго хозяйства номада; самъ же онъ чаще всего скачетъ на лошади, наблюдая вмѣстѣ съ другими родичами за стадомъ, не отдѣлилось ли отъ него какое нибудь животное и не грозитъ ли какая либо опасность.

Во время походовъ женщины обыкновенно сидятъ въ кибиткахъ. Онѣ уже не занимаются тѣмъ же, чѣмъ мужчины, какъ въ охотничьемъ быту, а, предоставивъ послѣднимъ наблюденіе за стадомъ, раздѣляютъ свое время между уходомъ за дѣтьми и хозяйскими заботами. Онѣ плетутъ арканы, шьютъ, при помощи жилъ, одежду изъ шкуръ, дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ, изъ молока творогъ и т. д.

Обыкновенно у кочевниковъ встрѣчаемъ уже и металлическія издѣлія. Изъ металловъ прежде всѣхъ у людей въ употребленіи явилась мѣдь, которая въ иныхъ мѣстахъ попадается почти на поверхности земли, а желѣзо представляетъ уже изобрѣтеніе болѣе поздняго времени. Изъ мѣди выдѣлывались оружіе и разнаго рода украшенія. Теперь каменные ножи замѣняются мало-по-малу мѣдными, входитъ въ употребленіе мечъ (сабля). Наконечники для стрѣлъ дѣлаются тоже мѣдные, большею частью въ формѣ древеснаго листа. Находятъ тоже много

мѣдныхъ украшеній, принадлежащихъ, безъ сомнѣнія, этому отдаленному времени. Женщины на шеѣ носили мѣдныя ожерелья, гладкія или крученыя, изъ одной или нѣсколькихъ проволокъ. На рукахъ, а иногда и на ногахъ, носили браслеты, состоящіе изъ мѣднаго кольца завиткомъ (спирально). Въ большомъ ходу были бубенчики, которые привѣшивались къ поясу и при всякомъ движеніи издавали звуки. Нечего и говорить, что мѣдныя сережки представляли собою тоже предметъ весьма распространенный. Сережки — любимое украшеніе даже лѣсныхъ дикарей, которые, за неимѣніемъ металловъ, продѣваютъ нерѣдко въ уши, въ носъ, въ нижнюю губу раковины, деревянныя пластинки и перья.



Зажилъ теперь человѣкъ себѣ въ привольной степи, и жизнь его стала свободнѣе и удобнѣе. День и ночь онъ проводилъ въ наблюденіи за своимъ стадомъ, въ чемъ ему помогаетъ вѣрный спутникъ — собака. Незачѣмъ ему очень бояться хищныхъ животныхъ: въ открытомъ мѣстѣ ихъ меньше, да и завидѣть ихъ можно издали, а тѣмъ временемъ принять свои мѣры для защиты. Онъ перестаетъ, слѣдовательно, въ нихъ видѣть божественную, сверхъестественную силу. И вотъ дубъ, которому онъ прежде поклонялся, теряетъ теперь для него значеніе, потому что онъ ему не особенно нуженъ. Но нужна человѣку трава, какъ пища для скота; нуженъ дождь, который освѣжаетъ природу и побуждаетъ ее къ производству растительности; нуженъ свѣтъ, чтобы видѣть окружающіе предметы и избѣгать опасности. И вотъ онъ начинаетъ всматриваться въ солнце, поражается его великолѣпнымъ видомъ, начинаетъ понимать благотворное влія-

ніе его на всю природу и потому признаетъ его богомъ. Не имѣя еще истинныхъ понятій о Богѣ, онъ думаетъ, что солнце само по себѣ даетъ теплоту, вызываетъ растительность, производитъ свѣтъ. Онъ замѣчаетъ, что солнце такъ же странствуетъ по небу, какъ человѣкъ по землѣ; оно гонитъ тучку, какъ человѣкъ свои стада. Но вотъ солнце скрылось. Темная ночь спустилась на землю, а вмѣстѣ съ ней и холодъ. Въ это время человѣку нужно больше всего бояться за себя и за свое стадо, потому что и злой звѣрь, и злой человѣкъ могутъ самымъ незамѣтнымъ образомъ подойти и нанести вредъ. „Ночь—другъ вора и разбойника,—говоритъ номадъ: не будь мѣсяца и ясныхъ звѣздочекъ, было бы еще хуже". Значитъ, луна братъ солнца; она замѣняетъ солнце, когда послѣднее, уставъ отъ своего путешествія, отправится отдыхать. Одна только луна ночью борется съ силою мрака. Но лишь только проснулось солнце, опять настаетъ свѣтлый день: холодъ смѣняется теплотою, дикіе звѣри возвращаются въ свои лѣса, змѣи въ свои норки,—опять свобода, опять безопасность. Такимъ образомъ, въ умѣ человѣка складывается понятіе о томъ, что есть двѣ сверхъестественныя силы, управляющія всѣми явленіями природы: одна—добрая, свѣтлая, другая—злая, темная. Эта добрая сила постоянно борется со злою, союзницею воровъ, хищниковъ, змѣй и смерти, и человѣкъ надѣется, что настанетъ въ далекомъ будущемъ время, когда злая сила уничтожится окончательно и вездѣ восторжествуетъ добрая, представителемъ которой является солнце. До насъ дошла одна изъ молитвъ, съ которою дикія племена, живя еще въ Азіи, обращались къ солнцу. Вотъ она: „Возстань, о солнце, и доставь то, въ чемъ мы нуждаемся. Порази ночь твоимъ лучемъ и погуби вмѣстѣ съ нею опасности, намъ угрожающія. Ты услышь нашу молитву; ты прими отъ насъ въ жертву козла, корову или коня. О солнце, дитя неба! Ты будь къ намъ благосклонно настолько, чтобы мы прославились тучностью нашихъ коровъ, многочисленностью овецъ и барановъ, собственною силою и здоровьемъ!"

Если въ охотничьемъ быту мы видѣли, что люди стали

сближаться другъ съ другомъ и предпочли бродить цѣлыми родами, чѣмъ по одиночкѣ, то родовая жизнь въ быту скотоводномъ еще болѣе упрочилась. Одинъ человѣкъ могъ еще доставить себѣ насущную пищу, но справляться одному съ цѣлымъ стадомъ было бы совсѣмъ не подъ силу. Еслибъ онъ вздумалъ весь трудъ взвалить на себя, то часть скота его разбѣжалась бы; другую уничтожили бы хищные звѣри, и онъ остался бы не при чемъ. Поэтому за стадомъ ухаживаетъ цѣлый родъ, и стадо является собственностью не отдѣльнаго лица, а всѣхъ родичей, которые пользуются имъ сообща. Когда два такихъ рода встрѣтятся на широкой степи, то рѣдко обходится безъ кровопролитной драки изъ-за того, что одна и другая стороны желали бы увеличить число своихъ овецъ, верблюдовъ и лошадей. Побѣдители захватывали обыкновенно стада побѣжденныхъ себѣ, потому что люди, находящіеся на такой степени развитія, не спрашиваютъ, что̀ справедливо, а что̀ нѣтъ. Все право у нихъ заключается въ силѣ: кто посильнѣе, тотъ и можетъ распорядиться какъ ему угодно. Люди, входившіе въ составъ одного рода, питали другъ къ другу кое-какое уваженіе, старались не обижать другъ друга; но на членовъ другого рода они смотрѣли не такъ и позволяли себѣ относительно ихъ выказывать полнѣйшее безчеловѣчіе. Видно, что въ этомъ отношеніи они не далеко ушли отъ людоѣдовъ...

Однимъ изъ величайшихъ пріобрѣтеній, относящихся ко временамъ старины незапамятной, было, безъ сомнѣнія, пріобрѣтеніе огня. Кажется, въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, сообразно съ нуждами, употребленіе огня не было извѣстно. Въ первый разъ человѣкъ долженъ былъ увидѣть огонь отъ молніи, зажегшей какое-нибудь сухое дерево; но, не смотря на то, что молнія представляетъ собою явленіе довольно частое, прошло не мало времени, пока человѣкъ научился употреблять огонь для своей пользы. Добываніе огня производилось посредствомъ тренія двухъ кусковъ сухого дерева, которые такимъ образомъ нагрѣваются до того, что загораются. Другимъ средствомъ добыванія огня было высѣканіе

его изъ кремня посредствомъ твердаго металла; но послѣдній способъ, очевидно, болѣе поздній, такъ какъ и само знакомство человѣка съ ископаемымъ царствомъ далеко не раннее. Съ пріобрѣтеніемъ огня люди мало-по-малу перестаютъ употреблять сырую пищу; они получаютъ возможность побѣждать природный холодъ болѣе сѣверныхъ странъ и такимъ образомъ разселяются въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Да и въ жаркомъ поясѣ ночи иногда бываютъ довольно холодныя, и потому разведеніе костра далеко не излишне. Но костеръ ночью имѣетъ не только это значеніе: пламя его пугаетъ дикихъ животныхъ и заставляетъ ихъ воздержаться отъ нападеній, а съ другой стороны, освѣщая извѣстное пространство, оказываетъ человѣку немаловажную услугу. Вотъ почему и огонь, рядомъ съ солнцемъ и луною, является предметомъ поклоненія у древнихъ народовъ. „Онъ тоже борется съ мракомъ, какъ солнце и луна, онъ тоже оказываетъ благотворное вліяніе на человѣка, значитъ — онъ тоже богъ"; вотъ какъ должны были разсуждать непросвѣщенные люди. Огнепоклонники существуютъ въ Азіи еще и понынѣ; ежегодно громадное количество ихъ стекается въ окрестности нашего кавказскаго города Баку, гдѣ находится священный, по ихъ мнѣнію, родникъ огня. Дѣло въ томъ, что близъ Баку есть горящіе нефтяные источники.

Узнавъ, какой взглядъ имѣли древніе люди на огонь, мы поймемъ причину того, что они въ большей части случаевъ предавали сожженію тѣла своихъ покойниковъ. Они всегда думали, что послѣ смерти начинается новая жизнь, хотя и считали ее хуже, чѣмъ та, которою человѣкъ пользуется на землѣ; поэтому они хотѣли, чтобы человѣкъ переходилъ въ другую жизнь при посредствѣ божества, т.-е. огня. Прахъ покойника послѣ сожженія обыкновенно собирали въ горшокъ, который одни племена возили съ собою при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, а другія зарывали въ землю, вмѣстѣ съ тѣми предметами, которыми человѣкъ пользовался при жизни, напр. лукомъ, стрѣлами, копьемъ и т. д. Кочевники, возившіе съ собою прахъ

своихъ мертвецовъ (возили, главнымъ образомъ, прахъ людей, прославившихся въ битвахъ, и прахъ уважаемыхъ родоначаль-



никовъ), останавливаясь въ какомъ-нибудь мѣстѣ на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, ставили урны съ прахомъ на землю, обставляли ихъ съ четырехъ сторонъ камнями и потомъ наверхъ клали большой камень, который прикрывалъ собою урну на подобіе крыши. Отправляясь затѣмъ въ другое мѣсто, они опять брали съ собою горшокъ съ прахомъ. Такія гробницы носятъ названіе *долменовъ*, и остатки ихъ встрѣчаются довольно часто въ западной Европѣ.

Но, какъ мы сказали, не всѣ племена отличались такою преданностью памяти предковъ; другія зарывали тѣла или прахъ въ урнахъ въ землю и наверху дѣлали насыпи, называемыя *могилами*. Подобныхъ могилъ чрезвычайно много въ равнинныхъ мѣстностяхъ южной Россіи, напр., въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Кіевской. Слово „могила“ происходитъ отъ „могу“, „мочь“, „могущество“. Основываясь на этомъ, можно предполагать, что величина могилы служила какъ-бы выраженіемъ могущества и достоинства того лица, которое подъ нею покоится. Чѣмъ знатнѣе покойникъ, тѣмъ больше людей трудилось надъ постройкою ему памятника-могилы, тѣмъ и могила вышла громаднѣе. Могилы, въ которыхъ, по преданію, похоронены цари кочевого народа, извѣстнаго подъ именемъ скиѳовъ, отличаются исполинскими размѣрами.

III.

Главною заботою всякаго полудикаря является снабженіе себя достаточнымъ количествомъ пищи. На это онъ обращаетъ главное вниманіе, этимъ вызываются тѣ усовершенствованія, которыхъ онъ успѣлъ на первыхъ порахъ достигнуть. Охотникъ наблюдаетъ за жизнью дикихъ животныхъ и птицъ и подумываетъ, какъ бы ему легче обезпечить за собою успѣшную охоту; все, что̀ относится до стада, сильно интересуетъ скотовода, который, изучая привычки и нравы своей скотины, старается вести дѣло такъ, чтобы устранить всѣ опасности и способствовать размноженію своего хозяйства. Это обстоятельство заставляетъ номада обратить вниманіе на пищу животныхъ и изучить ее. Почти всѣ домашнія животныя поддерживаютъ свою жизнь растительною пищею; трава является главнымъ кормомъ для нихъ. Человѣкъ начинаетъ наблюдать за полевыми растеніями, видитъ, какъ они только-что успѣли прорѣзаться изъ-подъ земли, какъ цвѣтутъ, какъ даютъ плодъ, какъ производятъ сѣмена, изъ которыхъ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, должны развиться новыя растенія. Разъ замѣтивъ, что растенія развиваются изъ сѣмени, человѣку не трудно было додуматься до того, что можно искусственнымъ образомъ собрать зрѣлыя сѣмена, посѣять ихъ, и тогда получится растеніе; что можно бы иногда завести такимъ образомъ ту или другую траву въ такой мѣстности, въ которой она не растетъ сама по себѣ.

Видя, что то или другое растеніе поѣдается животными, человѣкъ тоже можетъ поинтересоваться вкусомъ и свойствами этого растенія; такое явленіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ звѣроловномъ быту онъ, какъ мы видѣли, не избѣгалъ растительной пищи, хоть, напримѣръ, въ видѣ ягодъ. Но въ степи онъ не встрѣчаетъ ни грибовъ, ни ягодъ, ни фруктовыхъ деревьевъ, а потому предстоитъ обратить вниманіе на полевыя растенія, если желательно не разставаться съ растительною пищею. Человѣкъ, по всей вѣроятности, неоднократно испро-

бовалъ траву, прежде чѣмъ убѣдился окончательно въ негодности ея для питанія его тѣла. Но вотъ ему попался колосъ пшеницы, растущей въ дикомъ состояніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жаркаго климата. Стебелекъ пшеницы невкусенъ, непитателенъ, но зернышки ея, измельченныя и обращенныя въ полужидкое состояніе зубами, даютъ пищу весьма годную. Полудикарь начинаетъ дѣлать опыты надъ пшеницею и другими зерновыми растеніями, попадающимися ему въ степи; онъ ихъ размягчаетъ при помощи молока, воды, варитъ и т. д. и каждый разъ убѣждается все болѣе и болѣе въ возможности ѣсть ихъ. Онъ радъ, потому что новая пища, употребляемая въ перемежку со старою, доставляетъ ему удовольствіе. И вотъ онъ выбралъ нѣкоторыя растенія, въ родѣ пшеницы, риса, и сталъ заботиться объ искусственномъ ихъ разведеніи. Онъ тщательно собралъ кучку сѣмянъ дикорастущихъ злаковъ и, остановившись на болѣе продолжительное время со своимъ стадомъ, отдѣлилъ кусочекъ поля, освободилъ его отъ дикорастущей травы и бросилъ зерна въ землю. Извѣстна быстрота, съ которою въ теплыхъ странахъ растительность поднимается вверхъ; потому труды его не пропали даромъ, и онъ успѣлъ вдоволь насытиться зернами, добытыми изъ прекрасно созрѣвшихъ колосьевъ, которые явились отъ его посѣва. Но не думайте, чтобы такой успѣхъ получился безъ труда. Напротивъ, трудовъ и хлопотъ со всѣмъ этимъ было весьма много. Не только нужно было освободить мѣсто отъ посторонней растительности, срѣзавъ траву и исцарапавъ острымъ орудіемъ почву,—нужно было еще охранять посѣвъ отъ скотины, которая, бродя кругомъ, заходила и на засѣянный участокъ, немилосердно топтала и поѣдала растеніе, разводимое человѣкомъ. Тутъ-то, можетъ быть, пришла послѣднему въ первый разъ мысль сдѣлать нѣчто въ родѣ забора вокругъ засѣяннаго участка.

Такимъ образомъ, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ различными видами хлѣбныхъ растеній, начинаетъ ихъ употреблять въ пищу. Вслѣдствіе этого онъ долженъ постараться, чтобы переходы съ мѣста на мѣсто не были столь часты, какъ прежде,

потому что надо дать время созрѣть посѣву. Прежде ничто его не удерживало на мѣстѣ, онъ былъ легокъ на подъемъ; теперь ему жаль бросить свой трудъ, ему не хочется лишиться тѣхъ зеренъ, на которыя онъ разсчитывалъ и которыя еще не созрѣли. Вотъ явилась приманка, и онъ начинаетъ останавливаться на одномъ мѣстѣ болѣе долго, чѣмъ прежде.

Лишь только, познакомившись съ хлѣбными растеніями, онъ получилъ возможность добывать себѣ пищу и помимо своего стада, онъ сталъ послѣднимъ дорожить гораздо меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда домашнія животныя составляли единственную пищу его, единственную надежду. Большое стадо непремѣнно требуетъ частыхъ переселеній, потому что оно довольно скоро уничтожаетъ всю траву въ окрестности; но человѣкъ теперь тяжелѣе на подъемъ, потому онъ тяготится большимъ стадомъ; онъ готовъ имѣть меньше домашнихъ животныхъ, лишь бы только не часто сдвигаться съ мѣста. Такимъ образомъ, исключительно скотоводный бытъ мало-помалу переходитъ въ *земледѣльческій*.

Останавливаясь болѣе продолжительное время на одномъ мѣстѣ, человѣкъ не прочь обзавестись и болѣе приличнымъ жилищемъ, въ которомъ онъ прежде мало нуждался. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ много заботиться о своемъ помѣщеніи, когда зналъ, что сегодня онъ здѣсь, а завтра на разстояніи какихъ нибудь тридцати, сорока верстъ? Ему не было ни времени, ни охоты строить себѣ мало-мальски затѣйливое жилище, такъ какъ съ перемѣною мѣста труды его пропадали даромъ. Но теперь дѣло другое, — теперь онъ поселяется на нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде ему было лѣнь вырыть себѣ пещеру, и онъ довольствовался своею палаткою изъ кожъ, которую могъ опрокинуть сильный вѣтеръ; теперь же онъ не только выроетъ себѣ пещеру, но обставитъ ее кольями, оплететъ колья вѣтками или прикроетъ шкурами, наноситъ въ свою землянку сѣна, чтобы спать было мягче,—однимъ словомъ, постарается себѣ доставить удобства настолько, сколько у него хватитъ силъ и ума. Тутъ уже заключается зародышъ *осѣдлой* жизни.

Сначала человѣкъ поселяется на нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ привыкаетъ къ новому быту и начинаетъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ. Осѣдлость представляется особенно заманчивою въ тѣхъ странахъ, гдѣ бываетъ холодное время года и въ которыя, какъ мы видѣли, человѣкъ, научившись пользоваться огнемъ, получилъ доступъ. Хотя, конечно, ведя бродячую жизнь, можно согрѣться въ случаѣ холода у костра, но все же пріятнѣе посидѣть это время въ закрытой избушкѣ. Да притомъ на костеръ вполнѣ полагаться нельзя, такъ какъ не всегда въ открытомъ полѣ легко достать дровъ, а возиться съ ними весьма стѣснительно, потому что дрова тяжелы, а сгораетъ ихъ много.

Не нужно думать, чтобы человѣкъ, возымѣвъ намѣреніе доставить себѣ постоянное жилище, долженъ былъ вполнѣ отказаться отъ стада; напротивъ, ничто ему не мѣшало обладать извѣстнымъ количествомъ головъ скота, который могъ пастись въ окрестностяхъ; но только, конечно, домашнихъ животныхъ не могло быть при такихъ условіяхъ очень много, такъ какъ въ этомъ случаѣ потребовались бы обширныя пространства для ихъ пропитанія, что̀ дѣлало бы невозможнымъ полюбившуюся человѣку осѣдлую жизнь.

Но въ какой же мѣстности долженъ былъ поселиться этотъ человѣкъ? Въ степи ли, въ лѣсу ли, или тамъ, гдѣ и то, и другое находится подъ руками? Не говоря уже о томъ, что чисто-степная мѣстность представляетъ собою довольно много неудобствъ для посѣва, поселяющійся человѣкъ не могъ избрать степи мѣстомъ своего постояннаго жительства уже потому, что ему нужно дерево: его онъ употребляетъ и на постройку, и на топливо. На постоянное жилище онъ долженъ былъ посмотрѣть серьезнѣе, чѣмъ на временное. И мы не пожалѣемъ труда для того, что̀ дѣлаемъ навсегда. Временное жилище было сколочено кое-какъ, на скорую руку; устраивать такъ постоянное — не разсчетъ. И вотъ вмѣсто тѣсной пещеры и непрочной палатки является просторная хижина, построенная изъ дерева. Она можетъ противостоять дѣйствію бури, давать убѣжище во всякое время. Она уютна и тепла,

потому что посрединѣ ея возвышается очагъ, сложенный изъ камней, на которомъ разводится огонь. Дымъ уходитъ въ отверстіе крыши, замѣняющее наши трубы. Изъ этого описанія домика древняго земледѣльца вы видите, что онъ не могъ строиться въ широкой степи. Поэтому-то и въ настоящее время необозримыя степныя пространства, въ родѣ, напримѣръ, степей каспійскихъ и средне-азіатскихъ, почти не имѣютъ селъ и городовъ, а жители ихъ—скотоводы-кочевники.

Желая сохранить за собою стадо и въ то же время заняться земледѣліемъ, люди не могли забираться въ лѣсъ, такъ какъ тамъ почва для хлѣбныхъ растеній не годится, а дикіе звѣри могутъ передавить всю скотину и еще, чего добраго, предпринять нападеніе на жилище.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что удобнѣе всего было поселиться тамъ, гдѣ поля, лѣса и луга идутъ въ перемежку. Въ такомъ случаѣ древній человѣкъ могъ съ успѣхомъ по близости сѣять хлѣбъ, доставать дрова и пасти скотъ. Иногда для разнообразія онъ бралъ свой лукъ и отправлялся съ вѣрною собакою въ глубину лѣса, чтобы позабавиться охотою за тѣми звѣрями, съ которыми дѣды его вели войну на жизнь и смерть, и доставить себѣ мягкій, пушистый и теплый мѣхъ волка или медвѣдя. Но какая разница между дѣдомъ и внукомъ! Первый боролся съ медвѣдемъ и волкомъ за свое существованіе; второй — для забавы и для пріобрѣтенія того, безъ чего онъ въ крайности могъ бы обойтись; первый почти исключительно разсчитывалъ въ борьбѣ на свою физическую силу; у второго — острый мечъ и сильно ударяющая металлическая стрѣла. Времена значительно измѣнились къ лучшему для человѣка...

Выбирая мѣсто для поселенія, люди не могли не обратить вниманія на воду и на тѣ удобства, которыя она представляетъ: вода необходима для питья и животному, и человѣку; она освѣжаетъ купающагося, своими испареніями умѣряетъ жары и доставляетъ рыбъ, питаться которыми, какъ мы знаемъ, человѣкъ началъ довольно рано. Живя на берегу рѣки, человѣкъ замѣтилъ, какъ дерево въ водѣ не тонетъ, какъ животныя и

онъ самъ плаваютъ. Отсюда уже одинъ только шагъ къ тому, чтобы сдѣлать себѣ нѣчто въ родѣ плота, лодки и пользоваться ими, въ случаѣ надобности, для переѣздовъ. Понятно поэтому, что первыя поселенія должны были возникнуть на берегахъ рѣкъ и озеръ, близъ рощъ или опушки лѣса, въ мѣстахъ плодородныхъ и удобныхъ какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства.

Человѣкъ посѣялъ хлѣбныя зерна, и природа вознаградила ему труды его: онъ не только можетъ прокормиться до будущаго сбора, но и дѣлаетъ запасъ на случай неурожая. Вотъ ему понадобилась кладовая, но при помощи дерева, которое растетъ невдалекѣ, надобность его удовлетворена. Когда отецъ занимается хлѣбопашествомъ, дѣти ходятъ за стадомъ. Но вотъ солнышко закатилось, настаетъ ночь, этотъ злой союзникъ воровъ и разбойниковъ. Гдѣ же дѣтямъ оставаться въ это время въ степи? Да еслибы они и остались, то едва ли имъ удастся справиться съ волкомъ или злымъ человѣкомъ, если тотъ или другой пожелаютъ, подъ прикрытіемъ ночи, осуществить свои злодѣйскіе замыслы. Не идти же отцу, потрудившемуся весь день на полѣ, сторожить ночью стадо. И вотъ послѣднее къ концу дня загоняется домой, потому что оно имѣетъ свой хлѣвъ или свой дворъ близъ дома хозяина. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ наступленіемъ зимы незачѣмъ выгонять его въ поле, а нужно заготовить кормъ дома въ видѣ сѣна и соломы. Въ то время, когда мужчины пасутъ стада и обрабатываютъ землю, женщины занимаются домашними работами. Съ теченіемъ времени люди научились прясть и ткать, и эти-то занятія, вмѣстѣ съ шитьемъ, являются главными въ средѣ женщинъ. Онѣ тоже не забываютъ приготовить кушанье своимъ мужьямъ и дѣтямъ, доятъ коровъ, ухаживаютъ за домашнею птицею и тѣми животными, которыхъ не угоняютъ въ поле.

Но не всѣ люди такъ счастливы, чтобы мочь выбрать вполнѣ удобныя мѣста для постройки постоянныхъ жилищъ. Иногда и жителямъ лѣсовъ приходила охота обзавестись домомъ, а тогда такое намѣреніе обыкновенно встрѣчало помѣху со сто-

роны хищныхъ животныхъ и другихъ людей—дикарей-охотниковъ, которые не оставили бы поселенцевъ въ покоѣ. Но человѣкъ и тутъ выпутался изъ бѣды: нельзя было строиться на сушѣ, такъ онъ строился на водѣ. Въ озерѣ, недалеко отъ берега, вбивались сваи, на которыхъ устраивался помостъ и потомъ уже строились хижины. Помостъ соединялся съ берегомъ посредствомъ моста, часть котораго, вѣроятно, состояла изъ подвижныхъ досокъ, убиравшихся на ночь для бо̀льшей безопасности. Въ рѣкахъ такихъ построекъ не дѣлали, такъ какъ сила теченія воды могла современемъ разрушить и унести то, что̀ стоило много трудовъ; въ озерѣ же, гдѣ теченія нѣтъ, сваи стояли гораздо прочнѣе. Остатковъ такихъ свайныхъ построекъ находятъ очень много за границею. О древности ихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что многія озера, въ ко-



торыхъ находятъ остатки такихъ жилищъ, успѣли уже обратиться въ трясину и болота. Геродотъ, жившій до насъ за 2,200 лѣтъ, видѣлъ такія постройки и обитавшихъ въ нихъ людей. Вотъ что̀ разсказываетъ онъ по этому поводу: „Ихъ дома построены слѣдующимъ образомъ: на высокихъ сваяхъ, стоящихъ въ озерѣ, сдѣланъ большой помостъ, который сообщается съ берегомъ только посредствомъ узенькихъ мостиковъ. У каждаго жителя своя хижина на помостѣ съ дырою

въ полу. Изъ боязни, чтобъ дѣти не провалились въ эту дыру, ихъ привязываютъ за ногу веревкой. Вмѣсто сѣна они даютъ лошадямъ и вьючному скоту сушеную рыбу, которой здѣсь такое множество, что если опустить черезъ дыру въ воду мѣшокъ, то онъ скоро наполняется рыбою". У насъ, въ Россіи, въ Орловской губерніи, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, есть озеро Бортынь, которое иногда выбрасываетъ полуизгнившія сваи и доски, скованныя мѣдными гвоздями; изъ этого видно, что и въ предѣлахъ нашего отечества въ незапамятную старину встрѣчались такія постройки, о какихъ говоритъ Геродотъ.

Вотъ какъ люди, много лѣтъ проскитавшись звѣроловами и кочевниками, пришли наконецъ къ осѣдлой жизни. Селились они семьями; но когда семья размножалась, то одной хижины было недостаточно, и вокругъ возникали новыя. Такимъ образомъ, явились цѣлыя *села*, обитаемыя членами одного рода. Родичи владѣли землею, лѣсомъ и всѣми угодьями сообща, подчиняясь одному родоначальнику или старшинѣ, который наблюдалъ за порядкомъ, смотрѣлъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, мирилъ ссорившихся и т. д. Вскорѣ положеніе людей въ значительной степени улучшилось: они стали богаче, получили больше удобствъ. Будучи привязаны къ своему дому, они не легко сдвигались съ мѣста и потому старались пріобрѣтать болѣе мирнымъ трудомъ, чѣмъ грабежемъ. Въ то время, когда охотничьи и кочевые роды, встрѣчаясь другъ съ другомъ, непремѣнно заводили драку, осѣдлые роды вступаютъ между собою и въ мирныя сношенія. Одинъ родъ, благодаря своему мѣстоположенію у большого озера, ловитъ много рыбы, но сильно нуждается въ пушистыхъ шкурахъ лѣсныхъ животныхъ, такъ какъ по близости лѣса нѣтъ; другой, наоборотъ, можетъ добыть шкуръ сколько угодно, но за то не имѣетъ рыбы. Вотъ и завязываются мирныя сношенія, происходитъ обмѣнъ мѣховъ на рыбу; обѣ стороны оказываютъ другъ другу пользу. Таково *начало торговли*.

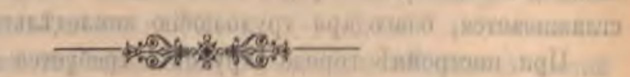
Но не только торговыя дѣла заставляютъ стараться людей жить въ мирѣ другъ съ другомъ: это нужно и въ виду общей

опасности. Мы уже видѣли, какъ ухищрялись лѣсные осѣдлые жители для доставленія себѣ безопасности отъ охотничьихъ племенъ. Такая же опасность грозила „полянамъ“, т.-е. жившимъ не въ лѣсахъ, отъ родовъ, ведшихъ кочевую жизнь, которые были не прочь пограбить съ цѣлью воспользоваться трудомъ земледѣльца. Притомъ иногда случалось, что тотъ или другой не хотѣлъ жить мирно въ селѣ, удалялся въ лѣса, собиралъ вокругъ себя ватагу такихъ же удальцовъ, какъ самъ, и пускался разбойничать и грабить сосѣднія поселенія. Противъ такихъ головорѣзовъ и противъ кочевниковъ нужно было всегда держать себя на-сторожѣ; неудивительно поэтому, что сосѣднія села или роды составляютъ между собою союзы. Особенно опасными врагами являлись кочевники, племена которыхъ бывали чрезвычайно многочисленны. Они, шляясь по степямъ, набѣгали и на случившіяся по пути поселенія. И вотъ осѣдлые земледѣльцы рѣшаютъ, что нужно имъ противодѣйствовать общими силами. Въ мѣстахъ, гдѣ болѣе часто появляются кочевники, они строятъ крѣпости, состоящія изъ рвовъ, окоповъ и деревянныхъ стѣнъ. Въ эти-то *огороженныя* мѣста, которыя потому и стали называться *городами*, во время общей опасности стекаются мирные жители сосѣднихъ странъ, вмѣстѣ со своими пожитками и стадами, и тамъ, за укрѣпленіями, отбиваются отъ враговъ, которымъ насколько легко захватить открытую деревню, настолько трудно вломиться въ окруженный рвомъ, валомъ и стѣною городъ. Правда, кочевники, напавъ на заселенную страну, нанесутъ ей громадный вредъ даже и тогда, когда города взять не удастся: они уничтожатъ растущій на полѣ хлѣбъ, сожгутъ постройки, однако не успѣютъ ни захватить стадъ, ни перебить людей. Но земля на слѣдующій годъ воротитъ убытки, причиненные набѣгомъ, а лѣсовъ въ тѣ времена была бездна, значитъ построиться можно, а потому и вредъ, нанесенный кочевниками, скоро сглаживается, благодаря трудолюбію земледѣльцевъ.

При постройкѣ города трудовъ требуется гораздо болѣе, чѣмъ при постройкѣ деревни; деревней пользуется одинъ родъ,

городомъ—всѣ сосѣдніе: значитъ, и постройка города дѣло общее, и всѣ тѣ, которые хотятъ пользоваться убѣжищемъ во время войны, должны принимать участіе и въ постройкѣ города. Тутъ надобенъ опять союзъ родовъ. Такимъ образомъ обстоятельства сами собою складываются такъ, что ведутъ къ постоянному союзу между отдѣльными селами. Они соединяются другъ съ другомъ для торговли, для общей защиты, а иногда, заслышавъ о приближеніи степняковъ, сами собираются на нихъ войною, идутъ въ степи, чтобы прогнать разбойниковъ и такимъ образомъ предохранить свои поля и дома отъ разоренія. Каждымъ селомъ въ отдѣльности управлялъ старшина или родоначальникъ; но коли возникало дѣло, одинаковымъ образомъ касавшееся всего околотка, то собиралось такъ называемое *вѣче*, т.-е. собраніе жителей союзныхъ селъ, которое и разсуждало объ этихъ общихъ дѣлахъ. Мѣстомъ такихъ сходокъ обыкновенно бывалъ городъ. Вѣче собиралось или въ постоянные сроки, напр. разъ въ годъ, разъ въ мѣсяцъ, или не соблюдая срока, напр. въ виду угрожающей опасности. Такъ какъ на вѣче собирались жители различныхъ селъ, то приходилъ туда и тотъ, кто нуждался въ рыбѣ, и тотъ, кто въ мѣхахъ, и тотъ, кто въ скотѣ, и тотъ, кто въ хлѣбѣ, и т. д. Поэтому во время вѣчевыхъ собраній удобнѣе всего было вести торговыя дѣла, т.-е. обмѣнить предметы излишніе на недостающіе. Такимъ образомъ, періодическія вѣча являлись въ то же время и ярмарками; а такъ какъ вѣча собирались въ городахъ, то здѣсь главнымъ образомъ начала развиваться и *торговля*.

Такъ-то жили народы въ незапамятную старину; такъ-то они съ вѣками переходили отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому, отъ пастушескаго къ осѣдлому, земледѣльческому. Предки русскаго народа, славяне, жили уже такою осѣдлою жизнью болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до насъ.



О ЖИЗНИ СЛАВЯНЪ

ЗА ТЫСЯЧУ ЛѢТЪ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Всѣ народы, населяющіе въ настоящее время Европу, въ глубокой незапамятной древности пришли изъ Азіи, отдѣлились отъ той вѣтви, которая, живя на горахъ Гинду-Ку, носила названіе арійской. Хотя славяне, наши предки, пришли гораздо позже другихъ народовъ Европы, тѣмъ не менѣе ихъ путешествіе случилось такъ давно, что и память о немъ утратилась. Сначала славянское племя поселилось на рѣкѣ Дунаѣ, а оттуда стало расходиться въ разныя стороны, между прочимъ явилось и въ той мѣстности, которая теперь называется Россіей. Эти отдаленные предки наши не называли себя русскими, какъ мы, а славянами, то-есть людьми, обладающими даромъ слова. Не понимая языка своихъ сосѣдей, гораздо раньше переселившихся въ Европу, наши предки сначала не хотѣли признать за ними способности говорить, полагая, что только тѣ, которые говорятъ понятнымъ для нихъ языкомъ, являются людьми, говорящими какъ слѣдуетъ. Поэтому-то ближайшіе сосѣди славянъ — германцы — получили названіе нѣмцевъ, то-есть нѣмыхъ, не умѣющихъ говорить.

Мѣстность Россіи за десять—двѣнадцать вѣковъ до насъ далеко не имѣла того вида, который она имѣетъ теперь. По-

Сначала человѣкъ поселяется на нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ привыкаетъ къ новому быту и начинаетъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ. Осѣдлость представляется особенно заманчивою въ тѣхъ странахъ, гдѣ бываетъ холодное время года и въ которыя, какъ мы видѣли, человѣкъ, научившись пользоваться огнемъ, получилъ доступъ. Хотя, конечно, ведя бродячую жизнь, можно согрѣться въ случаѣ холода у костра, но все же пріятнѣе посидѣть это время въ закрытой избушкѣ. Да притомъ на костеръ вполнѣ полагаться нельзя, такъ какъ не всегда въ открытомъ полѣ легко достать дровъ, а возиться съ ними весьма стѣснительно, потому что дрова тяжелы, а сгораетъ ихъ много.

Не нужно думать, чтобы человѣкъ, возымѣвъ намѣреніе доставить себѣ постоянное жилище, долженъ былъ вполнѣ отказаться отъ стада; напротивъ, ничто ему не мѣшало обладать извѣстнымъ количествомъ головъ скота, который могъ пастись въ окрестностяхъ; но только, конечно, домашнихъ животныхъ не могло быть при такихъ условіяхъ очень много, такъ какъ въ этомъ случаѣ потребовались бы обширныя пространства для ихъ пропитанія, чтò дѣлало бы невозможнымъ полюбившуюся человѣку осѣдлую жизнь.

Но въ какой же мѣстности долженъ былъ поселиться этотъ человѣкъ? Въ степи ли, въ лѣсу ли, или тамъ, гдѣ и то, и другое находится подъ руками? Не говоря уже о томъ, что чисто-степная мѣстность представляетъ собою довольно много неудобствъ для посѣва, поселяющійся человѣкъ не могъ избрать степи мѣстомъ своего постояннаго жительства уже потому, что ему нужно дерево: его онъ употребляетъ и на постройку, и на топливо. На постоянное жилище онъ долженъ былъ посмотрѣть серьезнѣе, чѣмъ на временное. И мы не пожалѣемъ труда для того, чтò дѣлаемъ навсегда. Временное жилище было сколочено кое-какъ, на скорую руку; устраивать такъ постоянное — не разсчетъ. И вотъ вмѣсто тѣсной пещеры и непрочной палатки является просторная хижина, построенная изъ дерева. Она можетъ противостоять дѣйствію бури, давать убѣжище во всякое время. Она уютна и тепла,

потому что посрединѣ ея возвышается очагъ, сложенный изъ камней, на которомъ разводится огонь. Дымъ уходитъ въ отверстіе крыши, замѣняющее наши трубы. Изъ этого описанія домика древняго земледѣльца вы видите, что онъ не могъ строиться въ широкой степи. Поэтому-то и въ настоящее время необозримыя степныя пространства, въ родѣ, напримѣръ, степей каспійскихъ и средне-азіатскихъ, почти не имѣютъ селъ и городовъ, а жители ихъ—скотоводы-кочевники.

Желая сохранить за собою стадо и въ то же время заняться земледѣліемъ, люди не могли забираться въ лѣсъ, такъ какъ тамъ почва для хлѣбныхъ растеній не годится, а дикіе звѣри могутъ передавить всю скотину и еще, чего добраго, предпринять нападеніе на жилище.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что удобнѣе всего было поселиться тамъ, гдѣ поля, лѣса и луга идутъ въ перемежку. Въ такомъ случаѣ древній человѣкъ могъ съ успѣхомъ по близости сѣять хлѣбъ, доставать дрова и пасти скотъ. Иногда для разнообразія онъ бралъ свой лукъ и отправлялся съ вѣрною собакою въ глубину лѣса, чтобы позабавиться охотою за тѣми звѣрями, съ которыми дѣды его вели войну на жизнь и смерть, и доставить себѣ мягкій, пушистый и теплый мѣхъ волка или медвѣдя. Но какая разница между дѣдомъ и внукомъ! Первый боролся съ медвѣдемъ и волкомъ за свое существованіе; второй — для забавы и для пріобрѣтенія того, безъ чего онъ въ крайности могъ бы обойтись; первый почти исключительно разсчитывалъ въ борьбѣ на свою физическую силу; у второго — острый мечъ и сильно ударяющая металлическая стрѣла. Времена значительно измѣнились къ лучшему для человѣка...

Выбирая мѣсто для поселенія, люди не могли не обратить вниманія на воду и на тѣ удобства, которыя она представляетъ: вода необходима для питья и животному, и человѣку; она освѣжаетъ купающагося, своими испареніями умѣряетъ жары и доставляетъ рыбъ, питаться которыми, какъ мы знаемъ, человѣкъ началъ довольно рано. Живя на берегу рѣки, человѣкъ замѣтилъ, какъ дерево въ водѣ не тонетъ, какъ животныя и

онъ самъ плаваютъ. Отсюда уже одинъ только шагъ къ тому, чтобы сдѣлать себѣ нѣчто въ родѣ плота, лодки и пользоваться ими, въ случаѣ надобности, для переѣздовъ. Понятно поэтому, что первыя поселенія должны были возникнуть на берегахъ рѣкъ и озеръ, близъ рощъ или опушки лѣса, въ мѣстахъ плодородныхъ и удобныхъ какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства.

Человѣкъ посѣялъ хлѣбныя зерна, и природа вознаградила ему труды его: онъ не только можетъ прокормиться до будущаго сбора, но и дѣлаетъ запасъ на случай неурожая. Вотъ ему понадобилась кладовая, но при помощи дерева, которое растетъ невдалекѣ, надобность его удовлетворена. Когда отецъ занимается хлѣбопашествомъ, дѣти ходятъ за стадомъ. Но вотъ солнышко закатилось, настаетъ ночь, этотъ злой союзникъ воровъ и разбойниковъ. Гдѣ же дѣтямъ оставаться въ это время въ степи? Да еслибы они и остались, то едва ли имъ удастся справиться съ волкомъ или злымъ человѣкомъ, если тотъ или другой пожелаютъ, подъ прикрытіемъ ночи, осуществить свои злодѣйскіе замыслы. Не идти же отцу, потрудившемуся весь день на полѣ, сторожить ночью стадо. И вотъ послѣднее къ концу дня загоняется домой, потому что оно имѣетъ свой хлѣвъ или свой дворъ близъ дома хозяина. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ наступленіемъ зимы незачѣмъ выгонять его въ поле, а нужно заготовить кормъ дома въ видѣ сѣна и соломы. Въ то время, когда мужчины пасутъ стада и обрабатываютъ землю, женщины занимаются домашними работами. Съ теченіемъ времени люди научились прясть и ткать, и эти-то занятія, вмѣстѣ съ шитьемъ, являются главными въ средѣ женщинъ. Онѣ тоже не забываютъ приготовить кушанье своимъ мужьямъ и дѣтямъ, доятъ коровъ, ухаживаютъ за домашнею птицею и тѣми животными, которыхъ не угоняютъ въ поле.

Но не всѣ люди такъ счастливы, чтобы мочь выбрать вполнѣ удобныя мѣста для постройки постоянныхъ жилищъ. Иногда и жителямъ лѣсовъ приходила охота обзавестись домомъ, а тогда такое намѣреніе обыкновенно встрѣчало помѣху со сто-

роны хищныхъ животныхъ и другихъ людей—дикарей-охотниковъ, которые не оставили бы поселенцевъ въ покоѣ. Но человѣкъ и тутъ выпутался изъ бѣды: нельзя было строиться на сушѣ, такъ онъ строился на водѣ. Въ озерѣ, недалеко отъ берега, вбивались сваи, на которыхъ устраивался помостъ и потомъ уже строились хижины. Помостъ соединялся съ берегомъ посредствомъ моста, часть котораго, вѣроятно, состояла изъ подвижныхъ досокъ, убиравшихся на ночь для бо̀льшей безопасности. Въ рѣкахъ такихъ построекъ не дѣлали, такъ какъ сила теченія воды могла современемъ разрушить и унести то, что̀ стоило много трудовъ; въ озерѣ же, гдѣ теченія нѣтъ, сваи стояли гораздо прочнѣе. Остатковъ такихъ свайныхъ построекъ находятъ очень много за границею. О древности ихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что многія озера, въ ко-



торыхъ находятъ остатки такихъ жилищъ, успѣли уже обратиться въ трясину и болота. Геродотъ, жившій до насъ за 2,200 лѣтъ, видѣлъ такія постройки и обитавшихъ въ нихъ людей. Вотъ что̀ разсказываетъ онъ по этому поводу: „Ихъ дома построены слѣдующимъ образомъ: на высокихъ сваяхъ, стоящихъ въ озерѣ, сдѣланъ большой помостъ, который сообщается съ берегомъ только посредствомъ узенькихъ мостиковъ. У каждаго жителя своя хижина на помостѣ съ дырою

въ полу. Изъ боязни, чтобъ дѣти не провалились въ эту дыру, ихъ привязываютъ за ногу веревкой. Вмѣсто сѣна они даютъ лошадямъ и вьючному скоту сушеную рыбу, которой здѣсь такое множество, что если опустить черезъ дыру въ воду мѣшокъ, то онъ скоро наполняется рыбою". У насъ, въ Россіи, въ Орловской губерніи, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, есть озеро Бортынь, которое иногда выбрасываетъ полуизгнившія сваи и доски, скованныя мѣдными гвоздями; изъ этого видно, что и въ предѣлахъ нашего отечества въ незапамятную старину встрѣчались такія постройки, о какихъ говоритъ Геродотъ.

Вотъ какъ люди, много лѣтъ проскитавшись звѣроловами и кочевниками, пришли наконецъ къ осѣдлой жизни. Селились они семьями; но когда семья размножалась, то одной хижины было недостаточно, и вокругъ возникали новыя. Такимъ образомъ, явились цѣлыя *села*, обитаемыя членами одного рода. Родичи владѣли землею, лѣсомъ и всѣми угодьями сообща, подчиняясь одному родоначальнику или старшинѣ, который наблюдалъ за порядкомъ, смотрѣлъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, мирилъ ссорившихся и т. д. Вскорѣ положеніе людей въ значительной степени улучшилось: они стали богаче, получили больше удобствъ. Будучи привязаны къ своему дому, они не легко сдвигались съ мѣста и потому старались пріобрѣтать болѣе мирнымъ трудомъ, чѣмъ грабежемъ. Въ то время, когда охотничьи и кочевые роды, встрѣчаясь другъ съ другомъ, непремѣнно заводили драку, осѣдлые роды вступаютъ между собою и въ мирныя сношенія. Одинъ родъ, благодаря своему мѣстоположенію у большого озера, ловитъ много рыбы, но сильно нуждается въ пушистыхъ шкурахъ лѣсныхъ животныхъ, такъ какъ по близости лѣса нѣтъ; другой, наоборотъ, можетъ добыть шкуръ сколько угодно, но за то не имѣетъ рыбы. Вотъ и завязываются мирныя сношенія, происходитъ обмѣнъ мѣховъ на рыбу; обѣ стороны оказываютъ другъ другу пользу. Таково *начало торговли*.

Но не только торговыя дѣла заставляютъ стараться людей жить въ мирѣ другъ съ другомъ: это нужно и въ виду общей

опасности. Мы уже видѣли, какъ ухищрялись лѣсные осѣдлые жители для доставленія себѣ безопасности отъ охотничьихъ племенъ. Такая же опасность грозила „полянамъ", т.-е. жившимъ не въ лѣсахъ, отъ родовъ, ведшихъ кочевую жизнь, которые были не прочь пограбить съ цѣлью воспользоваться трудомъ земледѣльца. Притомъ иногда случалось, что тотъ или другой не хотѣлъ жить мирно въ селѣ, удалялся въ лѣса, собиралъ вокругъ себя ватагу такихъ же удальцовъ, какъ самъ, и пускался разбойничать и грабить сосѣднія поселенія. Противъ такихъ головорѣзовъ и противъ кочевниковъ нужно было всегда держать себя на-сторожѣ; неудивительно поэтому, что сосѣднія села или роды составляютъ между собою союзы. Особенно опасными врагами являлись кочевники, племена которыхъ бывали чрезвычайно многочисленны. Они, шляясь по степямъ, набѣгали и на случившіяся по пути поселенія. И вотъ осѣдлые земледѣльцы рѣшаютъ, что нужно имъ противодѣйствовать общими силами. Въ мѣстахъ, гдѣ болѣе часто появляются кочевники, они строятъ крѣпости, состоящія изъ рвовъ, окоповъ и деревянныхъ стѣнъ. Въ эти-то *огороженныя* мѣста, которыя потому и стали называться *городами*, во время общей опасности стекаются мирные жители сосѣднихъ странъ, вмѣстѣ со своими пожитками и стадами, и тамъ, за укрѣпленіями, отбиваются отъ враговъ, которымъ насколько легко захватить открытую деревню, настолько трудно вломиться въ окруженный рвомъ, валомъ и стѣною городъ. Правда, кочевники, напавъ на заселенную страну, нанесутъ ей громадный вредъ даже и тогда, когда города взять не удастся: они уничтожатъ растущій на полѣ хлѣбъ, сожгутъ постройки, однако не успѣютъ ни захватить стадъ, ни перебить людей. Но земля на слѣдующій годъ воротитъ убытки, причиненные набѣгомъ, а лѣсовъ въ тѣ времена была бездна, значитъ построиться можно, а потому и вредъ, нанесенный кочевниками, скоро сглаживается, благодаря трудолюбію земледѣльцевъ.

При постройкѣ города трудовъ требуется гораздо болѣе, чѣмъ при постройкѣ деревни; деревней пользуется одинъ родъ,

городомъ — всѣ сосѣдніе: значитъ, и постройка города дѣло общее, и всѣ тѣ, которые хотятъ пользоваться убѣжищемъ во время войны, должны принимать участіе и въ постройкѣ города. Тутъ надобенъ опять союзъ родовъ. Такимъ образомъ обстоятельства сами собою складываются такъ, что ведутъ къ постоянному союзу между отдѣльными селами. Они соединяются другъ съ другомъ для торговли, для общей защиты, а иногда, заслышавъ о приближеніи степняковъ, сами собираются на нихъ войною, идутъ въ степи, чтобы прогнать разбойниковъ и такимъ образомъ предохранить свои поля и дома отъ разоренія. Каждымъ селомъ въ отдѣльности управлялъ старшина или родоначальникъ; но коли возникало дѣло, одинаковымъ образомъ касавшееся всего околотка, то собиралось такъ называемое *вѣче*, т.-е. собраніе жителей союзныхъ селъ, которое и разсуждало объ этихъ общихъ дѣлахъ. Мѣстомъ такихъ сходокъ обыкновенно бывалъ городъ. Вѣче собиралось или въ постоянные сроки, напр. разъ въ годъ, разъ въ мѣсяцъ, или не соблюдая срока, напр. въ виду угрожающей опасности. Такъ какъ на вѣче собирались жители различныхъ селъ, то приходилъ туда и тотъ, кто нуждался въ рыбѣ, и тотъ, кто въ мѣхахъ, и тотъ, кто въ скотѣ, и тотъ, кто въ хлѣбѣ, и т. д. Поэтому во время вѣчевыхъ собраній удобнѣе всего было вести торговыя дѣла, т.-е. обмѣнить предметы излишніе на недостающіе. Такимъ образомъ, періодическія вѣча являлись въ то же время и ярмарками; а такъ какъ вѣча собирались въ городахъ, то здѣсь главнымъ образомъ начала развиваться и *торговля*.

Такъ-то жили народы въ незапамятную старину; такъ-то они съ вѣками переходили отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому, отъ пастушескаго къ осѣдлому, земледѣльческому. Предки русскаго народа, славяне, жили уже такою осѣдлою жизнью болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до насъ.



О ЖИЗНИ СЛАВЯНЪ

ЗА ТЫСЯЧУ ЛѢТЪ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Всѣ народы, населяющіе въ настоящее время Европу, въ глубокой незапамятной древности пришли изъ Азіи, отдѣлились отъ той вѣтви, которая, живя на горахъ Гинду-Ку, носила названіе арійской. Хотя славяне, наши предки, пришли гораздо позже другихъ народовъ Европы, тѣмъ не менѣе ихъ путешествіе случилось такъ давно, что и память о немъ утратилась. Сначала славянское племя поселилось на рѣкѣ Дунаѣ, а оттуда стало расходиться въ разныя стороны, между прочимъ явилось и въ той мѣстности, которая теперь называется Россіей. Эти отдаленные предки наши не называли себя русскими, какъ мы, а славянами, то-есть людьми, обладающими даромъ слова. Не понимая языка своихъ сосѣдей, гораздо раньше переселившихся въ Европу, наши предки сначала не хотѣли признать за ними способности говорить, полагая, что только тѣ, которые говорятъ понятнымъ для нихъ языкомъ, являются людьми, говорящими какъ слѣдуетъ. Поэтому-то ближайшіе сосѣди славянъ — германцы — получили названіе нѣмцевъ, то-есть нѣмыхъ, не умѣющихъ говорить.

Мѣстность Россіи за десять—двѣнадцать вѣковъ до насъ далеко не имѣла того вида, который она имѣетъ теперь. По-

росшія травою степи простирались въ тѣ времена тамъ, гдѣ нынѣ земледѣльцы разводятъ хлѣбныя растенія; непроходимыя болота покрывали сплошныя массы нашего отечества, а дремучимъ лѣсамъ и конца не было. Мудрено было тогда путешествовать по этой почти безлюдной мѣстности, по этимъ болотамъ, по этимъ лѣсамъ, въ которыхъ только раздавался ревъ медвѣдей, волковъ да шелестъ листьевъ и вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ. На обширныхъ степяхъ можно было только изрѣдка встрѣтить кочующее племя какого-нибудь неизвѣстнаго народа, въ лѣсахъ; еще рѣже — грязнаго, малорослаго звѣролова-чухонца, который забрелъ въ этотъ край во время гораздо болѣе отдаленное. Если и была какая-нибудь возможность проникнуть въ эту отчасти степную, отчасти лѣсистую, отчасти болотистую пустыню, то только благодаря тѣмъ многочисленнымъ рѣкамъ, которыя въ разныхъ направленіяхъ протекаютъ по ней. Ѣдучи по водѣ, не встрѣчаешь на пути непреодолимыхъ преградъ, въ родѣ лѣсовъ и болотъ; въ челнокѣ не подвергаешься опасности быть растерзаннымъ какимъ-либо дикимъ звѣремъ, имѣешь больше возможности ускользнуть отъ преслѣдованія попавшихся на-встрѣчу кочевниковъ, которые всегда охотно ограбятъ и убьютъ непринадлежащаго къ ихъ племени человѣка. Поэтому не удивительно, что и славяне, разселяясь по этой мѣстности, старались придерживаться рѣкъ и въ нихъ видѣли какъ будто природные пути. Берега рѣки Днѣпра и рѣки Волхова показались нашимъ предкамъ болѣе удобными и доступными, а потому заселились раньше другихъ мѣстностей. Тѣ изъ славянъ, которые сѣли на Волховѣ, вытекающемъ изъ озера Ильменя, прозвались славянами ильменскими, а поселившіеся по среднему теченію Днѣпра, отъ мѣстности, богатой плодородными полями, назвались полянами. Кромѣ того, край лѣсистый, но богатый всякимъ звѣремъ, располагающійся по обѣ стороны рѣки Припети, праваго притока Днѣпра, получилъ тоже славянское населеніе, извѣстное подъ именемъ древлянъ. Сѣли славяне на новыхъ мѣстахъ и стали заниматься тѣми промыслами, [illegible] мѣстность.

Ильменскіе славяне не имѣли удобныхъ полей, а потому и земледѣліе у нихъ было весьма незначительно. Они охотились за звѣрями, а главнымъ образомъ, ловили рыбу, которой и до настоящаго времени очень много въ озерахъ и рѣкахъ того края. Эти предметы они вымѣнивали у сосѣдей славянъ и инородцевъ на хлѣбъ и другіе необходимые продукты и, такимъ образомъ, съ давнихъ поръ привыкли къ жизни торговой, привыкли къ плаванію по рѣкамъ и даже неоднократно отваживались пускаться на Балтійское море, которое находится очень близко отъ ихъ земли. Древляне жили въ мѣстности лѣсистой, а потому охота была ихъ главнымъ занятіемъ. Постоянныхъ поселеній и городовъ у нихъ было немного; они шлялись по лѣсамъ, привыкли къ бродячей жизни, а потому не отличались ни богатствомъ, ни мягкимъ нравомъ. Жили они подобно дикимъ животнымъ; въ случаѣ неудачной охоты питались падалью; обращались съ сосѣдями и даже со своими очень жестоко. Не таковы были поляне. Усѣвшись въ мѣстности, весьма удобной для земледѣлія, они стали жить осѣдлою жизнью, строили поэтому болѣе опрятныя и прочныя жилища, были нрава болѣе человѣколюбиваго, не такъ часто нападали на сосѣдей, предпочитая добывать себѣ необходимое трудомъ, а не войною. Они жили на берегахъ большой рѣки, уходящей въ Черное море, по которому плавали торговыя суда разныхъ другихъ народовъ, а потому торговля у нихъ, какъ со своими единоплеменниками, ильменцами и древлянами, которыхъ они надѣляли рожью, пшеницею, просомъ и т. д., такъ и съ иноземцами, напримѣръ, греками, развилась очень рано.

Что древляне, постоянно гоняющіеся за звѣремъ, были ловки, сильны и воинственны,—объ этомъ и говорить нечего. Но и поляне, и ильменскіе славяне не должны были забывать военнаго искусства, такъ какъ враговъ, угрожавшихъ ихъ независимости, было очень много со всѣхъ сторонъ. На востокъ отъ Днѣпра разстилается привольная, необозримая, какъ океанъ, степь, по которой кочевали разные полудикіе народы. За тысячу лѣтъ до насъ и раньше тамъ встрѣчались кочевники-хозары, кото-

рые не давали покоя осѣдлымъ славянамъ, раззоряли ихъ села, уводили народъ въ плѣнъ и потомъ продавали его въ рабство, налагали дань, которую собирали подчасъ съ страшною жестокостью. Какъ кочевники, они не имѣли того, что̀ даетъ осѣдлый земледѣльческій трудъ, а потому брали дань хлѣбомъ и медомъ; живя въ степи и нуждаясь въ шкурахъ пушныхъ звѣрей, они всѣми средствами старались побѣдить и потомъ обложить данью тѣ изъ славянскихъ племенъ, которыя, живя въ мѣстности болѣе или менѣе лѣсистой, имѣли возможность добывать охотою шкуры бѣлокъ, медвѣдей и волковъ. Не разъ приходилось полянамъ вести борьбу съ хозарами не на животъ, а на смерть; не разъ приходилось, покорившись имъ, платить дань мѣхами, хлѣбомъ и медомъ. Говорятъ, что однажды хозары напали на полянъ и потребовали дани. Поляне подумали и, чтобы избѣжать кровопролитія съ могучими врагами, дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Хозары принесли мечи своимъ начальникамъ и сказали: „Вотъ мы нашли новую дань!“ „А откуда вы ее взяли?“—спросили хозарскіе начальники. „Да тамъ въ лѣсу на горѣ, близъ Днѣпра“, былъ отвѣтъ. „Охъ, сказали начальники, нехороша дань! Мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ остры; будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ“. Это предсказаніе сбылось, потому что тамъ, гдѣ прежде жило хозарское племя, нынѣ есть много большихъ городовъ русскихъ, какъ, напримѣръ, Воронежъ, Саратовъ, Царицынъ и т. д.; но, пока дошло до такого положенія, много молодцовъ пролило кровь свою, много матерей горькими слезами оплакивало преждевременную смерть своихъ сыновъ, много дѣтей осиротѣло и женъ сдѣлалось вдовами...

У ильменскихъ славянъ былъ столь же, если не болѣе, опасный врагъ—варяги, т.-е. жители нынѣшней Швеціи и Норвегіи. Они были гораздо образованнѣе славянъ, имѣли въ изобиліи желѣзное оружіе, отличались неукротимою храбростью, а потому и бѣда отъ нихъ была ве[illegible] Такъ какъ ихъ родина бѣдна и неплодородна, то о[illegible] ялись

изъ нея. Одни шли наниматься въ солдаты къ царямъ греческимъ; другіе разъѣзжали съ товарами, третьи пускались по морю или по сухому пути въ разные концы Европы, ища себѣ добычи и распространяя вездѣ смерть и опустошеніе. Такъ какъ они очень часто ходили въ греческую землю, а морской путь туда вокругъ всей Европы былъ очень далекъ, то потому они умудрились пробираться чрезъ страну, занятую славянами. Они спускались на легкихъ лодкахъ по Балтійскому морю, входили въ Финскій заливъ, оттуда въ Неву, оттуда въ Ладожское озеро, потомъ по Волхову спускались въ Ильмень, потомъ въ рѣку Ловать. Тамъ, гдѣ рѣки прерывались, они перетаскивали свои легкія суда и, такимъ образомъ, переходили въ Западную Двину, потомъ въ притоки Днѣпра и по этой рѣкѣ плыли до самыхъ пороговъ. Здѣсь опять по берегу перетаскивали суда, такъ какъ гряды скалъ мѣшали плаванію, и потомъ уже безпрепятственно шли дальше Днѣпромъ, выплывали въ Черное море, на южномъ берегу котораго находится городъ Константинополь, теперь столица Турціи, а прежде столица Греческой имперіи, куда варяги обыкновенно ходили или на службу, или же для торговли. Понятно поэтому, что, проходя чрезъ земли, населенныя славянскими племенами, они не прочь были брать съ нихъ дань шкурами, хлѣбомъ и медомъ, такъ какъ эти сырыя произведенія можно было всегда въ Константинополѣ вымѣнять на вещи, выдѣланныя на фабрикахъ и заводахъ, напримѣръ, на желѣзное вооруженіе, шелковыя одежды, золотыя украшенія и прочее.

Кромѣ хозаръ и варяговъ, были еще и другіе народы, которые дѣлали много вреда славянамъ. Въ Азіи до настоящаго времени живетъ много кочевниковъ, которые въ былыя времена дѣлали частые набѣги на жителей восточной Европы. Между этими азіатскими наѣздниками кровавую память оставили послѣ себя авары или обры. Они были ростомъ велики, силою мощны, а нравомъ свирѣпы. Они не только брали дань на славянахъ, но и притѣсняли ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Малѣйшее непослушаніе наказывалось лютою смертною казнью; об-

ринъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, запрягалъ въ свою телѣгу женщинъ славянскихъ и заставлялъ ихъ такимъ образомъ исполнять работы скота. Впрочемъ, владычество ихъ было непродолжительно: покоренные народы возстали противъ такихъ притѣснителей, отчасти перебили обровъ, отчасти прогнали ихъ обратно въ Азію, такъ что только долго потомъ славяне, желая выразить чью-нибудь окончательную гибель, говорили: „погибли какъ обры".

Окруженные почти со всѣхъ сторонъ врагами, славяне съ раннихъ поръ должны были привыкнуть къ войнѣ и, дѣйствительно заслужили себѣ славу храбрыхъ воиновъ. Главное оружіе ихъ состояло изъ большихъ деревянныхъ щитовъ, которыми они прикрывались отъ ударовъ, наносимыхъ непріятелемъ, и изъ короткихъ и длинныхъ копій. Послѣдними они кололи, а первыми кидали въ непріятеля. Концы копій намазывались ядомъ и причиняли вѣрную смерть тому, кто получалъ отъ нихъ хотя незначительную рану. Мечи и вообще желѣзное оружіе встрѣчалось у славянъ гораздо рѣже. При своей малой образованности, они не умѣли ни отыскивать желѣзо въ землѣ, ни обрабатывать его; если же у нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ славянъ были панцыри (желѣзные и мѣдные кафтаны) и шлемы (желѣзныя и мѣдныя шапки), то эти вещи вымѣнивались обыкновенно у грековъ или доставались какъ добыча во время нашествія на болѣе образованныхъ сосѣдей. Плащъ, рубашка и штаны покрывали обыкновенно тѣло славянина; на ноги онъ надѣвалъ нѣчто въ родѣ кожаныхъ башмаковъ или лыковыхъ лаптей, прикрѣплявшихся ремнями; на голову—остроконечную высокую шапку. Иногда, для большей свободы, славяне выходили на битву безъ плаща и рубашки; иногда же, для того, чтобы придать себѣ свирѣпый видъ, на шапку прикрѣпляли медвѣжьи и волчьи головы. Въ открытомъ полѣ славяне становились плотно другъ близъ друга, держа въ одной рукѣ выставленныя впередъ свои длинныя пики, а въ другой—щиты, которыми прикрывались. Такое войско было похоже на движущуюся стѣну. Но славяне в[illegible]ра[illegible]і ров-

ныхъ мѣстахъ: они предпочитали заманить врага въ мѣста лѣсистыя и болотистыя и тамъ, зная прекрасно всѣ выходы и тропинки, окружали его со всѣхъ сторонъ. Различнаго рода хитрости пускали въ ходъ наши предки, чтобы обмануть врага, котораго нельзя побѣдить силою. Такъ, они умѣли очень искусно прятаться въ луговой травѣ, и когда непріятель, не подозрѣвая опасности, спокойно проходилъ мимо, — они тогда сразу показывались изъ своего убѣжища, нападали и этимъ производили замѣшательство въ непріятельскомъ войскѣ. Нѣкоторыя славянскія племена отличались удивительнымъ умѣніемъ плавать и нырять. Если враги неожиданно нападали на нихъ, они, чтобы спрятаться, погружались въ воду, ложились на спину на днѣ и, держа во рту длинныя выдающіяся изъ воды камышевыя трубки, посредствомъ которыхъ они дышали, проводили такъ нѣсколько часовъ. Если и случится, что непріятель увидитъ торчащіе камыши, то, не зная этой хитрости, принимаетъ за обыкновенные камыши, которые растутъ въ рѣкахъ и озерахъ. Если же онъ догадывался, въ чемъ дѣло, то прокалывалъ рты славянъ или вытаскивалъ камыши изъ воды, заставляя, такимъ образомъ, спрятавшихся людей выходить на поверхность, такъ какъ имъ болѣе дышать не было возможности.

Отличаясь ловкостью, храбростью и силою, славяне безпощадно мучили и убивали людей того народа, съ которымъ вели войну. Напавъ на христіанъ, они не щадили ни церквей, ни монастырей, забирали себѣ всѣ драгоцѣнности, а то, чего взять не могли, жгли или уничтожали какимъ-нибудь другимъ образомъ. Вождей побѣжденнаго войска обыкновенно распинали на крестахъ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія. Въ 549 г. они совершили нападеніе на греческую землю и страшно опустошили значительную часть ея, несмотря на то, что были только въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Они взяли въ плѣнъ греческаго вождя Абзада, сожгли его на кострѣ, вторглись въ городъ Топеръ, избили въ немъ до 150,000 безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей продали въ рабство,

ринъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, запрягалъ въ свою телѣгу женщинъ славянскихъ и заставлялъ ихъ такимъ образомъ исполнять работы скота. Впрочемъ, владычество ихъ было непродолжительно: покоренные народы возстали противъ такихъ притѣснителей, отчасти перебили обровъ, отчасти прогнали ихъ обратно въ Азію, такъ что только долго потомъ славяне, желая выразить чью-нибудь окончательную гибель, говорили: „погибли какъ обры“.

Окруженные почти со всѣхъ сторонъ врагами, славяне съ раннихъ поръ должны были привыкнуть къ войнѣ и, дѣйствительно заслужили себѣ славу храбрыхъ воиновъ. Главное оружіе ихъ состояло изъ большихъ деревянныхъ щитовъ, которыми они прикрывались отъ ударовъ, наносимыхъ непріятелемъ, и изъ короткихъ и длинныхъ копій. Послѣдними они кололи, а первыми кидали въ непріятеля. Концы копій намазывались ядомъ и причиняли вѣрную смерть тому, кто получалъ отъ нихъ хотя незначительную рану. Мечи и вообще желѣзное оружіе встрѣчалось у славянъ гораздо рѣже. При своей малой образованности, они не умѣли ни отыскивать желѣзо въ землѣ, ни обрабатывать его; если же у нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ славянъ были панцыри (желѣзные и мѣдные кафтаны) и шлемы (желѣзныя и мѣдныя шапки), то эти вещи вымѣнивались обыкновенно у грековъ или доставались какъ добыча во время нашествія на болѣе образованныхъ сосѣдей. Плащъ, рубашка и штаны покрывали обыкновенно тѣло славянина; на ноги онъ надѣвалъ нѣчто въ родѣ кожаныхъ башмаковъ или лыковыхъ лаптей, прикрѣплявшихся ремнями; на голову—остроконечную высокую шапку. Иногда, для большей свободы, славяне выходили на битву безъ плаща и рубашки; иногда же, для того, чтобы придать себѣ свирѣпый видъ, на шапку прикрѣпляли медвѣжьи и волчьи головы. Въ открытомъ полѣ славяне становились плотно другъ близъ друга, держа въ одной рукѣ выставленныя впередъ свои длинныя пики, а въ другой— щиты, которыми прикрывались. Такое войско было похоже на движущуюся стѣну. Но славяне не любили сражаться на ров-

ныхъ мѣстахъ: они предпочитали заманить врага въ мѣста лѣсистыя и болотистыя и тамъ, зная прекрасно всѣ выходы и тропинки, окружали его со всѣхъ сторонъ. Различнаго рода хитрости пускали въ ходъ наши предки, чтобы обмануть врага, котораго нельзя побѣдить силою. Такъ, они умѣли очень искусно прятаться въ луговой травѣ, и когда непріятель, не подозрѣвая опасности, спокойно проходилъ мимо, — они тогда сразу показывались изъ своего убѣжища, нападали и этимъ производили замѣшательство въ непріятельскомъ войскѣ. Нѣкоторыя славянскія племена отличались удивительнымъ умѣніемъ плавать и нырять. Если враги неожиданно нападали на нихъ, они, чтобы спрятаться, погружались въ воду, ложились на спину на днѣ и, держа во рту длинныя выдающіяся изъ воды камышевыя трубки, посредствомъ которыхъ они дышали, проводили такъ нѣсколько часовъ. Если и случится, что непріятель увидитъ торчащіе камыши, то, не зная этой хитрости, принимаетъ за обыкновенные камыши, которые растутъ въ рѣкахъ и озерахъ. Если же онъ догадывался, въ чемъ дѣло, то прокалывалъ рты славянъ или вытаскивалъ камыши изъ воды, заставляя, такимъ образомъ, спрятавшихся людей выходить на поверхность, такъ какъ имъ болѣе дышать не было возможности.

Отличаясь ловкостью, храбростью и силою, славяне безпощадно мучили и убивали людей того народа, съ которымъ вели войну. Напавъ на христіанъ, они не щадили ни церквей, ни монастырей, забирали себѣ всѣ драгоцѣнности, а то, чего взять не могли, жгли или уничтожали какимъ-нибудь другимъ образомъ. Вождей побѣжденнаго войска обыкновенно распинали на крестахъ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія. Въ 549 г. они совершили нападеніе на греческую землю и страшно опустошили значительную часть ея, несмотря на то, что были только въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Они взяли въ плѣнъ греческаго вождя Абзада, сожгли его на кострѣ, вторглись въ городъ Топеръ, избили въ немъ до 150,000 безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей продали въ рабство,

драгоцѣнности разграбили, а все остальное добро, а отчасти и людей, заперли въ сараяхъ и сожгли. Они всегда готовы были драться и потому за плату шли на помощь другимъ народамъ, иногда даже противъ своихъ единоплеменниковъ. Отличаясь жестокостью въ войнѣ, они сами всегда сражались до послѣдней капли крови. Трусость почиталась однимъ изъ гнуснѣйшихъ пороковъ и строго наказывалась. „Ляжемъ костьми, потому-что мертвымъ не будетъ стыдно, а бѣглецовъ всѣ презираютъ“, говорили они въ опасности. По свидѣтельству многихъ писателей того времени, славяне были бы самымъ сильнымъ и непобѣдимымъ народомъ, еслибы жили въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ; но, къ несчастью, этого-то и не было.

Жили славяне родовымъ бытомъ, т.-е. всѣ считавшіе себя родственниками, дальними или близкими, составляли независимый родъ. Поляне, древляне и ильменцы раздѣлялись на множество такихъ родовъ, сидѣвшихъ особнякомъ. Обстановка ихъ была не богата. Убѣжищами имъ служили дрянныя хижины, состоявшія изъ кольевъ, оплетенныхъ хворостомъ. Мебель ихъ состояла изъ простыхъ скамеекъ и столовъ; постель—изъ сѣна, соломы и звѣриныхъ шкуръ. Каждый родъ владѣлъ землею сообща и повиновался родоначальнику, старшему во всемъ родѣ. Иногда нѣсколько родовъ соединялись вмѣстѣ и строили общими силами городъ, т.-е. огораживали, укрѣпляли извѣстное пространство, гдѣ и находили убѣжище во время нашествія непріятеля. Лишь только приходила вѣсть о приближеніи послѣдняго, сельскіе жители прятали хлѣбъ и разное другое добро въ ямы, а сами, вмѣстѣ со скотомъ, уходили въ городъ, или, если по близости города не было, въ глубину дремучаго лѣса, куда можно было надѣяться, что врагъ не заглянетъ за незнаніемъ дороги и за боязнью наткнуться въ лѣсу на опасную засаду. Если хижины и сожигались врагомъ, то бѣда была невелика, такъ какъ постройка жалкихъ лачугъ не представляла большихъ трудностей. Только въ г[illegible] рѣшал[illegible] роить болѣе прочные дома изъ балокъ, т[illegible] же



Славяне, скрывающіеся отъ враговъ въ водѣ. (Стр. 40).

удается справиться съ укрѣпленною мѣстностью, чѣмъ съ открытою. Въ городахъ, гдѣ встрѣчались люди, принадлежащіе разнымъ родамъ, дѣла рѣшались общимъ совѣтомъ или вѣчемъ, на которые собирались или одни старшины, или всѣ родичи. Иногда вѣча бывали очень бурныя, когда одна сторона хотѣла одного, а другая — другого; дѣло подчасъ доходило до драки, и та партія, которая побѣждала своихъ противниковъ, постановляла рѣшеніе. Городовъ по краямъ славянской земли было больше, чѣмъ по срединѣ, такъ какъ чаще всего подвергались нападеніямъ жители пограничныхъ мѣстностей. На юговосточной сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ путь въ хозарскія степи, издревле былъ построенъ на гористомъ берегу Днѣпра городъ Кіевъ; на сѣверѣ, какъ разъ на водной дорогѣ отъ Балтійскаго моря къ Черному, стоялъ Новгородъ, а на Западной Двинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ русская земля подходитъ къ Литвѣ, народу тоже враждебному, находился Полоцкъ.

Мы уже знаемъ, что съ сѣверныхъ славянъ брали дань варяги. Славяне терпѣли, терпѣли, да и не вытерпѣли: они подняли возстаніе, соединились родъ съ родомъ и прогнали варяговъ за море. Но, прогнавъ тѣхъ, которые ихъ притѣсняли, они перессорились другъ съ другомъ: возсталъ родъ на родъ, не было правды межъ ними, была только кровавая война. Нѣкоторые съ сожалѣніемъ вспоминали про то время, когда владѣли варяги: хоть тогда славянамъ приходилось платить дань, хоть и не были они независимы, но все же былъ по крайней мѣрѣ миръ. И вотъ одинъ изъ новгородскихъ старѣйшинъ Гостомыслъ, согласившись съ нѣкоторыми другими изъ старѣйшинъ, снарядилъ посольство за море, къ варяжскому племени, называемому Русью. Послы пришли къ тремъ братьямъ, начальникамъ этого племени, Рюрику, Синеусу и Трувору, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“. Братья подумали и согласились. Въ 862 году, болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до нашего времени, они пріѣхали къ славянамъ и стали у нихъ

княжить. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали и многочисленные варяжскіе воины, получавшіе жалованье отъ нихъ и носившіе названіе дружины. Нѣкоторые изъ ильменскихъ славянъ попробовали-было не слушаться Рюрика (Синеусъ и Труворъ скоро послѣ пріѣзда скончались), но ихъ принудили къ этому силою, и Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ. Отъ этого пришлаго варяжскаго племени и отечество наше стало называться Русью и долго извѣстно было подъ этимъ именемъ, перешедшимъ потомъ въ слово „Россія".

Умирая, Рюрикъ оставилъ сына Игоря; но такъ какъ послѣдній былъ малолѣтенъ, то на княжескій престолъ вступилъ его родственникъ Олегъ. Олегъ захотѣлъ покорить себѣ полянъ и съ этою цѣлью пошелъ воднымъ путемъ къ Кіеву, гдѣ княжили тоже два варяга, братья Аскольдъ и Диръ. Подплывая къ Кіеву, Олегъ оставилъ часть дружины назади, а съ другою частью подъѣхалъ къ городу, но и то велѣлъ спрятаться своимъ воинамъ въ лодкѣ, чтобы кіевляне, увидѣвъ многихъ вооруженныхъ, не вздумали догадаться, въ чемъ тутъ дѣло, и приготовиться къ защитѣ. Олегъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что онъ купецъ, ѣдущій изъ варяжской земли въ греческую, и что ему непремѣнно нужно повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли на берегъ, но тутъ же были схвачены воинами Олега, напавшими на нихъ изъ лодокъ. „Вы не князья и не княжескаго рода, я же князь, а вотъ сынъ Рюрика", сказалъ Олегъ и показалъ молодого Игоря. Потомъ кіевскихъ государей убили, похоронили на холмѣ, и донынѣ извѣстномъ подъ именемъ Аскольдовой могилы, а Олегъ вошелъ въ городъ, который, потерявъ князей своихъ, самъ не зналъ что̀ дѣлать и безпрекословно повиновался хитрому Олегу, который заявилъ, что Кіевъ отселѣ будетъ столицею Русскаго княжества и матерью городовъ русскихъ. Потомъ Олегъ пустился на лодкахъ по Припети, разбилъ древлянскихъ воиновъ и взялъ съ нихъ дань. Столь же удаченъ былъ и походъ Олега на грековъ, отъ которыхъ русскій князь получилъ много и подарками, и захватомъ, а потомъ воротился въ Кіевъ. Дружина

его была богата, потому что князь, оканчивавшій всѣ войны удачно, щедро жаловалъ ее деньгами, шелковыми платьями, желѣзнымъ оружіемъ, сладкимъ виномъ и добрыми лошадьми.

Послѣ смерти Олега кіевскимъ княземъ сдѣлался Игорь, сынъ Рюрика, тотъ самый, который былъ свидѣтелемъ смерти Аскольда и Дира. Мы уже видѣли, что Олегъ совершилъ весьма удачный походъ въ Константинополь и привезъ съ собою оттуда много всякаго добра, часть котораго онъ взялъ себѣ, а другую раздѣлилъ между дружинниками. Эти дружинники были люди вольные, служили кому хотѣли, а потому если замѣчали, что имъ невыгодно быть на службѣ у одного князя, то переходили къ другому. Если же ни одинъ изъ своихъ князей не хотѣлъ взять дружинника въ полкъ, то дружинникъ шелъ въ чужія земли, напримѣръ, въ Константинополь, и тамъ поступалъ на службу. Конечно, чѣмъ больше была дружина у князя, чѣмъ вѣрнѣе она служила ему, тѣмъ и князь самъ былъ знатнѣе и богаче. Князья поэтому дорожили своею дружиною, обходились съ нею ласково, совѣтовались съ нею и заботились о томъ, чтобы дружинники были богаты. Но такъ какъ богатство въ тѣ времена пріобрѣталось преимущественно войною и данью, то поэтому князья безпрестанно воевали и, такимъ образомъ, доставали тѣ драгоцѣнности, которыя были необходимы и для нихъ, и для дружинниковъ. Молодой Игорь пожелалъ тоже прославиться богатырскими подвигами, какъ его предшественникъ; онъ пожелалъ тоже обогатить и себя, и свою дружину, а потому рѣшился идти войною на грековъ.

На легкихъ ладьяхъ двинулся онъ по Днѣпру и Черному морю къ берегамъ греческой земли. Уже грабежъ начался, уже нѣсколько городовъ Русь обратила въ развалины, уже перебито было много не только воиновъ, но и мирныхъ жителей Греціи, какъ вдругъ распространилась вѣсть, что сильный флотъ идетъ противъ Игоря. Русь изготовилась къ защитѣ, и бой завязался. Но на этотъ разъ не суждено было русскимъ выйти побѣдителями: у грековъ было огнестрѣльное оружіе, такъ называемый греческій огонь, котораго не знали

русскіе. Греки изъ мѣдныхъ и жестяныхъ трубъ на далекое разстояніе метали искры, которыя, на подобіе грома, поражали людей и зажигали лодки. Испуганные этимъ чудеснымъ огнемъ, дружинники Игоря, чтобы спастись отъ страшныхъ ранъ и обжоговъ, бросались въ море и въ его волнахъ находили смерть. Пораженные на морѣ, русскіе вышли на берегъ, но и тутъ ихъ настигло многочисленное войско и довершило свою побѣду. Игорь съ немногими дружинниками воротился въ Россію; большинство же русскихъ воиновъ осталось на днѣ Черпаго моря или въ могилахъ на греческой землѣ, на которой имъ на этотъ разъ не посчастливилось.

Каково же было горе Игоря, когда онъ воротился въ Кіевъ! Дружина его сильно поуменьшилась; денегъ и богатствъ было мало, такъ какъ походъ окончился полною неудачею. И вотъ Игорь кликнулъ кличъ по всей землѣ, призывая охотниковъ къ себѣ на службу. Храбрые норманы стали толпами стекаться къ нему; приходили также и славянскіе витязи. Дружина Игоря была опять въ полномъ составѣ и опять пошла на грековъ. Страшно испугались греческіе сановники, узнавъ, что на Черномъ морѣ снова появились русскія суда, которымъ и счету не было. Они собрались на совѣтъ и рѣшились послать пословъ къ Игорю съ просьбою не разорять ихъ отечества, а взять дань и мирно воротиться домой. Выслушавъ пословъ, Игорь созвалъ свою дружину и сталъ съ ней совѣтоваться, продолжать ли войну, или, взявъ съ грековъ деньги и драгоцѣнности, воротиться безъ боя. Подумавъ о дѣлѣ, которое нужно было рѣшить, дружинники сказали: „Если царь предлагаетъ намъ дань, то воевать не слѣдуетъ: что можетъ быть лучше, какъ получить золото, серебро и паволоки (шелковыя матеріи) безъ труда и опасностей? Знай мы навѣрно, что одолѣемъ, тогда бы мы стали и воевать; но вѣдь съ моремъ и бурями уговориться нельзя, а по морю труднѣе ходить, чѣмъ по землѣ, потому что оно можетъ взбунтоваться и всѣхъ потопить“. Игорь послушался совѣта дружины и, взявъ золото, серебро и поволоки, пошелъ обратно въ Кіевъ.

Но дань, уплаченная греками, вѣроятно была не очень значительна, потому что скоро дружинники стали говорить своему князю: „другіе воины богаты: они имѣютъ и хорошее оружіе, и богатыя одежды, у насъ же ничего нѣтъ; пойдемъ, князь, къ сосѣдямъ за данью, и ты разбогатѣешь, и мы“.

Игорь по требованію дружины пошелъ на древлянъ, заставилъ ихъ заплатить дань и, такимъ образомъ, успокоилъ роптавшихъ дружинниковъ. Но желаніе набрать какъ можно больше не повело къ добру. Игорь отослалъ въ Кіевъ бо̀льшую часть дружины, а самъ съ немногими сталъ опять ходить по землѣ древлянской и брать дань съ жителей. Онъ оставилъ при себѣ мало дружины потому, что хотѣлъ, главнымъ образомъ, обогатиться самъ, а съ большою дружиною, требовавшею за свой трудъ вознагражденія, приходилось получать меньше, такъ какъ добытое нужно было дѣлить между бо̀льшимъ количествомъ лицъ. Но на этотъ разъ Игорь ходилъ не долго: древляне вышли изъ терпѣнія, собрались на вѣче и, порѣшивъ, что „коли волкъ повадился ходить въ овчарню, то не перестанетъ таскать овецъ, пока его не убьютъ“, напали на него съ оружіемъ. Малочисленная дружина не успѣла защитить своего князя, который былъ убитъ возмутившимися и схороненъ близъ города Искоростеня.

Справившись съ Игоремъ, древляне стали думать, какъ обезопасить себя отъ мести со стороны дружины кіевскаго князя и его родни. Думали они и порѣшили попытаться склонить Ольгу, вдову Игоря, къ замужеству за ихъ князя Мала и съ этою цѣлью послали пословъ въ Кіевъ. Послы на лодкахъ двинулись по Припети, потомъ перешли въ Днѣпръ и пристали у гористыхъ береговъ Кіева.

— Мы къ тебѣ пришли, княгиня,—сказали послы Ольгѣ.

— Скажите, чего ради вы пришли?—спросила кіевская княгиня.

— Насъ прислали жители земли древлянской. Они велѣли сказать тебѣ, что мужа твоего убили, такъ какъ онъ грабилъ и разорялъ насъ, будто волкъ; ты же, княгиня, выйди за на-

шего князя Мала. Князья наши добры суть, они заботятся о своей землѣ.

— Люба мнѣ ваша рѣчь,—отвѣтила княгиня:—вѣдь мужа моего воскресить нельзя. Но прежде нужно возвеличить васъ передъ моими людьми. Идите же въ ладьи ваши, расположитесь въ нихъ съ важностью и объявите, когда я пришлю за вами, чтобы васъ несли въ городъ въ лодкахъ на рукахъ.

Сказано—сдѣлано, послы возвратились на берегъ, расположились въ лодкахъ, а Ольга тѣмъ временемъ велѣла выкопать большую яму, и когда послѣдняя была готова, послала сказать древлянамъ: „Ольга зоветъ васъ на честь великую“.

— Не ѣдемъ на коняхъ, ни на возахъ, не идемъ пѣшкомъ: несите насъ въ лодкѣ,—отвѣтили гордо древляне, помня наказъ Ольги.

Кіявляне сказали: „Что же? Мы люди невольные; вы убили нашего князя, княгиня наша выходитъ за вашего“, и понесли древлянъ въ лодкѣ. Но не честь великая ожидала пословъ, а смерть мучительная; не на пиръ роскошный попали древляне, а въ яму глубокую, куда ихъ велѣла сбросить вмѣстѣ съ лодкою Ольга.

— Довольны ли вы честью?—спросила мстительная Ольга, нагнувшись надъ ямою.

— Охъ! хуже намъ Игоревой смерти,—отвѣтили древляне.

Послѣ этого Ольга велѣла закидать ихъ живыхъ землею, что̀ и было исполнено.

Но этимъ не кончается месть Ольги: она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока цѣлыя тысячи древлянъ не заплатятъ ей своею жизнью за убіеніе ея мужа, и потому продолжала дѣло мести. Запретивъ кіевлянамъ разсказывать обо всемъ случившемся, Ольга снаряжаетъ посольство къ древлянамъ и велитъ сказать имъ: „Если хотите взять меня за вашего князя, то пришлите посольство по-блистательнѣе, по-знаменитѣе, а то кіевляне не пустятъ меня“. Древляне, думая, что ихъ первое посольство осталось въ Кіевѣ и проводитъ время въ пиршествахъ и увеселеніяхъ, не подозрѣвали хитрости и снарядили

къ Ольгѣ людей, принадлежавшихъ къ самымъ знатнымъ и богатымъ семействамъ. Новымъ посламъ Ольга велѣла помыться въ банѣ; но лишь только послы вошли въ баню, какъ послѣдняя была подожжена по повелѣнію Ольги, и лучшіе древлянскіе воины погибли въ пламени.

Предавъ мучительной смерти два посольства, Ольга, тщательно скрывая свой поступокъ, опять послала сказать древлянамъ: „Я уже иду къ вамъ; свезите много меду и другого питья на могилу моего мужа, потому что прежде свадьбы я хочу совершить тризну, т.-е. поминки по немъ“.

Древляне исполнили желаніе Ольги и въ числѣ 5,000 человѣкъ ждали ея пришествія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ схороненъ Игорь. Ольга пришла со своею дружиною, но древлянъ, бывшихъ послами въ Кіевѣ, не было съ нею. „Гдѣ же наши?“ спросили ее. „Они идутъ за мною, отстали“, былъ отвѣтъ. Ольга поплакала на могилѣ мужа, а потомъ сѣла пировать съ древлянами, велѣвъ своимъ дружинникамъ имъ прислуживать и постараться напоить ихъ пьяными. Повелѣніе Ольги было исполнено, и когда древляне, охмелѣвъ, какъ полусонные, не понимали, что̀ дѣлается вокругъ, Ольга подала знакъ, дружина ея бросилась съ оружіемъ на пирующихъ и перебила ихъ. Такимъ образомъ, совершивъ кровавую тризну на могилѣ своего мужа, княгиня воротилась въ Кіевъ и стала уже готовиться къ военному походу на древлянъ. Все предвѣщало благопріятный для Ольги исходъ войны: около пяти тысячъ древлянскихъ воиновъ погибло на тризнѣ, лучшіе и храбрѣйшіе мужи древлянскіе нашли смерть въ ямѣ и въ банѣ, а потому можно было напередъ сказать, что Ольга выйдетъ побѣдительницею изъ борьбы съ ослабленными противниками.

Разбитые въ открытомъ полѣ, древляне затворились въ Искоростенѣ и рѣшились до послѣдней крайности защищаться, зная, что Ольга, въ случаѣ побѣды, не пощадитъ ихъ. Ольга съ дружиною подступила къ городу и стала осаждать его. Несмотря, однако, на храбрость своей дружины и многочислен-

ность, кіевская княгиня не могла взять города, защищаемаго поздно взявшимися за умъ древлянами; наконецъ, она послала осажденнымъ сказать слѣдующія слова: „зачѣмъ упорствуете? Уже всѣ города ваши въ моихъ рукахъ, платятъ мнѣ дань и пользуются миромъ; вы же хотите отъ голода умереть въ осадѣ, что ли?“ — „Мы бы рады платить дань,—отвѣчали осажденные,—но вѣдь ты ею не удовольствуешься, а начнешь опять мстить за мужа“.

— Нѣтъ,—сказала Ольга:—я уже отомстила два раза въ Кіевѣ, а потомъ на тризнѣ; смиритесь, дайте дань, и я уйду прочь отъ васъ.

— Какую дань хочешь брать?—спросили древляне:—дадимъ тебѣ меду и мѣховъ.

— Теперь вы бѣдны и измучены осадою, — отвѣтила Ольга,—а потому я требую дани невеликой, не такъ, какъ мой покойный мужъ. Дайте мнѣ отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья.

Дома нашихъ предковъ въ тѣ времена были деревянные, покрытые соломою, досками или камышомъ, а потому воробьи на нихъ свивали себѣ многочисленныя гнѣзда; что же касается голубей, то предки наши очень любили эту птицу, и почти на каждомъ дворѣ была голубятня. Такимъ образомъ, требованіе Ольги показалось искоростенцамъ очень нетруднымъ, и они радовались близкому заключенію мира, купленнаго столь дешевою данью. Воробьи и голуби были доставлены въ лагерь Ольги, которая сказала осажденнымъ: „Идите въ городъ и ждите; завтра я отступлю отъ Искоростеня и пойду обратно въ Кіевъ“.

Но радость несчастныхъ древлянъ была непродолжительна: оказалось, что снисходительность кіевской княгини была притворная и пущена въ ходъ только затѣмъ, чтобъ нанести имъ окончательный, страшнѣйшій ударъ, который долженъ былъ довершить собою цѣлый рядъ жестокостей, предпринятыхъ съ цѣлью отомстить за мужа. Ольга роздала своимъ дружинникамъ по воробью или голубю, велѣла привязать къ хвостамъ



Ольга и сынъ ея, Святославъ, смотрящіе на пылающій Искоростень. (Стр. 43).

этихъ птицъ, связки соломы, сухія щепки и тряпки, пропитанныя сѣрою, и, зажегши все это, пустить ихъ на свободу. Испуганные голуби полетѣли на свои голубятни, а воробьи—на крыши тѣхъ домовъ, гдѣ были ихъ гнѣзда, и, такимъ образомъ, весь городъ въ одно мгновеніе загорѣлся. Тушить пожаръ не было никакой возможности, такъ какъ огонь показался на крышѣ каждаго дома, каждаго сарая. Всѣ пожитки искоростенцевъ сгорѣли, погибло тоже и много людей, а тѣ изъ нихъ, которые бѣгствомъ изъ города спасались отъ пламени, попадали въ руки ольгиной дружины и погибали подъ ударами стрѣлъ, мечей, топоровъ и копій. На эту страшную картину кровопролитія и пожара смотрѣла Ольга съ высокаго холма. При ней находился молодой сынъ ея Святославъ, который уже съ дѣтскаго возраста сопровождалъ мать свою въ походахъ, былъ свидѣтелемъ многихъ безчеловѣчныхъ жестокостей, а потому самъ сталъ лютъ и воинственъ и, выросши, сдѣлался весьма опаснымъ для всѣхъ враговъ своихъ.

Вотъ какъ мстили въ тѣ времена люди, не знавшіе заповѣди Спасителя, который велѣлъ прощать обиды, нанесенныя врагами. Въ наше время такого рода поступки, какъ поступки Ольги, считались бы позорными, недостойными образованнаго человѣка и христіанина. Но тогда было не то: тогда физическая сила и воинственность цѣнились выше всего, а тотъ, кто правдою или неправдою побѣждалъ враговъ своихъ, считался героемъ. Къ этому еще присоединялось и вѣрованіе, что духъ усопшаго только тогда въ будущей жизни можетъ наслаждаться блаженствомъ, когда враги его, оставшіеся въ живыхъ, найдутъ смерть подъ ударами его родственниковъ и друзей. Поэтому древній славянинъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ месть: братъ мстилъ за брата, жена за мужа, сынъ за отца, отецъ за сына, мужъ за жену. Въ эти отдаленныя времена такихъ судовъ, какъ теперь, не было,—обыкновенно судилъ князь; но такъ какъ онъ долго бывалъ въ походахъ, рѣдко заѣзжалъ въ области, живя постоянно въ столицѣ, то понятно, что поссорившимся трудно было ждать его рѣшенія, и они

самоуправно справлялись другъ съ другомъ. Правда, были княжескіе воеводы и тіуны, которымъ князья велѣли творить судъ въ свое отсутствіе, но эти воеводы и тіуны не пользовались расположеніемъ народа, который всегда роპталъ на то, что они берутъ взятки и рѣшаютъ дѣла не по справедливости. Поэтому месть была въ ходу не только между князьями, но и между людьми обыкновенными.

Но не только обычай мести подвигалъ жену на различныя кровавыя дѣла надъ врагами мужа, любовь къ послѣднему тоже заставляла ее ненавидѣть тѣхъ, которые наносили ему вредъ. Вообще древнія славянскія жены отличались удивительною преданностью мужьямъ своимъ. Бывали часто случаи, что онѣ отказывались отъ жизни, когда лишались мужей, и добровольно шли за ними на костеръ. Одинъ иностранный писатель, жившій за тысячу лѣтъ до насъ и путешествовавшій въ тѣ времена по землямъ, составляющимъ нынѣ наше отечество, разсказываетъ слѣдующее: „Послѣ смерти одного славянина, вдова его, окруженная родственниками, была подведена къ колодцу; наклонясь надъ нимъ, она долго рыдала, била себя въ грудь и говорила: „Вижу отца и мать, вижу всѣхъ умершихъ своихъ родственниковъ. А вотъ господинъ — мужъ мой!.. Онъ сидитъ въ раю прекрасномъ, зеленомъ, съ нимъ сидятъ мужи и юноши, онъ зоветъ меня“... Съ этими словами она бросилась въ колодезь, а люди, бывшіе при этомъ, не пытались даже воспрепятствовать самоубійству и засыпали колодезь землею“.

На могилѣ Игоря Ольга совершила поминки или тризну. Этотъ обычай былъ не только въ ходу у князей или знатныхъ, но и у обыкновенныхъ людей. Еще и до настоящаго времени онъ сохранился во многихъ мѣстахъ Россіи и хотя потерялъ свой религіозный смыслъ, но переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ наслѣдіе отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстные дни народъ нашъ сходится на кладбища, творитъ молитву за упокой усопшихъ, а потомъ, на могилахъ же располагается поѣсть и попить, иногда оставляя тамъ до другого дня различную пищу и питье. Молитвы,

которыя читаются народомъ, собравшимся на кладбищѣ, представляютъ собою, конечно, соблюденіе христіанскаго закона, но ѣда и питье суть нечто иное, какъ остатокъ древней языческой старины.

Когда умиралъ славянинъ, то его обыкновенно клали на лугу, и всѣ родственники, друзья и знакомые собирались на похороны. Богатые люди нанимали плакальщицъ, обязанностью которыхъ было лить слезы и завывать, исчисляя всѣ доблести покойника. Родственники садились вокругъ послѣдняго и пировали, предполагая, такимъ образомъ, что и умершій принимаетъ участіе въ ихъ пиршествѣ. Затѣмъ слѣдовали различнаго рода игры, главнымъ образомъ, такія, которымъ покойникъ любилъ предаваться при жизни; а такъ какъ торжественныя похороны обыкновенно справлялись военачальникамъ и вообще людямъ храбрымъ и сильнымъ (эти качества въ человѣкѣ въ то время имѣли преимущественное значеніе), то и похоронныя игры носили на себѣ военный характеръ. Гости раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи, вооруженныя палками, и иногда вступали въ рукопашный бой. Бывали случаи, что такія игры кончались увѣчьями и даже смертью нѣсколькихъ борцовъ. Предполагалось, что душа покойника, взирая на битву, радуется своему любимому зрѣлищу. Иногда послѣ смерти особенно знаменитыхъ людей родные и друзья наносили себѣ удары ножомъ, царапали себѣ лицо и грудь, говоря, что покойника нужно оплакивать кровью, а не слезами. Послѣ этого устраивали костеръ или „кладу", на который возлагали трупъ и сожигали, поручая огню доставить любимаго человѣка въ новую, загробную жизнь. Такъ какъ они, непросвѣщенные истинами христіанской вѣры, полагали, что будущая жизнь похожа на настоящую, то старались снабдить покойника всѣмъ необходимымъ: клали на костеръ оружіе, одежду и т. д., умерщвляли тутъ же коня и рабовъ, обрекая, такимъ образомъ, послѣднихъ на служеніе своему господину и въ жизни будущей. Иногда, какъ было сказано выше, жены изъявляли желаніе слѣдовать за мужьями и умирали добровольно, что̀ счита-

лось весьма почетнымъ для покойника, а женщина, рѣшившаяся послѣдовать за своимъ мужемъ въ могилу, была тоже предметомъ большого уваженія и примѣромъ для другихъ.

По понятіямъ нѣкоторыхъ язычниковъ, преимущественно литовцевъ, племени сосѣдняго и родственнаго славянамъ, покойники послѣ смерти отправлялись въ рай, находившійся на горѣ. Гора эта была чрезвычайно крута, скалиста и покрыта скользкимъ льдомъ, а потому взбираться на нее было не легко. Только праведники успѣвали въ этомъ; тѣ же, для которыхъ рай былъ закрытъ, падали со склоновъ этой горы въ бездонныя пропасти. И вотъ, чтобы помочь покойнику взобраться на вершину, суевѣрный народъ бросалъ на костеръ когти медвѣдей, кошекъ и другихъ звѣрей, предполагая, что покойникъ будетъ ими цѣпляться и, такимъ образомъ, удержится отъ паденія и вскарабкается на вершину. Прахъ покойника собирали обыкновенно въ сосуды, которые или зарывались въ землю, или ставились на столбахъ тамъ, гдѣ сходится нѣсколько дорогъ. Вотъ почему у нѣкоторыхъ суевѣрныхъ людей перекрестки и по настоящее время считаются мѣстомъ недобрымъ. Кромѣ того, въ домахъ сохранялись маленькіе сосуды, въ родѣ кувшинчиковъ, носившіе названіе „слезницъ“; въ нихъ собирали слезы, излитыя по поводу смерти драгоцѣнныхъ друзей и родственниковъ.

Но не всѣ племена сожигали своихъ покойниковъ; нѣкоторыя и хоронили ихъ въ землѣ, насыпая надъ ними такъ называемыя могилы, которыя зачастую встрѣчаются въ южной и средней Россіи и о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ.

Различными обрядами праздновались похороны, различными обрядами праздновались и свадьбы. Наши языческіе предки добывали себѣ женъ двумя способами: съ согласія и посредствомъ умыканія. Послѣдній способъ особенно былъ употребителенъ у сельскихъ жителей, живущихъ отдѣльными, часто другъ съ другомъ ссорившимися родами. Если молодой человѣкъ выбиралъ себѣ невѣсту изъ своего села, изъ своего рода,

то, конечно, дѣло улаживалось соглашеніемъ какъ между молодыми, такъ и между родителями. Но если доброму молодцу приглянулась красная дѣвица изъ другого рода, то дѣло подчасъ обходилось не безъ драки. Вообще родители неохотно выдавали дочерей за мужчинъ другого рода. Между тѣмъ, у славянъ были различныя игры и празднества, напр., зимній праздникъ коляды, лѣтній—красной горки, на которыя сходились отдѣльные роды вмѣстѣ. Праздники эти состояли въ пѣніи, пляскѣ, играхъ и т. д., и тутъ-то дѣвицы знакомились съ юношами и подчасъ сговаривались бѣжать съ ними. Конечно, родъ бѣжавшей станетъ искать ее, станетъ преслѣдовать ея мужа, а отъ этого уже недалеко и до войны, такъ какъ славяне нравомъ были пылки и легко брались за оружіе. Для предотвращенія такихъ междоусобныхъ войнъ, которыя, вѣроятно, сначала случались весьма часто, вошелъ въ употребленіе обычай давать родственникамъ вознагражденіе за дѣвицу и, такимъ образомъ, мириться съ ними. Теперь, конечно, у нашего простого народа похищеніе и уводъ невѣстъ вышелъ изъ употребленія; но тѣмъ не менѣе въ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаются остатки этого древняго обычая. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на крестьянскихъ свадьбахъ соблюдается слѣдующее: братъ или родственникъ невѣсты садится около послѣдней, а женихъ или его дружко (другъ) подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты здѣсь сидишь?"—„Сестру берегу", отвѣчаетъ спрошенный.—„Она уже не твоя, а наша".—„Коли-такъ, заплатите мнѣ за кормленіе". Затѣмъ слѣдуетъ отдача нѣсколькихъ мѣдныхъ или серебряныхъ монетъ брату, и женихъ или дружко уводятъ невѣсту въ сторону. Иногда у древнихъ славянъ случалось, что родственники, помимо желанія дѣвицы, изъ-за личныхъ выгодъ, продавали ее жениху. На это указываетъ пѣсня, сложенная весьма давно, которая и по настоящее время поется на нѣкоторыхъ крестьянскихъ свадьбахъ:

Братецъ-татаринъ
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

А бывали и такіе случаи, что женихъ не справлялся ни съ желаніемъ родителей, ни съ желаніемъ дѣвицы, а прямо нападалъ на нее, захватывалъ себѣ насильно и уводилъ въ свое село. Это случалось особенно часто у тѣхъ изъ славянъ, которые допускали, чтобы одинъ мужъ имѣлъ двѣ или три жены. И о такомъ похищеніи упоминается въ пѣснѣ:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты пойди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, свали березыньку,
Загороди путь-дороженьку,
Чтобъ жениху да съ товарищами
Нельзя было къ намъ наѣхати.

Значитъ, умыканіе или похищеніе было трехъ родовъ: когда не хотѣли согласиться на бракъ родичи, когда не хотѣла невѣста и, наконецъ, когда и родичи, и невѣста были противъ брака. Но въ городахъ, гдѣ увозить и скрываться было труднѣе, браки совершались не умыканіемъ, а съ согласія. Такимъ же точно образомъ они происходили и тогда, когда невѣста и женихъ были изъ одного села. Конечно, церковнаго вѣнчанія не было, потому что за тысячу лѣтъ до насъ и церквей не было на Руси, и народъ не исповѣдывалъ христіанской вѣры; но вѣнчаніе сопровождалось различными языческими обрядами: новобрачныхъ обводили три раза вокругъ куста („вкругъ ракитова куста“) или вокругъ дерева („вокругъ ели“).

Дóма славяне, какъ сказано было прежде, не отличались опрятностью и удобствомъ; простота жизни происходила какъ отъ малой образованности народа, такъ и отъ его бѣдности. Несмотря, однако, на бѣдность, славяне отличались гостепріимствомъ, которымъ восхищаются всѣ писатели того времени. Встрѣчая враждебно иноплеменника на войнѣ и пуская въ ходъ разныя жестокости и хитрости противъ него, славянинъ, казалось, пылалъ ненавистью ко всему тому, чтò не принадлежало къ его роду и племени; но если иноплеменникъ приходилъ мирнымъ странникомъ подъ кровъ незатѣйливаго славянскаго дома, то въ его жителѣ онъ встрѣчалъ лучшаго друга, гото-

ваго на всѣ опасности, лишь бы только предохранить гостя отъ какой бы то ни было бѣды. Гость у славянина пользовался величайшимъ почетомъ: передъ нимъ на столѣ ставили лучшіе кушанья и напитки, его провожали изъ села въ село, и всѣ жители добивались, какъ чести великой, посѣщенія гостя. „Гость въ домъ—Богъ въ домъ", говоритъ одна славянская поговорка.

Такъ какъ славянскія земли представляли собою въ тѣ времена много непроходимыхъ болотъ, лѣсовъ и степей, то путешествіе по нимъ было чрезвычайно затруднительно, и рѣдко туда заглядывали иностранцы. Поэтому славяне имѣли мало случаевъ слышать про то, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, почти не знали другихъ народовъ. Но вотъ является странникъ; онъ разсказываетъ про великіе города, находящіеся на западѣ, про западныхъ царей и ихъ дѣянія, про то, какъ въ его отечествѣ живутъ, какъ одѣваются, что̀ ѣдятъ, что̀ пьютъ; и славянинъ слушаетъ со вниманіемъ повѣсть про эти неизвѣстныя для него вещи. Скучна и однообразна была жизнь нашихъ предковъ; но это однообразіе нарушалось, когда являлся странникъ: вся семья собиралась вокругъ него при огнѣ и слушала его чудные разсказы, которые долго по уходѣ гостя бывали предметомъ думъ и разговоровъ въ славянской хижинѣ. Вотъ почему у славянъ является желаніе заманить гостя подъ свой кровъ; вотъ почему они стараются удержать у себя путешественника сколь возможно дольше и, предоставляя въ его распоряженіе лучшее добро свое, стараются заслужить себѣ награду—повѣсть про тѣ дѣянія и чудеса, которыя и не снились бѣдному славянину. Да притомъ предокъ нашъ зналъ, съ какими неудобствами сопряжено путешествіе: онъ самъ неоднократно застигался мятелью въ степи, дикимъ звѣремъ въ лѣсу, самъ голодалъ не разъ и на себѣ испыталъ, какъ пріятно послѣ труднаго перехода посидѣть у гостепріимнаго огня, выпить меду или пива для подкрѣпленія силъ, утолить голодъ кускомъ хлѣба съ творогомъ и жаренымъ мясомъ, уснуть на мягкой шкурѣ, на мѣстѣ, свободномъ отъ дождя и холоднаго вѣтра. А тотъ, кто самъ испыталъ бѣду, скорѣе подастъ по-

мощь другому; кто самъ голодалъ, тотъ понимаетъ, какъ это непріятно, и охотно предложитъ кусокъ хлѣба неимущему брату. Если славянинъ, истомленный дорогой, стучался въ попавшуюся на пути хижину, прося позволенія войти и отдохнуть, но получалъ отказъ, то онъ, въ припадкѣ гнѣва, призывалъ боговъ своихъ къ мщенію тѣмъ, которые съ нимъ обходятся столь безчеловѣчно. Вѣря же въ силу и могущество боговъ своихъ, онъ не хотѣлъ, чтобы обиженный имъ странникъ проклялъ его, и потому открывалъ дверь гостю и угощалъ его чѣмъ могъ.

Иностранецъ Гельмольдъ, путешествовавшій по землѣ славянской, разсказываетъ, что всѣ его просили завернуть къ нимъ хоть на минуту. Одинъ знатный славянинъ, у котораго онъ гостилъ, далъ въ честь него обѣдъ, состоявшій изъ двадцати блюдъ. Страсть къ пышнымъ угощеніямъ была до того вкоренена въ славянахъ, что они иногда добывали грабежомъ и воровствомъ разное добро для того, чтобы достойнымъ образомъ принять, накормить и напоить странника. Такое поведеніе не считалось предосудительнымъ. Если случалось, что кто нибудь не принималъ странника, то всѣ другіе единогласно называли негостепріимнаго человѣка безчестнымъ, подлымъ, а иногда гнѣвъ доходилъ до того, что сожигали хижину виновнаго. У нѣкоторыхъ славянъ былъ обычай отдѣлять въ домѣ одну комнатку, которая получала названіе гостиной. Она предназначалась для гостей и предоставлялась въ ихъ полное распоряженіе. Въ ней всегда на всякій случай стоялъ столъ съ хлѣбомъ и солью, сосудъ съ медомъ или пивомъ, чтобы гость, явившись въ домъ нечаянно, даже въ отсутствіе хозяина, имѣлъ возможность отдохнуть и подкрѣпить свои силы.

Познакомивъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми чертами жизни древнихъ славянъ, намъ слѣдуетъ разсказать о томъ, въ какихъ боговъ они вѣрили, какіе религіозные обряды совершали и какъ, наконецъ, при князѣ Владимірѣ Святомъ, сдѣлались христіанами.

О
ЯЗЫЧЕСКОЙ ВѢРѢ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.
И О КРЕЩЕНІИ ИХЪ.

I.

Мы уже видѣли, какъ народъ, будучи еще въ кочевомъ быту, сталъ искать себѣ божествъ; мы знаемъ, что тѣ силы, которыя ему приносили пользу, онъ считалъ добрыми богами; силы же, почему либо враждебныя, считались дѣйствіемъ злого бога. Такъ, арійцы стали обоготворять свѣтъ и мракъ,—первый въ хорошемъ смыслѣ, второй не въ хорошемъ; такъ они стали съ величайшимъ почтеніемъ относиться къ огню, распространителю свѣта и тепла, которому поручали и своихъ мертвыхъ доводить до вѣчнаго блаженства. Обычай сожигать трупы сохранялся и у нашихъ предковъ славянъ до тѣхъ поръ, пока они не просвѣтились святою христовою вѣрою.

Добрые боги языческихъ славянъ главнымъ образомъ представляли собою тѣ силы природы, которыя полезны для человѣка. Солнце, ниспосылающее на землю тепло и свѣтъ, считалось божествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Хорса или Дажьбога. Дажьбогъ ежедневно совершалъ путешествія по небосклону и съ его высоты осматривалъ землю, прогонялъ своимъ восходомъ холодную, мрачную ночь, заставлялъ дикаго звѣря

прятаться въ чащу лѣса, а вора—отложить напослѣ свое преступное намѣреніе—воспользоваться имуществомъ честнаго сосѣда. Распространяя теплоту, солнце какъ будто пробуждаетъ къ дѣятельности мать-сыру землю, кормилицу и людей, и животныхъ. Но недостаточно одного тепла, чтобы заставить землю давать растенія: нуженъ еще и живительный дождь, который, по повѣрьямъ славянъ, нагонялся добрымъ богомъ Стрибогомъ, т.-е. вѣтромъ, другомъ солнца и благодѣтелемъ людей. Когда Стрибогъ оживилъ ниву необходимымъ количествомъ влаги, когда солнце согрѣло ее своими лучами, то начиналась дѣятельность третьяго божества, Волоса или Велеса, обязанность котораго состояла въ сохраненіи растительности для потребностей скота и человѣка.

Эти божества заботятся о людяхъ, доставляютъ имъ все необходимое; но если люди злыми поступками или недостаткомъ благодарности разгнѣваютъ своихъ боговъ, то наказаніе не замедлитъ явиться: жаркіе лучи солнца высосутъ всю влагу изъ земли и изсушатъ всю траву на лугу и хлѣбъ на полѣ; Стрибогъ не пошлетъ дождика и этимъ поддержитъ гнѣвъ своего брата Дажьбога, а Велесъ не убережетъ стада отъ болѣзней, отъ нападенія лѣсныхъ звѣрей, отъ укушенія ядовитаго паука или змѣи; Велесъ заставитъ мать-сыру землю выпустить изъ нѣдръ своихъ несчетное количество разныхъ червей и насѣкомыхъ, которые могутъ до тла разорить прогнѣвившаго боговъ земледѣльца, живущаго плодами своего поля. Но ни одинъ изъ боговъ не дѣйствуетъ такъ страшно, какъ Перунъ, богъ грома и молніи. Онъ не ждетъ, чтобы отмстить человѣку тогда, когда хлѣбъ на полѣ станетъ созрѣвать, а скотъ подростать на зеленомъ лугу: Перунъ сейчасъ же поразитъ его своею громовою стрѣлой, зажжетъ ея ударомъ хижину и все уничтожитъ до тла при помощи небеснаго огня. Мщеніе Перуна очень страшно: оно сопровождается ослѣпительнымъ блескомъ молніи, оглушительнымъ раскатомъ грома. Перунъ не стѣсняется временемъ: онъ можетъ появиться даже ночью, когда солнце укладывается поспать; онъ своею огненною стрѣ-

лою прорываетъ самыя густыя тучи. Но не только зло и разрушеніе приноситъ Перунъ; гроза, которая можетъ жестоко сказнить человѣка, иногда, наоборотъ, принесетъ ему пользу, ниспославъ послѣ засухи обильный дождь, который возвратитъ жизнь природѣ. Перунъ, мечущій кругомъ страшныя стрѣлы и съ грохотомъ разъѣзжающій по небу, должно быть храбрый воинъ, а потому онъ считается покровителемъ всѣхъ тѣхъ, которые мужественно сражаются съ непріятелемъ. Вотъ почему Перунъ получилъ почти у всѣхъ славянъ преимущественное значеніе предъ прочими богами, вотъ почему онъ явился главнымъ богомъ. Поэтому славяне, изображавшіе иногда боговъ своихъ въ видѣ людей, не щадили расходовъ, чтобы статую Перуна сдѣлать получше и украсить ее подрагоцѣннѣе. Почти во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ славянскихъ были изображенія этого страшнаго и верховнаго бога. Въ Кіевѣ, напримѣръ, на высокомъ холмѣ близъ княжескаго дворца стоялъ Перунъ, сдѣланный изъ дерева, съ серебряною головою и золотыми усами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предъ статуей его ставили жертвенники, на которыхъ горѣлъ постоянно огонь. Особый классъ людей, жрецовъ, долженъ былъ служить Перуну, и жрецы по очереди дежурили у статуи, безпрестанно подкладывая на жертвенникъ дубовыя полѣнья, чтобы не дать угаснуть священному огню. Горе тому жрецу, который будетъ такъ невнимателенъ къ служенію верховному богу, что дастъ потухнуть огню на жертвенникѣ: лютая смертная казнь ожидала тогда виновнаго, оскорбившаго Перуна, а въ его лицѣ и всѣхъ другихъ боговъ. У славянъ была вѣра, что за преступленіе одного человѣка боги казнятъ иногда цѣлый родъ, цѣлый городъ, цѣлый край, а потому всякій оскорбитель боговъ считался человѣкомъ, наводящимъ зло на всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Клятва, данная предъ лицомъ Перуна, считалась ненарушимою; предполагалось, что виновникъ въ клятвопреступничествѣ будетъ казненъ самимъ богомъ. Произнося клятву, славяне складывали у ногъ идола свои копья, щиты, обнаженные мечи и произносили слѣдующія слова: „Пусть мы не будемъ

имѣть помощи у Перуна; пусть не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ нарушить наше обѣщаніе; пусть будемъ тогда изрублены собственными мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другого оружія, да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; да проклянутъ насъ въ такомъ случаѣ боги, въ которыхъ мы вѣруемъ, Перунъ и Велесъ, скотій богъ; пусть пожелтѣетъ какъ золото".

Кромѣ тѣхъ боговъ, которыхъ мы назвали, было у славянъ множество другихъ. Таинственный шумъ лѣса наводилъ ихъ на мысль, что въ немъ живетъ богъ покровитель или лѣшій. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ свойствъ и качествъ воды озеръ, рѣкъ и болотъ, славянинъ полагалъ, что они находятся тоже подъ управленіемъ какого нибудь второстепеннаго бога, и называлъ этого сподручника высшихъ боговъ водяникомъ. Добрыя божества не могли оставить и хижины славянина безъ особаго наблюденія: и туда они отряжали своего помощника, который носилъ названіе домового и въ бо̀льшей части случаевъ былъ не кто иной, какъ дѣдъ или прадѣдъ, давно умершій, но за добрыя дѣла получившій право охранять своихъ же собственныхъ потомковъ отъ всякаго несчастія. И до настоящаго времени необразованный нашъ народъ вѣритъ въ лѣшаго и домового, съ тою только разницею, что, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ не можетъ считать богами своихъ языческихъ представленій, а потому, наоборотъ, считаетъ ихъ силою нечистою, дьяволами.

Наши языческіе предки сильно боялись боговъ своихъ, потому что за ихъ оскорбленіемъ могло послѣдовать страшное наказаніе. Каждый неудачный сборъ хлѣба, каждый ударъ молніи, каждую болѣзнь славянинъ считалъ не естественнымъ случаемъ, случившимся по той или другой причинѣ, дѣйствующей въ природѣ, а наказаніемъ, ниспосланнымъ богами. Поэтому онъ долженъ былъ непремѣнно придумывать различныя средства для того, чтобы умиротворить боговъ своихъ. Средствомъ для этого были жертвы, т.-е. подарки, преподносимые человѣкомъ богу. Славянинъ украшалъ статую Перуна разными

драгоцѣнностями, думая этимъ заслужить расположеніе повелителя молвій; онъ послѣ всякой неудачи горячо молился своему богу, прося его забыть грѣхи и не допускать впредь до несчастій; за каждымъ успѣхомъ слѣдовала благодарственная молитва, чтобы богъ, видя, что человѣкъ его не забываетъ и въ счастіи, продолжалъ дальше изливать всякія блага. Славянинъ выбиралъ изъ своего стада тучнаго вола, умерщвлялъ и сожигалъ на жертвенникѣ передъ статуей Перуна или прямо на близлежащемъ холмѣ. Предполагалось, что огонь, тоже сила божественная, доставитъ сожженное животное богу, который, такимъ образомъ, удовлетворивъ свой голодъ кушаньемъ, пожертвованнымъ человѣкомъ, придетъ въ хорошее расположеніе духа и наградитъ жертвователя, или, по крайней мѣрѣ, забудетъ его прежніе грѣшные поступки. Славянинъ-язычникъ представлялъ себѣ боговъ своихъ похожими на людей, пьющими и ѣдящими, а потому и думалъ, что то, что̀ доставляетъ удовольствіе человѣку, пріятно и богу; онъ зналъ, что человѣкъ голодный обыкновенно сердитѣе того, который вкусно пообѣдалъ, а потому и предлагалъ своему богу кушанье. Но притомъ онъ не забылъ принять во вниманіе, что человѣку гораздо пріятнѣе пообѣдать въ веселомъ обществѣ, чѣмъ отдѣльно, а потому богамъ не только сожигались жертвы, но и устраивались въ честь боговъ пиры и попойки. Люди весело ѣли творогъ и мясо, попивали пиво, медъ и греческое вино во славу боговъ своихъ, полагая, что и послѣдніе невидимымъ образомъ присутствуютъ въ ихъ обществѣ.

Чѣмъ важнѣе была просьба, съ которою обращались къ богамъ, чѣмъ значительнѣе наказаніе, ниспосланное на людей, чѣмъ блистательнѣе успѣхъ, одержанный при помощи Перуна и его товарищей, тѣмъ драгоцѣннѣе была жертва. Приносили богамъ въ даръ земные плоды, домашнихъ животныхъ, а иногда даже и людей. Человѣческія жертвы особенно любилъ Перунъ, богъ воинственный и страшный, а потому требующій жертвы и жестокой, и драгоцѣнной; но что же можетъ быть драгоцѣннѣе, какъ жена для мужа, какъ ребенокъ для родителей,

какъ другъ для друга? Но если потребовалось принести жертву идолу, то и мужъ, и родитель, и другъ, скрѣпя сердце, не прекословили и не осмѣливались противиться жестокому требованію... До настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества крестьяне-земледѣльцы соблюдаютъ во время жатвы слѣдующій странный обычай: они оставляютъ на полѣ нѣсколько кучекъ несжатыхъ колосьевъ и говорятъ, что это дается „Волосу на бороду". Волосъ, какъ мы знаемъ, былъ богъ, покровительствовавшій земледѣлію, а потому требовавшій, чтобы ему отъ земледѣлія доставалась хоть какая нибудь польза. Теперь, конечно, христіанскій нашъ народъ соблюдаетъ этотъ обычай безсознательно, не придавая ему никакого значенія; но не трудно догадаться, что оставленіе хлѣбныхъ растеній „Волосу на бороду" во времена языческія имѣло значеніе благодарственной жертвы, слѣдовавшей послѣ удачнаго сбора хлѣба. Да вообще не одинъ этотъ языческій обычай уцѣлѣлъ до настоящаго времени въ нашемъ народѣ отъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда кресты не украшали еще нашихъ городовъ и селъ. Чтобы злая сила не поселилась на лугахъ, гдѣ пасется скотъ, крестьяне нѣкоторыхъ мѣстъ Россіи выходятъ въ августѣ, на зарѣ, на лугъ и, обратившись къ востоку, говорятъ: „Мать-сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую отъ приворота и другого худа!" Затѣмъ они выливаютъ на землю нѣсколько капель конопляпаго масла, какъ-бы желая этимъ даромъ задобрить земную силу, и, обратившись на западъ, снова приговариваютъ: „Мать сыра земля! Поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горячую". Къ южной сторонѣ они ведутъ слѣдующую рѣчь: „Мать сыра земля! Утоли ты вѣтры полуденные съ ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью"; а къ сѣверу слѣдующую: „Мать сыра земля! Уйми ты вѣтры полунощные со тучами, сдержи морозы со мятелями". Каждый разъ при этихъ словахъ повторяется возліяніе масла.

Иногда, предпринимая какое нибудь важное дѣло, славянина брала охота узнать, какъ на его предпріятіе посмотрятъ

боги. Такимъ образомъ, произошли гаданія, въ возможность которыхъ вѣрятъ и до настоящаго времени нѣкоторые суевѣрные люди, забывая, что христіанское ученіе положительно ихъ запрещаетъ. Различныя славянскія племена гадали различнымъ образомъ. Нѣкоторые наблюдали, напримѣръ, въ какомъ направленіи идетъ дымъ отъ сожигаемой въ честь боговъ жертвы: если дымъ шелъ прямо вверхъ, значитъ къ добру, а если разстилался по землѣ, то быть непремѣнно худу. Славянскія дѣвицы бросали на рѣку вѣнки, и чей вѣнокъ поплыветъ впередъ, та, значитъ, скорѣе другихъ выйдетъ замужъ. У нѣкоторыхъ славянъ были кони, посвященные богамъ. Коней этихъ обыкновенно держали въ хорошихъ конюшняхъ, кормили отборнымъ зерномъ, иногда сѣдлали богато-украшенными сѣдлами, но никто не смѣлъ садиться на нихъ, такъ какъ существовало повѣрье, будто сами боги иногда на нихъ ѣздятъ. Такъ какъ, такимъ образомъ, кони почитались священными, то посредствомъ ихъ славяне пытались узнавать волю ихъ хозяевъ—боговъ. Обыкновенно клали на землю нѣсколько копій; оставляя между ними извѣстный промежутокъ, проводили по этому мѣсту посвященнаго богамъ коня: если конь ногою задѣнетъ копье, то значитъ боги не сочувствуютъ задуманному предпріятію; если же нѣтъ—то начинай работу смѣло. Птицы, какъ созданія, летающія межъ небомъ и землею, принимались иногда за вѣстниковъ, ниспосылаемыхъ богами на землю. Обычай спрашивать кукушку, услышавъ голосъ ея весною въ первый разъ, о числѣ лѣтъ, назначенныхъ для жизни человѣка, ведетъ свое начало отъ языческихъ временъ. Св. Кириллъ, жившій столѣтій за семь до насъ и укорявшій нашихъ предковъ въ томъ, что они, принявъ христіанство, не хотятъ бросить языческихъ суевѣрій и исполняютъ нѣкоторые богопротивные обряды, въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ: „Вѣруемъ въ дятловъ, воронъ и синицъ. Когда идемъ куда, если услышимъ, что птица впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: справа или слѣва раздается ея голосъ, и разсуждаемъ по этому признаку объ успѣхѣ или неудачѣ

нашего путешествія". Нѣтъ сомнѣнія, что сохранившееся донынѣ повѣрье, что коли заяцъ перебѣжитъ дорогу, то это плохой знакъ, происходитъ отъ временъ давно минувшей старины. Но каково же должно было быть удивленіе древняго славянина, когда онъ замѣчалъ что нибудь необыкновенное на небѣ? Какъ же ему было не признать предсказательной силы за солнцемъ, подвергающимся затмѣнію? Мы теперь знаемъ, что затмѣніе солнца не имѣетъ ничего общаго съ нашею будущею судьбою и происходитъ совершенно отъ другихъ причинъ, а не отъ того, что̀ дѣлаютъ или что̀ думаютъ дѣлать люди; но въ тѣ времена полагали, что солнце, добрый богъ, а потому коли случится съ нимъ затмѣніе, то онъ, значитъ, предвѣщаетъ большую бѣду. Иногда солнечное затмѣніе до того сильно дѣйствовало на народъ, что онъ отказывался напередъ отъ задуманнаго предпріятія, суля ему въ будущемъ полнѣйшую неудачу. Появленіе кометы, какъ вещи необыкновенной, производило тоже сильное впечатлѣніе на суевѣрный народъ, который и здѣсь видѣлъ предзнаменованіе къ худу. И до сихъ поръ появленіе кометы, движущихся споповъ свѣта сѣвернаго сіянія принимаются народомъ за предзнаменованіе народнаго бѣдствія—войны. Вотъ какія самыя разнообразныя явленія принималъ древній славянинъ за несомнѣнныя предсказанія того, что должно случиться въ будущемъ. Понятно поэтому, что предсказанія такого рода случались съ нимъ на каждомъ шагу: померкнетъ ли солнце, пролетитъ ли птица, пробѣжитъ ли животное—и вотъ онъ уже думаетъ, что все это знаменія; но такъ какъ многаго самъ объяснить не можетъ, то обращается съ вопросами къ людямъ, болѣе опытнымъ. И явился цѣлый классъ людей, главнымъ занятіемъ которыхъ было толкованіе знаменій; люди эти носили названіе кудесниковъ, знахарей, волхвовъ и бо̀льшею частью являлись между жрецами, потому что послѣдніе постоянно служили богамъ и, такимъ образомъ, могли, по повѣрью народа, лучше знать, въ чемъ заключается ихъ воля. Вѣроятно, нѣкоторые изъ волхвовъ были искренно убѣждены въ правдивости своихъ толкованій, сами вѣрили въ

то, что говорили; но другіе не совѣстились надувать народъ изъ-за своей пользы, такъ какъ тѣ, которые приходили за совѣтомъ, приносили обыкновенно имъ подарки.

Эти-то кудесники или знахари выдавали себя за людей, не только знающихъ будущее, но и за такихъ, которые знаютъ различныя средства для того, чтобы то или другое сбылось непремѣнно. Во время болѣзни они давали различныя травы, которымъ приписывали чудесную силу; если травы не помогали, то прибѣгали къ разнымъ другимъ штукамъ, между прочимъ къ заговорамъ. Подъ именемъ заговора разумѣются разныя таинственныя слова, которыя, по повѣрью народа, имѣютъ силу предотвращать и наводить разныя бѣдствія. Вотъ, напр., заговоръ, который употреблялся, а можетъ быть и теперь употребляется, для излѣченія зубной боли: „Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча“. А вотъ заговоръ для предотвращенія вреднаго вліянія мороза: „Эй, морозъ! Иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ жита-пшеница“.—„Мѣсяцъ ты красный; звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! Сойдите—уймите человѣка отъ запоя“. Очевидно, что послѣдній заговоръ имѣетъ въ виду излѣченіе отъ пьянства.

Были у древнихъ славянъ знахари или кудесники, были и знахарки или вѣдьмы. Слово „вѣдьма“ происходитъ отъ „вѣдати“, т.-е. „знать“; поэтому „вѣдьма“ обозначала у нашихъ предковъ женщину, знающую такія вещи, которыя недоступны для обыкновенныхъ людей. Эти вѣдьмы жили обыкновенно уединенно въ лѣсахъ, отличались таинственностью. Про нихъ ходили въ народѣ слухи, да и теперь еще ходятъ, что онѣ летаютъ по воздуху на козлахъ и на метлахъ, собираются на какую-то Лысую гору, знаются съ сверхъестественными силами, вѣдаютъ цѣлебныя свойства разныхъ травъ, творятъ сами чудеса, обладаютъ такимъ цвѣткомъ, который имъ даетъ возможность знать все, что̀ происходитъ на землѣ, и т. д. Наши языческіе предки вѣрили всѣмъ этимъ сказкамъ, страшно боялись

обидѣть такую женщину и приходили къ ней за совѣтами. Знахарки или вѣдьмы приготовляли разнаго рода напитки, посредствомъ которыхъ молодецъ могъ будто бы каждую дѣвицу заставить полюбить его, а дѣвица—каждаго молодца; между прочимъ вѣдьмы давали слѣдующій смѣшной совѣтъ: „Возьми летучую мышь, убей ее, зарой на кладбищѣ, и когда отъ нея останутся только кости, вынь ее. Въ числѣ ея костей найдешь одну, похожую на крючекъ, а другую на метлу; если этимъ крючкомъ задѣнешь кого-нибудь за платье, то задѣтый непремѣнно полюбитъ тебя; если дотронешься до кого-нибудь другою косточкою, то даже родного брата сдѣлаешь себѣ врагомъ“. Какъ знахари, такъ и знахарки, по повѣрью народа, могли наводить и зло. У нихъ были въ запасѣ заговоры, наводящіе голодъ на цѣлую страну, ядовитыя зелья, причиняющія болѣзнь. Существовала, напр., вѣра, что, взявъ песокъ или землю, на которой обозначался слѣдъ ноги человѣка, знахарка, посредствомъ заклинаній, произносимыхъ надъ этимъ пескомъ или землею, могла причинить смерть тому, кто оставилъ свой слѣдъ.

Какимъ же образомъ, спросите вы, люди могли вѣрить въ такіе пустяки и думать, что въ самомъ дѣлѣ птица можетъ предвѣщать счастье и несчастье, а живущая въ лѣсу грязная старуха управлять по своему произволу здоровьемъ и даже жизнью людей? Намъ это дѣйствительно кажется страннымъ, такъ какъ мы кое-чему научились, знаемъ, что болѣзнь происходитъ отъ простуды, отъ вредной пищи, а не отъ заговора; что заяцъ—животное безъ разума, а птица не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ съ нами будетъ. Но припомните, что и вамъ, вѣроятно, когда вы капризничали, няня говорила, что за дверью спальни сидитъ волкъ, а изъ печки выйдетъ медвѣдь, чтобъ съѣсть васъ, если не будете вести себя прилично, припомните и сознайтесь, что вы вѣрили этимъ небылицамъ, потому что ничего не понимали, не могли сообразить того, что въ печку не можетъ забраться медвѣдь, а въ залу—волкъ. И грубый, невѣжественный народъ точно также ничему не учился, какъ маленькій ребенокъ, а потому и вѣрилъ всякому вздору.

Представьте себѣ, что человѣкъ, страдающій зубною болью, идетъ къ одному знахарю,—послѣдній творитъ свои заклинанія, но не помогаетъ; больной идетъ ко второму—успѣхъ тотъ же, и онъ отправляется къ третьему. Но зубы у него проходятъ сами собой, потому что никакая боль не вѣчна; и вотъ онъ начинаетъ восхвалять искусство третьяго знахаря, и цѣлая толпа больныхъ, приписывая излѣченіе перваго человѣка не случаю, а силѣ заговора, идетъ лѣчиться къ чудесному доктору, слава котораго ростетъ все болѣе и болѣе. Надъ извѣстною мѣстностью пронеслась комета: народъ ждетъ бѣды, но бѣды нѣтъ— и ожиданіе, и комета тогда забываются; но случись въ это время какое-нибудь несчастье—и человѣкъ, упомнивъ его, упомнитъ и странную звѣзду, бывшую въ то время, и сочтетъ эту звѣзду предвѣстницею несчастія. Да притомъ человѣкъ рѣдко обвиняетъ самъ себя въ своихъ неудачахъ; ему гораздо пріятнѣе взвалить всю вину на кого-нибудь другого, тѣмъ болѣе, что его невѣжество вполнѣ помогаетъ такому желанію во что бы то ни стало оправдать себя. Язычникъ, предокъ нашъ, залѣнился и плохо воздѣлалъ свое поле, а потому не получилъ съ него хорошаго дохода—и вотъ онъ станетъ оправдывать свою лѣнь и скажетъ, что не она виновата въ неуспѣхѣ, а заяцъ, который перебѣжалъ дорогу, когда онъ шелъ пахать; онъ возьмется за какое-нибудь дѣло и, по неумѣнію, испортитъ его: не бойтесь, онъ не сознается въ своемъ невѣжествѣ, а обвинитъ коня, который, во время гаданія, сдвинулъ копье съ мѣста; идя полупьянымъ изъ гостей домой черезъ лѣсъ и заблудившись на дорогѣ, проблуждавъ въ лѣсу всю ночь до свѣта, онъ не припишетъ бѣды вину, шумящему въ головѣ, а злому умыслу вѣдьмы, которая упросила лѣшаго попутать его. Такимъ-то образомъ слагаются суевѣрія, такъ-то они отъ одного переходятъ къ другому, отъ отца воспринимаются сыномъ. Только образованность да христіанская вѣра могутъ уничтожить ихъ въ народѣ.

II.

Разсказываютъ, что въ очень древнія времена страна наша была посѣщена св. апостоломъ Андреемъ. Этотъ распространитель вѣры Христовой пришелъ въ греческій городъ Корсунь, находившійся въ теперешнемъ Крыму, и, узнавъ про обширныя, рѣдко населенныя мѣста, простирающіяся на сѣверъ, возымѣлъ желаніе познакомиться съ ними поближе. Путешествія, какъ мы уже говорили прежде, по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и степей, были тогда далеко не безопасны, потому св. апостолъ, какъ и другія лица, путешествовавшія въ тѣ времена по нашему обширному отечеству, пустился воднымъ путемъ, тѣмъ самымъ, который называется варяжскимъ и соединяетъ Балтійское море съ Чернымъ. Онъ пустился по Днѣпру вверхъ, и вышедъ на берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи суждено было явиться славному городу Кіеву, водрузилъ на одномъ изъ холмовъ крестъ и сказалъ своимъ спутникамъ слѣдующія пророческія слова: „Видите ли горы сіи? На нихъ возсіяетъ благодать Божія, воздвигнется большой городъ со многими святыми храмами". Затѣмъ апостолъ Андрей отправился дальше на сѣверъ, Волховомъ доѣхалъ до того мѣста, гдѣ теперь Новгородъ, пробрался въ Балтійское море и оттуда пошелъ дальше.

Почти цѣлое тысячелѣтіе прошло со временъ посѣщенія восточной Европы св. апостоломъ, много въ ней перебывало разныхъ народовъ, много выстроено значительныхъ городовъ, а все же мракъ язычества стоялъ ненарушимо и только потомъ сталъ уже мало-по-малу разсѣиваться, отступая предъ христіанствомъ, какъ темная ночь уходитъ предъ восходящимъ солнцемъ. Солнце сначала еле-еле просвѣчивается сквозь густой мракъ ночи, но съ каждою минутою лучи его усиливаются, и темнота рѣдѣетъ; наконецъ, солнце выплыло на просторный небосклонъ, показалось во всемъ своемъ величіи, и ночь должна окончательно уступить мѣсто дню. Такъ точно было и съ вѣрой Христовой: сначала ее принимаютъ нѣсколько

варяговъ, входящихъ въ составъ княжеской дружины, а прежде служившихъ въ войскѣ царей греческихъ въ славномъ Царьградѣ или Константинополѣ,—городѣ, который одинъ изъ первыхъ украсился знаменіемъ креста. Отъ этихъ нѣсколькихъ дружинниковъ новая вѣра начинаетъ распространяться все болѣе и болѣе, и послѣдователями ея являются нѣсколько десятковъ, нѣсколько сотъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ; наконецъ и князь убѣждается въ превосходствѣ вѣры греческой надъ языческою, самъ принимаетъ крещеніе и креститъ весь народъ свой.

Говорятъ, что Аскольдъ и Диръ, измѣннически убитые Олегомъ, были уже христіане: этого, однако, за безусловновѣрное принимать нельзя. Но не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что во времена Игоря значительная часть дружины исповѣдывала христіанскую религію и имѣла въ Кіевѣ свой храмъ, построенный во имя св. Ильи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что христіанство начинаетъ распространяться преимущественно отъ дружинниковъ. Оно иначе и быть не могло. Вѣдь тогда, когда сельскій житель сидѣлъ въ своей грязной избѣ и ничего никогда не видѣлъ, кромѣ своей деревни, своего лѣса и своей рѣки, дружинникъ бывалъ въ разныхъ странахъ, которыя были гораздо образованнѣе его родины. Онъ ходилъ въ землю греческую, видѣлъ тамъ прекрасные храмы, видѣлъ священниковъ, ознакомлялся съ вѣрою, исповѣдуемою всѣмъ народомъ, и, замѣтивъ ничтожество своихъ боговъ предъ тѣмъ Богомъ, которому поклонялись греки, принималъ крещеніе. Греческую вѣру приняла подъ старость и княгиня Ольга,—та самая, которая, пока поклонялась Перуну, мстила столь жестоко и кровожадно древлянамъ, сожигая ихъ города и цѣлыми тысячами истребляя людей. Она убѣждала и своего сына Святослава послѣдовать ея примѣру, но Святославъ, съ ранняго дѣтства привыкнувшій къ войнѣ, никакъ не хотѣлъ исполнить желанія матери. И въ самомъ дѣлѣ, христіанская вѣра,—вѣра мира и любви, не могла прійтись по сердцу князю, который чувствовалъ себя вполнѣ хорошо только тогда, когда

вокругъ летали стрѣлы, раздавались удары мечей да стоны раненыхъ.

Сынъ этого Святослава, Владиміръ, съ ранняго дѣтства сталъ тоже обнаруживать воинскія наклонности, а потому особенное уваженіе чувствовалъ къ богу Перуну, изображенія котораго ставилъ и украшалъ въ разныхъ городахъ своего государства. Чтобы достигнуть единодержавной власти надъ всею русскою землею, раздѣленною между нимъ и братомъ, онъ измѣнническимъ образомъ умертвилъ послѣдняго и сталъ жить въ городѣ Кіевѣ, откуда предпринималъ походы на разные сосѣдніе народы. Между прочимъ, онъ ходилъ на ятвяговъ—народъ, жившій въ лѣсахъ около Древлянской области. Ятвяги были храбры и сильны, а потому побѣда кіевскому князю досталась не дешево. Праздновалась она великолѣпными пиршествами при кіевскомъ дворѣ, и, наконецъ, рѣшено было возблагодарить Перуна за успѣхъ необыкновенною жертвою—закланіемъ младенца изъ собственнаго города. Рѣшено было кинуть жребій. Жребій палъ на одного младенца, сына дружинника Владиміра, варяга, исповѣдывавшаго вмѣстѣ со своею семьею вѣру Христову. Посланные пришли и объявили несчастному отцу, что боги возлюбили его сына и желаютъ, чтобы онъ принесенъ былъ имъ въ жертву. Выпаденіе жребія считалось у славянъ несомнѣннымъ проявленіемъ воли боговъ. Но старый варягъ отвѣчалъ: „Ваши боги—не боги, а дерево; сегодня они есть, завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ: они сдѣланы руками человѣческими. Есть только одинъ истинный Богъ, тотъ самый, которому служатъ и поклоняются греки, который сотворилъ небо, землю, звѣзды, солнце и человѣка, предназначивъ послѣдняго къ жизни на землѣ. А ваши боги что̀ сдѣлали? они сами дѣланы. Не дамъ сына своего бѣсамъ“. Посланные ужаснулись отъ дерзкой рѣчи варяга, пошли и разсказали всему народу о случившемся. Кіевскій народъ никогда не преслѣдовалъ тѣхъ, которые придерживались другой вѣры; но теперь, когда христіанинъ публично оскорбилъ Перуна, Велеса, Стрибога и Дажьбога, когда онъ нару-

гался надъ вѣрою, господствовавшею въ странѣ, народъ возопилъ отъ негодованія и цѣлою толпою хлынулъ къ дому варяга. Послѣдній заперъ ворота и, держа въ одной рукѣ сына, а въ другой обнаженный мечъ, стоялъ въ сѣняхъ, ожидая нападенія. Толпа, между тѣмъ, разрушила заборъ и ворвалась во дворъ, крича: „Отдай своего сына богамъ“. — „Если они боги, — отвѣтилъ неустрашимый христіанинъ, — то пусть одного изъ нихъ пошлютъ за моимъ сыномъ; вы же чего хлопочете?“ Тутъ уже гнѣвъ народа вышелъ изъ всякихъ предѣловъ: всѣ единодушно бросились на дерзкаго и лишили его жизни вмѣстѣ съ его сыномъ.

Свирѣпые язычники убили въ минуту гнѣва христіанскаго храбреца, но гнѣвъ прошелъ, и на убійцъ могло найти раздумье. „А въ самомъ дѣлѣ, — могли подумать они, — странно, что наши боги позволили такъ поносить себя, не показали ни одного чуда, подтверждающаго ихъ величіе и достоинство. Не правду ли говорилъ варягъ? Сталъ ли бы онъ жертвовать собственною жизнью, еслибы не былъ убѣжденъ въ истинности своихъ словъ? Притомъ онъ человѣкъ бывалый, видѣлъ больше насъ, знаетъ больше“. Такія-то и тому подобныя мысли могли мелькнуть въ головахъ тѣхъ людей, которые даже, въ порывѣ негодованія, вонзали острые мечи въ тѣло варяга. Очевидно, что если такого рода мысли пробуждаются въ язычникѣ, то это недобрый признакъ для его боговъ. Вотъ какимъ образомъ кровь мучениковъ бываетъ сѣменемъ той вѣры, за которую она проливается.

Самъ князь Владиміръ сталъ тоже мраченъ и задумчивъ: онъ размышлялъ о вѣрѣ своей, сравнивалъ ее съ вѣрами сосѣднихъ народовъ и, конечно, приходилъ къ тому заключенію, что христіанскій Богъ выше, могущественнѣе Перуна; что народы, поклоняющіеся Спасителю, живутъ гораздо лучше русскихъ, богаче ихъ и образованнѣе. Между тѣмъ, эти же думы не давали покоя и многимъ дружинникамъ, и нѣкоторые изъ нихъ окончательно пристали къ христіанству, которое все болѣе и болѣе увеличивало число своихъ послѣдователей. Находившіеся при княжескомъ дворѣ христіане при всякомъ удоб-

номъ случаѣ старались намекнуть князю, что, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы принять крещеніе, но князь медлилъ и задумывался пуще прежняго. Онъ понималъ, что столь важный вопросъ, какъ вопросъ о вѣрѣ, нельзя рѣшать вдругъ, не обдумавъ обстоятельно, не испытавъ той вѣры, къ которой у него лежало сердце. Къ тому же еще къ князю со всѣхъ сторонъ стали присылать посольства, цѣлью которыхъ было отвращеніе его отъ язычества. Каждый изъ сосѣднихъ народовъ желалъ заманить сильнаго князя въ свою вѣру, чтобы потомъ въ немъ, какъ въ единовѣрцѣ, имѣть полезнаго союзника.

Первымъ пришло посольство отъ болгаръ, жившихъ по рѣкѣ Камѣ. Камскіе болгаре были магометане, т.-е. исповѣдывали вѣру, установленную Магометомъ, ту самую, которая теперь еще держится у татаръ, турокъ и арабовъ. „Ты князь мудрый и смышленый,—говорили болгаре,—а закона не вѣдаешь: увѣрь въ нашъ законъ и поклонись нашему пророку Магомету“.—„А какова ваша вѣра?“ спросилъ Владиміръ. „Мы,—отвѣчали послы,—вѣримъ въ Бога, а Магометъ училъ насъ, что не годится ѣсть свиное мясо, пить вино. За это по смерти онъ обѣщаетъ жизнь въ прекрасномъ раю. Женъ тамъ будетъ у каждаго по семидесяти“.

Владиміръ, выслушавъ пословъ, подумалъ и отвѣчалъ: „Руси есть веселье пити, не можетъ безъ того быть“. Запрещеніе ѣсть свинину тоже ему очень не нравилось. Онъ не разспрашивалъ о другихъ правилахъ вѣры, не интересовался ученіемъ о ближнихъ, о милостынѣ, о грѣхѣ; одного запрещенія вина и свинины было достаточно, чтобы отпустить болгарскихъ пословъ ни съ чѣмъ.

Прошло немного времени, и предъ княземъ предстало посольство изъ нѣмецкой страны, которое передало Владиміру слѣдующую рѣчь своего главнаго священнослужителя, папы: „Папа велѣлъ тебѣ сказать слѣдующее: земля твоя такая же, какъ и наша, но вѣра не такая. А наша вѣра есть свѣтъ, ибо мы поклоняемся Богу, создателю неба и земли, звѣздъ, мѣсяца и всякаго живого существа: ваши же боги—дерево“.

— Какова же заповѣдь ваша?—спросилъ Владиміръ.

— Пощеніе по силѣ; кто пьетъ или ѣстъ, тотъ дѣлаетъ все это во славу Бога, какъ говоритъ нашъ учитель Павелъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ, вѣроятно, узналъ, что римскій папа хочетъ управлять царями и королями, что онъ допускаетъ богослуженіе только на латинскомъ языкѣ, непонятномъ для народа. „Ступайте обратно,—сказалъ Владиміръ посламъ,—отцы наши не принимали вашей вѣры".

Между хозарами, сосѣдями русскихъ славянъ, было много іудеевъ, т.-е. евреевъ. Они тоже рѣшились попытаться склонить Владиміра въ свою пользу и послали сказать ему: „Мы слыхали, что къ тебѣ приходили болгаре и христіане, соблазняя въ свою вѣру. Но вѣдь христіане вѣруютъ въ того Бога, котораго мы распяли; а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова и Яковля".

— Въ чемъ состоитъ законъ вашъ?—спросилъ князь.

— Не ѣсть свинины, ни заячины, соблюдать день субботній.

— А гдѣ земля ваша?—спросилъ князь.

— Въ Іерусалимѣ.

— Тамъ ли вы живете?—снова спросилъ очевидно заинтересованный Владиміръ.

— Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ за грѣхи ихъ и предалъ нашу землю въ руки христіанъ.

Князь, любившій свою родину, не могъ промѣнять своихъ идоловъ на вѣру тѣхъ людей, которыхъ самъ Богъ наказалъ лишеніемъ отечества, а потому сказалъ: „Такъ, какъ же вы, сами разсѣянные и отверженные, учите другихъ? Еслибы Богъ любилъ законъ вашъ, онъ бы не разсѣялъ васъ по лицу земли. Хотите ли, чтобы и съ нами случилось то же?" Такимъ образомъ и іудеи не имѣли успѣха.

Но вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ греческій философъ (философами греки называли мудрыхъ людей). Онъ сталъ объяснять Владиміру всю ложность вѣры Магомета и разсказомъ про разные магометанскіе обряды до того подѣйствовалъ на Владиміра, что этотъ, плюнувъ, произнесъ: „Нечистое у нихъ дѣло".

Далѣе философъ сталъ говорить про вѣру папскую или католическую и тоже еще болѣе убѣдилъ Владиміра въ ея несостоятельности. Когда Владиміръ сталъ говорить, что іудеи хвалятся, будто распяли христіанскаго Бога, то философъ сказалъ: „Это такъ, но мы вѣримъ въ Него, потому что предсказали, что онъ родится, будетъ распятъ и погребенъ, но на третій день воскреснетъ и взойдетъ на небо. Онъ ждалъ отъ іудеевъ раскаянія въ продолженіе сорока шести лѣтъ, но, не дождавшись, послалъ на нихъ римлянъ, которые разрушили города ихъ, а самихъ расточили по лицу земли, предавъ въ рабство.

— Чего же ради,—спросилъ князь,—Богъ ниспосланъ на землю и мученія принималъ?

— Если хочешь,—отвѣтилъ грекъ,—то съ самаго начала разскажу тебѣ, почему Богъ сошелъ.

— Радъ слушать,—сказалъ Владиміръ.

Тутъ христіанинъ-философъ повелъ разсказъ о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхѣ Адама, а потомъ изложилъ всю ветхозавѣтную исторію, перешелъ къ новозавѣтной, многое разсказалъ изъ нея, описалъ изумленному князю страшный судъ и, наконецъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ картину, изображавшую второе пришествіе сына Божія. Владиміръ былъ въ восхищеніи отъ разсказа философа и отъ картины, а потомъ воскликнулъ: „Хорошо тѣмъ, что стоятъ одесную, горе тѣмъ, которые ошуюю".

— Если хочешь быть въ числѣ первыхъ,—прервалъ философъ, — то крестись.

Но, несмотря на плѣнительную рѣчь греческаго мудреца, Владиміръ не рѣшался еще разстаться съ идолами своихъ предковъ. „Подожду еще немного", сказалъ онъ и сталъ размышлять попрежнему; а наконецъ, созвавъ на совѣтъ дружину свою и старѣйшинъ, сказалъ слѣдующую рѣчь: „Приходили ко мнѣ болгаре и предлагали принять законъ ихъ; за ними приходили іудеи. Но вотъ явились греки, попирающіе всѣ чужіе законы, а восхваляющіе свой. Они мнѣ сказали о началѣ міра и о бытіи его. Говорятъ они очень искусно, чудно

ихъ слушать. Они разсказываютъ о существованіи другого міра и увѣряютъ, что тотъ, кто приметъ ихъ вѣру, хоть и умретъ, но потомъ воскреснетъ на жизнь вѣчную; если же кто другую вѣру возлюбитъ, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть будетъ. Какъ вы думаете? Въ чью пользу рѣшаете?"

Отвѣчали на это Владиміру: „Извѣстно тебѣ, князь, что своего хулить никто не станетъ, а будетъ непремѣнно хвалить. Если хочешь узнать обстоятельнѣе,—пошли мужей своихъ, чтобы они посмотрѣли божью службу у каждаго народа".

Рѣчь совѣтниковъ пришлась по сердцу Владиміру, и немедленно десять знатныхъ дружинниковъ князя отправились въ путь извѣдывать сосѣднія религіи.

Посланники сначала посѣтили Болгарію, присутствовали при магометанскомъ богослуженіи и, недовольные тѣмъ, что видѣли, отправились къ католикамъ. Тутъ тоже имъ не понравилось, и они продолжали путь въ Грецію. Узнавъ о ихъ прибытіи, греческій царь велѣлъ устроить самое торжественное богослуженіе. Онъ зналъ, что необразованныхъ славянъ нужно поразить красотою и великолѣпіемъ обрядовъ, потому что истинный смыслъ христіанской вѣры едва ли могъ быть для нихъ вполнѣ понятенъ. Въ соборной церкви св. Софіи въ Константинополѣ, въ храмѣ, великолѣпнѣйшемъ изъ всѣхъ православныхъ храмовъ того времени, готовилась торжественная обѣдня.

Тысяча свѣчей ярко освѣщали внутренность храма, и огонь ихъ красиво игралъ на золотыхъ и серебряныхъ ризахъ иконъ. Великолѣпнѣйшія благовонія курились и наполняли воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Украшенныя алмазами и жемчужинами одежды священнослужителей дополняли эту картину великолѣпія, а стройное церковное пѣніе многочисленныхъ пѣвчихъ такъ и проникало въ душу. Русскихъ пословъ поставили на такомъ мѣстѣ, откуда можно было обозрѣть все великолѣпіе. Послѣ обѣдни греческій императоръ призвалъ ихъ къ себѣ во дворецъ, задалъ пиръ на славу и, одаривъ различными цѣнными вещами, отпустилъ на родину. Русскіе послы были очарованы богатствомъ и великолѣпіемъ греческой церковной

нашего путешествія". Нѣтъ сомнѣнія, что сохранившееся донынѣ повѣрье, что коли заяцъ перебѣжитъ дорогу, то это плохой знакъ, происходитъ отъ временъ давно минувшей старины. Но каково же должно было быть удивленіе древняго славянина, когда онъ замѣчалъ что нибудь необыкновенное на небѣ? Какъ же ему было не признать предсказательной силы за солнцемъ, подвергающимся затмѣнію? Мы теперь знаемъ, что затмѣніе солнца не имѣетъ ничего общаго съ нашею будущею судьбою и происходитъ совершенно отъ другихъ причинъ, а не отъ того, что̀ дѣлаютъ или что̀ думаютъ дѣлать люди; но въ тѣ времена полагали, что солнце, добрый богъ, а потому коли случится съ нимъ затмѣніе, то онъ, значитъ, предвѣщаетъ большую бѣду. Иногда солнечное затмѣніе до того сильно дѣйствовало на народъ, что онъ отказывался напередъ отъ задуманнаго предпріятія, суля ему въ будущемъ полнѣйшую неудачу. Появленіе кометы, какъ вещи необыкновенной, производило тоже сильное впечатлѣніе на суевѣрный народъ, который и здѣсь видѣлъ предзнаменованіе къ худу. И до сихъ поръ появленіе кометы, движущихся споповъ свѣта сѣвернаго сіянія принимаются народомъ за предзнаменованіе народнаго бѣдствія—войны. Вотъ какія самыя разнообразныя явленія принималъ древній славянинъ за несомнѣнныя предсказанія того, что должно случиться въ будущемъ. Понятно поэтому, что предсказанія такого рода случались съ нимъ на каждомъ шагу: померкнетъ ли солнце, пролетитъ ли птица, пробѣжитъ ли животное—и вотъ онъ уже думаетъ, что все это знаменія; но такъ какъ многаго самъ объяснить не можетъ, то обращается съ вопросами къ людямъ, болѣе опытнымъ. И явился цѣлый классъ людей, главнымъ занятіемъ которыхъ было толкованіе знаменій; люди эти носили названіе кудесниковъ, знахарей, волхвовъ и бо̀льшею частью являлись между жрецами, потому что послѣдніе постоянно служили богамъ и, такимъ образомъ, могли, по повѣрью народа, лучше знать, въ чемъ заключается ихъ воля. Вѣроятно, нѣкоторые изъ волхвовъ были искренно убѣждены въ правдивости своихъ толкованій, сами вѣрили въ

просить о присылкѣ священниковъ и потому сталъ самъ готовиться въ походъ на греческую землю.

III.

Сильная русская рать, подъ начальствомъ самого князя, отправилась изъ Кіева. Цѣлью настоящаго похода былъ не Константинополь, а городъ Корсунь, построенный греками тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Севастополь, т.-е. на берегу Чернаго моря, въ Крыму. Русскій князь подступилъ къ городу, и началась осада, потому что корсунцы, даже послѣ неудачной для нихъ битвы въ открытомъ полѣ, отказались сдаться. Владиміръ объявилъ, что цѣлыхъ три года будетъ стоять подъ городомъ и, такимъ образомъ, или возьметъ силою, или голодомъ принудитъ ихъ къ сдачѣ.

Корсунцы, однако, не унывали и рѣшились защищаться до послѣдней крайности, надѣясь на свои крѣпкія стѣны, разрушить которыя было чрезвычайно трудно. Владиміръ началъ съ того, что приказалъ насыпать высокій валъ передъ городомъ; онъ думалъ, что русскіе стрѣлки, стоя на вершинѣ этого вала, будутъ въ состояніи пускать стрѣлы въ городъ и убивать всякаго, показывающагося на городской стѣнѣ. Корсунцы сообразили въ чемъ дѣло и пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы избѣжать угрожающей имъ опасности. Они сдѣлали подземный выходъ изъ города къ валу и ночью разрушили то, что̀ днемъ успѣли построить непріятели, а чтобы земля отъ разрушеннаго вала не повышала почвы передъ стѣнами и такимъ образомъ не облегчала русскимъ воинамъ попытокъ взобраться на стѣны, они уносили ее съ собою и наваливали на одну площадь среди города. Скоро въ городѣ отъ этого выросла цѣлая гора. Владиміръ былъ чрезвычайно недоволенъ медленностью, съ которой шла осада города, но терпѣливо ждалъ лучшихъ обстоятельствъ. Вдругъ однажды приносятъ ему стрѣлу, къ которой привязано письмо. Стрѣла, какъ потомъ оказалось, была пущена однимъ изъ осажденныхъ, нѣкіимъ Настасомъ. Въ письмѣ значилось, что невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ

службы, были плѣнены гостепріимствомъ греческихъ царей. Не заѣзжая уже въ тѣ земли, въ которыхъ жили іудеи, они прямо отправились домой, горя нетерпѣніемъ высказать своему князю то впечатлѣніе, которое на нихъ произвела греческая православная вѣра.

Снова въ Кіевѣ собрался совѣтъ, ибо князь велѣлъ сообщить всѣмъ дружинникамъ и старѣйшинамъ, что прибыли мужи, испытавшіе вѣру. Самъ Владиміръ уже напередъ рѣшилъ вопросъ о превосходствѣ вѣры греческой надъ другими вѣрами, но, не желая столь важнаго дѣла рѣшать безъ дружины, велѣлъ посланникамъ еще разъ передъ всѣмъ собраніемъ повторить разсказъ о путешествіи. „Были мы у болгаръ,—сказали мужи,—видѣли, какъ они въ своихъ храмахъ стоятъ безъ пояса, поклоняются и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонамъ, какъ бѣшеные; не весело у нихъ, но печально; не хорошъ ихъ законъ. Были у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли къ грекамъ, и повели они насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу. И не знаемъ, на землѣ ли мы были, или на небѣ. Такой красоты на землѣ нѣтъ; мы можемъ сказать только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть этой красоты. Мы, какъ каждый человѣкъ, который попробовалъ сладкаго, не можетъ тоже вкушать горькаго". Выслушавъ такую рѣчь, дружина сказала князю: „Еслибъ плохъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его твоя бабушка, Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей".

Примѣръ предковъ имѣлъ громадное значеніе для Владиміра и его дружины. И въ самомъ дѣлѣ, они хотя были сами язычники, но привыкли видѣть около себя постоянно православныхъ христіанъ, жившихъ въ Кіевѣ, привыкли къ разнымъ сношеніямъ съ греческимъ народомъ. Къ другой вѣрѣ имъ странно было бы привыкнуть, но греческая была имъ болѣе или менѣе извѣстна. Поэтому Владиміръ спросилъ: „Гдѣ пріимемъ крещеніе?"—„Гдѣ тебѣ угодно", былъ отвѣтъ.

Но гордый русскій князь не хотѣлъ посылать къ грекамъ

просить о присылкѣ священниковъ и потому сталъ самъ готовиться въ походъ на греческую землю.

III.

Сильная русская рать, подъ начальствомъ самого князя, отправилась изъ Кіева. Цѣлью настоящаго похода былъ не Константинополь, а городъ Корсунь, построенный греками тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Севастополь, т.-е. на берегу Чернаго моря, въ Крыму. Русскій князь подступилъ къ городу, и началась осада, потому что корсунцы, даже послѣ неудачной для нихъ битвы въ открытомъ полѣ, отказались сдаться. Владиміръ объявилъ, что цѣлыхъ три года будетъ стоять подъ городомъ и, такимъ образомъ, или возьметъ силою, или голодомъ принудитъ ихъ къ сдачѣ.

Корсунцы, однако, не унывали и рѣшились защищаться до послѣдней крайности, надѣясь на свои крѣпкія стѣны, разрушить которыя было чрезвычайно трудно. Владиміръ началъ съ того, что приказалъ насыпать высокій валъ передъ городомъ; онъ думалъ, что русскіе стрѣлки, стоя на вершинѣ этого вала, будутъ въ состояніи пускать стрѣлы въ городъ и убивать всякаго, показывающагося на городской стѣнѣ. Корсунцы сообразили въ чемъ дѣло и пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы избѣжать угрожающей имъ опасности. Они сдѣлали подземный выходъ изъ города къ валу и ночью разрушили то, чтó днемъ успѣли построить непріятели, а чтобы земля отъ разрушеннаго вала не повышала почвы передъ стѣнами и такимъ образомъ не облегчала русскимъ воинамъ попытокъ взобраться на стѣны, они уносили ее съ собою и наваливали на одну площадь среди города. Скоро въ городѣ отъ этого выросла цѣлая гора. Владиміръ былъ чрезвычайно недоволенъ медленностью, съ которой шла осада города, но терпѣливо ждалъ лучшихъ обстоятельствъ. Вдругъ однажды приносятъ ему стрѣлу, къ которой привязано письмо. Стрѣла, какъ потомъ оказалось, была пущена однимъ изъ осажденныхъ, нѣкіимъ Настасомъ. Въ письмѣ значилось, что невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ

была палатка русскаго князя, находится колодезь, отъ котораго подземными трубами вода идетъ въ городъ и такимъ образомъ снабжаетъ его питьемъ. Письмо совѣтовало отыскать мѣсто, по которому идутъ трубы, и, разрушивъ ихъ, перенять воду. Какова же была радость Владиміра, когда онъ возымѣлъ снова надежду въ скоромъ времени покончить съ могущественнымъ городомъ! „Если это сбудется, то я крещусь“, воскликнулъ обрадованный князь и велѣлъ искать подземныхъ трубъ. Онѣ были найдены, засыпаны, и вода такимъ образомъ перестала проходить въ городъ, жители котораго, изнемогая отъ жажды, должны были открыть ворота осаждающимъ.

Удача Владиміра подъ Корсунью должна была еще больше расположить его въ пользу христіанства: въ ней онъ видѣлъ новое доказательство величія и всемогущества христіанскаго Бога, смиряющаго по своей волѣ крѣпкіе города и дарующаго побѣды тамъ, гдѣ всѣ человѣческія силы дѣйствовали безуспѣшно. Да кромѣ того, Владиміръ теперь былъ связанъ своимъ словомъ, — связанъ обѣщаніемъ, которое онъ далъ, получивъ письмо Настаса. Поэтому, вошедши въ завоеванный городъ, русскій князь немедленно послалъ пословъ къ греческимъ царямъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Я взялъ славный городъ Корсунь. Слыхалъ я, что у васъ есть дѣвица сестра; дайте мнѣ ее въ замужество, а то и съ вашимъ городомъ (Константинополемъ) сдѣлаю то, что̀ съ этимъ“. Греческіе цари (тогда въ Греціи царствовало два царя: Василій и Константинъ) сильно опечалились этимъ извѣстіемъ: имъ, во-первыхъ, жаль было города, уже занятаго русскими, а во-вторыхъ, нужно было бояться и за Константинополь, потому что было извѣстно, что русскій народъ нравомъ лютъ и суровъ, шутить не станетъ. Тѣмъ не менѣе они не рѣшались выдавать сестры за язычника и потому послали слѣдующій отвѣтъ: „Непристойно христіанкамъ сочетаться бракомъ съ язычниками; если ты крестишься, то получишь нашу сестру и царствіе небесное, и будешь намъ единовѣрцемъ; если же нѣтъ, то не выдадимъ сестры за тебя“. Владиміръ отвѣчалъ: „Скажите царямъ, что

я крещусь; я уже прежде испытывалъ ихъ вѣру, она мнѣ нравится; она понравилась и мужамъ, которыхъ я послалъ". Цари, не довѣряя, вѣроятно, словамъ русскаго князя, опять послали сказать послѣднему: „Крестись прежде, а потомъ мы пошлемъ сестру". Владиміръ отвѣчалъ: „Пусть тѣ, которые пріѣдутъ съ царевною, окрестятъ меня".

Тутъ уже не подлежало сомнѣнію, что русскій князь въ самомъ дѣлѣ желаетъ перемѣнить вѣру. Цари и народъ константинопольскій очень радовались этому случаю, потому что видѣли себя безопасными отъ постоянныхъ набѣговъ сѣверныхъ сосѣдей.

Не радовалась только царская сестра, по имени Анна. „Иду какъ въ полонъ,—говорила она,—лучше бы мнѣ умереть!" И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Анны было прискорбно: она должна была выходить за человѣка, котораго и въ глаза не видѣла, но про лютый и жестокій нравъ котораго слыхала неоднократно; она, привычная къ роскошной жизни въ прелестномъ родномъ городѣ, должна была удалиться на чужбину, на далекій сѣверъ, въ общество людей, которые считались полудикими. Горько плакала бѣдная царевна и упрашивала братьевъ не дѣлать изъ нея ни въ чемъ неповинной жертвы. Но братья говорили ей: „Черезъ тебя Богъ хочетъ обратить русскую землю на путь истинной вѣры и избавить Грецію отъ лютой рати. Развѣ ты не знаешь, сколько вреда нанесли русскіе грекамъ? Они и теперь станутъ продолжать войну, если ты не пойдешь". Быть спасительницею своего отечества и виновницею крещенія цѣлаго народа—это такая честь, ради которой каждый порядочный человѣкъ долженъ пожертвовать собою. Поэтому царевна Анна, скрѣпя сердце, сѣла на корабль и поплыла къ русскому князю. Корсунцы и русская дружина съ Владиміромъ во главѣ вышли на берегъ, встрѣтили царевну и торжественно проводили ее въ городъ. Но тутъ, неизвѣстно почему, Владиміръ сталъ медлить и не принималъ крещенія. Вѣроятно, чѣмъ болѣе приближалась рѣшительная минута, тѣмъ болѣе русскій князь считалъ нужнымъ еще пораздумать. Между тѣмъ, онъ за-

болѣлъ глазами. Княжна послала сказать ему, что если онъ приметъ крещеніе, то Богъ исцѣлитъ болѣзнь его. Владиміръ наконецъ рѣшился. Великое торжество было по этому поводу во всемъ городѣ. Въ главной церкви, построенной среди торговой площади, со страхомъ и благоговѣніемъ въ сердцѣ приступилъ князь къ принятію важнѣйшаго изъ христіанскихъ таинствъ, которое надъ нимъ совершилъ греческій епископъ. Преданіе говоритъ, что немедленно послѣ крещенія Владиміръ прозрѣлъ и воскликнулъ: „Въ первый разъ я увидѣлъ истиннаго Бога“. При крещеніи Владиміръ получилъ имя Василія, но продолжалъ называться попрежнему. Сыновья князя, бывшіе съ отцомъ въ корсунскомъ походѣ, и большая часть дружины тоже крестились.

Не долго послѣ этого Владиміръ оставался въ Корсунѣ. Отдавъ этотъ городъ греческимъ царямъ въ вѣно, т.-е. какъ плату за жену (мы знаемъ, что у славянъ существовалъ этотъ обычай), и построивъ на холмѣ, явившемся во время осады на городской площади, церковь въ память своего крещенія, русскій князь отправился въ Кіевъ. За нимъ послѣдовали обвѣнчавшаяся съ нимъ Анна и многіе священники, которые были присланы изъ Греціи для распространенія св. вѣры между русскимъ народомъ. Священники эти были главнымъ образомъ изъ народа болгарскаго, подчиненнаго грекамъ. Болгаре (не камскіе: то были магометане, а дунайскіе) исповѣдывали уже тогда христіанскую вѣру. Они были славянскаго племени, а потому и по языку похожи были на русскихъ. Въ то время, когда грекамъ очень трудно было усвоить себѣ русскую рѣчь, болгаре скоро привыкали къ ней, да и безъ изученія говорили языкомъ, весьма близкимъ къ русскому, а потому и понятнымъ для русскаго народа. У этихъ болгаръ была уже и своя азбука, и священныя книги, переведенныя св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Языкъ, употребляемый до настоящаго времени при православномъ богослуженіи, есть тотъ же древній болгарскій съ самыми незначительными измѣненіями.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ сталъ ревностно за-



Ниспроверженіе идола главнаго языческаго бога Перуна. (Стр. 80).

ботиться о крещеніи своего народа. Многіе жители Кіева немедленно-же послѣдовали примѣру своего князя и изъявили готовность принять крещеніе; но многіе не хотѣли отказаться отъ боговъ своихъ и принимать то ученіе, которое распространяли, ходя по городу и проповѣдуя на улицахъ и площадяхъ, священники, прибывшіе съ княземъ. Наконецъ Владиміръ приступилъ къ разрушенію изображеній языческихъ боговъ. Полюбившій всѣмъ сердцемъ новую вѣру, Владиміръ не могъ равнодушно смотрѣть на идоловъ; они напоминали ему его же собственные прежніе грѣхи: какъ онъ молился имъ, какъ приносилъ жертвы. Притомъ Владиміръ разрушеніемъ идоловъ хотѣлъ показать закоренѣлымъ язычникамъ, что ихъ боги лишены всякой силы, всякаго значенія. Деревянные идолы сожигались, а каменные были кидаемы на дно рѣки. Самому главному языческому богу устроили и самое торжественное ниспроверженіе.

Богатую статую Перуна, съ серебряною головою и золотыми усами, повергли на землю, привязали къ хвосту коня и такимъ образомъ съ горы поволокли къ рѣкѣ Днѣпру. Народъ, между которымъ было много язычниковъ, въ недоумѣніи смотрѣлъ на это странное зрѣлище. Нѣкоторые думали, что оскорбленный богъ тутъ-то покажетъ свое могущество и поразитъ громомъ отступника-князя и его христіанскую свиту; но не тутъ-то было: солнце свѣтило ярко, вся природа, казалось, улыбалась, и ниспровергнутый богъ потащился къ рѣкѣ. Нѣкоторые изъ христіанъ били его палками, не потому, чтобы они думали, что дерево чувствуетъ удары, а потому, чтобы показать свою нелюбовь къ старой вѣрѣ и полное безсиліе послѣдней. Нѣкоторые изъ язычниковъ, видя поруганіе повелителя грома и молніи, тутъ же порѣшили принять новую вѣру, а другіе оплакивали паденіе своего бога. Наконецъ тяжелый идолъ ринулся въ волны съ крутого берега и спрятался подъ поверхность воды. Весь берегъ Днѣпра былъ занятъ зрителями. Спустя немного времени, онъ показался снова, потомъ опять показался и такъ продолжалъ плыть по теченію рѣки.

„Выдубай (выплывай), нашъ боже!“ кричали закоренѣлые язычники, надѣявшіеся каждый разъ, когда изъ-подъ воды показывался идолъ, что вотъ настанетъ минута мщенія. Но богъ продолжалъ плыть спокойно, оставивъ послѣ себя ту память, что у того мѣста, гдѣ онъ „выдубалъ“, стоитъ теперь прекрасный христіанскій монастырь, извѣстный подъ именемъ Выдубицкаго. Владиміръ послалъ всадниковъ, обязанностью которыхъ было сопровождать плаваніе идола до пороговъ и отталкивать его на средину рѣки, если гдѣ нибудь случайно теченіемъ припретъ его къ берегу.

Видя, однако, что примѣръ дружины, проповѣдь священниковъ и уничтоженіе идоловъ подѣйствовали не на всѣхъ, Владиміръ рѣшился прибѣгнуть къ новому, сильному, рѣшительному средству: онъ велѣлъ оповѣстить по городу, что всякій— и богатый, и убогій, и нищій, и работникъ,—долженъ явиться къ рѣкѣ, а иначе противенъ будетъ князю“. Въ назначенный день явилась цѣлая толпа на берегъ Днѣпра. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Одни сидѣли на берегу, другіе вошли въ воду. Иные по шею погрузились, такъ что надъ водою торчали только бритыя головы съ узкою косичкою на темени (такого рода прическа часто встрѣчалась у славянъ). Крещеные люди ходили по рѣкѣ, служа воспріемниками и поучая, какъ держаться во время крещенія. Наконецъ явились князь съ княгинею, митрополитъ Михаилъ, много духовенства, дружинниковъ. Князь былъ въ торжественной одеждѣ, духовенство—тоже. На берегъ вынесли кресты и хоругви, и началось крещеніе. „Господи, сотворившій небо и землю!—молился князь:—взгляни на сихъ новыхъ людей и дай имъ увидѣть царство Твое! Утверди въ нихъ правую и несовратимую вѣру, а мнѣ помоги на всякаго врага!“ Потомъ народъ, стоявшій въ рѣкѣ, раздѣлили на нѣсколько группъ, и каждой группѣ, давая одно имя, совершили обрядъ крещенія.

Наконецъ-то сбылось пророчество св. Андрея. Городъ, возвышавшійся на берегу Днѣпра, принялъ крестъ и сталъ славить истиннаго Бога. Владиміръ построилъ много церквей,

между прочимъ, одну на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Ее строили греческіе мастера; украшена она была иконами, писанными въ Греціи, и снабжена сосудами, присланными оттуда же.

Надзоръ за нею ввѣренъ былъ Настасу Корсунянину, и служба въ ней должна была совершаться по-гречески. Въ Кіевѣ не осталось больше язычниковъ, потому что тѣ, которые оплакивали ниспроверженіе Перуна, или крестились, разсудивъ, что новая вѣра, должно быть, хороша, такъ какъ ее приняли князь и дружинники, или сочли за нужное удалиться изъ города въ лѣса и степи, чтобы не подвергнуться гнѣву князя. Впрочемъ, такихъ упорныхъ было не очень много.

Но не во всѣхъ городахъ вѣра Христова восторжествовала столь спокойнымъ образомъ, какъ въ Кіевѣ. Въ городахъ сѣверныхъ, дальше отстоящихъ отъ греческой земли, а потому менѣе знакомыхъ съ греками и ихъ вѣрою, язычество было причиною явнаго возмущенія противъ воли Владиміра. Особенно сильно было неудовольствіе въ Новгородѣ. Когда княжескіе воеводы пришли въ этотъ городъ съ цѣлью крестить народъ, послѣдній возсталъ подъ вліяніемъ убѣжденія языческаго жреца или волхва Богомила, прозваннаго за свое краснорѣчіе соловьемъ. Новгородцы не пустили къ себѣ воеводъ и стали совершать разныя насилія надъ тѣми изъ христіанъ, которые жили въ городѣ.

Воевода Путята повелъ войска на мятежниковъ, которыми предводительствовалъ какой-то Угоняй, и завязалъ съ ними битву. Угоняй все кричалъ: „Лучше намъ умереть, чѣмъ дать своихъ боговъ на поруганіе". Съ другой стороны двинулся на городъ съ дружиною воевода Добрыня, и для того, чтобы задать новгородцамъ больше страху, поджегъ нѣсколько домовъ. Стѣсненные съ двухъ сторонъ, новгородцы покорились и пустили княжескую дружину въ городъ, а она сейчасъ же принялась за истребленіе идоловъ. „Охота вамъ жалѣть о тѣхъ, сказалъ плачущимъ новгородцамъ Добрыня, которые себя оборонить не могутъ? Какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?" Пе-

рунъ новгородскій спущенъ былъ въ Волховъ, и христіане оттолкнули его отъ берега со словами: „Перунище! ты долго ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плыви".

Такимъ образомъ и въ Новгородѣ утвердилась новая вѣра, но память про ея кровопролитное начало сохранилась въ слѣдующей поговоркѣ, долго употреблявшейся въ городѣ: „Путята креститъ мечемъ, а Добрыня—огнемъ".

Хотя народъ и принялъ христіанство, но тѣмъ не менѣе, по своей необразованности, сначала мало понималъ его, а потому и возмущался противъ него. Нерѣдко случалось, что изъ темнаго лѣса выходили проповѣдники язычества, возбуждали суевѣрный народъ къ возмущенію, грозили ему въ противномъ случаѣ разными несчастіями и такимъ образомъ пріобрѣтали себѣ приверженцевъ. Но большинство русскихъ не хотѣло отставать отъ креста, а благочестивые князья тщательно преслѣдовали возмутителей и, то силою оружія, то убѣжденіемъ смиряли совращенныхъ людей и заставляли ихъ не покидать христовой вѣры. Такъ, напр., при одномъ изъ наслѣдниковъ Владиміра, въ городѣ Бѣлозерскѣ явился волхвъ Онѣма съ товарищами, переманившій въ свою сторону многихъ жителей. Противъ бѣлозерцевъ посланъ былъ воевода Янъ, захватившій волхва.

— Боги намъ сказали,—говорилъ Онѣма,—что ты не можешь намъ ничего сдѣлать.

— Лгутъ ваши боги.

— Ты намъ ничего не сдѣлаешь, а доставишь насъ только къ князю.

Янъ повелѣлъ бить Онѣму и другихъ волхвовъ, бывшихъ съ нимъ, и спросилъ: „А что вамъ говорятъ боги?"

— То, что стать намъ передъ княземъ,—сказалъ Онѣма.

Янъ сталъ ихъ бить пуще прежняго, потомъ спросилъ опять: „А что вамъ говорятъ боги?"

— Они говорятъ, что не быть намъ живыми отъ тебя,—былъ отвѣтъ.

— Теперь они говорятъ правду,—выговорилъ съ насмѣшкою Янъ.

— Но если,—продолжали волхвы,—освободишь насъ, то много добра тебѣ прибудетъ; если же нѣтъ—подвергнешься несчастію.

— Еслибы я васъ вздумалъ отпустить, то заслужилъ бы наказаніе отъ Бога,—сказалъ Янъ и велѣлъ умертвить волхвовъ.

Въ самомъ Новгородѣ, лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ смерти Владиміра, совершилась подобная же исторія. Князь Глѣбъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, спрятавъ подъ одежду топоръ, подошелъ къ волхву, возмутившему народъ, и спросилъ:

— Знаешь ли, что̀ будетъ завтра?

— Знаю, — сказалъ волхвъ.

— А знаешь ли, что̀ будетъ сегодня?

— Знаю; я сотворю великія чудеса.

Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый, а народъ, убѣдившись въ безсиліи и лживости своего проповѣдника, успокоился.

Долго еще послѣ принятія христіанства повторялись языческія суевѣрія, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи они и теперь существуютъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ значительнѣе они уменьшаются, и можно надѣяться, что выведутся современемъ совсѣмъ.

Владиміръ крестился въ 988 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ крещенъ былъ кіевскій народъ, стоитъ теперь красивый памятникъ, состоящій изъ часовни, на которой возвышается большая колонна съ крестомъ на верхушкѣ.

IV.

Христіанская вѣра есть вѣра любви и мира. Она велитъ во всякомъ человѣкѣ видѣть брата, никого не обижать, прощать даже враговъ своихъ, однимъ словомъ, дѣлать другимъ то, что мы сами желали бы получить отъ другихъ. Правда, и между христіанами встрѣчалось и встрѣчается много людей, которые готовы наживаться на счетъ ближнихъ, притѣснять ихъ, дѣлать имъ зло, заботиться только о самихъ себѣ; но

такіе люди не понимаютъ заповѣдей Христовыхъ или забываютъ ихъ. Христіанская вѣра требуетъ добрыхъ дѣлъ и честнаго исполненія своихъ обязанностей. Конечно, явившись среди людей невѣжественныхъ и грубыхъ, привычныхъ къ постояннымъ войнамъ, христіанская вѣра не могла ихъ переродить сразу. Но тѣ люди, которые отдались ей всею душою, измѣнились значительно къ лучшему. Такимъ человѣкомъ былъ, напримѣръ, князь Владиміръ.

Трудно себѣ представить человѣка, который бы жилъ беззаконнѣе его до 988 года: онъ измѣнническимъ образомъ убилъ родного брата, правдою и неправдою старался извести враговъ своихъ, безпокоилъ сосѣдей постоянными набѣгами изъ желанія разграбить ихъ имущество и обогатиться самому, держалъ нѣсколько сотъ женъ и т. д. Тотъ же Владиміръ представляется намъ совершенно другимъ послѣ крещенія: неизвѣстно куда дѣвался его воинственный задоръ, исчезла жестокость, исчезла заботливость о себѣ. Владиміръ сталъ жить только для распространенія и укрѣпленія новой вѣры, да для блага народа, даннаго ему Богомъ въ подданство. Греческая царевна сдѣлалась его единственною женою по христіанскому закону и ревностно помогала ему въ исполненіи его добрыхъ намѣреній.

Владиміръ любилъ строить церкви и, какъ мы уже видѣли, воздвигалъ послѣднія тамъ, гдѣ прежде стояли языческіе идолы. Украшеніе церквей и снабженіе ихъ доходами составляло также одну изъ важнѣйшихъ заботъ Владиміра. Докончивъ постройку церкви на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда кіевскій Перунъ, Владиміръ сказалъ: „Даю этой церкви десятую часть отъ имѣнія моего и отъ городовъ моихъ“,—поэтому и церковь эта получила названіе Десятинной. Освященіе ея праздновалось великолѣпными пирами, на которые сходились ко двору княжескому не только знатные, но и самые бѣдные люди, даже нищіе, просившіе подаянія. Слѣдуя христіанскому закону, князь не гнушался бѣднымъ людомъ и охотно протягивалъ руку помощи. Узнавъ отъ священниковъ и изъ церковныхъ книгъ, что всякій истинный христіанинъ долженъ подавать

милостыню, Владиміръ щедро раздавалъ деньги неимущимъ, кормилъ ихъ на своемъ дворѣ цѣлыми сотнями, не забывалъ даже тѣхъ, которые по болѣзни и старости не были въ состояніи дотащиться до его двора. Съ этою цѣлью онъ въ праздники велѣлъ развозить по городу въ большихъ возахъ хлѣбъ, мясо, плоды, медъ, пиво и другіе съѣстные припасы, а кучеръ долженъ былъ постоянно кричать: „Гдѣ больные и нищіе, не могущіе ходить?“ Все добро, находившееся въ возахъ, предназначалось для нихъ. Угощенія по городу и при дворѣ повторялись довольно часто, чуть ли не каждый праздникъ. Освященіе церквей, успѣхъ въ томъ или въ другомъ предпріятіи всегда вызывали собою пиры на славу.

Такъ, напр., однажды печенѣги (народъ, вытѣснившій хозаръ и зажившій въ ихъ степяхъ) сдѣлали нечаянный набѣгъ на окрестности Кіева. Владиміръ былъ застигнутъ врасплохъ и, встрѣтивъ печенѣговъ, не рѣшился съ малою дружиною начать битву, а спрятался подъ мостъ. Большая опасность грозила князю: враги могли найти и умертвить. По счастію этого не случилось, и Владиміръ, въ память своего избавленія, построилъ церковь и задалъ пиръ, продолжавшійся цѣлыхъ восемь дней. За эти-то угощенія народъ прозвалъ Владиміра „Краснымъ солнышкомъ“ и сохранилъ о немъ память до настоящаго времени въ своихъ пѣсняхъ или былинахъ. Въ одной изъ былинъ говорится вотъ чтò:

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра,
Было пированіе, почотный пиръ,
Было столованіе, почотный столъ.
Много на пиру было всякихъ людей,
Много русскихъ могучихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Самъ Владиміръ—князь по горенкѣ прохаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ.

Повиновеніе свое правиламъ христіанскаго ученія Владиміръ доводилъ иногда до крайности: такъ, напримѣръ, онъ одно время отказался-было казнить разбойниковъ, говоря, что Богъ запрещаетъ убивать ближнихъ. Между тѣмъ, разбои тогда очень часто случались на Руси. Глухія лѣсныя дебри служили надежнымъ убѣжищемъ для худыхъ людей, промышляющихъ не трудомъ, а захватомъ чужой собственности. Притомъ въ лѣса удалилось много язычниковъ, сопротивлявшихся принятію христіанства. Эти-то язычники ненавидѣли новый порядокъ и всѣми средствами старались вредить христіанскому народу и его князю. Видя, что милосердіе Владиміра только увеличиваетъ дерзость разбойниковъ, а не укрощаетъ ихъ, священники стали говорить ему, что Богъ, ввѣривъ его заботамъ русскую землю, не хочетъ, чтобы она страдала отъ злыхъ людей. Лучше, говорили они, казнить разбойника, чѣмъ дать ему возможность губить честныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ людей. Владиміръ, замѣтивъ свою ошибку, сталъ строже, и, дѣйствительно, разбои уменьшились.

Будучи язычникомъ, Владиміръ постоянно безпокоилъ сосѣдей походами, предпринимаемыми съ цѣлью добыть себѣ разнаго добра. Теперь же онъ сталъ жить мирно и не трогалъ тѣхъ, напр., венгерцевъ и поляковъ, которые его не трогали. Но онъ не забылъ владѣть оружіемъ и храбро отбивался отъ всякаго врага, дѣлавшаго на Русь набѣги. Онъ не могъ вытерпѣть, чтобы зло, сдѣланное его народу, оставалось безъ наказанія. Изо всѣхъ народовъ, безпокоившихъ тогда Русь, самымъ драчливымъ были печенѣги. Они всегда шныряли по степямъ, прилегавшимъ къ Днѣпру, и поджидали купцовъ, идущихъ изъ Греціи на Русь и изъ Руси въ Грецію, которыхъ старались ограбить. Самымъ опаснымъ мѣстомъ для купцовъ были пороги, т.-е. каменистыя гряды, загромождавшія рѣку и дѣлавшія невозможнымъ плаваніе по ней. Купцы обыкновенно на этомъ мѣстѣ выходили на берегъ, вытаскивали свои лодки, волокли ихъ по землѣ и, миновавъ пороги, продолжали плаваніе. Близъ этихъ-то пороговъ всегда сторожили

печенѣги, и рѣдкимъ купцамъ удавалось безъ боя пройти это опасное мѣсто. Иногда печенѣги дѣлали нападенія на русскіе города и деревни, но въ большей части случаевъ встрѣчали храбрый отпоръ. Однажды печенѣги напали на Бѣлградъ и осадили его. Жители, застигнутые врасплохъ, не запаслись достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и потому, принуждаемые голодомъ, рѣшились имъ сдаться. Мы умираемъ съ голоду,—говорили они на вѣчѣ,—чѣмъ умирать съ голоду, не лучше ли отдаться печенѣгамъ: они кого убьютъ, а кого и отпустятъ". Но этому рѣшенію воспротивился одинъ старецъ, убѣдившій подождать еще нѣсколько дней и довѣриться ему вполнѣ. „Соберите, сказалъ онъ, хоть по горсти овса, или пшена, или отрубей". Когда это было исполнено, онъ велѣлъ сварить принесенное, какъ варятъ кисель, потомъ выкопать колодезь и вставить въ него кадку съ варевомъ. Затѣмъ велѣлъ сыскать меду, разсытить его и влить въ другую кадку, вставленную тоже въ колодезь. На слѣдующій день явились послы печенѣжскіе, убѣждавшіе русскихъ сдаться и говорившіе, что если они не сдадутся, то умрутъ голодною смертью. Печенѣгамъ отвѣчали: „Развѣ можете заставить насъ сдаться? Десять лѣтъ простоите и все-таки ничего не сдѣлаете, потому что насъ кормитъ земля; не вѣрите—посмотрите". Попробовали печенѣги съ обоихъ колодцевъ, подивились и сказали: „Князья не повѣрятъ, если сами не поѣдятъ". Осажденные дали имъ пищи и питья въ горшки, которые были представлены князьямъ печенѣжскимъ. Послѣдніе, полагая, что земля въ самомъ дѣлѣ кормитъ бѣлгородцевъ, не надѣялись болѣе взять голодомъ городъ и перестали осаждать его.

Въ другой разъ самъ Владиміръ вышелъ съ большою дружиною на печенѣговъ и изготовился къ битвѣ съ ними на берегахъ рѣки Трубежа. Подъѣхалъ къ русскому стану князь печенѣжскій, вызвалъ русскаго князя и сказалъ ему: „Выпусти своего мужа, а я выпущу своего. Пускай они сразятся. Коли твой побѣдитъ — я не буду воевать три года, коли мой—то буду". Владиміръ согласился и кликнулъ кличъ по всему стану,

но никто не рѣшался ступить въ единоборство. Всѣ знали, что печенѣжскій князь выпуститъ необыкновеннаго силача, и потому не хотѣли подвергать ни себя, ни своей родины вѣрной гибели. Владиміръ былъ очень печаленъ по этому поводу, какъ вдругъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: „Князь! я вышелъ съ четырьмя сыновьями, а меньшой сынъ остался у меня дома; съ дѣтства никто не могъ его ударить. Разъ я побранилъ его, а онъ мялъ кожи (поэтому онъ извѣстенъ подъ именемъ кожемяки) и, разсердясь на меня, перервалъ ихъ руками“. За силачомъ послали, и когда тотъ пришелъ, потребовали, чтобы онъ чѣмъ-нибудь доказалъ свою силу. Кожемяка велѣлъ привести сильнаго быка, котораго разсердили раскаленнымъ желѣзомъ и выпустили, въ присутствіи князя и дружины, на испытуемаго. Кожемяка хватилъ разъяренное животное за бокъ и вырвалъ у него одною рукою громадный клокъ кожи съ мясомъ. Владиміръ и вся дружина радовались, что нашли человѣка, который можетъ состязаться съ богатыремъ печенѣжскимъ. Въ назначенное время явился послѣдній. Онъ былъ силенъ, очень высокъ ростомъ и потому смѣялся надъ кожемякою, который былъ гораздо ниже его. Печенѣгъ разсчитывалъ на вѣрную побѣду, но горько ошибся: русскій силачъ свалилъ его на землю и задушилъ руками. Эта побѣда воодушевила русскихъ и устрашила печенѣговъ. Владиміра дружина бросилась на нихъ, многихъ изрубила мечами и топорами, остальныхъ прогнала далеко въ степи, и долго, вѣроятно, печенѣжскіе люди со страхомъ вспоминали про Яна Усмошвеца (такъ звали русскаго богатыря), бывшаго причиною ихъ несчастія.

Въ дружинѣ Владиміра было много храбрыхъ и могучихъ богатырей, которые защищали страну отъ внѣшнихъ враговъ, избавляя ее отъ разбойниковъ, и пировали за княжескимъ столомъ. Съ этими богатырями-дружинниками Владиміръ обходился ласково, спрашивалъ у нихъ всегда совѣта и щедро награждалъ за службу. Иногда дружинники спорили и бранились съ княземъ, особенно пьяные, но это имъ прощалось за

тѣ подвиги, которые они творили для пользы русской земли и для чести своего князя. Разъ, подпивши, дружинники стали роптать на князя, говоря: „Срамъ нашимъ головамъ! Ѣдимъ мы деревянными ложками, а не серебряными". Услышавъ такія рѣчи, князь велѣлъ исполнить желаніе капризныхъ дружинниковъ и, бросивъ серебряныя ложки на столъ, сказалъ: „Серебромъ и золотомъ не добуду дружину, а дружиною добуду серебро и золото, какъ добывали отецъ мой и дѣдъ". И правду сказалъ Владиміръ, потому что такихъ людей, какъ богатыри, входившіе въ составъ дружины его, нельзя достать за деньги. Всѣ они преданы русской землѣ, всѣ отъ души любятъ князя, умны, сильны, ловки и мужественны.

Народъ долго помнилъ про богатырей Владиміра, и еще до настоящаго времени, гдѣ-нибудь въ глухомъ уголкѣ Россіи, можно услышать былины про разныя хитрыя проказы богатыря Алеши Поповича, про сраженія Добрыни Никитича и про поѣздки богатырскія Ильи Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, крестьянинъ села Карачаева, считается главнымъ изъ богатырей Владиміровой дружины. Онъ много потрудился для русской земли, а потому русскій народъ про него сложилъ гораздо больше былинъ, чѣмъ про его товарищей. Въ этихъ былинахъ много выдумано, много преувеличено, но много и правды. Илья сражался съ разбойниками и съ чужими наѣздниками. Дорогу прямоѣзжую, какъ разсказываетъ былина, изъ Чернигова въ Кіевъ въ продолженіе тридцати лѣтъ залегало какое-то чудовище, извѣстное подъ именемъ Соловья-разбойника. Много могучихъ богатырей, пытавшихся проѣхать дорогою прямоѣзжею, находили смерть, потому что чудовище, не говоря уже о силѣ, однимъ крикомъ и свистомъ могло оглушить и напугать всякаго. Оно жило во дворцѣ, заборъ котораго былъ утыканъ головами, снятыми съ плечъ добрыхъ молодцовъ; у него въ кладовыхъ было много чистаго серебра, красна золота и скатна жемчуга. Вѣроятно, подъ именемъ чудовища былина хочетъ изобразить разбойниковъ, которые тогда залегали лѣсныя дороги, грабя и убивая

путешественниковъ. Илья поѣхалъ дорогой прямоѣзжею, не испугался крика соловьинаго и пустилъ въ Соловья-разбойника стрѣлу, которая попала въ глазъ. Плѣнный Соловей былъ привезенъ въ Кіевъ къ ласкову князю Владиміру и здѣсь былъ казненъ Ильею за свои долголѣтнія преступленія. Илья побѣдилъ какое-то другое чудище, называемое Идолищемъ-Поганымъ. Оно, по выраженію былины,

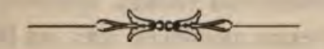
По семи ведеръ пива пьетъ,
По семи пудъ хлѣба кушаетъ.

Впрочемъ, и самъ Илья, по словамъ былины, ѣстъ, а особенно пьетъ и спитъ изрядно: онъ пріиметъ чашу зелена вина въ полтора ведра единою рукою и выпьетъ ее единымъ духомъ; спать онъ можетъ по двѣнадцати сутокъ. Сила его тоже соразмѣрна съ этими способностями: палкою въ девяносто пудъ размахиваетъ какъ тросточкой и одинъ выходитъ на сраженіе съ цѣлыми арміями. Такимъ образомъ онъ освобождаетъ Черниговъ и Кіевъ отъ враговъ, осаждавшихъ эти города. Но, несмотря на свою исполинскую силу, этотъ богатырь нравомъ кротокъ и смиренъ, никого первый не тронетъ и готовъ даже простить своему обидчику. На него разъ напали станишники (разбойники), и онъ, не пожелавъ пролить крови человѣческой, а замѣтивъ, что они раскаялись, отпустилъ ихъ съ Богомъ на свободу. Были и завистники у Ильи, какъ, напримѣръ, Алеша Поповичъ: онъ дошелъ до того, что однажды, когда князь Владиміръ предложилъ Ильѣ Муромцу, крестьянскому сыну, занять за столомъ первое мѣсто, пустилъ въ Илью ножомъ; но Илья поймалъ на-лету ножъ и преспокойно воткнулъ его въ столъ. Никогда потомъ онъ не мстилъ, не выговаривалъ Алешѣ его сквернаго поступка.

При Владимірѣ стали впервые на Руси учить грамотѣ. Этотъ князь велѣлъ открыть школы для мальчиковъ и насильно бралъ иногда послѣднихъ и отдавалъ въ книжное ученіе. Владиміръ хотѣлъ, чтобы какъ можно больше священниковъ было изъ русскихъ, а не изъ иностранцевъ; а такъ какъ священнику для церковнаго обихода необходимо умѣть читать, то и

позаботился о школахъ. Насильно же Владиміръ отдавалъ дѣтей учиться потому, что отцы и матери, не понимая пользы ученія, никакъ не хотѣли добровольно посылать дѣтей въ школы. Учителями были священники, потому что тогда, да и много лѣтъ спустя, никто, кромѣ нихъ, не зналъ грамотѣ на Руси.

Послѣдніе годы жизни Владиміръ преимущественно проводилъ въ селѣ Берестовѣ, около Кіева, въ незатѣйливомъ деревянномъ домѣ, построенномъ на столбахъ. Умеръ онъ въ 1015 г. Придворные желали нѣкоторое время скрыть его смерть, чтобы, давъ знать другимъ дѣтямъ Владиміра, помѣшать нелюбимому всѣми Святополку, одному изъ сыновей, завладѣть кіевскимъ престоломъ. Между тѣмъ, Святополкъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ происходило въ Берестовѣ, ожидая смерти отца. Для соблюденія тайны придворные ночью подвели сани подъ домъ, выломали полъ въ спальнѣ князя, завернули мертвое тѣло въ коверъ, спустили въ сани въ отверстіе и повезли въ Кіевъ. Замѣчательно, что тѣло Владиміра везли на саняхъ, хотя это было въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ Кіевѣ князя положили въ мраморную гробницу и поставили въ Десятинной церкви. Народъ плакалъ навзрыдъ о своемъ князѣ, а потому тайна продолжалась не долго: Святополкъ провѣдалъ, явился въ Кіевъ и разными неправдами добился престола. Правитъ онъ сталъ жестоко, и для того, чтобы ему никто не мѣшалъ, сталъ убивать одного за другимъ братьевъ своихъ. Но, наконецъ, братъ его Ярославъ, правившій въ Новгородѣ, пришелъ съ войскомъ къ Кіеву и самъ сѣлъ на престолъ отца своего, прогнавъ окаяннаго братоубійцу за границу.



КІЕВЪ, ВЛАДИМІРЪ и НОВГОРОДЪ.

I.

Въ древней Руси многое дѣлалось не такъ, какъ дѣлается въ наше время: были свои порядки, свои нравы, свои обычаи. Мы, напримѣръ, составляемъ одно нераздѣльное государство, во главѣ котораго стоитъ царь, передающій послѣ смерти своей власть старшему сыну; въ тѣ времена князь дѣлилъ свою область между сыновьями. Такимъ образомъ, послѣ смерти князя Ярослава Владиміровича, русская земля распалась на нѣсколько независимыхъ частей; потомъ эти части опять пошли дѣлиться на части, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока каждый болѣе или менѣе замѣчательный городокъ не сдѣлался почти совсѣмъ независимымъ княжествомъ. Нехорошо бываетъ въ домѣ, когда въ немъ много хозяевъ; нехорошо было и святой Руси, которою управляли цѣлыя дюжины князей. Они постоянно ссорились другъ съ другомъ, отнимали другъ у друга земли, не стояли единодушно за отчизну во время нашествія такихъ враговъ, какъ, напримѣръ, поляки, а иногда и сами наводили ихъ на Русь. Правда, князь кіевскій, прозывавшійся великимъ княземъ, долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы князья младшіе или удѣльные не поднимали бури, а жили въ мирѣ и согласіи; но случалось, что

великаго князя не слушали, грозили ему войною и т. д. Иногда же бывало, что великіе князья забывали свою обязанность мирить князей и стоять за русскую землю, а сами запускали руку въ чужой карманъ, т.-е. тѣснили и обижали удѣльныхъ князей. Горько доставалось отъ этого народу: князья постоянно враждовали другъ съ другомъ, значитъ нуждались въ большой дружинѣ, которой, какъ мы знаемъ, надо было платить, а потому брали тяжкія подати съ народа; иногда, считая свою дружину недостаточно сильною для борьбы съ противникомъ, они принуждали и простой народъ браться за оружіе, несмотря на то, что этимъ лишали жену мужа, мать—сына, дѣтей—отца. Шелъ русскій человѣкъ сражаться, несъ подъ мечъ свою буйную голову, оставляя и поле необработаннымъ, и семью безъ куска хлѣба. Добро бы, еслибъ еще идти противъ иноплеменниковъ, а то чаще приходилось бороться со своимъ же единовѣрцемъ и братомъ изъ-за того, что между князей, какъ говорится, пробѣжала сѣрая кошка, что они разсорились изъ-за пустяковъ.

Побѣда одной стороны надъ другою сопровождалась обыкновенно большими жестокостями: деревни сожигались, поля опустошались и т. д. А тѣмъ временемъ внѣшніе враги, пользуясь взаимною враждою князей, свободно расхаживали по нашему отечеству и безжалостно доканчивали разрушеніе и разграбленіе. Иногда народъ выходилъ изъ терпѣнія, собирался на вѣче, подымалъ бунтъ противъ князей своихъ, но на ихъ сторонѣ всегда была дружина, хорошо вооруженная и опытная въ военномъ дѣлѣ, которая обыкновенно усмиряла недовольныхъ. Дружинникамъ, конечно, пріятно видѣть постоянныя войны, потому что они знали, что водворись миръ въ русской землѣ—и тогда они не нужны князьямъ, которые не станутъ имъ ни платить жалованья, ни давать большихъ подарковъ. Да, наконецъ, въ военное время дружинники наживались грабежомъ, а потому они постоянно подстрекали князей къ междоусобіямъ. Князья обыкновенно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовались съ дружинниками, преимущественно съ храб-

рѣйшими и важнѣйшими изъ нихъ, которые назывались боярами, т.-е. людьми большими, лучшими.

Русскіе князья всѣ были родственники, но, тѣмъ не менѣе, они позволяли себѣ разныя жестокости другъ противъ друга: всѣ они были христіане, но немногіе только понимали, что Христосъ велѣлъ жить въ мирѣ съ ближними и не обижать ихъ; всѣ они были рождены и воспитаны на Руси, но, несмотря на то, немилосердно терзали свою мать-кормилицу Русскую землю. Случалось, что они цѣлыми десятками казнили своихъ подданныхъ за самыя ничтожныя преступленія, другъ другу выкалывали глаза, захватывали чужіе удѣлы, незаконно садились на чужой престолъ, силою и хитростью добывали себѣ великое княженіе Кіевское. Послѣднее должно было принадлежать старшему въ княжескомъ родѣ, а потому, послѣ смерти князя, переходило не къ его сыну, а къ его брату, и только тогда, когда братьевъ не станетъ, отдавалось по старшинству сыновьямъ.

Уже при дѣтяхъ Ярослава начались смуты. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, былъ выгнанъ изъ Кіева Святославомъ, своимъ братомъ, и только по смерти послѣдняго воротился опять на кіевскій престолъ, который, умирая, и передалъ другому брату, Всеволоду, княжившему прежде въ Переяславлѣ. Всеволодъ былъ князь добрый, но старый и малоспособный къ государственнымъ дѣламъ, а потому въ управленіи ему очень много помогалъ сынъ его Владиміръ.

Молодой Владиміръ Всеволодовичъ былъ человѣкъ, какихъ мало. Рано онъ обучился грамотѣ, что не часто случалось въ тѣ времена даже въ княжескихъ семействахъ, и охотно посвящалъ свободное время чтенію разныхъ книгъ, преимущественнно духовнаго содержанія.

Образованный умъ его не могъ не понять истинныхъ правилъ вѣры Христовой, которую онъ соблюдалъ не только хожденіемъ въ церковь, не только постомъ и молитвами, но и добрыми дѣлами.

Еще при жизни своего отца онъ былъ извѣстенъ кіевля-



Владимiръ Мономахъ охотится за туромъ. (Стр. 96).

намъ за человѣка необыкновенно добраго и щедраго; ни одинъ нищій не отходилъ отъ него съ пустыми руками, ни одинъ обиженный, попросившій заступничества у Владиміра, не могъ въ немъ не замѣтить самаго искренняго желанія помочь горю. Владиміръ жертвовалъ много въ пользу церквей и монастырей, былъ со всякимъ ласковъ и обходителенъ, отличался гостепріимствомъ и въ этомъ отношеніи былъ очень похожъ на своего прадѣда, который, какъ извѣстно, задавалъ пиры для убогихъ и богатыхъ. Снисходительный и ласковый къ добрымъ людямъ, Владиміръ былъ страшенъ для обидчиковъ и лиходѣевъ: дружинники его получали большое жалованье, богатые подарки, но грабить простой народъ они не смѣли, потому что за всѣмъ слѣдило зоркое око неутомимаго князя. Никто никогда не видѣлъ его въ бездѣйствіи; солнце не заставало его въ постели. Свободное отъ занятій время Владиміръ посвящалъ чтенію книгъ или охотѣ, которую очень любили наши предки. На конѣ или пѣшкомъ, онъ углублялся въ дремучіе лѣса, которыхъ тогда было гораздо больше на Руси, чѣмъ теперь, и преслѣдовалъ дикихъ звѣрей, медвѣдей, туровъ, лосей и волковъ. Храбростью и силою его Богъ не обидѣлъ, а потому даже опасная охота была для него пріятнымъ развлеченіемъ. И сколькимъ опасностямъ онъ подвергался! Онъ попадалъ на рога тура, подъ копыта лося, въ пасть волка, въ когти медвѣдя, но всегда выходилъ побѣдителемъ. Одна верховая ѣзда можетъ дать понятіе о томъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ: по сотнѣ и болѣе верстъ онъ могъ проскакать въ день на своемъ борзомъ конѣ и не чувствовалъ отъ этого ни разстройства, ни усталости. Храбрый и неутомимый въ преслѣдованіи дикихъ звѣрей, Владиміръ Всеволодовичъ на войнѣ былъ образцомъ для своей дружины и страшилищемъ для непріятелей. Въ походахъ онъ самъ распоряжался всѣмъ, самъ разставлялъ стражу, обходилъ лагерь, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, а если и спалъ, то не снимая тяжелаго вооруженія; никто изъ современныхъ ему князей не могъ такъ удачно расположить войска, такъ ловко пользоваться ошибками непрія-

теля. Владиміръ обыкновенно не только управлялъ войскомъ, но и самъ принималъ участіе въ каждой битвѣ. Гдѣ стрѣлы летятъ тучами, гдѣ копья стоятъ лѣсомъ, гдѣ воины падаютъ какъ подрубленныя деревья, тамъ непремѣнно Владиміръ, ободряющій своихъ воиновъ и расшибающій тяжелымъ мечомъ непріятельскіе шлемы. За свои военные подвиги онъ получилъ прозваніе Мономаха (слово греческое, означающее—единоборецъ), такъ какъ неоднократно случалось, что онъ, будучи одинъ, выходилъ побѣдоносно изъ сраженія со многими противниками.

Конечно, бывало не разъ, что его покрывали ранами, но онъ скоро оправлялся и снова становился во главѣ войска, чтобы сражаться не за себя, а за русскій народъ, за русскую землю.

Онъ часто говаривалъ, что за правду и отечество готовъ положить животъ свой, и, говоря это, онъ не лгалъ, потому что вся жизнь его, и въ мирѣ, и на войнѣ, доказываетъ искренность его словъ. Такимъ сыномъ Богъ одарилъ стараго великаго князя Всеволода Ярославича.

Когда скончался Всеволодъ, кіевляне собрались на вѣче и рѣшили просить Владиміра Мономаха принять власть надъ ними.

Въ тѣ времена, какъ мы знаемъ, наслѣдовалъ престолъ не сынъ, а старшій въ родѣ. Послѣ смерти Ярослава старшимъ былъ Изяславъ, потомъ Святославъ, потомъ Всеволодъ; а когда всѣ братья Ярославичи сошли въ могилу, то старшинство принадлежало сыну старшаго изъ нихъ, т.-е. Святополку Изяславичу. Владиміръ Мономахъ былъ не таковъ, чтобы ради власти нарушать законъ, и потому отказалъ кіевлянамъ въ ихъ просьбѣ, говоря, что если онъ сдѣлается великимъ княземъ, то на Руси настанутъ смуты, потому что Святополкъ будетъ оружіемъ искать престолъ, на который по старшинству онъ имѣетъ право. Владиміръ самъ послалъ за Святополкомъ, ввелъ его въ Кіевъ и потомъ удалился въ городъ Черниговъ.

Святополкъ не нравился кіевлянамъ по многимъ причинамъ: онъ, во-первыхъ, бралъ съ народа большія подати; во-

вторыхъ, позволилъ въ Кіевѣ селиться жидамъ, обманывавшимъ народъ въ торговлѣ и дававшимъ нуждающимся взаймы деньги съ большими процентами; въ-третьихъ, позволялъ дружинѣ притѣснять мирныхъ жителей, просьбъ и требованій которыхъ онъ не хотѣлъ и слушать. Съ грустью народъ вспоминалъ про времена Всеволода, когда Владиміръ управлялъ государствомъ и не давалъ никого въ обиду; но, нечего дѣлать, народъ терпѣлъ и спокойно переносилъ самыя разнообразныя бѣдствія, которыя падали на его голову.

Ко всему этому присоединилась еще новая бѣда—половцы. Они жили въ степяхъ, занимаемыхъ прежде хозарами и печенѣгами. По образу жизни они были большею частью кочевники, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ нападали на осѣдлую Русь, желая поживиться ея имуществомъ. Они грабили да жгли села и города, народъ уводили съ собою, а потомъ продавали въ рабство и, такимъ образомъ, дѣлали много вреда русской землѣ. Большая толпа ихъ, преимущественно состоявшая изъ конныхъ, бросилась на Русь и стала разорять ее. Многіе совѣтовали Святополку просить мира у враговъ и разными подарками задобрить ихъ, но великій князь рѣшился выступить противъ наѣздниковъ. „У меня,—говорилъ онъ,—восемьсотъ своихъ воиновъ, можемъ противъ нихъ устоять“.—„Не мѣшало бы тебѣ имѣть и восемь тысячъ,—говорили опытные,—потому что половцевъ очень много. Если хочешь непремѣнно воевать, то хоть пошли за Владиміромъ въ Черниговъ и попроси, чтобы онъ помогъ тебѣ“. Святополкъ на это согласился и сдѣлалъ, какъ ему совѣтовали. Владиміръ не заставилъ себя долго ждать, когда видѣлъ, что дѣло идетъ объ избавленіи Руси отъ враговъ, и пріѣхалъ въ Кіевъ съ дружиною. Но и Владиміръ видѣлъ, что силы мало для отраженія враговъ, а потому и онъ стоялъ за миръ съ половцами. Святополкъ настаивалъ на войнѣ, и Владиміръ, уважающій старшаго родича и великаго князя, покорно пошелъ съ нимъ въ походъ, хотя и зналъ, что не быть добру. Кромѣ Святополка и Владиміра, на половцевъ пошелъ еще третій русскій князь, Ростиславъ.

верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева князья встрѣтились съ половцами. Русскіе стояли по одной сторонѣ рѣки Стугны, половцы по другой. Число послѣднихъ было громадно и далеко превосходило немноголюдную русскую рать. Святополкъ былъ до того храбръ, что велѣлъ перейти рѣку и начать битву. Половцы дружно напали на дружину Святополка, разбили ее и обратились на Владиміра съ Ростиславомъ. Борьба была продолжительная; но враги все же одолѣли—и русское войско побѣжало. Между тѣмъ, рѣка заграждала путь къ отступленію, и русскіе должны были на коняхъ переплыть ее, чтобы спастись отъ преслѣдованія половцевъ. Много тутъ воиновъ потонуло, многихъ изъ плывущихъ половцы, стоя на берегу, перебили стрѣлами, пускаемыми изъ луковъ. Владиміръ, вмѣстѣ съ другими, тоже съ опасностью жизни переправлялся въ бродъ, какъ вдругъ видитъ, что Ростислава уноситъ теченіемъ и что ему грозитъ смерть. Владиміръ бросается самъ въ опасное мѣсто, но Ростислава спасти уже было нельзя, а теченіемъ схватило и Владиміра, котораго, впрочемъ, вѣрные дружинники спасли отъ неминуемой гибели. Послѣ этой несчастной битвы на берегахъ Стугны половцы разсѣялись по всему Кіевскому княжеству, и много бѣдъ было отъ нихъ тогда русской землѣ. Вотъ какъ одинъ очевидецъ описываетъ это смутное время: „Однихъ ведутъ въ полонъ, другихъ убиваютъ, иныхъ мучатъ, иные трепещутъ, видя смерть ближнихъ; другихъ морятъ голодомъ и жаждою. Города и села опустѣли. Въ полѣ, гдѣ прежде паслись кони, волы и овцы, теперь все выжжено; поля заросли травою, на нихъ поселились дикіе звѣри. Много христіанъ страдало въ плѣну: ведутъ ихъ печальныхъ, мучатъ зимою морозомъ; отъ голода, жажды и печали похудѣли ихъ лица, почернѣло тѣло; идутъ они по чужой землѣ наги и босы, говорятъ со слезами другъ другу: „Я изъ такого-то города, я изъ такого-то села“.

Половцы не унимались, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ русскихъ князей не совѣстились искать у нихъ помощи противъ своихъ же единоземцевъ. Таковъ, напримѣръ, былъ князь

Олегъ, который, обиженный на великаго князя за отдачу Черниговской области Мономаху, а не ему, нанималъ половцевъ и съ ними распространялъ горе по всей землѣ, за чтò и названъ „Гореславичемъ". Владиміръ Мономахъ сжалился надъ русскою землею и въ своей любви къ отечеству дошелъ до того, что уступилъ добровольно Черниговъ дерзкому Олегу, а самъ пошелъ въ младшій городъ Переяславль. Потомъ этотъ же князь созвалъ родственниковъ-князей въ городъ Любечъ на съѣздъ и здѣсь убѣждалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, ради любви къ русскому народу и русской землѣ.

Но не суждено было исполниться желаніямъ Владиміра Мономаха: любечскій съѣздъ успокоилъ не всѣхъ, а, напротивъ, сдѣлался поводомъ для новыхъ преступленій. Волынское княжество, находившееся на западной сторонѣ Руси, было раздѣлено на двѣ части: одна принадлежала князю Васильку, другая—князю Давиду. Послѣдній давно уже замышлялъ зло на своего сосѣда, но, не осмѣливаясь напасть на него открыто, рѣшился дѣйствовать хитростью. Онъ сталъ наговаривать на Василька передъ великимъ княземъ Святополкомъ и до того ловко успѣлъ подвести интригу, что послѣдній повѣрилъ, будто Василько замышляетъ убить и его, и другихъ князей, и самъ хочетъ завладѣть всѣми удѣлами, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было. „Если,—продолжалъ свою нечестную рѣчь Давидъ,—не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ на Волыни". Василько тѣмъ временемъ шелъ безъ дружины съ любечскаго съѣзда мимо Кіева къ себѣ домой. Святополкъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не уходилъ отъ его имянинъ, которыя должны были скоро случиться, но приглашенный отвѣчалъ, что ему нѣтъ времени, а потому онъ не заѣдетъ погостить въ Кіевѣ. „Видишь,—продолжалъ нашептывать коварный Давидъ,—въ твоей области, на твоей землѣ, и то знать тебя не хочетъ; что же будетъ, когда онъ вернется къ дружинѣ своей и станетъ во главѣ ея? Схвати его и отдай его мнѣ". Святополкъ пуще прежняго сталъ подозрителенъ и потому рѣшился исполнить совѣтъ Давида. „Если не хочешь

остаться до имянинъ,—послалъ онъ сказать Васильку,—то зайди хоть на-время повидаться съ нами".

Василько, не подозрѣвая коварныхъ замысловъ, отправился къ кіевскому князю. Правда, его предупреждали о томъ, что недоброе дѣло затѣвается въ Кіевѣ, но храбрый Василько не хотѣлъ и допустить, чтобы противъ его нарушили и гостепріимство, и присягу, данную въ Любечѣ, жить въ мирѣ и не дѣлать другъ другу зла. Когда гость пріѣхалъ во дворецъ Святополка, то былъ встрѣченъ весьма дружественно. Хозяинъ и Давидъ поздоровались съ нимъ, побесѣдовали; наконецъ первый вышелъ, чтобы распорядиться, какъ онъ говорилъ, насчетъ завтрака. Давидъ былъ блѣденъ и молчаливъ, какъ человѣкъ, который самъ страшится тяжести своего грѣшнаго намѣренія. Наконецъ вышелъ и Давидъ изъ комнаты, а на оставшагося въ ней Василька напали вооруженные люди и заковали его въ цѣпи. Василько былъ выданъ Давиду, который немедленно вывезъ его изъ Кіева. Святополка, однако, мучила совѣсть, и потому онъ сталъ спрашивать кіевлянъ, хорошо ли онъ, по ихъ мнѣнію, поступилъ. „Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову,—говорили кіевляне:—если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ".

Между тѣмъ, несчастнаго Василька везли подъ стражею въ городъ Давида. На одномъ ночлегѣ люди Давида бросились на Василька съ цѣлью выколоть ему глаза по повелѣнію своего господина. Василько, несмотря на тяжкія оковы, храбро защищался, но, наконецъ, нападающіе одолѣли его, повалили на полъ, прикрыли досками, сѣли на эти доски, чтобы помѣшать ему барахтаться, и острымъ ножемъ выкололи ему глаза. Несчастнаго слѣпца безъ чувствъ положили въ телѣгу и повезли далѣе. Доѣхавъ до городка Воздвиженска, сняли съ Василька окровавленное платье и отдали все это одной женщинѣ, чтобы вымыть. Василько очнулся, ощупалъ грудь и, чувствуя, что на немъ нѣтъ прежней одежды, сказалъ съ горечью: „Зачѣмъ сняли ее съ меня? Пусть бы я въ окровавленной со-

рочкѣ умеръ и въ такомъ видѣ предсталъ предъ судъ Господній". Василька привезли въ городъ Давида Владиміроволынскъ и заключили въ темницу, приставивъ къ ней тридцать сторожей, а города и села несчастнаго князя Давидъ взялъ себѣ.

„Зла такого никогда не было на русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ!" воскликнулъ Владиміръ Мономахъ, узнавъ о томъ, что̀ случилось въ Кіевѣ. Онъ немедленно разослалъ гонцовъ ко всѣмъ князьямъ русскимъ и призывалъ ихъ ополчиться на тѣхъ, которые пролили братнюю кровь. Сильныя рати Мономаха и другихъ князей подступили къ Кіеву, чтобы наказать преступнаго великаго князя, который вмѣсто того, чтобы мирить ссорившихся и справедливо разбирать недоразумѣнія между князьями, самъ допустилъ въ своемъ городѣ жестокое преступленіе. Кіевляне выслали къ Владиміру пословъ и просили его не губить народа новою усобицею, а Святополкъ каялся и всю вину клалъ на Давида. Хотя Владиміру и больно было видѣть обиды, нанесенныя Васильку, тѣмъ не менѣе онъ разсудилъ, что поднимать войну со Святополкомъ, брать города, топтать жатву на поляхъ, жечь села, избивать людей, которые совсѣмъ невиновны въ преступленіи и не могутъ отвѣчать за недостойное поведеніе своихъ государей, было бы несправедливо. „Такъ какъ все это,—сказалъ Владиміръ Святополку,—надѣлалъ, какъ ты говоришь, Давидъ, то ступай ты на Давида и либо схвати его, либо выгони вонъ". Святополкъ не смѣлъ сопротивляться и пошелъ войною на Давида. Такимъ образомъ, Мономахъ, не будучи великимъ княземъ, управлялъ дѣлами на Руси и смирялъ даже великаго князя тогда, когда послѣдній забывалъ свои обязанности. Наконецъ дѣло кончилось опять съѣздомъ въ городѣ Витичевѣ, гдѣ князья положили наказать Давида отнятіемъ у него Волынскаго княжества, которое цѣликомъ перешло къ Васильку. Послѣдній, говорятъ, несмотря на свою слѣпоту, управлялъ хорошо и неоднократно вмѣстѣ съ храброю дружиною отражалъ нашествія своихъ сосѣдей поляковъ.

Этимъ не кончились заботы Мономаха о благѣ русской

земли: онъ сталъ убѣждать князей, преимущественно Святополка, собрать возможно-большее количество воиновъ и ударить на половцевъ, чтобы, наконецъ, смирить ихъ и отъучить отъ набѣговъ на Русь. Владиміръ и Святополкъ сидѣли въ палаткѣ, вокругъ стояли старѣйшіе изъ дружинниковъ, и всѣ молчали. Наконецъ заговорилъ Владиміръ: „Братъ, ты старшій: начни говорить, какъ бы намъ помыслить о русской землѣ?“ — „Лучше ты, братъ, говори“, сказалъ Святополкъ. — „Какъ мнѣ говорить? — продолжалъ снова Владиміръ, — противъ меня будетъ и твоя дружина, и моя; скажутъ, что, призывая людей на войну и употребляя для этой цѣли подводы и лошадей смердовъ нашихъ (смердами тогда назывались поселяне), я погублю полевыя работы; но я дивлюсь одному: какъ вы людей жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ смердъ весною пахать поле, а тутъ вдругъ наѣдетъ половчанинъ, ударитъ его своею стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ. Объ этомъ-то вы подумайте“.

„И въ самомъ дѣлѣ такъ!“ воскликнули единодушно дружинники, выслушавъ умную рѣчь Владиміра.

„Я готовъ, братъ, идти съ тобою“, выговорилъ Святополкъ. — „Великое, братъ, добро сдѣлаешь всей Руси“, прибавилъ Мономахъ.

Такимъ образомъ, рѣшено было выступить на половцевъ. Къ Святополку и Владиміру пристали и другіе князья, которые единодушно признали главнымъ начальникомъ Владиміра. Легко было на душѣ у Владиміра, когда между князьями онъ видѣлъ не кровавый раздоръ, а готовность помогать другъ другу въ добромъ дѣлѣ. Дружина русскихъ князей была вооружена на славу: она, правда, не имѣла ни пушекъ, ни ружей, потому что употреблять въ дѣло огнестрѣльное оружіе тогда не умѣли, но она была для своего времени изготовлена отлично. Почти всѣ воины были одѣты въ желѣзныя латы, т.-е. кафтаны, защищавшіе тѣло отъ ударовъ непріятельскихъ мечей. Головы воиновъ покрывали желѣзные и мѣдные шлемы (шапки), которые были разной формы, но чаще всего кверху съуживались и

оканчивались какъ-бы тонкой палочкой. Кромѣ панцыря и шлема, каждый воинъ имѣлъ щитъ, желѣзную или прочную деревянную доску, которую держалъ въ лѣвой рукѣ и заставлялъ ею часть тѣла, подвергавшуюся опасности. Главнымъ оружіемъ были мечи или сабли, которые имѣли различную форму: то форму креста, то были выгнуты впередъ. Мечи представляли собою короткое оружіе; болѣе же длинное составляли копья, которыми можно было и колоть, и метать въ непріятеля. Для разстоянія еще болѣе отдаленнаго употреблялись стрѣлы съ желѣзными наконечниками, пускаемыя изъ луковъ. Кромѣ того, одни изъ воиновъ имѣли булавы или палицы, толстыя съ одного конца, а съ другого тонкія, у иныхъ за поясомъ торчали кинжалы, т.-е. длинные ножи. Это оружіе у богатыхъ было красиво отдѣлано: на щитахъ помѣщались изображенія креста, разныхъ цвѣтовъ и растеній; рукоятки и ножны мечей были украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями. Нужно было имѣть не нашу силу, чтобы удержать на туловищѣ тяжелую желѣзную одежду, да ловко владѣть копьемъ въ двадцать-тридцать фунтовъ; но предки наши сражались подъ предводительствомъ Владиміра Мономаха, хаживали, по примѣру своего князя, самъ-другъ на медвѣдей, ѣзживали верхомъ по сту верстъ въ день, а потому неудивительно, что, какъ мы тросточкой, такъ они владѣли тяжелымъ копьемъ, какъ мы мало тяготимся зимнею одеждою, такъ они — тяжелыми панцырями.

Отслуживъ торжественный молебенъ, князья двинулись въ степи половецкія, внизъ по Днѣпру. Пѣшая дружина поплыла въ лодкахъ; конная отправилась по берегу. Много малыхъ и двѣ большихъ битвъ выиграли русскіе князья. Половцы, подобно густому лѣсу, обступали русскихъ; но послѣдніе, предводимые своимъ дѣльнымъ начальникомъ, всегда умѣли выйти изъ затруднительнаго положенія и обратить въ бѣгство непріятелей, которые со страхомъ повторяли имя Владиміра Мономаха и, завидѣвъ его въ битвѣ на борзомъ конѣ, съ поднятымъ вверхъ мечемъ, бѣжали въ испугѣ, а подъ вліяніемъ страха имъ чудилось, что какія-то невѣдомыя, сверхъестествен-

ныя силы сражаются за русскаго князя. „Какъ намъ съ вами биться, — говорили половецкіе плѣнные,—другіе ѣздятъ надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ, да помогаютъ вамъ".

Вскорѣ послѣ этого знаменитаго похода скончался Святополкъ. Много отъ его гордости и нечестности натерпѣлась Русь крещеная, много выстрадали его подданные кіевляне. Между тѣмъ, они еще не забыли тѣхъ блаженныхъ временъ, когда въ стѣнахъ ихъ города жилъ при старомъ отцѣ Мономахъ, славою котораго и теперь полна была Русь. „Никого не хотимъ княземъ, кромѣ Владиміра!" дружно воскликнули кіевляне на вѣчѣ и послали пословъ въ Переяславль. Владиміръ, однако, и на этотъ разъ не хотѣлъ идти въ Кіевъ, признавая права старшинства за Олегомъ. „Не хотимъ Гореславича!—вопили кіевляне,—хотимъ Владиміра! Пусть онъ идетъ на престолъ отца своего и дѣда! Если онъ не пойдетъ, мы пограбимъ и жидовъ, и бояръ, и монастыри, и онъ будетъ отвѣчать передъ Богомъ за наши грѣхи". Владиміръ видѣлъ, что, въ случаѣ второго отказа съ его стороны, произойдетъ смута; онъ зналъ, что Олегъ человѣкъ драчливый и ненадежный, неспособный водворить миръ между князьями; онъ убѣдился, что вся русская земля раздѣляетъ желанія кіевлянъ; поэтому онъ отправился въ Кіевъ и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ. Никто не осмѣлился оспаривать у него этого права, и самъ Олегъ покорно преклонилъ голову передъ новымъ начальникомъ. Слава Владиміра широко разнеслась по міру, и царь греческій прислалъ поздравительное письмо и дорогіе подарки: крестъ животворящего дерева, бармы, сердоликовую чашу и царскую корону. Эта корона снизу на мѣху, золотая, усыпанная драгоцѣнными камнями, сохранилась донынѣ и носитъ названіе „Шапки Мономаха". Со вступленіемъ на престолъ новаго великаго князя, Кіевъ избавленъ былъ отъ тяжелыхъ податей, отъ обмановъ жидовъ и отъ высокихъ процентовъ, платимыхъ ростовщикамъ. Половцы не смѣли переступить русскихъ границъ, а удѣльные князья—вредить землѣ и людямъ междоусобными войнами.

Правда, были и такіе, которые пытались не слушаться Владиміра, но они всегда были строго наказываемы за это, а потому наконецъ смирились. Такимъ, напр., былъ Глѣбъ, князь минскій. Владиміръ, надѣясь на Бога и на правду, пошелъ и осадилъ Минскъ.

Глѣбъ, полагая, что великій князь долго подъ городомъ стоять не будетъ, заперся и отказался отъ переговоровъ; но Владиміръ, всегда настойчиво преслѣдовавшій ту цѣль, которую себѣ поставилъ, продолжалъ осаду. Глѣбъ полагалъ, что онъ отступитъ съ наступленіемъ зимняго времени года,—однако, не тутъ-то было: Владиміръ велѣлъ строить въ своемъ лагерѣ теплыя избы и тѣмъ доказалъ, что будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не возьметъ города. Тогда Глѣбъ увидѣлъ, что сопротивляться настойчивому и храброму князю трудно, вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщалъ во всемъ его слушаться.

Такъ-то Владиміръ радѣлъ о русской землѣ, такъ-то онъ защищалъ ее отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; не удивительно, что народъ возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ и, узнавъ о кончинѣ своего защитника и благодѣтеля, залился горькими слезами.

II.

Сильные морозы стукнули на Руси въ сорокъ четвертый годъ послѣ смерти Мономаха. Рѣки и болота покрылись толстымъ льдомъ, по всей землѣ можно было свободно ходить, не разбираючи пути. Такое время было самое удобное для всякихъ нашествій, потому что никакія естественныя преграды не стояли тогда на дорогѣ наѣздникамъ. И Кіеву въ эту зиму пришлось испытать осаду. Наконецъ весеннее солнышко выглянуло изъ-за тучъ; тающій снѣгъ мутными потоками сталъ сбѣгать съ поверхности земли; теплый воздухъ такъ и манилъ въ поле, гдѣ надо было уже начинать обыкновенно земледѣльческій трудъ; но не видно было пахаря на поляхъ кіевскихъ, не пѣсни работниковъ раздавались тамъ, а крикъ галокъ и

вороновъ, собравшихся попитаться трупами убитыхъ; не острый плугъ бороздилъ сыру землю, а стальныя конскія подковы. Наконецъ случилось несчастіе и съ самимъ златоверхимъ Кіевомъ, съ дорогимъ городомъ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха. Стѣны города были пробиты, а грубое непріятельское воинство вторглось въ него, какъ непреодолимая въ своемъ теченіи рѣка. Горсть храбрецовъ пыталась противостоять: сбитая съ разрушительныхъ стѣнъ, она укрѣплялась на улицахъ и площадяхъ, но съ каждою минутою становилось безстрашныхъ все меньше и меньше, и наконецъ всѣ они пали подъ ударами мечей враговъ своихъ. Князю кіевскому Мстиславу не достало духу до конца бороться за свою родину, и онъ бѣжалъ, оставивъ стольный городъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, непріятели, не встрѣчая уже открытаго сопротивленія, разбѣжались по городу и безпощадно предавали смерти всякаго человѣка, даже женщинъ и дѣтей, встрѣчавшихся на пути. Многіе кіевляне въ отчаяніи запирались въ домахъ и не подпускали къ себѣ жестокихъ гостей; но послѣдніе, не желая подвергаться опасности при нападеніи на такіе дома, поджигали ихъ, и мужественные защитники гибли въ пламени. Вотъ на одной изъ городскихъ площадей появился отрядъ всадниковъ, закованныхъ въ латы; впереди ѣхалъ начальникъ. Шлемъ покрывалъ его голову, даже лица нельзя было разглядѣть; но его величавая осанка, почтительность, съ которою къ нему относились окружающіе, не оставляли сомнѣнія о томъ, что во главѣ отряда ѣхалъ не кто иной какъ князь. Крестъ изображенъ былъ на его щитѣ, икона Божіей Матери красовалась на знамени, а потому бѣдный, оставшійся въ живыхъ, народъ кіевскій падаетъ ницъ передъ нимъ и умоляетъ его, именемъ Спасителя и Богородицы, не допускать окончательнаго разоренія. Князь ѣдетъ впередъ, не обращая вниманія на просьбы и моленія побѣжденныхъ и даетъ рукою знакъ перебить несчастныхъ. Воинамъ не нужно два раза повторять приказанія: они набрасываются съ большою яростью; стоны распространяются по всему городу; пожаръ показывается то

на томъ, то на другомъ концѣ города, а побѣдители убиваютъ и грабятъ, захватываютъ имущество частныхъ людей, не уважаютъ даже и монастырей, проникаютъ въ богатыя кіевскія церкви. Два дня продолжался грабежъ, сопряженный съ убійствомъ, и побѣдители успокоились только тогда, когда устали.

Кто же эти жестокіе воины-побѣдители? Это были русскіе, и во главѣ ихъ внукъ Владиміра Мономаха, князь Андрей, по прозванію Боголюбскій.

Самъ Мономаховичъ разгромлялъ тотъ городъ, за который проливалъ кровь свою Мономахъ! Андрею Боголюбскому, князю суздальскому, захотѣлось быть великимъ княземъ, и вотъ онъ изгналъ изъ Кіева Мстислава и надѣлъ на себя шапку Мономаха. Но не зачѣмъ ему было оставаться въ Кіевѣ: городъ этотъ представлялъ собою теперь кучу развалинъ, между которыми тамъ и сямъ уцѣлѣли большія зданія, да стояли опустѣвшія крѣпкія каменныя стѣны. По этимъ развалинамъ бродилъ бѣдный, ограбленный до послѣдней нитки народъ, рыдая и ломая себѣ руки при видѣ несчастій, которыя его настигли. Нечего было дѣлать Андрею въ опустошенномъ, печальномъ Кіевѣ, а потому онъ, забравъ оттуда всѣ болѣе или менѣе значительныя драгоцѣнности, пустился въ обратный путь, въ свой стольный городъ Владиміръ на рѣкѣ Клязьмѣ, который дѣлается теперь главнымъ стольнымъ городомъ для всей Руси.

Владиміръ на Клязьмѣ былъ городъ новый, и построенъ онъ былъ гораздо великолѣпнѣе стараго города Суздаля, который прежде былъ столицею суздальскихъ князей. Андрей не жалѣлъ денегъ на то, чтобы украсить Владиміръ насколько возможно лучше. Онъ выписывалъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые строили палаты и церкви; и особенно послѣднихъ очень много воздвигалось, благодаря князю Андрею. Говорятъ, что онъ самъ любилъ присматривать, какъ работали при постройкахъ, самъ чертилъ планы, охотно бесѣдовалъ съ людьми, искусными въ строительномъ дѣлѣ. Потомъ, кончивъ зданіе, онъ показывалъ его всѣмъ гостямъ, случившимся у него, показывалъ всѣ интересныя вещи и объяснялъ, какъ

дѣлалось то, какъ другое. А было на что посмотрѣть! Владиміръ при Андреѣ украсился такими церквами, какихъ и не было въ другихъ русскихъ городахъ. Богатства этихъ церквей были чрезвычайно значительны: икона Божіей Матери, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою и захваченная Андреемъ въ Кіевѣ, была украшена золотою ризою въ триста фунтовъ и помѣщена въ одномъ изъ владимірскихъ соборовъ.

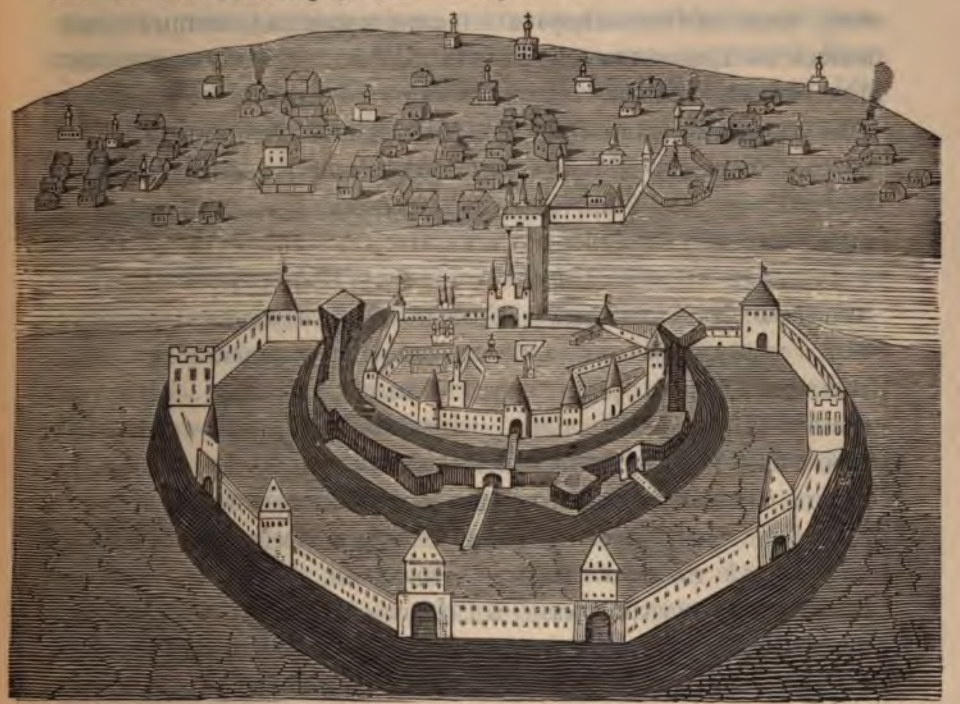
Но Андрей мало жилъ во Владимірѣ, а большею частью проводилъ время въ сосѣднемъ селеніи Боголюбовѣ, отъ котораго и получилъ свое прозваніе. По нраву онъ былъ не похожъ на другихъ русскихъ князей и хотѣлъ, чтобы его воля была для всѣхъ закономъ. Даже старшіе дружинники, бояре, съ которыми всегда совѣтовался Мономахъ, не пользовались расположеніемъ Андрея, который всѣ дѣла рѣшалъ по своему усмотрѣнію, а если и спрашивалъ совѣта, то развѣ у своего ключника Анбала. Этотъ Анбалъ былъ человѣкомъ низкаго происхожденія, ревностною службою стяжавшій себѣ любовь владимірскаго князя, который изъ ничтожнаго званія возвысилъ его и считалъ самымъ преданнымъ и самымъ умнымъ изъ придворныхъ. Андрей былъ нравомъ суровъ, и казни зачастую совершались въ землѣ его. Онъ хотѣлъ, чтобы и другіе князья его уважали и слушали, какъ Владиміра Мономаха; но принуждалъ ихъ къ этому совсѣмъ не такими средствами, какъ дѣдъ его; послѣдній былъ добръ, ласковъ, не гордъ, но справедливъ; внукъ же былъ страшенъ, грозенъ, силенъ и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить свои собственныя владѣнія. Послѣ взятія Кіева ни одинъ изъ князей не смѣлъ равняться съ Андреемъ по силѣ и могуществу, и каждый, кто оказывалъ хоть малѣйшее сопротивленіе его волѣ, терялъ свой удѣлъ. „Не велю тебѣ быть въ русской землѣ, ступай вонъ“, говоритъ Андрей провинившемуся, и слово его исполнялось свято, потому что въ противномъ случаѣ нагрянетъ суздальская дружина, перебьетъ много народу, разрушитъ городъ и, пожалуй, захватитъ непокорнаго князя, которому не сдобровать въ рукахъ престрогаго Андрея. Рѣдко кто

осмѣливался сопротивляться Андрею, и только одинъ Новгородъ, какъ мы видимъ впослѣдствіи, успѣшно отбивался отъ его рати.

Однажды Андрей за какую-то вину велѣлъ казнить боярина Кучковича. Родственники казненнаго сильно озлобились за это на своего князя и стали замышлять на него злое дѣло. Они составили заговоръ и согласились между собою умертвить Андрея. Къ нимъ присталъ и Анбалъ, измѣнившій своему князю и обѣщавшій заговорщикамъ помочь въ ихъ нечистомъ дѣлѣ. Анбалъ, какъ близкій совѣтникъ князя, всегда имѣлъ доступъ въ его покои, а потому взялъ на себя обязанность припрятать мечъ, который всегда стоялъ у Андреевой постели и которымъ князь могъ бы, въ случаѣ нападенія, защищаться. Ночью заговорщики съ оружіемъ въ рукахъ пошли къ княжеской спальнѣ. Совѣсть ихъ была нечиста, а потому они потеряли присутствіе духа и безъ всякой видимой причины бросились бѣжать назадъ. Немного спустя, выпивъ для храбрости вина и меду, они воротились въ числѣ двадцати человѣкъ и стали стучать въ дверь спальни князя. „Кто тамъ?“ вскричалъ пробужденный отъ сна Андрей.—„Прокопій“, отвѣчали ему изъ-за двери. Одного любимаго слугу Андрея звали Прокопіемъ, а потому заговорщики, называя себя его именемъ, думали обмануть князя и заставить его открыть дверь. Но Андрей узналъ обманъ по голосу и сталъ догадываться, что тутъ дѣло не безопасное. „Какой Прокопій? Вовсе не Прокопій“, сказалъ Андрей мальчику, спавшему въ его комнатѣ, и хотѣлъ взять мечъ, чтобы приготовиться къ защитѣ. Меча не оказалось, такъ какъ Анбалъ успѣлъ его припрятать раньше; заговорщики, между тѣмъ, выломавъ дверь, ворвались въ спальню и бросились на князя. Тотъ опрокинулъ одного изъ нихъ на полъ; а другіе, думая, въ темнотѣ, что упалъ князь, стали бить своего собрата, но, замѣтивъ ошибку, принялись за Андрея, который боролся съ ними и кричалъ: „Горе вамъ, нечестивцы! Какое зло я вамъ сдѣлалъ? Если прольете кровь мою, то Богъ отмститъ вамъ за мой хлѣбъ“. Наконецъ, князь, изсѣченный мечами и иско-

лотый копьями, упалъ на полъ, а враги, думая, что онъ умеръ, вышли изъ комнаты. Андрей, между тѣмъ, собрался съ послѣдними силами, съ воплемъ выползъ въ сѣни и сталъ звать на помощь. Убійцы, услыхавъ его голосъ, стали разсуждать, что они пропали, если Андрей останется живъ, воротились, вытащили его изъ-за колонны, за которую онъ спрятался, и снова принялись бить. „Господи! въ руки Твои предаю духъ мой!" воскликнулъ несчастный и упалъ на этотъ разъ безъ жизни. На другой день убійцы принялись грабить имущество Андрея, набрали себѣ много денегъ, драгоцѣнныхъ вещей и т. д. Къ нимъ присоединились и другіе жители Боголюбова и дѣлали то же. Пришелъ Кузьма кіевлянинъ, вѣрный слуга убитаго, сталъ плакать и спрашивать: „Гдѣ князь, котораго вы нечестно умертвили?" Ему отвѣчали: „лежитъ тамъ выволоченъ въ огородѣ; только ты не смѣй брать его: всѣ согласились выбросить его псамъ; если кто пойдетъ къ нему, тотъ намъ врагъ". Но вѣрный слуга и другъ не устрашился этой грозной рѣчи, пошелъ въ огородъ, преклонился надъ трупомъ, плакалъ и приговаривалъ: „Господинъ мой! какъ ты не почуялъ, что къ тебѣ идутъ враги, и какъ ты не побѣдилъ ихъ?" — Такъ какъ убійцы были чрезвычайно хищные люди, то они даже дошли до того, что пожалѣли для покойника хоть коекакой одежды и бросили его въ огородъ совсѣмъ нагимъ. Кузьма, увидавъ въ окнѣ княжескаго дома вѣроломнаго Анбала, закричалъ ему: „Сбрось, вражій сынъ, коверъ или что-нибудь другое, чѣмъ прикрыть господина нашего". Анбалъ отвѣчалъ: „Ступай прочь; мы хотимъ выбросить его псамъ". Кузьма опять закричалъ: „Ахъ ты еретикъ. Помнишь ли, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда, а теперь ты въ бархатѣ стоишь, а князь нагой лежитъ. Скинь что-нибудь". Ключникъ сбросилъ съ окна коверъ и кусокъ сукна, а Кузьма завернулъ тѣло князя и громко рыдалъ, говоря: „Уже рабы тебя, господина своего, знать не хотятъ. Бывало пріѣдетъ ли гость какой изъ Царьграда, или изъ иныхъ странъ, даже язычникъ когда пріѣдетъ, — князь сейчасъ скажетъ, чтобы ему показали

церковь и ризницу, чтобы онъ увидѣлъ величіе Бога. Болгаре и жиды крестились, а теперь тѣла княжескаго не велятъ въ церковь положить". Наконецъ, когда страхъ передъ убійцами прошелъ, дня черезъ два Андрея положили въ церковь, отпѣли, повезли во Владиміръ, гдѣ и схоронили.



Древній Новгородъ.

III.

Приложенная къ нашему разсказу картина изображаетъ древній Новгородъ во время осады его княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Картина эта рисована за много столѣтій до насъ, а потому и неудивительно, что сравнительно съ нашими картинами она очень плоха. Въ прежнія времена хорошо рисовать не умѣли, а потому и довольствовались такими картинами. Но, несмотря на недостатки свои, картина даетъ намъ понятіе о расположеніи города. Рѣка Волховъ раздѣляетъ его на двѣ стороны, Торговую и Софійскую. Храмъ св. Софіи

находился на площади, обнесенной со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями; это пространство называлось Кремлемъ или Дѣтинцемъ, а укрѣплено оно было для того, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, даже тогда, когда онъ войдетъ въ городъ, жители могли спасаться въ него и защищать тутъ свой животъ, свою любимую церковь и свои сокровища, которыя хранились въ церковныхъ подвалахъ. Вообще у нашихъ предковъ былъ обычай отдавать драгоцѣнности на храненіе въ церковь, такъ какъ имъ тамъ было безопаснѣе и отъ непріятеля, и отъ народа. У стѣнъ Дѣтинца начинались зданія, принадлежавшія частнымъ людямъ. Но, впрочемъ, построекъ въ этой части города было весьма немного, такъ что даже онѣ не изображены на древней картинѣ. Мостъ соединялъ Софійскую сторону съ Торговою. Тутъ главнымъ образомъ жили граждане новгородскіе, тутъ производили они торговлю и отправляли всѣ дѣла. Напротивъ моста разстилается большая площадь. Это такъ называемый дворъ Ярослава, мѣсто, гдѣ собиралось новгородское вѣче, т.-е. сходились всѣ граждане, для того, чтобы говорить о дѣлахъ родного города, судить виновныхъ, выбирать князей и т. д. Около вѣчевой площади помѣщался гостиный дворъ, гдѣ торговали всякими товарами, русскими и заморскими, т.-е. иностранными. Въ Новгородѣ было много богатыхъ купцовъ, называемыхъ боярами; жили они, главнымъ образомъ, въ Прусской улицѣ, которая была застроена гораздо великолѣпнѣе другихъ улицъ города. Дома стояли не тѣсно другъ подлѣ друга, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ городахъ, а особнякомъ, и окружались большею частью садомъ или пространнымъ дворомъ. Кромѣ русскихъ, въ Новгородѣ жило много иностранныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ, купцовъ, носившихъ названіе гостей (отсюда и торговый домъ стали называть гостинымъ). Они главнымъ образомъ привозили свои товары воднымъ путемъ. Большіе нѣмецкіе корабли приставали у устьевъ Невы; тамъ товары перегружались въ баржи и ладьи и шли дальше до Новгорода по тому же самому водному пути, по которому пришли и первые князья на Русь.

У нѣмцевъ на родинѣ было много фабрикъ и заводовъ, а потому они привозили въ Новгородъ товары обдѣланные: холстъ, сукно, металлическія вещи, вино, самоцвѣтные камни, а у русскихъ покупали продукты сырые, какъ-то: медъ, воскъ, ленъ, лѣсъ, мѣха, рыбу, хлѣбъ. Послѣднимъ не была богата Новгородская область, такъ какъ почва ея была мѣстами песчана, мѣстами камениста, мѣстами лѣсиста; но изъ восточной Руси привозили обыкновенно по Волгѣ и ея притокамъ много хлѣба, который и продавался въ Новгородѣ нѣмцамъ. Нельзя сказать, чтобы торговля велась вполнѣ честно: нѣмцы довольно часто жаловались на недобросовѣстность русскихъ купцовъ и были очень осторожны съ ними. Такъ, напримѣръ, однажды какой-то русскій купецъ продалъ большое количество воску, и такъ какъ воскъ продается на вѣсъ, то наложилъ въ бочки съ воскомъ кирпичей, отчего увеличилъ тяжесть своего товара. Нѣмцы въ этомъ отношеніи тоже не оставались въ долгу и неоднократно возбуждали жалобы со стороны русскихъ на то, что продаютъ гнилой, никуда негодный холстъ. Нѣмецкіе купцы составляли между собою товарищество и вели свои дѣла сообща: какую цѣну за русскіе товары положатъ, той и держатся, по другой не покупаютъ; какую цѣну назначатъ за свои товары, отъ той не уступаютъ. Такъ какъ всѣ они сговаривались между собою, то и не перегоняли другъ друга, а русскіе и въ покупкѣ, и въ продажѣ должны были сообразоваться съ ихъ волею; поторгуются, побранятся русскіе торговые люди, а все же въ концѣ-концовъ придется заплатить нѣмцамъ столько, сколько они предлагаютъ, потому что нѣтъ никого, кромѣ нихъ, у которыхъ можно было бы купить, которымъ можно было бы продать. Такимъ образомъ, нѣмцы покупали товары дешево, а продавали дорого. Иногда, бывало, узнавъ, что русскіе купцы, разсердившись на нихъ, ѣдутъ сами въ нѣмецкую землю продавать мѣха или ленъ, нѣмцы напишутъ объ этомъ на родину, и тамъ пріѣзжему купцу большой цѣны не даютъ, заставляя его продать съ убыткомъ и тѣмъ наказывая за нежеланіе продавать по низкимъ цѣнамъ

тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые торгуютъ на Руси. Въ Новгородѣ нѣмцы имѣли свои церкви и въ одной изъ нихъ, въ церкви св. Петра, хранили громадное количество золота и серебра, добытаго торговлею съ русскими.

Мы уже говорили о томъ, что въ Новгородѣ собиралось вѣче. На вѣчѣ рѣшались всѣ дѣла, выбирались всѣ начальники, даже самъ князь. Призывая того или другого князя, новгородское вѣче заключало съ нимъ обыкновенно договоръ, отъ котораго князь не имѣлъ права отступить. Въ такихъ договорахъ говорилось, что князь не долженъ поступать несправедливо, не долженъ предпринимать важныхъ дѣлъ безъ дозволенія вѣча, раздавать безъ него земель своимъ дружинникамъ, охотиться въ чужихъ лѣсахъ, посылать рыболововъ на чужія рѣки и озера. Князь цѣловалъ крестъ (давалъ клятву) исполнять эти условія и послѣ этого вступалъ на новгородскій престолъ.

Рядомъ съ княземъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Посадникъ долженъ былъ замѣнять мѣсто князя, пока его выберутъ, или когда его нѣтъ въ городѣ. На посадникѣ лежитъ также обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы князь не нарушалъ крестнаго цѣлованія и дѣйствовалъ сообразно съ волею новгородскаго вѣча. Посадника выбирало вѣче, и князь не могъ смѣнить его. Если князь былъ недоволенъ посадникомъ, то онъ долженъ былъ жаловаться вѣчу, которое и разбирало.

Не только князя, посадника и другихъ начальниковъ избирало новгородское вѣче, — даже выборъ архіепископа, владыки, вполнѣ отъ него зависѣлъ. Обыкновенно на эту высокую должность выбирали трехъ кандидатовъ изъ духовенства. Имена избранныхъ писались на бумажкахъ и клались на престолъ въ храмѣ св. Софіи. Потомъ къ престолу подводили слѣпца или неграмотнаго ребенка, который бралъ наудачу одну изъ трехъ записокъ, и тотъ кандидатъ, имя котораго было написано на вынутой бумажкѣ, дѣлался владыкою новгородскимъ.

Вѣче собиралось по звуку вѣчевого колокола; этотъ колоколъ, вѣроятно, имѣлъ особенный звукъ, такъ какъ ухо новгородца

всегда могло различать звонъ его отъ звона другихъ колоколовъ, находившихся при многочисленныхъ церквахъ новгородскихъ. Лишь только на вѣчевой башнѣ раздается колоколъ, народъ цѣлыми толпами валитъ на площадь. Тутъ шелъ и бѣдный, и богатый. Собравшіеся мужи новгородскіе прохаживаются, толкуютъ, совѣтуются; наконецъ является князь, посадникъ и другіе начальники — и на площади водворяется мертвая тишина. Вотъ на возвышенномъ мѣстѣ сталъ одинъ изъ гражданъ; онъ говоритъ народу о необходимости заключить миръ, объявить войну, наказать мучителей спокойствія, или о чемъ-нибудь другомъ. Народъ слушаетъ, а потомъ крикомъ выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе. Тѣ, которыхъ больше, голосомъ своимъ заглушаютъ голосъ меньшинства; ихъ мнѣніе торжествуетъ и записывается въ грамоту писцомъ, который сидитъ за столомъ въ комнатѣ, находящейся въ вѣчевой башнѣ. Къ такой грамотѣ князь, владыка и посадникъ прикладываютъ свои печати, и рѣшеніе вѣча считается вполнѣ законнымъ. Иногда мнѣнія гражданъ на вѣчѣ были очень не единодушны, и въ такомъ случаѣ доходило до драки, а все же тѣ, которыхъ больше, торжествовали.

У вольнаго новгородскаго люда несогласія и драки случались весьма часто. Бывало одно вѣче соберется на Торговой сторонѣ, на дворѣ Ярослава, а другое — на Софійской, въ Дѣтинцѣ. Оба вѣча выйдутъ на противоположные берега Волхова и перебраниваются другъ съ другомъ, а потомъ и двинутся на мостъ, гдѣ произойдетъ драка. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно изъ Софійской церкви выходилъ владыка въ торжественномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сопровождаемый многими священниками. Онъ старается пробраться сквозь народную толпу, становится между борющихся сторонъ и старается усовѣстить ихъ словомъ Божіимъ и заставить перестать драться. Владыку очень уважали новгородскіе граждане, а потому обыкновенно его слово водворяло миръ между ними.

Особенно часто бывали споры между богатыми и бѣдными, т.-е. между боярами и чернымъ людомъ. Богатые часто оби-

жали бѣдныхъ, а послѣдніе, выходя изъ терпѣнія, возставали противъ богатыхъ.

Впрочемъ, на сторонѣ богатыхъ всегда находилась часть чернаго люда, того, который былъ у нихъ въ услуженіи, а потому и помогалъ имъ. Иногда богачи старались задобрить бѣдныхъ, задавали имъ пиры на улицахъ и площадяхъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда они хотѣли быть выбраны въ посадники или въ другую какую-нибудь должность. Когда бѣдные возставали противъ богатыхъ, то обыкновенно дѣло не обходилось безъ грабежа: разъ подвергся такой участи монастырь св. Николая, гдѣ хранились боярскіе пожитки; въ другой разъ многія боярскія жилища въ Прусской улицѣ.

Судебныя дѣла въ Новгородѣ рѣшались слѣдующимъ образомъ: если два лица спорили, то, прежде чѣмъ начать тяжбу, они выставляли по два „разсказчика-примирителя“. Эти разсказчики-примирители обсуждали споръ и старались помирить противниковъ безъ суда. Когда это не удавалось, то дѣло поступало къ „цѣловальникамъ“, т.-е. къ судьямъ, выбраннымъ на вѣчѣ и цѣловавшимъ крестъ въ томъ, что они будутъ разбирать всякія тяжбы по совѣсти. На неправильное рѣшеніе цѣловальниковъ можно было жаловаться вѣчу; но если окажется, что обвиненіе несправедливо, то обвинитель подвергался строгому наказанію. То-же угрожало и цѣловальникамъ, если вѣче узнаетъ, что они по дружбѣ или за деньги рѣшили дѣло криво. Бывало, что тяжущіеся соглашались отдаться на судъ владыки, мнѣніе котораго считалось священнымъ и не подлежало обжалованію. Иногда бывали такія дѣла, что и сами судьи не могли рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Въ такихъ случаяхъ допускалось „поле“, т.-е. поединокъ. Предполагалось, что Богъ самъ разсудитъ темное дѣло — правому дастъ побѣду, виновнаго сдѣлаетъ побѣжденнымъ. Люди, не разсчитывавшіе на свою силу, а также женщины, могли выставлять наемщиковъ, которые боролись за нихъ. Обыкновенно борьба происходила въ присутствіи чиновниковъ, которые смотрѣли за тѣмъ, чтобы она не кончилась смертью одного изъ

дерущихся и чтобы не было въ ней никакого обмана. Побѣжденный считался виновнымъ. Наказанія за проступки въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ древней Руси, были весьма тяжелы и отличались жестокостью. Огрѣзываніе носовъ неоднократно случалось въ Новгородѣ. Припечатанье щеки раскаленною желѣзною печатью, оставлявшею послѣ себя слѣдъ на всю жизнь, было наказаніемъ весьма обыкновеннымъ, которому подвергались люди, уличенные въ воровствѣ. Умышленное убійство съ злою цѣлью, частое повтореніе воровства, измѣна, поджоги и тому подобныя важныя преступленія наказывались смертною казнью. Виновныхъ обыкновенно сбрасывали съ моста въ Волховъ.

Андрей Боголюбскій желалъ завладѣть Новгородомъ, какъ завладѣлъ Кіевомъ. Богатства, которыми славился Новгородъ, еще болѣе привлекали Андрея, думавшаго уже заблаговременно о томъ, какъ распорядиться золотомъ и серебромъ новгородскимъ. Однажды Андрей думалъ-думалъ объ этомъ, да и послалъ 7,000 человѣкъ войска. Новгородцы, застигнутые нечаянно, выставили только 400, но тѣмъ не менѣе нанесли жестокое пораженіе Андреевой рати. Этотъ необыкновенный успѣхъ новгородцевъ сильно разсердилъ Андрея, который рѣшился предпринять новый походъ. Путь суздальскаго войска обозначался страшными пожарами и убійствами, которымъ подвергались даже мирные жители Новгородской области. Новгородцы не вышли въ открытое поле, но рѣшились защищаться за стѣнами родного города. Суздальцы обступили всю Софійскую сторону и до того были увѣрены въ побѣдѣ, что разсуждали и спорили, кому грабить такую-то улицу, кому другую. Очевидно, они думали съ Новгородомъ поступить точно такъ же, какъ нѣкогда поступили съ Кіевомъ. Три дня почти не прекращалась битва, и защитники города изнемогали ужасно. Въ ночь передъ четвертымъ днемъ новгородскому владыкѣ Іоанну было, говорятъ, видѣніе: образъ Спасителя заговорилъ и далъ такимъ образомъ совѣтъ вынести на стѣны икону Пресвятой Богородицы. На слѣдующій день владыка исполнилъ

повелѣнное и тѣмъ спасъ городъ. Говорятъ, что одна стрѣла, пущенная суздальцами, попала въ икону, и что немедленно послѣ того новгородцы, какъ бы при помощи какой-то сверхъестественной силы, стали тѣснить враговъ, которые совершенно смутились и въ недоумѣніи стрѣляли другъ въ друга, вмѣсто того, чтобы направлять свои удары на защитниковъ города.

Наконецъ суздальцы побѣжали, а новгородское воинство, выступившее изъ города, стало ихъ преслѣдовать, многихъ перебило оружіемъ, многихъ потопило, загнавъ въ болото. Тѣмъ не менѣе Андрей не упалъ духомъ послѣ такой неудачи: онъ, видя невозможность побѣдить силою, сталъ придумывать разныя хитрости. Мы уже видѣли, что въ новгородской области плодотворныхъ полей было мало, и что туда привозили рожь, пшеницу, овесъ и другія хлѣбныя растенія изъ приволжскихъ странъ, т.-е. главнымъ образомъ изъ того края, надъ которымъ властвовалъ Андрей. Онъ запретилъ вывозъ хлѣба, и въ Новгородѣ поэтому явился страшный голодъ. Другія княжества, боясь прогнѣвить могучаго и строгаго великаго князя, не рѣшались помочь бѣдѣ Новгорода, и потому послѣдній долженъ былъ смириться передъ Андреемъ, который на извѣстную ежегодную дань помирился съ новгородцами и пересталъ морить ихъ голодомъ.



ЗЛОЕ ВРЕМЯ ТАТАРЩИНЫ.

I.

Мы уже знаемъ, что въ мѣстахъ степныхъ люди болѣе долго продолжаютъ вести кочевой образъ жизни, чѣмъ тамъ, гдѣ земля удобна для хлѣбопашества. Половцы, жившіе въ степяхъ, разстилающихся по обѣ стороны рѣки Дона, никакъ не могли привыкнуть къ осѣдлости и шлялись со своими стадами въ то время, когда ихъ ближайшіе сосѣди, русскіе, жили въ городахъ и селахъ. На востокъ отъ земли половцевъ, ближе къ границамъ Азіи, были тоже обширныя степи. Долго онѣ оставались пустынными, рѣдко какое нибудь кочевое племя пробѣгало по немъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно, въ началѣ тринадцатаго вѣка, онѣ загудѣли отъ топота лошадинаго, на нихъ явился новый народъ— татаре.

Татаре были росту невысокаго, съ широкимъ, круглымъ лицомъ, маленькими косо-лежащими глазами, сплюснутымъ носомъ и рѣдкими волосами на бородѣ. Одѣвались они въ кожаныя и войлочныя одежды, на головѣ носили остроконечныя шапки, все почти время проводили на коняхъ. Занимались они скотоводствомъ, земледѣлія почти не знали, а если останавливались въ одномъ мѣстѣ на болѣе продолжительное время, то сѣяли развѣ только просо, которое въ формѣ каши очень

любили употреблять въ пищу. Муки они не знали и потому хлѣба не употребляли. Главнымъ образомъ питались мясомъ домашнихъ животныхъ, составлявшихъ ихъ стадо, не разбирая, сыро ли оно, или изжарено. Ѣли все грязными руками, обтирая ихъ о траву, сапоги и одежду. Поэтому они смотрѣли народомъ очень грязнымъ. Татаре вина почти не употребляли, но зато пили кумысъ, т.-е. лошадиное молоко, которое, приготовленное съ разными приправами, становилось опьяняющимъ напиткомъ. За татарскими всадниками тянулись обыкновенно кибитки, въ которыхъ сидѣли женщины и дѣти, а также хранились незатѣйливые пожитки татарскаго хозяйства. Главными изъ этихъ пожитковъ были колья и шкуры, изъ которыхъ, когда татаре останавливались, строились наскоро палатки или юрты. Онѣ имѣли вверху отверстіе, куда выходилъ дымъ отъ разложеннаго посрединѣ юрты огня. Случалось, что такія юрты, совсѣмъ устроенныя, перевозились на кибиткахъ, и стоило только ихъ снять и поставить на землю, чтобы имѣть готовое жилище.

Татаръ было очень много, и всѣ они покорялись одному начальнику, котораго называли ханомъ. Этотъ ханъ имѣлъ полную власть надъ ними: кого хотѣлъ — безъ вины казнилъ, кого хотѣлъ — и съ виною миловалъ. Татаре даже не имѣли права называть ту или другую вещь своею собственностью, потому что все, чѣмъ владѣетъ человѣкъ, принадлежитъ хану, который всегда воленъ отнять, что̀ захочетъ. Повелѣніе хана было для нихъ священно, и они даже не смѣли его ослушаться тогда, когда видѣли, что послѣдній посылаетъ ихъ на вѣрную гибель даже ради своего каприза. Однимъ словомъ, ханъ управлялъ ими, какъ говорится, вполнѣ деспотически.

Постоянно занимаясь верховою ѣздою, татаре совсѣмъ свыклись со своими малорослыми, но борзыми и выносливыми лошадьми. Они были отличные наѣздники, ловко владѣли оружіемъ и, при своей жестокости, являлись весьма опасными для тѣхъ, съ кѣмъ воевали. Вооруженіе состояло изъ толстаго кожанаго панцыря, такого же щита (впрочемъ, употреблялись и

деревянные щиты), тугого лука и кучи стрѣлъ, которыя они пускали чрезвычайно мѣтко. Болѣе зажиточные имѣли желѣзную броню, шлемы, пики съ желѣзными наконечниками и кривыя сабли. Довольно употребительнымъ оружіемъ у татаръ былъ арканъ, который имъ служилъ не только для укрощенія животныхъ, но и для того, чтобы набрасывать ловко на людей, сдавливать имъ шею и лишать ихъ, такимъ образомъ, возможности защищаться. Они на войнѣ отличались хитростью и, видя, что врагъ силенъ, пускались на притворное бѣгство, стараясь заманить послѣдняго въ засаду. Храбрость также у татаръ на войнѣ была велика, и взять въ плѣнъ живого татарина было не легко: онъ защищался ногами, руками, зубами, пока имѣлъ на это малѣйшую возможность. Въ походахъ они были очень терпѣливы и, не привыкнувъ къ удобствамъ, легко переносили голодъ и жажду, холодъ и жаръ. Когда приходилось имъ переходить рѣки, то они обыкновенно набивали чѣмъ нибудь легкимъ кожаные мѣшки, привязывали ихъ къ хвостамъ лошадей и сами садились на мѣшки. Лошади ихъ, очень хорошо плававшія, тянули по водѣ ихъ съ мѣшками, которые не погружались въ воду. У татарскаго войска были стѣнобитныя машины, сдѣланныя изъ дерева, которыя толстыми бревнами разбивали подчасъ самыя прочныя каменныя ограды. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли весьма искусно изъ особыхъ снарядовъ пускать огонь, который легко распространялъ пожаръ въ осажденномъ городѣ, потому что дома въ тѣ времена покрывались обыкновенно соломою или деревянными досками. Трусость почиталась гнуснѣйшимъ порокомъ, и бѣжавшихъ съ поля битвы, если бѣгство не было общимъ, наказывали смертною казнью. Но гдѣ нельзя было взять силою и храбростью, тамъ татаре пробовали пускать въ ходъ разныя хитрости. Городамъ, которые взять было трудно, они предлагали сдаться, обѣщая пощадить жителей; но лишь только послѣдніе исполняли требованіе, какъ обѣщаніе забывалось, и сдавшіеся подвергались страшному избіенію. Говорятъ, что во время войны, чтобы устрашить противниковъ численностью своего войска,

повелѣнное и тѣмъ спасъ городъ. Говорятъ, что одна стрѣла, пущенная суздальцами, попала въ икону, и что немедленно послѣ того новгородцы, какъ бы при помощи какой-то сверхъестественной силы, стали тѣснить враговъ, которые совершенно смутились и въ недоумѣніи стрѣляли другъ въ друга, вмѣсто того, чтобы направлять свои удары на защитниковъ города.

Наконецъ суздальцы побѣжали, а новгородское воинство, выступившее изъ города, стало ихъ преслѣдовать, многихъ перебило оружіемъ, многихъ потопило, загнавъ въ болото. Тѣмъ не менѣе Андрей не упалъ духомъ послѣ такой неудачи: онъ, видя невозможность побѣдить силою, сталъ придумывать разныя хитрости. Мы уже видѣли, что въ новгородской области плодотворныхъ полей было мало, и что туда привозили рожь, пшеницу, овесъ и другія хлѣбныя растенія изъ приволжскихъ странъ, т.-е. главнымъ образомъ изъ того края, надъ которымъ властвовалъ Андрей. Онъ запретилъ вывозъ хлѣба, и въ Новгородѣ поэтому явился страшный голодъ. Другія княжества, боясь прогнѣвить могучаго и строгаго великаго князя, не рѣшались помочь бѣдѣ Новгорода, и потому послѣдній долженъ былъ смириться передъ Андреемъ, который на извѣстную ежегодную дань помирился съ новгородцами и пересталъ морить ихъ голодомъ.



ЗЛОЕ ВРЕМЯ ТАТАРЩИНЫ.

I.

Мы уже знаемъ, что въ мѣстахъ степныхъ люди болѣе долго продолжаютъ вести кочевой образъ жизни, чѣмъ тамъ, гдѣ земля удобна для хлѣбопашества. Половцы, жившіе въ степяхъ, разстилающихся по обѣ стороны рѣки Дона, никакъ не могли привыкнуть къ осѣдлости и шлялись со своими стадами въ то время, когда ихъ ближайшіе сосѣди, русскіе, жили въ городахъ и селахъ. На востокъ отъ земли половцевъ, ближе къ границамъ Азіи, были тоже обширныя степи. Долго онѣ оставались пустынными, рѣдко какое нибудь кочевое племя пробѣгало по немъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно, въ началѣ тринадцатаго вѣка, онѣ загудѣли отъ топота лошадинаго, на нихъ явился новый народъ—татаре.

Татаре были росту невысокаго, съ широкимъ, круглымъ лицомъ, маленькими косо-лежащими глазами, сплюснутымъ носомъ и рѣдкими волосами на бородѣ. Одѣвались они въ кожаныя и войлочныя одежды, на головѣ носили остроконечныя шапки, все почти время проводили на коняхъ. Занимались они скотоводствомъ, земледѣлія почти не знали, а если останавливались въ одномъ мѣстѣ на болѣе продолжительное время, то сѣяли развѣ только просо, которое въ формѣ каши очень

любили употреблять въ пищу. Муки они не знали и потому хлѣба не употребляли. Главнымъ образомъ питались мясомъ домашнихъ животныхъ, составлявшихъ ихъ стадо, не разбирая, сыро ли оно, или изжарено. Ѣли все грязными руками, обтирая ихъ о траву, сапоги и одежду. Поэтому они смотрѣли народомъ очень грязнымъ. Татаре вина почти не употребляли, но зато пили кумысъ, т.-е. лошадиное молоко, которое, приготовленное съ разными приправами, становилось опьяняющимъ напиткомъ. За татарскими всадниками тянулись обыкновенно кибитки, въ которыхъ сидѣли женщипы и дѣти, а также хранились незатѣйливые пожитки татарскаго хозяйства. Главными изъ этихъ пожитковъ были колья и шкуры, изъ которыхъ, когда татаре останавливались, строились наскоро палатки или юрты. Онѣ имѣли вверху отверстіе, куда выходилъ дымъ отъ разложеннаго посрединѣ юрты огня. Случалось, что такія юрты, совсѣмъ устроенныя, перевозились на кибиткахъ, и стоило только ихъ снять и поставить на землю, чтобы имѣть готовое жилище.

Татаръ было очень много, и всѣ они покорялись одному начальнику, котораго называли ханомъ. Этотъ ханъ имѣлъ полную власть надъ ними: кого хотѣлъ — безъ вины казнилъ, кого хотѣлъ — и съ виною миловалъ. Татаре даже не имѣли права называть ту или другую вещь своею собственностью, потому что все, чѣмъ владѣетъ человѣкъ, принадлежитъ хану, который всегда воленъ отнять, что̀ захочетъ. Повелѣніе хана было для нихъ священно, и они даже не смѣли его ослушаться тогда, когда видѣли, что послѣдній посылаетъ ихъ на вѣрную гибель даже ради своего каприза. Однимъ словомъ, ханъ управлялъ ими, какъ говорится, вполнѣ деспотически.

Постоянно занимаясь верховою ѣздою, татаре совсѣмъ свыклись со своими малорослыми, но борзыми и выносливыми лошадьми. Они были отличные наѣздники, ловко владѣли оружіемъ и, при своей жестокости, являлись весьма опасными для тѣхъ, съ кѣмъ воевали. Вооруженіе состояло изъ толстаго кожанаго панцыря, такого же щита (впрочемъ, употреблялись и

деревянные щиты), тугого лука и кучи стрѣлъ, которыя они пускали чрезвычайно мѣтко. Болѣе зажиточные имѣли желѣзную броню, шлемы, пики съ желѣзными наконечниками и кривыя сабли. Довольно употребительнымъ оружіемъ у татаръ былъ арканъ, который имъ служилъ не только для укрощенія животныхъ, но и для того, чтобы набрасывать ловко на людей, сдавливать имъ шею и лишать ихъ, такимъ образомъ, возможности защищаться. Они на войнѣ отличались хитростью и, видя, что врагъ силенъ, пускались на притворное бѣгство, стараясь заманить послѣдняго въ засаду. Храбрость также у татаръ на войнѣ была велика, и взять въ плѣнъ живого татарина было не легко: онъ защищался ногами, руками, зубами, пока имѣлъ на это малѣйшую возможность. Въ походахъ они были очень терпѣливы и, не привыкнувъ къ удобствамъ, легко переносили голодъ и жажду, холодъ и жаръ. Когда приходилось имъ переходить рѣки, то они обыкновенно набивали чѣмъ нибудь легкимъ кожаные мѣшки, привязывали ихъ къ хвостамъ лошадей и сами садились на мѣшки. Лошади ихъ, очень хорошо плававшія, тянули по водѣ ихъ съ мѣшками, которые не погружались въ воду. У татарскаго войска были стѣнобитныя машины, сдѣланныя изъ дерева, которыя толстыми бревнами разбивали подчасъ самыя прочныя каменныя ограды. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли весьма искусно изъ особыхъ снарядовъ пускать огонь, который легко распространялъ пожаръ въ осажденномъ городѣ, потому что дома въ тѣ времена покрывались обыкновенно соломою или деревянными досками. Трусость почиталась гнуснѣйшимъ порокомъ, и бѣжавшихъ съ поля битвы, если бѣгство не было общимъ, наказывали смертною казнью. Но гдѣ нельзя было взять силою и храбростью, тамъ татаре пробовали пускать въ ходъ разныя хитрости. Городамъ, которые взять было трудно, они предлагали сдаться, обѣщая пощадить жителей; но лишь только послѣдніе исполняли требованіе, какъ обѣщаніе забывалось, и сдавшіеся подвергались страшному избіенію. Говорятъ, что во время войны, чтобы устрашить противниковъ численностью своего войска,

ханы велѣли иногда сажать чучелъ на лошадей. Жестоки и кровожадны татаре были до крайности, какъ мы это увидимъ изъ разсказа про ихъ войны съ нашими предками.

Татаре были большею частью язычники и дѣлали себѣ изображенія боговъ въ формѣ людей изъ шелковыхъ матерій, войлока и другихъ вещей. Огонь, солнце, луна, звѣзды у нихъ, какъ и у другихъ необразованныхъ народовъ, пользовались величайшимъ почетомъ. Много странныхъ суевѣрій было у татаръ: они, напримѣръ, считали грѣхомъ дотронуться ножомъ до огня; проходя черезъ огонь, были убѣждены, что очищаются отъ грѣховъ; не смѣли убивать и употреблять въ пищу молодыхъ птицъ; старались не дотрогиваться до умершихъ родственниковъ и друзей, вѣроятно опасаясь, чтобы черезъ прикосновеніе не перешли на нихъ грѣхи покойниковъ. Волхвы и гадатели у татаръ были въ большомъ почетѣ: совѣта ихъ спрашивали въ каждомъ значительномъ предпріятіи. Но, несмотря на свою грубую вѣру, они не преслѣдовали тѣхъ, которые придерживались другой религіи. Многіе изъ татаръ принимали крещеніе; другіе переходили въ магометанство, и самъ ханъ нерѣдко присутствовалъ при богослуженіи и христіанъ, и язычниковъ, и магометанъ. „Мы,—сказалъ какъ-то разъ одинъ ханъ христіанскому проповѣднику,—вѣримъ въ Бога, которымъ живемъ и умираемъ; но какъ въ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути ко спасенію“. Завоевывая разныя страны, татаре обыкновенно щадили священниковъ.

Съ врагами они обходились очень жестоко, и покореннымъ народамъ приходилось отъ нихъ очень плохо. Татаре обыкновенно десятую часть людей уводили съ собою, уведенныхъ обращали въ рабовъ и то продавали, то оставляли у себя, если несчастные плѣнники знали какое-нибудь полезное ремесло или искусство, напримѣръ, сапожное дѣло, музыку и т. д. Кромѣ того, всѣхъ оставшихся на родинѣ облагали тяжелою данью, которую собирали со страшною жестокостью. По первому требованію хана, князья покоренныхъ народовъ должны были являться къ нему на службу съ дружинниками и отправ-

ляться въ походъ на тѣхъ, съ кѣмъ онъ ведетъ войну. Войска изъ покоренныхъ во время битвы ставились на самыхъ опасныхъ мѣстахъ и потому больше всего страдали.

Много лѣтъ уже гремѣла ужасная слава про татаръ въ Азіи, много уже городовъ въ этой части свѣта разрушили они, а Европѣ еще не были извѣстны. Въ тѣ отдаленныя времена вѣсти приходили не очень быстро: ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни даже простыхъ конныхъ почтъ еще тогда не было; про передачу вѣстей посредствомъ газетъ, какъ у насъ, совсѣмъ не слыхали, да и вообще Азія считалась краемъ невѣдомымъ, потому что почти никто изъ европейцевъ въ нее не заглядывалъ. Но вдругъ въ 1224 году явился въ степяхъ половецкихъ многочисленный невѣдомый народъ, который съ неимовѣрною быстротою все далѣе и далѣе подвигался на западъ. Это были татаре.

Въ страхѣ половцы бѣжали передъ ними, не будучи въ состояніи сопротивляться, и послали посольство къ русскимъ князьямъ съ просьбою о помощи. „Враги сегодня отняли землю отъ насъ,—говорили они,—а вашу возьмутъ завтра. Помогите намъ, а коли нѣтъ, то и насъ сгубите, и себя". Въ городѣ Кіевѣ собрался княжескій совѣтъ, и тамъ порѣшили помочь половцамъ. Князья не хотѣли ждать, пока грозные пришельцы приблизятся къ русскимъ предѣламъ, и потому стали собирать дружины и готовиться въ походъ въ степи половецкія, чтобы тамъ встрѣтить непріятелей. Но вотъ, во время сборовъ и приготовленій, къ воротамъ кіевскимъ подъѣзжаютъ какіе-то всадники, смуглые, малорослые, почти безволосые, на некрасивыхъ лошаденкахъ. Они объявляютъ себя послами отъ великаго татарскаго хана и добиваются свиданія съ князьями. Православный народъ толпами сбѣгается смотрѣть на этихъ странныхъ людей, находитъ ихъ безобразными, дикими, нечистыми. „Мы слышали,—говорятъ татарскіе послы русскимъ князьямъ,—что вы, послушавшись половцевъ, хотите идти на насъ; не знаемъ, за что̀ вашъ гнѣвъ на насъ, потому что не трогаемъ вашихъ земель, городовъ и селъ. Не на васъ мы пришли, но, по волѣ

Бога, пришли на половцевъ, рабовъ и слугъ своихъ. Вы сохраните съ нами миръ, а если побѣгутъ къ вамъ, бейте ихъ, захватывая ихъ добро себѣ, потому что они, какъ намъ сказывали, много зла творятъ и вамъ".

Трудно было повѣрить, чтобы татаре, завоевавъ половецкую землю, не принялись грабить и русской; поэтому князья порѣшили не слушать льстивыхъ словъ татарскихъ и пришли въ такой гнѣвъ, что совершили недоброе дѣло: они велѣли умертвить татарскихъ пословъ. Такой поступокъ крайне несправедливъ, потому что посолъ ни въ чемъ самъ неповиненъ, а выполняетъ только приказанiе своего государя. Наконецъ русская рать отправилась въ походъ. Татаре еще послали къ нимъ пословъ и велѣли имъ сказать: „Вы послушали половцевъ, избили нашихъ пословъ, идете на насъ въ то время, когда мы и не думали васъ трогать: пусть же Богъ разсудитъ насъ". На этотъ разъ князья отпустили пословъ и пошли дальше.

Наконецъ они дошли до Азовскаго моря и стали на берегахъ рѣки Калки. Съ ними были и половцы. Между русскими князьями былъ одинъ Мстиславъ, по прозванiю Удалый. Онъ былъ человѣкъ очень мужественный, много разныхъ походовъ совершившiй въ жизнь свою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался ужаснымъ честолюбiемъ. Мстиславу показалось, что онъ сдѣлаетъ славное дѣло, побѣдивъ многолюдное татарское войско только со своею дружиною и половцами. Онъ не хотѣлъ, чтобы другiе князья раздѣлили съ нимъ военную славу на случай побѣды, и потому, согласившись съ половецкими начальниками и не предупредивъ другихъ русскихъ князей, бросился въ битву. Татаре отличные стрѣлки изъ лука, и потому встрѣтили нападающихъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ. Стрѣлы скользили по крѣпкой бронѣ русскихъ дружинниковъ и не такъ-то много имъ причиняли вреда; но легко вооруженные половцы страшно отъ нихъ страдали. Они, наконецъ, не выдержали и пустились бѣжать, разстроивая даже ряды русскаго войска. Такимъ образомъ, немногочисленная дружина Мстислава Удалаго осталась

одна на полѣ противъ несмѣтной татарской силы, которая окружила ее со всѣхъ сторонъ и почти совсѣмъ ее изрубила. Другіе князья не были предупреждены о началѣ битвы, а потому не могли подоспѣть во-время на выручку Мстислава, который, благодаря безразсудному честолюбію, погубилъ и себя, и всѣхъ своихъ соотечественниковъ, такъ какъ уничтоженіемъ его дружины русское войско значительно разслаблялось. Тѣмъ не менѣе русскіе не думали еще уступить безъ бою: они стояли на возвышенномъ каменистомъ холмѣ, огородили себя чѣмъ попало и рѣшились храбро защищаться. Три дня шла лютая борьба, и татаре, пытаясь взять ограду приступомъ, гибли цѣлыми сотнями, но и русское войско, наконецъ, стало изнемогать. Между тѣмъ, татаре, видя, какъ трудно одолѣть храбрыя дружины, стали посылать къ князьямъ пословъ съ предложеніемъ выйти изъ укрѣпленія. Они обѣщали пропустить свободно русскихъ и дозволить имъ возвратиться на родину, лишь бы только ихъ не безпокоили. Князья, видя истощеніе силъ въ своемъ войскѣ, согласились на условіе татаръ и дали приказъ выходить изъ-за ограды.

Но татарскія слова оказались крайне лживы: лишь только русскія дружины выступили изъ своихъ укрѣпленій, татаре съ страшнымъ крикомъ напали на нихъ со всѣхъ сторонъ и затѣяли ужасную рѣзню. Не многимъ удалось посредствомъ бѣгства спастись отъ смерти. Конные татарскіе отряды преслѣдовали бѣгущихъ до самаго Днѣпра и здѣсь еще избили значительное количество побѣжденныхъ. Шесть князей нашли смерть въ рѣкѣ, чрезъ которую, во время бѣгства, переправлялись. Между тѣмъ, на берегахъ Калки побѣдители неистовыми криками и дикою пляскою праздновали свою удачу. Они понимали храбрость русскаго войска, а потому и сильно радовались побѣдѣ надъ храбрецами, хотя эта побѣда и свела многія сотни ихъ же собратовъ въ могилу. Плѣнныхъ, которыхъ было не мало, татаре убивали, и смотрѣніе на предсмертныя мученія несчастныхъ доставляло имъ большое удовольствіе. Насколько нравомъ побѣдители были люты, можно

судить изъ ихъ поступка съ плѣнными князьями: ихъ повалили на землю, прикрыли досками, и на этихъ доскахъ цѣлая толпа стала плясать, бѣгать и, наконецъ, усѣлась обѣдать. Понятно, что несчастные князья были раздавлены.

Да, страшная бѣда постигла наше отечество на берегахъ рѣки Калки, и виновникомъ всего было это вѣчное неединодушіе, это честолюбіе, которымъ страдали наши предки. Оно побуждало князей ссориться другъ съ другомъ, оно было неоднократно причиною нападенія иноплеменниковъ, оно и теперь побудило Мстислава начать неосторожно сраженіе, что̀ и погубило все дѣло. Кто знаетъ, можетъ быть, еслибы не продѣлка Мстислава, русскимъ удалось бы побѣдить татаръ и навсегда прогнать ихъ изъ предѣловъ Европы?..

Горе было по всей Руси, когда узнали, чѣмъ кончилось сраженіе. Много женъ овдовѣло, дѣтей осиротѣло, престарѣлыхъ родителей осталось безъ поддержки. Во всѣхъ княжествахъ, принимавшихъ участіе въ этой борьбѣ, число дружины сильно поуменьшилось, а тутъ нужно было ждать со дня на день калкскихъ побѣдителей. Ожиданія эти, однако, не оправдались, такъ какъ татаре не преслѣдовали русскихъ за Днѣпръ, а повернули назадъ и скрылись въ обширныхъ степяхъ Востока. Русь на этотъ разъ спаслась отъ наѣздниковъ, но ее постигло другое горе: неурожаи, а слѣдовательно голодъ и пожары причиняли много вреда; болѣзнь, извѣстная подъ именемъ чумы или моровой язвы, опустошила цѣлыя села; въ довершеніе всего, на небѣ показалась звѣзда съ длиннымъ хвостомъ— комета, принимаемая суевѣрными людьми за предзнаменованіе несчастья. Народъ пріунылъ: онъ ждалъ новой бѣды, и бѣда не замедлила явиться.

Не забыли татаре обиды, нанесенной имъ русскими, подававшими помощь половцамъ; не отказались они отъ желанія пограбить нашу родину. Ровно тринадцать лѣтъ послѣ битвы при Калкѣ несмѣтныя полчища ихъ, подъ предводительствомъ Батыя, показались на границахъ Рязанскаго княжества. Собралась рязанская дружина, но оказалось, что она такъ мало-



Пиръ татаръ послѣ побѣды при Калкѣ. (Стр. 128.)

численна, что одинъ защитникъ приходится на сто враговъ. ослали просить помощи во Владиміръ, но здѣсь отказали. ообще князья поступали такъ неблагоразумно, какъ хозяинъ, е думающій идти на помощь сосѣду, у котораго горитъ домъ, подвергающій, такимъ образомъ, опасности свое собственное илище. Рязанская рать была разбита, князья умерщвлены, и тare двинулись дальше на сѣверъ, ко Владиміру, сожигая пути города и села, захватывая скотъ и всякое добро, ерщвляя людей. Во Владимірѣ княжилъ Юрій II, правнукъ ономаха. У него былъ сынъ Владиміръ, котораго татаре, трѣтивъ на дорогѣ, взяли въ плѣнъ и поволокли съ собою. рій оставилъ свой стольный городъ и ушелъ на сѣверъ сорать войско, а татаре, между тѣмъ, опустошивъ южную часть яжества, подошли и къ столицѣ. Послы ихъ подъѣхали къ родскимъ воротамъ, которыя носили названіе Золотыхъ, и росили: „Князь Юрій въ городѣ-ли?" Защитники отвѣчали адомъ стрѣлъ, пущенныхъ на спрашивающихъ. „Не стрѣйте, сказали татаре, узнаете ли вашего княжича?" Они подли ближе плѣннаго Владиміра и, измученнаго, исхудалаго, казали владимірцамъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, видя ужасе положеніе молодого княжескаго сына, думали сдаться тарамъ, если они обѣщаютъ пощадить и его, и ихъ; но другіе, ая, какъ татаре исполняютъ обѣщанія, кричали: „Лучше намъ мереть подъ Золотыми воротами за вѣру христіанскую". ысль о защитѣ восторжествовала, и осада началась. Она, рочемъ, продолжалась недолго, такъ какъ татаре, при пощи стѣнобитныхъ машинъ, скоро справились съ городскою радою, и тѣ, которые рѣшились защищаться до послѣдней айности, должны были удалиться въ дома и церкви, гдѣ почали смерть подъ ударами вторгавшихся татаръ. Семейство ликаго князя заперлось въ церкви Пресвятой Богородицы, ѣстѣ съ митрополитомъ и знатными боярами. Всѣ исповѣвались, причастились св. таинъ и приготовились стать предъ домъ Всевышняго. Татаре наволокли много лѣсу около церк-, зажгли его и задушили дымомъ всѣхъ тѣхъ, которые нахо-

дились въ церкви. Потомъ они разломали дверь, ворвались въ церковь, избили тѣхъ, которые обнаруживали еще признаки жизни, и разграбили всѣ драгоцѣнности.

Расхаживая по русской землѣ, татаре слышали, что далеко къ западу, на берегу Волхова, есть очень богатый торговый городъ. Будучи очень падки на золото и всякую добычу, они рѣшились попытаться дойти до этого города и, конечно, сдѣлать съ нимъ то-же, что съ Рязанью и Владиміромъ. Новгороду грозила страшная опасность, но сама природа спасла его. Зима, во время которой Батый совершилъ разсказанныя выше жестокости, приходила къ концу; рѣки вскрылись отъ льда; растаявшіе снѣга произвели разливы и болота, а все это не могло способствовать движенію впередъ татаръ, съ которыми были цѣлыя тысячи телѣгъ, переполненныхъ женщинами, дѣтьми и награбленнымъ на Руси имуществомъ. Да притомъ мѣстность, по которой предстояло теперь идти татарамъ, была лѣсиста; она не нравилась степнякамъ. Татаре не знали дорогъ, постоянно натыкались на непроходимыя рѣки и завязали въ болотѣ, а потому, не добравшись до Новгорода, повернули назадъ, въ свои родныя степи. Прежнею дорогою они идти не хотѣли, такъ какъ она уже представляла собою разоренную и выжженную мѣстность, въ которой не только нечего взять изъ добычи, но даже нельзя найти и средствъ для пропитанія себя и лошадей своихъ; они поэтому повернули южнѣе и двинулись по другому пути, еще не видавшему ихъ жестокостей.

Шествіе Батыя сопровождалось и здѣсь такими-же точно безчеловѣчіями, какъ тѣ, которыя онъ творилъ прежде. Жители большею частью бѣжали въ лѣса, оставляя на расхищеніе и уничтожая свое добро, свои дома; тѣ-же, которые пытались защищаться, были обыкновенно разбиваемы татарскими полчищами. Особенно мужественною обороною прославился на этомъ пути небольшой городокъ Козельскъ. „Хотя нашъ князь и молодъ,—разсуждали козельцы,—но положимъ животъ нашъ за него; за это и здѣсь славу, и тамъ вѣнцы отъ Христа Бога получимъ“. Понятно, что они не могли разсчитывать на успѣхъ

послѣ того, какъ знали, что Батый съ легкостью бралъ болѣе сильные и болѣе многолюдные города. Татаре разбили стѣны, ворвались въ городъ, но жители не сдавались, защищая каждый домъ, каждый уголъ въ домѣ. Всѣ они погибли; даже грудныхъ младенцевъ не пощадили жестокіе побѣдители, а швыряли ихъ о камни и бревна и такимъ образомъ разбивали. Кровопролитіе было до того сильно, что образовалось преданіе, будто юный козельскій князь потонулъ въ крови. Татаре, перебивъ жителей, сожгли городъ, назвали его за отчаянную защиту злымъ городомъ и пошли дальше. Они воротились въ степи, съ тѣмъ, чтобы тамъ отдохнуть, собраться съ новыми силами и двинуться на Русь западную, которая пока еще не была опустошена, а потому подавала надежды на богатую добычу.

Походъ на западную Русь былъ настолько же кровопролитенъ, какъ и на восточную. Приближаясь къ Кіеву, Батый послалъ пословъ, предлагая кіевлянамъ сдаться; но послѣдніе отказались отъ этого и даже перебили пословъ. Наконецъ главное татарское войско явилось подъ стѣнами. Ему очень нравился красивый Кіевъ, съ его большими домами, съ возвышенными, вызолоченными куполами церквей. Татаре по наружному виду заключали о богатствахъ города и поэтому, въ надеждѣ на крупную добычу, ревностно приступили къ осадѣ. Говорятъ, что съ ними подъ Кіевомъ было столько верблюдовъ, лошадей и всякаго скота, что отъ ржанія и крика, происходившаго вокругъ стѣнъ, граждане кіевскіе должны были громко кричать, чтобы разслышать другъ друга. И въ народной пѣснѣ слѣдующее говорится о татарской силѣ, подступившей подъ стольный городъ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха.

Зачѣмъ мать-сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духа отъ татарскаго
Не можно намъ, крещенымъ, живыми быть.

Не крѣпко надѣялись кіевляне на возможность отразить столь грозную силу, но тѣмъ не менѣе они рѣшились на отчаянную защиту и готовы были положить животъ за свой городъ, свои церкви, свои семейства. Они были увѣрены, что сдаться татарамъ—значитъ обречь себя на вѣрную гибель, а потому предпочли взяться за оружіе. Двѣнадцать большихъ стѣнобитныхъ машинъ пододвинули татаре и стали толстыми бревнами на цѣпяхъ громить укрѣпленія кіевскія. Наконецъ близъ такъ называемыхъ Лядскихъ воротъ оказалась брешь, т.-е. разрушилась стѣна, и сквозь нее татаре двинулись въ городъ. Кіевляне грудью загородили имъ путь, но напрасно. Татаре сами гибли какъ мухи, однако, не унывали: на мѣсто павшихъ подходили свѣжіе и шагъ за шагомъ оттѣсняли защитниковъ. Темная ночь заставила прекратить кровопролитіе, и татаре, разставивъ вокругъ стражу, легли отдыхать на обломкахъ занятой ими стѣны. Но кіевляне не отдыхали: они укрѣпились внутри города, загородили улицы, ведущія къ Лядскимъ воротамъ, и на слѣдующій день снова бодро встрѣтили непріятелей. Татаре, уничтожившіе наканунѣ главное укрѣпленіе, успѣли теперь справиться и съ новымъ, которое, конечно, было гораздо слабѣе. Жители искали убѣжища въ храмахъ, но ихъ постигла та же участь, какъ и владимірцевъ. Кіевъ былъ разграбленъ, и трупы христіанъ наполняли собою улицы. Древнѣйшій русскій монастырь, Кіево-Печерская лавра, былъ тоже взятъ, разграбленъ и потомъ разрушенъ до основанія. Долго послѣ того поля, окружающія Кіевъ, усѣяны были костьми человѣческими, а смрадъ отъ тѣлъ, гніющихъ на поверхности земли, былъ такъ силенъ, что заражалъ собою воздухъ и наводилъ разныя болѣзни на тѣхъ, которымъ удалось избѣжать татарскаго меча.

Княжество Галицкое тоже въ сильной степени пострадало отъ татаръ, которые наконецъ перешли за границу Руси и распространяли гибель по польскимъ и венгерскимъ землямъ. Здѣсь, однако, имъ не везло: потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они воротились опять на Русь, но не остались въ

ней, потому что любили жизнь степную, а удалились на рѣку Волгу.

Шатеръ хана, украшенный золотомъ, серебромъ, шелковыми матеріями и дорогими мѣхами, называемый „Золотою Ордою", былъ раскинутъ недалеко отъ Каспійскаго моря. Около этого шатра размѣстились цѣлыя тысячи другихъ, и такимъ образомъ возникъ городъ Сарай, столица татаръ Золотой Орды. Батый не довольствовался тѣмъ, что̀ взялъ съ русскихъ посредствомъ грабежа и полона; онъ считалъ себя государемъ завоеванной Руси и требовалъ какъ безпрекословнаго повиновенія, такъ и дани. Татарскіе чиновники, баскаки, разъѣзжали, въ сопровожденіи конныхъ отрядовъ, по несчастнымъ княжествамъ и вездѣ переписывали народъ, чтобы знать, сколько дани требовать отъ каждаго города, каждой деревни. Князья и народъ должны были честить баскаковъ и ихъ свиту, давать имъ подарки, кланяться имъ. Каждый человѣкъ мужескаго пола, какого бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ былъ давать дани по мѣху медвѣжьему, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему. Кто не могъ исполнить этого требованія, того отводили въ полонъ и потомъ продавали какъ раба. Впослѣдствіи для многихъ мѣстъ, особенно городскихъ, мѣховая дань замѣнена была денежною, на что̀ указываетъ и народная пѣсня:

Съ князей брали по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей.
У кого денегъ нѣтъ—у того дитя возьметъ;
У кого дитяти нѣтъ —
У того жену возьметъ;
У кого жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Благо, еслибы татаре удовольствовались данью, да не наносили вреда Руси другими способами; а то сколько униже-

нія претерпѣть должно было отъ нихъ наше отечество, сколько разъ народу русскому приходилось видѣть, что злые, дикіе завоеватели обращаются съ нимъ какъ со скотомъ!.. Если татарскій баскакъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь городъ, то онъ велъ себя тамъ какъ полновластный господинъ: бралъ что̀ хотѣлъ, билъ людей, и не было суда на него. Случалось, что народъ, выведенный изъ терпѣнія такими поступками, поднималъ мятежъ, изгонялъ или умерщвлялъ татарскаго чиновника, и тогда приходилось ждать татарскаго гнѣва: являлось войско, избивало непокорныхъ, брало ихъ въ полонъ, гнало связанныхъ другъ съ другомъ за волосы въ орду, увеличивало количество дани. Особенно часто случались возмущенія противъ баскаковъ въ Новгородѣ (и онъ былъ впослѣдствіи обложенъ данью), гдѣ народъ былъ болѣе свободолюбивъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ княжествахъ. Обыкновенно тогда уважаемый ханомъ князь Александръ, названный за побѣду надъ шведами, одержанную на берегахъ Невы, Невскимъ, ѣхалъ въ орду, везъ богатые подарки хану, его женамъ, дѣтямъ и придворнымъ и только такимъ образомъ спасалъ свой городъ отъ страшнаго ханскаго гнѣва. Русскіе князья должны были по первому требованію хана являться со своими дружинами къ нему на помощь, и не разъ случалось, что они, по повелѣнію его, сражались со своими же соотечественниками. Ни одинъ князь не могъ получить престола безъ ярлыка, т.-е. грамоты за ханскою печатью. За этимъ ярлыкомъ должно было ѣхать въ орду. Первымъ изъ князей, исполнившимъ это требованіе, былъ Ярославъ, отецъ Александра Невскаго; Батый призналъ его за это великимъ княземъ.

На поклонъ къ нему должны были ѣздить всѣ русскіе князья; кто не ѣхалъ, считался врагомъ хана и терялъ свой удѣлъ. Пріѣхавшій въ орду князь долженъ былъ кланяться татарскимъ богамъ, проходить черезъ огонь, который, по мнѣнію татаръ, имѣлъ очистительную силу и дѣлалъ пріѣзжаго достойнымъ говорить (конечно, стоя на колѣняхъ) со священною личностью хана.

Былъ въ Черниговѣ боголюбивый князь Михаилъ. Онъ долго не ѣхалъ въ орду, но наконецъ ханъ потребовалъ къ себѣ и его. Михаилъ рѣшился ѣхать, но заранѣе себѣ поставилъ не подчиняться тѣмъ языческимъ обрядамъ, обиднымъ для христіанина, которыми сопровождалось представленіе хану. Въ этомъ намѣреніи поддержалъ князя его духовникъ, священникъ Іоаннъ. Онъ говорилъ: „Многіе изъ ѣздившихъ творили поганое, прельстившись славою свѣта сего: они ходили сквозь огонь, поклонялись кустамъ, солнцу; ты не поступай какъ другіе, не ходи сквозь огонь, не кланяйся ни солнцу, ни идоламъ, не принимай пищи татарской, ни сквернаго питья ихъ. Христіанинъ долженъ исповѣдывать вѣру свою и кланяться только единому Господу". Михаилъ пріѣхалъ и былъ потребованъ къ хану. Ему, какъ и другимъ, предложили пройти сквозь огонь, поклониться священному кусту, солнцу и идоламъ, но онъ отказался. Удивленные и разгнѣванные этимъ отказомъ татаре доложили хану, что Михаилъ повелѣнія не исполняетъ. Ханъ послалъ одного изъ знатнѣйшихъ бояръ спросить о причинѣ непокорности русскаго князя. „Отчего, говорилъ татаринъ, повелѣніе наше презираешь, богамъ нашимъ не кланяешься? Выбирай теперь жизнь или смерть: если исполнишь то, чего отъ тебя требуютъ, живъ будешь и получишь свое княженіе, если же нѣтъ — злою смертью умрешь". Михаилъ отвѣчалъ: „Царю кланяюсь, потому что ему Богъ поручилъ царство надъ нами и славу его свѣта; но тому, чему другіе кланяются, не поклонюсь".

— „Князь! смотри, погибнешь!" говорилъ татаринъ.— „Я,—былъ отвѣтъ,—хочу за Христа пострадать и за вѣру православную кровь пролить".

Всѣ русскіе, видѣвшіе, что̀ происходитъ, убѣждали Михаила повиноваться и обѣщали молиться, чтобы Богъ простилъ вину его; но непреклонный черниговскій князь сказалъ: „Не хочу поносить имени христіанина и творить языческіе обряды".

Видя непреодолимое упорство, татаре заявили, что Михаилъ долженъ умереть. Онъ помолился, принялъ святое при-

частіе, которое съ нимъ было, и изготовился къ смерти. Татаре стали бить князя, а потомъ отсѣкли ему голову. Такая участь постигла и Ѳеодора, черниговскаго боярина, который вмѣстѣ съ своимъ княземъ отказался исполнить требованія, несообразныя съ достоинствомъ христіанина.

Тяжело было ѣздить русскимъ князьямъ въ орду, кланяться богамъ татарскимъ, стоять на колѣняхъ передъ ханомъ. Чувствовалъ это Даніилъ, князь галицкій. Онъ прежде не разъ сражался съ татарами, восемнадцатилѣтнимъ юношею дрался какъ левъ на Калкѣ и въ этой битвѣ получилъ тяжелую рану въ грудь. Теперь Батый и его потребовалъ къ себѣ на поклонъ. Долго медлилъ Даніилъ и раздумывалъ, послушаться-ли хана или нѣтъ; но, наконецъ, зная, какъ опасно гнѣвить татаръ, отправился. По пріѣздѣ въ орду, какъ-то случайно онъ былъ освобожденъ отъ тѣхъ языческихъ церемоній, за неисполненіе которыхъ пострадалъ князь черниговскій, и, явившись предъ Батыемъ, сталъ на колѣни. „Отчего,—спросилъ Батый,—ты не приходилъ такъ долго?“ потомъ прибавилъ: „хорошо, что ты хоть теперь пришелъ. Пьешь ли наше питье—кумысъ, кобылье молоко?“ —„До сихъ поръ,—отвѣчалъ покорно князь,—не пилъ; но если велишь—буду пить“.

— Ты уже нашъ, татаринъ, пей наше питье, — сказалъ Батый, подавая ему чашу. Въ ханской палаткѣ всегда стоялъ столъ съ золотыми и серебряными сосудами, наполненными кумысомъ. Даніилъ выпилъ, поклонился и потомъ вымолвилъ: „Пойду поклонюсь ханшѣ“.

— Иди,—сказалъ Батый, которому Даніилъ очень понравился.—Ханша предложила русскому князю вина, говоря: „Ты не привыкъ пить кумысъ, такъ вотъ тебѣ вино“. Конечно, Даніилъ привезъ съ собою много драгоцѣнныхъ подарковъ, которые и роздалъ членамъ ханскаго семейства и ханскимъ боярамъ. Этимъ онъ заслужилъ себѣ уваженіе въ ордѣ, гдѣ гостилъ въ продолженіе двадцати-пяти дней. Пріемъ, о которомъ мы разсказали выше, былъ со стороны Батыя такою милостью, которой рѣдко кому удавалось удостоиться. Вотъ почему на

Руси сложилась пословица: „Злѣе зла честь татарская“. И въ самомъ дѣлѣ, грустно было русскому человѣку смотрѣть, какъ могущественнѣйшій изъ православныхъ князей стоялъ на колѣняхъ передъ ханомъ, пилъ, по его повелѣнію, кумысъ, позволялъ себя называть татариномъ и заискивалъ у ханскихъ слугъ. И все это считалось честью великою. Когда Даніилъ воротился домой, то жители Галича плакали объ обидѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радовались, что князь вернулся живъ и здоровъ. Нечего было дѣлать, нужно было унижаться, потому что это служило единственнымъ средствомъ спасти и себя, и свою родину отъ страшнаго ханскаго гнѣва. Александръ Невскій, бывшій прежде княземъ новгородскимъ, а потомъ получившій великое княженіе владимірское, понималъ эту необходимость. Онъ былъ гордъ съ другими народами, побѣждалъ и шведовъ, и нѣмцевъ, но относительно татаръ велъ себя совершенно иначе. Мы видѣли, какъ онъ помогъ Новгороду, разсердившему хана; что же бы было, еслибы Александръ Невскій не становился на колѣни передъ ханомъ? А то, что Новгородъ, красивый, богатый Новгородъ, испыталъ бы на себѣ судьбу Рязани, Владиміра и Кіева, обращенныхъ татарами въ груду развалинъ.

Юго-западная Россія, разоренная Батыемъ, вскорѣ увидѣла на своей землѣ новаго завоевателя—литовскаго князя Гедимина. Онъ пришелъ на Русь съ большою и храброю дружиною, побѣдилъ князей, которые ему хотѣли сопротивляться, разбилъ татаръ и присоединилъ къ Литвѣ эту часть нашего отечества. Русскій народъ былъ даже доволенъ этимъ завоеваніемъ, такъ какъ могущественный Гедиминъ избавилъ его отъ притѣсненій татарскихъ, самъ же властвовалъ милостиво, тяжелой дани не бралъ, помогалъ отстраивать разрушенные города и села и защищалъ ихъ отъ враговъ. Такимъ образомъ, юго-западная Русь (Кіевъ, Черниговъ, потомъ и Галичъ) отдѣлилась надолго отъ сѣверной и восточной, которыя остались подъ властью наслѣдниковъ Батыя.

II.

Много времени прошло послѣ опустошительнаго набѣга Батыя. Русь продолжала находиться въ зависимости отъ татаръ. Князья ея получали ханскіе ярлыки, ѣздили на поклоненіе хану, платили дань, терпѣли униженіе; но всѣ эти несчастія стали мало-по-малу убѣждать народъ въ томъ, что жить врозь не слѣдуетъ, а нужно соединиться вмѣстѣ. И вотъ мало-по-малу русскія земли начинаютъ собираться вокругъ Москвы, которая сдѣлалась стольнымъ городомъ на мѣсто прежняго Владиміра. Московскіе князья ухаживали за ханами, кланялись имъ, но тѣмъ не менѣе въ тайнѣ готовились къ тому, чтобы выбрать удобную минуту и, съ Божьею помощью, освободить отъ притѣснителей и себя, и весь православный народъ. Между тѣмъ, какъ на Руси согласіе все болѣе и болѣе усиливалось, въ ордѣ стали происходить раздоры. Иногда одна часть татаръ изберетъ одного хана, другая—другого; обѣ стороны стоятъ за своихъ избранниковъ, дерутся, а тѣмъ временемъ, бывало, воспользуются князья, да и не пошлютъ въ орду дани. Потомъ, когда опять въ ордѣ миръ, то они опять покорятся и исправно платятъ попрежнему. Однако, раздоры въ ордѣ наносили иногда и вредъ Россіи: татаре стали меньше слушаться своихъ хановъ, и потому часто татарскія шайки, безъ позволенія хановъ, нападали и грабили сосѣдніе села и города. Противъ такихъ наѣздниковъ русскіе князья должны были всегда держать сторожевые отряды войска близъ татарской границы, чтобы во всякую минуту мочь загородить путь нечаянно появившимся непріятелямъ. Особенно опаснымъ наѣздникомъ былъ татарскій князь Арапша. Онъ отличался быстротою, и настигнуть его русскіе воеводы никакъ не могли. Однажды противъ Арапши послали большой сторожевой отрядъ, который, впрочемъ, не нашелъ татаръ на границѣ. Воеводы стали разузнавать, гдѣ онъ, и узнали, что онъ ушелъ далеко въ степи. Тогда русское войско, чувствуя себя безопаснымъ, забыло всякую предосторожность. Было жаркое время года, и

потому воины поснимали латы, положили ихъ на возы; они то охотились въ сосѣднихъ рощахъ, то пировали, иногда напивались до пьяна пивомъ и медомъ да хвастали, что татарамъ не устоять противъ нихъ. Между тѣмъ, втихомолку подступалъ Арапша, и наконецъ въ ту минуту, когда русскіе ниоткуда нападенія не ждали, бросился на нихъ. Конечно, побѣда осталась за татарами, и почти всѣ русскіе воины пали жертвою своей собственной неосторожности. Но этотъ урокъ не пропалъ даромъ: они научились быть поосмотрительнѣе, и съ тѣхъ поръ бѣда была всѣмъ наѣздникамъ, пытавшимся проникнуть на русскую землю! Ихъ побивали вездѣ, такъ что и сами ханы (хотя походы эти совершались большею частію безъ ихъ вѣдома) стали досадовать на успѣхъ Руси, которая все болѣе и болѣе привыкала къ побѣдамъ надъ своими притѣснителями. Сознавая свою силу, московскіе князья стали платить меньшую противъ прежняго дань, не захотѣли унижаться передъ ханами. Это все болѣе и болѣе гнѣвило старыхъ татарскихъ бояръ, которые постоянно твердили, что нужно проучить князей русскихъ. Особенно сильно стало замѣтно враждебное чувство орды, когда ея ханомъ сдѣлался злѣйшій врагъ Руси—Мамай. „Пойдемъ,—говорилъ онъ постоянно,—церкви попалимъ, христіанъ изрубимъ".

Между тѣмъ, не дремалъ и великій князь московскій Димитрій: онъ то и дѣло готовилъ ратныхъ людей, заключалъ союзы съ другими князьями. Мамай послалъ къ нему пословъ и потребовалъ прежней дани и покорности; Димитрій отвѣчалъ, что готовъ платить дань, но только меньшую. Димитрій былъ очень набоженъ и любилъ бесѣдовать со священниками и монахами. Въ его время жилъ извѣстный св. Сергій Радонежскій, основатель монастыря св. Троицы, что недалеко отъ Москвы. Умъ и святая жизнь Сергія привлекла къ нему великаго князя, который во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовался съ нимъ. Сергій постоянно говорилъ Димитрію, что нужно рѣшиться на войну съ погаными татарами, чтобы спасти отечество, народъ и православную вѣру. Послѣ каждой бесѣды

со святымъ человѣкомъ Димитрій чувствовалъ въ себѣ сильное желаніе сразиться и все ревностнѣе и ревностнѣе занимался приготовленіями. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему войска, пришли князья тверскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе и другіе со своими дружинами. Великій князь послалъ сторожевые отряды къ границамъ, чтобы надсматривать, не идутъ ли татаре, и самъ приготовлялъ войска, служилъ обѣдни, раздавалъ щедро милостыню. Иногда, послѣ трудовъ, онъ созывалъ къ себѣ князей и бояръ, задавалъ пиръ и тутъ-то совѣтовался о разныхъ дѣлахъ, касающихся предстоящаго похода. Однажды, во время пира, прибѣгаетъ гонецъ и объявляетъ, что въ степяхъ появились несмѣтныя силы Мамая.

Еще разъ передъ походомъ московскій князь заѣхалъ къ Сергію, помолился съ нимъ и сѣлъ за монастырскую трапезу. Димитрій обратилъ вниманіе на двухъ монаховъ, сидѣвшихъ за столомъ. Они были рослы, плечисты, крѣпко сложены и смотрѣли храбрецами. Одинъ звался Пересвѣтъ, другой— Ослабя. Оба они до поступленія въ монастырь занимались ратнымъ дѣломъ. Димитрій сказалъ Сергію:

— „Дай мнѣ, отче, этихъ двухъ иноковъ (монаховъ) на брань; они были прежде ратниками, они храбрые и знаютъ военное дѣло“.

Св. Сергій обратился къ Пересвѣту и Ослабѣ и сказалъ: „Я велю вамъ готовиться на ратное дѣло“. Потомъ взялъ схимы съ нашитыми крестами и, возложивъ имъ на головы, продолжалъ: „Носите это вмѣсто шлемовъ; это вамъ доспѣхъ нетлѣнный, вмѣсто тлѣннаго. Миръ вамъ! Пострадайте, какъ воины Христовы“.

При прощаніи съ великимъ княземъ св. Сергій благословилъ его, окропилъ святою водою и сказалъ слѣдующія пророческія слова: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и защитникомъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ и прославитъ тебя“.

Наконецъ русское войско, шедшее на встрѣчу Мамаю, прибыло къ Дону. Черезъ нѣсколько дней должна была начаться

битва, да только князья не знали, ждать ли татаръ здѣсь, или перейти за Донъ. Нѣкоторые утверждали, что переходить Донъ неосторожно, такъ какъ, на случай неудачи, рѣка преградитъ путь отступающимъ; другіе же были того мнѣнія, что русскіе воины, зная, что путь къ отступленію отрѣзанъ, будутъ драться храбрѣе. Кромѣ того, боялись медлить, такъ какъ къ Мамаю могли подойти новыя войска на помощь. Наконецъ, подоспѣло письмо отъ св. Сергія, который совѣтовалъ идти впередъ. Димитрій тогда объявилъ: „Честная смерть лучше злого живота, а намъ не нужно было идти противъ татаръ, если, пришедши сюда, думать о томъ, какъ воротиться“, и велѣлъ то въ бродъ, то по мостамъ переходить за Донъ.

На Куликовомъ полѣ остановилась русская рать и порѣшила здѣсь поджидать татаръ, которые были очень близко. Ночью, когда войско отдыхало, великій князь поѣхалъ съ воеводою Боброкомъ осматривать поле. Тишина была мертвая; она прерывалась только плесканіемъ утокъ и гусей на рѣкѣ да воемъ волковъ въ сосѣднемъ лѣсу. Боброкъ внимательно вслушивался и всматривался и говорилъ, что наблюдаетъ знаменія, по которымъ можно предугадать, каковъ будетъ исходъ сраженія. Онъ припалъ къ землѣ, вслушивался то правымъ ухомъ, то лѣвымъ, потомъ приподнялся и, залившись слезами, сказалъ: „Господине княже! только тебѣ одному разскажу, а ты никому не говори о моихъ примѣтахъ. Одна изъ нихъ на великую радость тебѣ, другая—на великую скорбь. Я припадалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, какъ земля горько и страшно плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ мать о дѣтяхъ своихъ и голоситъ по-татарски; на другой сторонѣ показалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ тонкимъ голосомъ отъ скорби и печали. Много я битвъ перебылъ, много примѣтъ испыталъ и знаю ихъ: уповай на милость Божію и одолѣешь татаръ, но и твоихъ людей подъ остріемъ меча падетъ многое множество“.

День, слѣдующій за этою ночью, былъ памятнымъ днемъ 8 сентября 1380 года. Съ ранняго утра русское войско стояло

въ боевомъ порядкѣ, и когда туманъ разсѣялся, солнце весело заиграло на щитахъ, панцыряхъ и шлемахъ христіанскихъ воиновъ. Войска у Димитрія было болѣе 150,000; Мамай-же велъ полки еще многочисленнѣе. Долго Димитрій, стоя на холмѣ, смотрѣлъ, какъ проходили и строились его войска; ему было грустно при мысли, что черезъ нѣсколько часовъ многіе изъ его воиновъ разстанутся съ жизнью, многіе на всю жизнь будутъ калѣками. Слезы потекли изъ глазъ добраго великаго князя; онъ спустился съ холма, поѣхалъ между рядами, ободрялъ воиновъ, говорилъ о своемъ дѣлѣ, за которое они намѣрены сразиться. „Братья бояре, воеводы и ратники, — говорилъ онъ, — тутъ вамъ московскіе сладкіе меды и великія мѣста. Тутъ добудете себѣ богатствъ и славу, тутъ старый помолодѣетъ". — „Боже! даруй побѣду государю нашему!" восклицали воины въ отвѣтъ на рѣчь Димитрія.

Около одиннадцати часовъ стали наступать татаре, одѣтые въ одежды темнаго цвѣта. Они медленно спускались съ возвышенности на Куликово поле. Димитрій снялъ съ себя княжескій плащъ и другіе знаки своего достоинства, надѣлъ все это на одного изъ придворныхъ и объявилъ, что самъ будетъ сражаться какъ простой воинъ. Многіе хотѣли его удержать и говорили, что князь долженъ командовать другими, а не подвергать себя опасности; но Димитрій отвѣчалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я; скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: о братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вѣдь и начальникъ, стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ".

Битва началась съ того, что татарскій богатырь Телебей выѣхалъ впередъ и сталъ вызывать охотника на поединокъ. Никто не осмѣливался выйти противъ него, видя его исполинскій ростъ, какъ вдругъ изъ рядовъ русскихъ выступилъ Пересвѣтъ. Вооруженный монахъ быстро помчался на Телебея, они столкнулись, ударили другъ друга копьями и оба мертвыми свалились съ коней на землю. За этимъ произошла битва. И татаръ, и русскихъ падало очень много; бились мечами, копьями,



Единоборство Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Телебеемъ. (Стр. 142).

а иногда схватывались руками, кусали другъ друга зубами. Стоны раненыхъ, крики, стукъ оружія, свистъ стрѣлъ—все это смѣшивалось вмѣстѣ и производило страшный шумъ, расходившійся далеко по окрестности. Наконецъ, стали одолѣвать татаре; особенно пострадала русская пѣшая рать, и Мамай, смотрѣвшій издали на битву, радовался своей удачѣ. Но радость его была преждевременна.

Не вся рать Димитрія находилась на полѣ; часть ея, подъ начальствомъ Боброка да князя Владиміра Андреевича, родственника Димитрія, находилась въ лѣсу, въ засадѣ. Владиміръ Андреевичъ уже давно безпокоился и хотѣлъ выступить въ поле, говоря: „Зачѣмъ же мы тутъ стоимъ? Кому помогаемъ?" Боброкъ все удерживалъ: онъ ждалъ, что татаре устанутъ окончательно, и тогда думалъ броситься на нихъ со свѣжею силою. Наконецъ, обратившись къ князю и воинамъ, сказалъ: „Теперь пора, идемъ, да поможетъ намъ благодать Св. Духа". Мамай никакъ не ожидалъ, чтобы у русскихъ была запасная дружина, скрытая въ лѣсу; а потому сначала никакъ не могъ понять, откуда взялась новая сила, остановившая побѣдителей-татаръ. Послѣдніе были измучены, разстроены, а войско Боброка было свѣжее, идущее въ порядкѣ. Оно сдѣлало напоръ на татаръ, которые съ крикомъ: „Русь перехитрила насъ!" бросились бѣжать. Самъ Мамай, говорятъ, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!" и послѣдовалъ примѣру своего войска.

Такимъ образомъ, татаре были побѣждены, но дорого досталась эта побѣда и русскимъ: изъ 150,000 воиновъ осталось въ живыхъ только 40,000. Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ, стали сходиться ратники со всѣхъ сторонъ Куликова поля, но между ними не было великаго князя. Никто не зналъ, что̀ съ нимъ случилось: одни видѣли его сражавшимся, другіе говорили, что подъ нимъ убита лошадь, и онъ пѣшкомъ шелъ по полю. Замѣтили между трупами человѣка въ великокняжескомъ плащѣ и воскликнули отъ ужаса; но то былъ воинъ, на котораго Димитрій еще передъ битвою надѣлъ свой

плащъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, нашли Димитрія лежащимъ подъ деревомъ, у опушки лѣса. Онъ былъ безъ чувствъ, но живъ. Доспѣхи его были изрублены: изъ ранъ, хотя и неопасныхъ, струилась кровь. Слыша знакомые голоса вокругъ себя, Димитрій очнулся, возблагодарилъ Бога за побѣду и, сѣвъ на лошадь, отправился объѣзжать поле, которое на пространствѣ десяти верстъ было до того покрыто трупами, что лошади едва могли двигаться. Великій князь благодарилъ всѣхъ воиновъ, наградилъ тѣхъ, которые особенно отличились, помолился за погибшихъ, велѣлъ похоронить христіанскіе трупы (татарскіе были оставлены на растерзаніе дикимъ птицамъ и звѣрямъ) и воротился въ Москву.

Духовенство и всѣ жители Москвы торжественно встрѣтили своего государя; но не весело было это торжество, такъ какъ на Куликовомъ полѣ осталось много храбрыхъ ратниковъ... Князья-союзники ушли въ свои удѣлы, а Димитрій (онъ за Куликовскую побѣду былъ прозванъ Донскимъ) остался въ столицѣ, желая отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Между тѣмъ, въ ордѣ произошли перемѣны: на мѣсто Мамая ханомъ сталъ храбрый Тохтамышъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы отмстить Москвѣ за Куликовскую битву, и, наконецъ, собрался въ походъ. Сначала великій князь не зналъ объ его движеніи, а когда узналъ, то оказалось, что въ сборѣ войска немного, а потому нельзя идти навстрѣчу Тохтамышу. Онъ отправился въ городъ Коломну сбирать войска, а москвичи, между тѣмъ, стали приготовляться къ защитѣ.

Средняя часть города Москвы съ давнихъ поръ называлась Кремлемъ и была обнесена крѣпкими каменными стѣнами. На нихъ были даже пушки, что̀ представляло большую рѣдкость въ тѣ времена. Въ Кремлѣ былъ дворецъ великаго князя, лучшія церкви, дома богатыхъ бояръ; за Кремлемъ же строились небольшіе деревянные дома, которые образовали такъ называемый посадъ. Эта часть города укрѣпленій не имѣла. Когда жители узнали, что идетъ Тохтамышъ, то посадъ сожгли и всѣ собрались въ Кремлѣ. „Нечего намъ бояться татаръ,

говорили москвичи, — городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзныя; татаре не долго простоятъ подъ городомъ, потому что будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны — княжескаго войска; скоро побѣгутъ обратно въ степи".

Татаре, между тѣмъ, подошли, много вреда причинили защитникамъ своею мѣткою стрѣльбою изъ луковъ и, приставивъ лѣстницы, пытались пробраться въ городъ. Москвичи кидали въ нихъ камни, обливали ихъ горячею водою и такимъ образомъ заставили отступить. Въ продолженіе трехъ дней татаре повторяли свои попытки, но каждый разъ неудачно; наконецъ, на четвертый день ханъ послалъ пословъ, которые сказали слѣдующее: „Ханъ хочетъ жаловать васъ, потому что вы не виноваты. Не на васъ пришелъ онъ, а на князя Димитрія; вы же поднесете ему дары; да хочется ему посмотрѣть вашъ городъ. Затѣмъ онъ дастъ вамъ миръ и любовь". Нижегородскіе князья, бывшіе въ лагерѣ хана, поклялись, что послѣдній не намѣренъ никакого зла сдѣлать Москвѣ. Жители повѣрили и послали своего воеводу съ подарками къ хану. Оказалось, что татаре и тутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ надули русскихъ: они умертвили посольство, воспользовались тѣмъ, что ворота были открыты, ворвались въ городъ и стали убивать всѣхъ, кто имъ ни попадался. Избивъ и полонивъ городъ, даже женщинъ и дѣтей, они ограбили церкви, боярскіе дома, княжескій дворъ, перепортили пушки и, узнавъ, что Димитрій пробирается съ войскомъ, собраннымъ въ Коломнѣ, поспѣшно бѣжали въ свои родныя степи. До какой степени было страшно опустошеніе, произведенное Тохтамышемъ въ Кремлѣ, можно видѣть изъ того, что Димитрій, воротившись въ свою столицу и повелѣвши хоронить трупы, израсходовалъ 300 рублей, платя по одному рублю за погребеніе восьмидесяти покойниковъ. Не желая подвергать своихъ земель подобнымъ разореніямъ, Димитрій Донской, а потомъ и сынъ его и внукъ снова обязались платить дань, хотя и небольшую, ордѣ.

... тѣмъ.

... обрался

... движении.

... немного.

... отправился

... тѣмъ.

... называ-

... именными стѣ-

... представляло большую

... дорогъ ...

...менный, крѣпкій, ворота
...ъ подъ городомъ, потому
...орода будутъ насъ бояться,
...го войска; скоро побѣгутъ
...

..., много вреда причинили за-
...рѣльбою изъ луковъ и, приста-
...раться въ городъ. Москвичи ки-
... ихъ горячею водою и такимъ
... Въ продолженіе трехъ дней та-
...ки, но каждый разъ неудачно; на-
...нь ханъ послалъ пословъ, которые
...нъ хочетъ жаловать васъ, потому что
... васъ пришелъ онъ, а на князя Ди-
...е ему дары; да хочется ему посмо-
...итѣмъ онъ дастъ вамъ миръ и любовь".
..., бывшіе въ лагерѣ хана, поклялись, что
...нъ никакого зла сдѣлать Москвѣ. Жители
...и своего воеводу съ подарками къ хану.
...таре и тутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ
... они умертвили посольство, воспользовались
...а были открыты, ворвались въ городъ и стали
... кто имъ ни попадался. Избивъ и полонивъ го-
...енщинъ и дѣтей, они ограбили церкви, боярскіе
...кій дворъ, перепортили пушки и, узнавъ, что Ди-
...бирается съ войскомъ, собраннымъ въ Коломнѣ,
...бѣжали въ свои родныя степи. До какой степени
...но опустошеніе, произведенное Тохтамышемъ въ
...можно видѣть изъ того, что Димитрій, воротившись
...олицу и повелѣвши хоронить трупы, израсходовалъ
..., платя по одному рублю за погребеніе восьмиде-
...шиковъ. Не желая подвергать своихъ земель по-
...зор... митрій Донской, а потомъ и сынъ
...ъ с... ...ъ платить дань, хотя и небольшую,

плащъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, нашли Димитрія лежащимъ подъ деревомъ, у опушки лѣса. Онъ былъ безъ чувствъ, но живъ. Доспѣхи его были изрублены: изъ ранъ, хотя и неопасныхъ, струилась кровь. Слыша знакомые голоса вокругъ себя, Димитрій очнулся, возблагодарилъ Бога за побѣду и, сѣвъ на лошадь, отправился объѣзжать поле, которое на пространствѣ десяти верстъ было до того покрыто трупами, что лошади едва могли двигаться. Великій князь благодарилъ всѣхъ воиновъ, наградилъ тѣхъ, которые особенно отличились, помолился за погибшихъ, велѣлъ похоронить христіанскіе трупы (татарскіе были оставлены на растерзаніе дикимъ птицамъ и звѣрямъ) и воротился въ Москву.

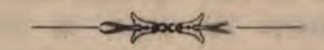
Духовенство и всѣ жители Москвы торжественно встрѣтили своего государя; но не весело было это торжество, такъ какъ на Куликовомъ полѣ осталось много храбрыхъ ратниковъ... Князья-союзники ушли въ свои удѣлы, а Димитрій (онъ за Куликовскую побѣду былъ прозванъ Донскимъ) остался въ столицѣ, желая отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Между тѣмъ, въ ордѣ произошли перемѣны: на мѣсто Мамая ханомъ сталъ храбрый Тохтамышъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы отмстить Москвѣ за Куликовскую битву, и, наконецъ, собрался въ походъ. Сначала великій князь не зналъ объ его движеніи, а когда узналъ, то оказалось, что въ сборѣ войска немного, а потому нельзя идти навстрѣчу Тохтамышу. Онъ отправился въ городъ Коломну сбирать войска, а москвичи, между тѣмъ, стали приготовляться къ защитѣ.

Средняя часть города Москвы съ давнихъ поръ называлась Кремлемъ и была обнесена крѣпкими каменными стѣнами. На нихъ были даже пушки, что̀ представляло большую рѣдкость въ тѣ времена. Въ Кремлѣ былъ дворецъ великаго князя, лучшія церкви, дома богатыхъ бояръ; за Кремлемъ же строились небольшіе деревянные дома, которые образовали такъ называемый посадъ. Эта часть города укрѣпленій не имѣла. Когда жители узнали, что идетъ Тохтамышъ, то посадъ сожгли и всѣ собрались въ Кремлѣ. „Нечего намъ бояться татаръ,

говорили москвичи,—городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзныя; татаре не долго простоятъ подъ городомъ, потому что будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны — княжескаго войска; скоро побѣгутъ обратно въ степи".

Татаре, между тѣмъ, подошли, много вреда причинили защитникамъ своею мѣткою стрѣльбою изъ луковъ и, приставивъ лѣстницы, пытались пробраться въ городъ. Москвичи кидали въ нихъ камни, обливали ихъ горячею водою и такимъ образомъ заставили отступить. Въ продолженіе трехъ дней татаре повторяли свои попытки, но каждый разъ неудачно; наконецъ, на четвертый день ханъ послалъ пословъ, которые сказали слѣдующее: „Ханъ хочетъ жаловать васъ, потому что вы не виноваты. Не на васъ пришелъ онъ, а на князя Димитрія; вы же поднесете ему дары; да хочется ему посмотрѣть вашъ городъ. Затѣмъ онъ дастъ вамъ миръ и любовь". Нижегородскіе князья, бывшіе въ лагерѣ хана, поклялись, что послѣдній не намѣренъ никакого зла сдѣлать Москвѣ. Жители повѣрили и послали своего воеводу съ подарками къ хану. Оказалось, что татаре и тутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ надули русскихъ: они умертвили посольство, воспользовались тѣмъ, что ворота были открыты, ворвались въ городъ и стали убивать всѣхъ, кто имъ ни попадался. Избивъ и полонивъ городъ, даже женщинъ и дѣтей, они ограбили церкви, боярскіе дома, княжескій дворъ, перепортили пушки и, узнавъ, что Димитрій пробирается съ войскомъ, собраннымъ въ Коломнѣ, поспѣшно бѣжали въ свои родныя степи. До какой степени было страшно опустошеніе, произведенное Тохтамышемъ въ Кремлѣ, можно видѣть изъ того, что Димитрій, воротившись въ свою столицу и повелѣвши хоронить трупы, израсходовалъ 300 рублей, платя по одному рублю за погребеніе восьмидесяти покойниковъ. Не желая подвергать своихъ земель подобнымъ разореніямъ, Димитрій Донской, а потомъ и сынъ его и внукъ снова обязались платить дань, хотя и небольшую, ордѣ.

Итакъ, Куликовская побѣда не совсѣмъ освободила Русь отъ татаръ, но она очень ослабила послѣднихъ. Они потомъ нападали на Русь, но тайкомъ, съ боязнью, старались застать князей неготовыми и коль скоро встрѣчали порядочное войско— сейчасъ бѣжали въ степи. Куликовская битва доказала русскимъ, что они, переставъ ссориться другъ съ другомъ и соединившись вмѣстѣ, могутъ побѣждать татаръ и не давать себя въ обиду. Прошло еще немного времени — и Русь освободилась совсѣмъ, еще немного — и она стала властвовать надъ этими же нѣкогда страшными татарами.



а иногда схватывались руками, кусали другъ друга зубами. Стоны раненыхъ, крики, стукъ оружія, свистъ стрѣлъ—все это смѣшивалось вмѣстѣ и производило страшный шумъ, расходившійся далеко по окрестности. Наконецъ, стали одолѣвать татаре; особенно пострадала русская пѣшая рать, и Мамай, смотрѣвшій издали на битву, радовался своей удачѣ. Но радость его была преждевременна.

Не вся рать Димитрія находилась на полѣ; часть ея, подъ начальствомъ Боброка да князя Владиміра Андреевича, родственника Димитрія, находилась въ лѣсу, въ засадѣ. Владиміръ Андреевичъ уже давно безпокоился и хотѣлъ выступить въ поле, говоря: „Зачѣмъ же мы тутъ стоимъ? Кому помогаемъ?“ Боброкъ все удерживалъ: онъ ждалъ, что татаре устанутъ окончательно, и тогда думалъ броситься на нихъ со свѣжею силою. Наконецъ, обратившись къ князю и воинамъ, сказалъ: „Теперь пора, идемъ, да поможетъ намъ благодать Св. Духа“. Мамай никакъ не ожидалъ, чтобы у русскихъ была запасная дружина, скрытая въ лѣсу; а потому сначала никакъ не могъ понять, откуда взялась новая сила, остановившая побѣдителей-татаръ. Послѣдніе были измучены, разстроены, а войско Боброка было свѣжее, идущее въ порядкѣ. Оно сдѣлало напоръ на татаръ, которые съ крикомъ: „Русь перехитрила насъ!“ бросились бѣжать. Самъ Мамай, говорятъ, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!“ и послѣдовалъ примѣру своего войска.

Такимъ образомъ, татаре были побѣждены, но дорого досталась эта побѣда и русскимъ: изъ 150,000 воиновъ осталось въ живыхъ только 40,000. Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ, стали сходиться ратники со всѣхъ сторонъ Куликова поля, но между ними не было великаго князя. Никто не зналъ, что̀ съ нимъ случилось: одни видѣли его сражавшимся, другіе говорили, что подъ нимъ убита лошадь, и онъ пѣшкомъ по полю. Замѣтили между трупами человѣка въ великокомъ плащѣ и воскликнули отъ ужаса; но то былъ а котораго Димитрій еще передъ битвою надѣлъ свой

въ боевомъ порядкѣ, и когда туманъ разсѣялся, солнце весело заиграло на щитахъ, панцыряхъ и шлемахъ христіанскихъ воиновъ. Войска у Димитрія было болѣе 150,000; Мамай-же велъ полки еще многочисленнѣе. Долго Димитрій, стоя на холмѣ, смотрѣлъ, какъ проходили и строились его войска; ему было грустно при мысли, что черезъ нѣсколько часовъ многіе изъ его воиновъ разстанутся съ жизнью, многіе на всю жизнь будутъ калѣками. Слезы потекли изъ глазъ добраго великаго князя; онъ спустился съ холма, поѣхалъ между рядами, ободрялъ воиновъ, говорилъ о своемъ дѣлѣ, за которое они намѣрены сразиться. „Братья бояре, воеводы и ратники, - говорилъ онъ, — тутъ вамъ московскіе сладкіе меды и великія мѣста. Тутъ добудете себѣ богатствъ и славу, тутъ старый помолодѣетъ“. — „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ восклицали воины въ отвѣтъ на рѣчь Димитрія.

Около одиннадцати часовъ стали наступать татаре, одѣтые въ одежды темнаго цвѣта. Они медленно спускались съ возвышенности на Куликово поле. Димитрій снялъ съ себя княжескій плащъ и другіе знаки своего достоинства, надѣлъ все это на одного изъ придворныхъ и объявилъ, что самъ будетъ сражаться какъ простой воинъ. Многіе хотѣли его удержать и говорили, что князь долженъ командовать другими, а не подвергать себя опасности; но Димитрій отвѣчалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я; скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: о братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вѣдь и начальникъ, стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“.

Битва началась съ того, что татарскій богатырь Телебей выѣхалъ впередъ и сталъ вызывать охотника на поединокъ. Никто не осмѣливался выйти противъ него, видя его исполинскій ростъ, какъ вдругъ изъ рядовъ русскихъ выступилъ Пересвѣтъ. Вооруженный монахъ быстро помчался на Телебея, они столкнулись, ударили другъ друга копьями и оба мертвыми свалились съ коней на землю. За этимъ произошла битва. И татаръ, и русскихъ падало очень много; бились мечами, копьями,

битва, да только князья не знали, ждать ли татаръ здѣсь, или перейти за Донъ. Нѣкоторые утверждали, что переходить Донъ неосторожно, такъ какъ, на случай неудачи, рѣка преградитъ путь отступающимъ; другіе же были того мнѣнія, что русскіе воины, зная, что путь къ отступленію отрѣзанъ, будутъ драться храбрѣе. Кромѣ того, боялись медлить, такъ какъ къ Мамаю могли подойти новыя войска на помощь. Наконецъ, подоспѣло письмо отъ св. Сергія, который совѣтовалъ идти впередъ. Димитрій тогда объявилъ: „Честная смерть лучше злого живота, а намъ не нужно было идти противъ татаръ, если, пришедши сюда, думать о томъ, какъ воротиться", и велѣлъ то въ бродъ, то по мостамъ переходить за Донъ.

На Куликовомъ полѣ остановилась русская рать и порѣшила здѣсь поджидать татаръ, которые были очень близко. Ночью, когда войско отдыхало, великій князь поѣхалъ съ воеводою Боброкомъ осматривать поле. Тишина была мертвая; она прерывалась только плесканіемъ утокъ и гусей на рѣкѣ да воемъ волковъ въ сосѣднемъ лѣсу. Боброкъ внимательно вслушивался и всматривался и говорилъ, что наблюдаетъ знаменія, по которымъ можно предугадать, каковъ будетъ исходъ сраженія. Онъ припалъ къ землѣ, вслушивался то правымъ ухомъ, то лѣвымъ, потомъ приподнялся и, залившись слезами, сказалъ: „Господине княже! только тебѣ одному разскажу, а ты никому не говори о моихъ примѣтахъ. Одна изъ нихъ на великую радость тебѣ, другая—на великую скорбь. Я припадалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, какъ земля горько и страшно плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ мать о дѣтяхъ своихъ и голоситъ по-татарски; на другой сторонѣ показалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ тонкимъ голосомъ отъ скорби и печали. Много я битвъ перебылъ, много примѣтъ испыталъ и знаю ихъ: уповай на милость Божію и одолѣешь татаръ, но и твоихъ людей подъ остріемъ меча падетъ многое множество".

День, слѣдующій за этою ночью, былъ памятнымъ днемъ 8 сентября 1380 года. Съ ранняго утра русское войско стояло

а иногда схватывались руками, кусали другъ друга зубами. Стоны раненыхъ, крики, стукъ оружія, свистъ стрѣлъ—все это смѣшивалось вмѣстѣ и производило страшный шумъ, расходившійся далеко по окрестности. Наконецъ, стали одолѣвать татаре; особенно пострадала русская пѣшая рать, и Мамай, смотрѣвшій издали на битву, радовался своей удачѣ. Но радость его была преждевременна.

Не вся рать Димитрія находилась на полѣ; часть ея, подъ начальствомъ Боброка да князя Владиміра Андреевича, родственника Димитрія, находилась въ лѣсу, въ засадѣ. Владиміръ Андреевичъ уже давно безпокоился и хотѣлъ выступить въ поле, говоря: „Зачѣмъ же мы тутъ стоимъ? Кому помогаемъ?“ Боброкъ все удерживалъ: онъ ждалъ, что татаре устанутъ окончательно, и тогда думалъ броситься на нихъ со свѣжею силою. Наконецъ, обратившись къ князю и воинамъ, сказалъ: „Теперь пора, идемъ, да поможетъ намъ благодать Св. Духа“. Мамай никакъ не ожидалъ, чтобы у русскихъ была запасная дружина, скрытая въ лѣсу; а потому сначала никакъ не могъ понять, откуда взялась новая сила, остановившая побѣдителей-татаръ. Послѣдніе были измучены, разстроены, а войско Боброка было свѣжее, идущее въ порядкѣ. Оно сдѣлало напоръ на татаръ, которые съ крикомъ: „Русь перехитрила насъ!“ бросились бѣжать. Самъ Мамай, говорятъ, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!“ и послѣдовалъ примѣру своего войска.

Такимъ образомъ, татаре были побѣждены, но дорого досталась эта побѣда и русскимъ: изъ 150,000 воиновъ осталось въ живыхъ только 40,000. Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ, стали сходиться ратники со всѣхъ сторонъ Куликова поля, но между ними не было великаго князя. Никто не зналъ, что̀ съ нимъ случилось: одни видѣли его сражавшимся, другіе говорили, что подъ нимъ убита лошадь, и онъ пѣшкомъ шелъ по полю. Замѣтили между трупами человѣка въ великокняжескомъ плащѣ и воскликнули отъ ужаса; но то былъ воинъ, на котораго Димитрій еще передъ битвою надѣлъ свой

плащъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, нашли Димитрія лежащимъ подъ деревомъ, у опушки лѣса. Онъ былъ безъ чувствъ, но живъ. Доспѣхи его были изрублены: изъ ранъ, хотя и неопасныхъ, струилась кровь. Слыша знакомые голоса вокругъ себя, Димитрій очнулся, возблагодарилъ Бога за побѣду и, сѣвъ на лошадь, отправился объѣзжать поле, которое на пространствѣ десяти верстъ было до того покрыто трупами, что лошади едва могли двигаться. Великій князь благодарилъ всѣхъ воиновъ, наградилъ тѣхъ, которые особенно отличились, помолился за погибшихъ, велѣлъ похоронить христіанскіе трупы (татарскіе были оставлены на растерзаніе дикимъ птицамъ и звѣрямъ) и воротился въ Москву.

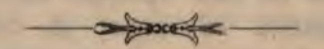
Духовенство и всѣ жители Москвы торжественно встрѣтили своего государя; но не весело было это торжество, такъ какъ на Куликовомъ полѣ осталось много храбрыхъ ратниковъ... Князья-союзники ушли въ свои удѣлы, а Димитрій (онъ за Куликовскую побѣду былъ прозванъ Донскимъ) остался въ столицѣ, желая отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Между тѣмъ, въ ордѣ произошли перемѣны: на мѣсто Мамая ханомъ сталъ храбрый Тохтамышъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы отмстить Москвѣ за Куликовскую битву, и, наконецъ, собрался въ походъ. Сначала великій князь не зналъ объ его движеніи, а когда узналъ, то оказалось, что въ сборѣ войска немного, а потому нельзя идти навстрѣчу Тохтамышу. Онъ отправился въ городъ Коломну сбирать войска, а москвичи, между тѣмъ, стали приготовляться къ защитѣ.

Средняя часть города Москвы съ давнихъ поръ называлась Кремлемъ и была обнесена крѣпкими каменными стѣнами. На нихъ были даже пушки, что̀ представляло большую рѣдкость въ тѣ времена. Въ Кремлѣ былъ дворецъ великаго князя, лучшія церкви, дома богатыхъ бояръ; за Кремлемъ же строились небольшіе деревянные дома, которые образовали такъ называемый посадъ. Эта часть города укрѣпленій не имѣла. Когда жители узнали, что идетъ Тохтамышъ, то посадъ сожгли и всѣ собрались въ Кремлѣ. „Нечего намъ бояться татаръ,

говорили москвичи, — городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзныя; татаре не долго простоятъ подъ городомъ, потому что будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны — княжескаго войска; скоро побѣгутъ обратно въ степи".

Татаре, между тѣмъ, подошли, много вреда причинили защитникамъ своею мѣткою стрѣльбою изъ луковъ и, приставивъ лѣстницы, пытались пробраться въ городъ. Москвичи кидали въ нихъ камни, обливали ихъ горячею водою и такимъ образомъ заставили отступить. Въ продолженіе трехъ дней татаре повторяли свои попытки, но каждый разъ неудачно; наконецъ, на четвертый день ханъ послалъ пословъ, которые сказали слѣдующее: „Ханъ хочетъ жаловать васъ, потому что вы не виноваты. Не на васъ пришелъ онъ, а на князя Димитрія; вы же поднесете ему дары; да хочется ему посмотрѣть вашъ городъ. Затѣмъ онъ дастъ вамъ миръ и любовь". Нижегородскіе князья, бывшіе въ лагерѣ хана, поклялись, что послѣдній не намѣренъ никакого зла сдѣлать Москвѣ. Жители повѣрили и послали своего воеводу съ подарками къ хану. Оказалось, что татаре и тутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ надули русскихъ: они умертвили посольство, воспользовались тѣмъ, что ворота были открыты, ворвались въ городъ и стали убивать всѣхъ, кто имъ ни попадался. Избивъ и полонивъ городъ, даже женщинъ и дѣтей, они ограбили церкви, боярскіе дома, княжескій дворъ, перепортили пушки и, узнавъ, что Димитрій пробирается съ войскомъ, собраннымъ въ Коломнѣ, поспѣшно бѣжали въ свои родныя степи. До какой степени было страшно опустошеніе, произведенное Тохтамышемъ въ Кремлѣ, можно видѣть изъ того, что Димитрій, воротившись въ свою столицу и повелѣвши хоронить трупы, израсходовалъ 300 рублей, платя по одному рублю за погребеніе восьмидесяти покойниковъ. Не желая подвергать своихъ земель подобнымъ разореніямъ, Димитрій Донской, а потомъ и сынъ его и внукъ снова обязались платить дань, хотя и небольшую, ордѣ.

Итакъ, Куликовская побѣда не совсѣмъ освободила Русь отъ татаръ, но она очень ослабила послѣднихъ. Они потомъ нападали на Русь, но тайкомъ, съ боязнью, старались застать князей неготовыми и коль скоро встрѣчали порядочное войско— сейчасъ бѣжали въ степи. Куликовская битва доказала русскимъ, что они, переставъ ссориться другъ съ другомъ и соединившись вмѣстѣ, могутъ побѣждать татаръ и не давать себя въ обиду. Прошло еще немного времени — и Русь освободилась совсѣмъ, еще немного — и она стала властвовать надъ этими же нѣкогда страшными татарами.



МОСКОВСКОЕ САМОДЕРЖАВІЕ.

I.

Уже при Димитріи Донскомъ Москва была главнымъ городомъ Россіи; при наслѣдникахъ этого князя она еще болѣе усилилась и возвысилась. Правнукъ Димитрія Іоаннъ III уже назывался государемъ и заставлялъ всѣхъ удѣльныхъ князей исполнять свою волю. Дѣти этихъ князей воспитывались въ Москвѣ, привыкали считать московскаго князя своимъ господиномъ и, воротившись къ себѣ на родину, не смѣли ослушаться приказаній, исходившихъ отъ Іоанна III. Смуты и междоусобія на Руси прекратились, спокойствіе водворилось, и весь народъ былъ радъ тому, что настало затишье. Хотя московскій государь и бралъ большія подати, хотя онъ былъ очень строгъ, но все же, думалъ народъ, легче служить одному господину, чѣмъ многимъ; легче заплатить лишнюю копѣйку, коли знаешь, что, въ случаѣ надобности, могучій государь защититъ отъ татарина или отъ какого-нибудь другого врага, который повадился ходить на русскую землю во время ея несчастій. Такъ думалъ народъ и былъ радъ самодержавію московскаго князя. Богатые люди, бояре, которыхъ было много у каждаго изъ удѣльныхъ князей, тоже не особенно грустили, видя силу московскаго князя: послѣдній былъ богатъ, давалъ своимъ боя-

рамъ драгоцѣнные подарки, награждалъ ихъ заслуги цѣлыми селами и городами; а гдѣ же было удѣльному князю такъ расщедриться? Вѣдь у него-то у самого земли не Богъ вѣсть какъ много, да и денегъ, разумѣется, не столько, сколько у московскаго. Бояре отъ удѣльныхъ князей одинъ за другимъ начинаютъ переходить на службу къ московскому, который щедръ и богатъ, и служить у котораго болѣе почетно. Но если и бѣдные, и богатые люди были рады могуществу Москвы, то не такъ думали объ этомъ сами удѣльные князья. Они были прежде полными хозяевами въ своихъ областяхъ, а теперь должны справляться съ волею московскаго князя; они прежде воевали съ кѣмъ хотѣли, а теперь всѣ споры судились въ Москвѣ, у великаго князя, который по своей волѣ казнилъ и миловалъ; они прежде знали, что въ удѣлахъ своихъ сидятъ до конца жизни, что и дѣти ихъ получатъ то же, что̀ держали они, а теперь чувствуютъ, что, разсердись великій князь, и все пропало—удѣлъ отнятъ, и тѣ, которые прежде управляли другими, должны идти служить, чтобы достать себѣ пропитаніе. Съ грустью смотрѣли удѣльные князья на разрушеніе своего древняго величія. Тѣ изъ нихъ, которые были податливѣе, скрѣпя сердце, служили Іоанну, старались задобрить его; но тѣ, которые были поупрямѣе, втайнѣ искали случая подкопаться подъ московскаго государя, унизить его и воротить прежнее положеніе. Такимъ былъ князь тверской Михаилъ.

Михаилъ тверской угождалъ Іоанну и, казалось, былъ съ нимъ весьма друженъ; но тѣмъ не менѣе Іоаннъ зорко слѣдилъ и, никому не говоря ни слова, не довѣрялъ тверскому князю. У него были въ Твери люди, доносившіе обо всемъ, что̀ ни дѣлалъ Михаилъ. Наконецъ Іоаннъ получаетъ извѣстіе, что Михаилъ завелъ тайнымъ образомъ сношенія съ литовскимъ княземъ и готовится вмѣстѣ съ нимъ нечаянно напасть на Москву. Іоаннъ велѣлъ собирать войско для похода и объявилъ всѣмъ объ измѣнѣ тверского князя. Между тѣмъ, послѣдній не ожидалъ, что его намѣренія преждевременно сдѣлаются извѣстными, а потому страшно испугался и просилъ

одного архіепископа (высшее духовное лицо) съѣздить въ Москву и испросить прощенія у Іоанна. Посольство это удалось. Іоаннъ оставилъ Михаила въ покоѣ, но потребовалъ, чтобы тотъ поклялся въ вѣрности Москвѣ и обѣщалъ никогда впредь не заводить сношеній съ ея врагами. Михаилъ исполнилъ все, чего отъ него требовали, но тѣмъ не менѣе отъ намѣреній своихъ не отсталъ. Онъ еще болѣе возненавидѣлъ Москву и опять сталъ сговариваться съ литовцами. Многіе изъ его бояръ, предвидя бѣду, оставили Тверь и явились въ Москву, прося Іоанна принять ихъ къ себѣ на службу и сообщая ему о враждебныхъ замыслахъ Михаила. Іоаннъ немедленно изготовился въ походъ и пошелъ на Тверь. Михаилъ попытался-было опять покорностью и просьбами смягчить гнѣвъ Іоанна, но послѣдній отказался довѣрять тому, кто уже разъ обманулъ его. Тверской князь заперся въ своемъ городѣ и думалъ-было защищаться. Тѣмъ не менѣе положеніе его было весьма опасно: и простой народъ, и бояре роптали на него и обвиняли въ томъ, что онъ затѣялъ смуту, сносился съ врагами Россіи. Не будь Михаилъ честолюбивъ, московское войско не стало бы жечь городовъ и селъ, топтать полей и, такимъ образомъ, разрушать богатство крестьянъ; что же касается бояръ, то они давно уже подумывали о томъ, какъ бы отъ бѣднаго тверского князя перейти на службу къ богатому московскому, уже давно поодиночкѣ являлись къ Іоанну. Видя это, Михаилъ тайкомъ, ночью, оставилъ свой городъ и бѣжалъ за границу, а Іоаннъ присоединилъ къ своимъ землямъ область тверскую.

Великій князь московскій поставилъ себѣ за правило всѣми средствами стараться о томъ, чтобы прекратить на русской землѣ раздробленіе и вывести изъ нея непослушаніе великому князю. Свободный вѣчевой Новгородъ задумалъ-было не слушаться Іоанна и заявлять, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои дѣла,—и Іоаннъ силою покорилъ его, уничтожилъ вѣче, перевезъ въ Москву вѣчевой колоколъ и даже послалъ въ ссылку всѣхъ гражданъ новгородскихъ, которые подстрекали народъ не повиноваться Москвѣ. Іоаннъ даже не

щадилъ братьевъ, когда они хоть немного не повиновались ему: Андрей (одинъ изъ братьевъ) былъ заключенъ въ тюрьму, и Іоаннъ отвѣчалъ митрополиту, ходатайствовавшему объ его освобожденіи: „Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ зло на меня, каялся и опять замышлялъ. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія передъ сыномъ моимъ и если не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ: станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татаре будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татаръ".

Въ то время, когда въ Россіи укоренилось самодержавіе и московскій великій князь, называя себя государемъ, властвовалъ одинъ почти надъ всею Русью, съ землею греческою случилось страшное несчастіе: на нее напали турки, нехристіанскій народъ, взяли Константинополь и, умертвивъ императора, завладѣли цѣлымъ государствомъ. Племянница убитаго императора, Софія, бѣжала изъ отечества и искала спасенія въ Римѣ. Въ Римѣ жилъ и теперь живетъ папа, т.-е. главное духовное лицо всѣхъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. Всѣ католики признаютъ его главою своей церкви. Католиковъ много между нѣмцами, французами, поляками, литовцами. Греки не хотѣли подчиняться папѣ, а такъ какъ русскіе получили христіанскую вѣру отъ грековъ, то и они, конечно, не признали папы. Греки и русскіе, въ отличіе отъ католиковъ, обыкновенно называются православными. Софія была православная, но, тѣмъ не менѣе, папа ее принялъ и надѣялся, что современемъ она обратится въ католичество. Папа желалъ тоже, чтобы и русскіе признали его главою своей вѣры, а потому неоднократно посылалъ своихъ пословъ къ русскимъ князьямъ, но безуспѣшно. Видя, такимъ образомъ, что русскіе тверды въ православіи, папа сталъ думать: нельзя ли вынести пользы изъ того, если женить великаго князя мо-

сковскаго на Софіи, которая, хотя и православная, но, тѣмъ не менѣе, дружна съ папою и многими католиками. Поэтому папа послалъ предложеніе Іоанну, который, подумавъ и посовѣтовавшись съ митрополитомъ, отправилъ въ Римъ одного итальянца, Фрязина, бывшаго на службѣ въ Москвѣ. Фрязинъ явился въ Римъ, былъ у папы, сталъ говорить, что въ Россіи православіе вовсе не такъ уважается, какъ нѣкоторые думаютъ, что стоитъ только послать къ Іоанну умнаго католическаго священника и можно сейчасъ же склонить его къ принятію католичества. Въ Римѣ слушали съ удовольствіемъ рѣчи Фрязина и уже напередъ радовались введенію католической вѣры на Руси, а Фрязину за добрыя вѣсти давали богатые подарки. Это еще болѣе заставило русскаго посла говорить всякія небылицы, которыя, очевидно, нравились папѣ, и довести дѣло до того, что послѣдній былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ. Фрязинъ воротился въ Москву, привезъ портретъ Софіи, но, разумѣется, умолчалъ о томъ, что̀ думали на счетъ Россіи въ Римѣ.

Лишь только папа получилъ окончательное согласіе Іоанна на бракъ съ Софіею, онъ немедленно велѣлъ одному изъ кардиналовъ (своихъ приближенныхъ священниковъ) сопровождать невѣсту въ Москву и постараться о введеніи тамъ католицизма. Наконецъ Софія въ іюнѣ 1472 года тронулась въ путь чрезъ нѣмецкія земли, а въ октябрѣ стала приближаться къ русскому городу Пскову. Псковичи отправились въ лодкахъ на-встрѣчу будущей супруги своего государя и поднесли ей кубки, наполненные пивомъ и виномъ. Передъ самымъ городомъ встрѣтило ее духовенство съ крестами и хоругвями и множество псковскихъ гражданъ. Всѣ съ любовью смотрѣли на Софію, но нехорошо поглядывали на кардинала. Онъ шелъ обыкновенно впереди, былъ одѣтъ въ красное платье, въ рукахъ несъ литое распятіе, не снималъ перчатокъ. Все это было диковинкой на Руси, а потому народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на страннаго гостя, но когда послѣдній, входя вмѣстѣ съ Софіею въ псковскія церкви, не сталъ прикладываться, по

щадилъ братьевъ, когда они хоть немного не повиновались ему: Андрей (одинъ изъ братьевъ) былъ заключенъ въ тюрьму, и Іоаннъ отвѣчалъ митрополиту, ходатайствовавшему объ его освобожденіи: „Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ зло на меня, каялся и опять замышлялъ. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія передъ сыномъ моимъ и если не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ: станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татаре будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татаръ".

Въ то время, когда въ Россіи укоренилось самодержавіе и московскій великій князь, называя себя государемъ, властвовалъ одинъ почти надъ всею Русью, съ землею греческою случилось страшное несчастіе: на нее напали турки, нехристіанскій народъ, взяли Константинополь и, умертвивъ императора, завладѣли цѣлымъ государствомъ. Племянница убитаго императора, Софія, бѣжала изъ отечества и искала спасенія въ Римѣ. Въ Римѣ жилъ и теперь живетъ папа, т.-е. главное духовное лицо всѣхъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. Всѣ католики признаютъ его главою своей церкви. Католиковъ много между нѣмцами, французами, поляками, литовцами. Греки не хотѣли подчиняться папѣ, а такъ какъ русскіе получили христіанскую вѣру отъ грековъ, то и они, конечно, не признали папы. Греки и русскіе, въ отличіе отъ католиковъ, обыкновенно называются православными. Софія была православная, но, тѣмъ не менѣе, папа ее принялъ и надѣялся, что современемъ она обратится въ католичество. Папа желалъ тоже, чтобы и русскіе признали его главою своей вѣры, а потому неоднократно посылалъ своихъ пословъ къ русскимъ князьямъ, но безуспѣшно. Видя, такимъ образомъ, что русскіе тверды въ православіи, папа сталъ думать: нельзя ли вынести пользы изъ того, если женить великаго князя мо-

сковскаго на Софіи, которая, хотя и православная, но, тѣмъ не менѣе, дружна съ папою и многими католиками. Поэтому папа послалъ предложеніе Іоанну, который, подумавъ и посовѣтовавшись съ митрополитомъ, отправилъ въ Римъ одного итальянца, Фрязина, бывшаго на службѣ въ Москвѣ. Фрязинъ явился въ Римъ, былъ у папы, сталъ говорить, что въ Россіи православіе вовсе не такъ уважается, какъ нѣкоторые думаютъ, что стоитъ только послать къ Іоанну умнаго католическаго священника и можно сейчасъ же склонить его къ принятію католичества. Въ Римѣ слушали съ удовольствіемъ рѣчи Фрязина и уже напередъ радовались введенію католической вѣры на Руси, а Фрязину за добрыя вѣсти давали богатые подарки. Это еще болѣе заставило русскаго посла говорить всякія небылицы, которыя, очевидно, нравились папѣ, и довести дѣло до того, что послѣдній былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ. Фрязинъ воротился въ Москву, привезъ портретъ Софіи, но, разумѣется, умолчалъ о томъ, что̀ думали на счетъ Россіи въ Римѣ.

Лишь только папа получилъ окончательное согласіе Іоанна на бракъ съ Софіею, онъ немедленно велѣлъ одному изъ кардиналовъ (своихъ приближенныхъ священниковъ) сопровождать невѣсту въ Москву и постараться о введеніи тамъ католицизма. Наконецъ Софія въ іюнѣ 1472 года тронулась въ путь чрезъ нѣмецкія земли, а въ октябрѣ стала приближаться къ русскому городу Пскову. Псковичи отправились въ лодкахъ на-встрѣчу будущей супруги своего государя и поднесли ей кубки, наполненные пивомъ и виномъ. Передъ самымъ городомъ встрѣтило ее духовенство съ крестами и хоругвями и множество псковскихъ гражданъ. Всѣ съ любовью смотрѣли на Софію, но нехорошо поглядывали на кардинала. Онъ шелъ обыкновенно впереди, былъ одѣтъ въ красное платье, въ рукахъ несъ литое распятіе, не снималъ перчатокъ. Все это было диковинкой на Руси, а потому народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на страннаго гостя, но когда послѣдній, входя вмѣстѣ съ Софіею въ псковскія церкви, не сталъ прикладываться, по

православному обычаю, къ иконамъ, не крестился и т. д., то народъ началъ считать его нехристемъ. Особенно духовенство такъ смотрѣло на кардинала, и митрополитъ заявилъ, что позволять кардиналу вступать въ Москву такъ, какъ онъ вступилъ въ другіе города, вовсе не слѣдуетъ: „Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ,—говорилъ митрополитъ,—но подъѣхать близко; если же мы позволимъ ему сдѣлать это, желая почтить его, то онъ одними воротами въ городъ, а я другими воротами изъ города. Кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругается“. Такъ говорилъ митрополитъ, и великій князь согласился съ нимъ, а потому какъ ни настаивалъ кардиналъ, но долженъ былъ отказаться отъ торжественнаго входа въ Москву.

Немедленно послѣ пріѣзда Софіи отпразднована была ея свадьба съ Іоанномъ. Кардиналъ, несмотря на первую неудачу, сталъ добиваться, чтобы ему поспорить съ ученѣйшими русскими священниками, въ присутствіи великаго князя, о вѣрѣ. Желаніе его было исполнено, и день для спора былъ назначенъ. Во время спора присутствовали Іоаннъ и его молодая жена, которая, какъ оказалось, вовсе не намѣрена была поддерживать папскаго посла, а предана своей православной вѣрѣ такъ же точно, какъ и ея мужъ. Съ кардиналомъ спорилъ русскій книжникъ Никита Поповичъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ. Спорили долго, и кардиналу не разъ приходилось заявлять, что такъ какъ при немъ нѣтъ его книгъ, то онъ не можетъ возражать.

Софія провела молодость въ Греціи и въ Италіи; она была воспитана гораздо лучше, чѣмъ всѣ русскія женщины, а потому не могла не замѣтить, что Россія уступаетъ въ значительной степени другимъ европейскимъ государствамъ. Тамъ она видѣла большія каменныя зданія, здѣсь вся Москва была выстроена изъ дерева; тамъ государи жили въ пышныхъ дворцахъ, здѣсь — въ незатѣйливыхъ домахъ; тамъ все отличалось изяществомъ, были прекрасныя статуи, картины, хорошая музыка, тамъ даже вооруженіе было лучше, одежда красивѣе;

здѣсь, напротивъ, искусствъ не знали, разныя мастерства тоже понимали очень плохо. Софія стала говорить обо всемъ этомъ Іоанну, который, отчасти и самъ по себѣ, отчасти по совѣту жены, началъ хлопотать о томъ, чтобы выписать опытныхъ (хитрыхъ, какъ тогда говорили) мастеровъ изъ-за границы. Посламъ, отправленнымъ съ этою цѣлью въ Германію и Италію, велѣно было договорить архитекторовъ, литейщиковъ, живописцевъ и другихъ необходимыхъ людей. Конечно, немногіе изъ иностранцевъ рѣшались ѣхать въ Россію,—страну, которой они не знали и которую называли варварскою; но тѣмъ не менѣе нѣкоторые поѣхали. Между пріѣзжими особенно замѣчателенъ Аристотель Фіоравенти, договоренный за 10 рублей въ мѣсяцъ. Мы не должны удивляться, что знаменитый художникъ получилъ только десять рублей жалованья. Въ то время деньги были гораздо дороже теперешняго: такъ, напримѣръ, за два рубля и пять копѣекъ тогда можно было изготовить превосходный обѣдъ на тридцать-четыре человѣка. Да и рубли-то были не похожи на наши: изъ фунта серебра чеканили только шесть рублей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Фіоравенти получилъ плату по тому времени довольно большую, но, впрочемъ, и работы на него наваливали много: онъ строилъ зданія, чеканилъ деньги, лилъ пушки. Прежде всего ему велѣно было устроить Успенскій соборъ, который былъ уже начатъ прежде, но неудачно. Фіоравенти порѣшилъ, что нужно постройку начать съизнова, и принялся разбивать стѣны. Весь народъ московскій дивился той стѣнобитной машинѣ, которую устроилъ Фіоравенти и которая разрушила прежнюю постройку въ продолженіе одной недѣли. Но удивленіе народа было еще больше, когда хитрый мастеръ устроилъ колесо, подымавшее большіе камни на весьма значительную высоту. Четыре года строилъ Фіоравенти соборъ и наконецъ кончилъ. Великій князь былъ очень доволенъ зданіемъ и задалъ по этому поводу пиръ на славу, который продолжался нѣсколько дней.

За постройкою Успенскаго собора слѣдовало появленіе все

бо̀льшаго и бо̀льшаго количества каменныхъ зданій въ Москвѣ. Богатые бояре строили себѣ каменные дома, купцы — каменныя лавки, такъ какъ онѣ были безопаснѣе отъ пожаровъ, опустошавшихъ весьма часто городъ. Подумали и о дворцѣ для великаго князя и сначала построили такъ называемую Грановитую палату, назначенную, главнымъ образомъ, для пріема иностранныхъ пословъ и для другихъ торжественныхъ случаевъ.

Со временъ Іоанна III въ Москвѣ стали селиться иностранцы, преимущественно ремесленники и художники, которыхъ заваливали разною работою, давая имъ, такимъ образомъ, возможность наживать значительныя деньги. Между ними были главнымъ образомъ: каменщики, литейщики, рѣзчики, серебряныхъ дѣлъ мастера и т. д. Были тоже два лѣкаря, Леонъ и Антонъ, но имъ, впрочемъ, не посчастливилось на Руси. Леонъ призванъ былъ лѣчить заболѣвшаго опасно сына Іоанна III. Великій князь сильно безпокоился, но Леонъ, ободряя его, заявилъ, что готовъ жизнью отвѣчать за выздоровленіе больного. Началось лѣченіе, которое, впрочемъ, шло неудачно, и больной скончался. Великій князь былъ очень опечаленъ смертью сына и разсердился на Леона, который обязался вылѣчить и не вылѣчилъ. Несчастнаго Леона казнили смертью, какъ будто онъ былъ виновенъ въ томъ, что пришелъ смертный часъ на княжескаго сына. Другой лѣкарь, Антонъ, испыталъ подобную-же участь: онъ лѣчилъ одного знатнаго татарина, бывшаго на службѣ у московскаго князя, и, не успѣвъ вылѣчить его, попался въ руки его сына, которому Іоаннъ разрѣшилъ убить лѣкаря, что̀ и было исполнено. Такіе варварскіе поступки сильно возмутили иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Они стали бояться за свою жизнь, и даже Аристотель Фіоравенти хотѣлъ уѣхать на родину. Но однихъ изъ нихъ удержали силою, другихъ уговорили остаться, а потомъ великій князь и Софія щедрыми подарками и прибавкою жалованья успѣли опять привязать къ себѣ мастеровъ, которые были весьма нужны, потому что Іоаннъ любилъ кра-



Засѣданіе боярской думы при Іоаннѣ III. (Стр. 154).

сивыя постройки и не щадилъ на нихъ денегъ. Денегъ у него было много, главнымъ образомъ потому, что дань татарамъ или не платилась совсѣмъ, или платилась въ незначительномъ количествѣ, а деньги за нее взимались какъ съ народа, такъ и удѣльныхъ князей и шли, конечно, въ казну великокняжескую. Дворецъ свой Іоаннъ украсилъ превосходными коврами и драгоцѣнною мебелью; въ торжественныхъ случаяхъ онъ садился на тронъ, сдѣланный изъ слоновой кости, надѣвалъ одежду, всю покрытую золотомъ и драгоцѣнными камнями. Мѣховая одежда, самая употребительная въ тѣ времена, стоила очень дорого: соболи, горностаи, рѣдкія лисицы и т. д. цѣлыми массами покупались ко двору и шли на пышныя одежды великаго князя и его придворныхъ.

Іоаннъ богато одарялъ иностранныхъ пословъ и своихъ бояръ, но, тѣмъ не менѣе, съ послѣдними обращался весьма строго и гордо. Прежде великіе князья имѣли обыкновеніе совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ знатнѣйшими боярами, которые составляли такъ-называемую думу, т.-е. совѣтъ великокняжескій. Іоаннъ же собиралъ думу весьма рѣдко, и то только затѣмъ, чтобы она выслушивала его повелѣнія, а не совѣтовала ему. Іоаннъ не любилъ никакого противорѣчія, и зная, что люди незнатные покоряются его волѣ легче, чѣмъ знатные, сталъ приближать къ себѣ дьяковъ, т.-е. грамотныхъ людей низкаго происхожденія, которымъ поручалъ главныя должности. Нѣкоторые изъ знатныхъ бояръ, особенно такіе, которые при прежнихъ великихъ князьяхъ пользовались почетомъ, запросто обходились со своими великими князьями, были весьма недовольны такимъ положеніемъ. Бояринъ Берсень неоднократно говаривалъ своимъ товарищамъ: „Лучше давнихъ обычаевъ держаться, людей жаловать и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ-третій у своей постели, всѣ дѣла рѣшаетъ“. Берсень обвинялъ Софію въ томъ, что она произвела эти перемѣны, называлъ ее хитрою и честолюбивою. Рѣчи эти дошли до Іоанна, который велѣлъ смертью казнить Берсеня. Вообще подлежали строгому наказанію всѣ

тѣ, которые позволили себѣ высказать хотя одно неуважительное слово о государѣ и его семействѣ. Бояре ежедневно ходили на поклонъ къ великому князю и смиренно ждали его выѣзда. Говорилъ съ ними великій князь весьма рѣдко, и потому тотъ, которому онъ вымолвилъ хоть слово, считалъ себя счастливцемъ и былъ предметомъ зависти для другихъ. Въ прошеніяхъ, подаваемыхъ великому князю, бояре называли себя его холопами и рабами, а сами писались, ради униженія, уменьшительными именами (Васюкъ, Ѳедька, вмѣсто — Василій, Ѳедоръ).

II.

Въ началѣ своего княженія Іоаннъ III посылалъ дань и подарки хану, но потомъ пересталъ и не далъ ни копѣйки въ продолженіе девяти лѣтъ. Ханомъ Золотой орды былъ тогда Ахматъ. Онъ, конечно, сердился на Іоанна, но не смѣлъ объявить ему войны, потому что видѣлъ силу Іоанна, видѣлъ, что Московское государство, единое, не подверженное смутамъ, могущественно, что если прадѣдъ Іоанна, Димитрій Донской, нанесъ пораженіе Мамаю, то тѣмъ болѣе такой-же участи татарамъ слѣдуетъ ожидать отъ Іоанна, потому что при Димитріи были еще внутренніе раздоры, теперь-же великій князь держалъ въ строгомъ повиновеніи князей удѣльныхъ, которыхъ притомъ было уже весьма немного. Тѣмъ не менѣе и Ахматъ выжидалъ удобнаго случая и наконецъ дождался: у Іоанна пошли раздоры съ Литвою, и Ахматъ, полагая, что теперь Іоаннъ не посмѣетъ отказать въ дани, послалъ пословъ своихъ въ Москву. Софія, узнавъ о пріѣздѣ послѣднихъ, сказала своему мужу слѣдующее: „Отецъ мой и я захотѣли лучше отчизны лишиться, чѣмъ дань давать; я отказала въ рукѣ знаменитымъ князьямъ и королямъ для вѣры, вышла за тебя; а ты, если не прогонишь пословъ, а согласишься на ихъ требованіе, сдѣлаешь и меня, и дѣтей моихъ данниками. Развѣ у тебя мало войска? Зачѣмъ слушаешься рабовъ своихъ и не хочешь постоять за честь свою и за вѣру святую?“ Подобныя-же слова говорилъ и архіепископъ Вассіанъ, любимый Іоан-

номъ и крестившій его дѣтей. Въ назначенное время послы явились передъ великимъ княземъ и поднесли ему басму. Это былъ портретъ хана, передъ которымъ Іоаннъ долженъ былъ преклониться, выражая этимъ почтеніе къ самому хану. Іоаннъ взялъ басму, но сей же часъ бросилъ ее объ полъ, сталъ топтать ногами и заявилъ, что также точно поступилъ бы съ самимъ Ахматомъ, какъ съ его изображеніемъ, еслибы онъ вздумалъ явиться самъ за данью.

„Такъ-то поступаетъ рабъ нашъ, князь московскій!“ воскликнулъ въ ярости Ахматъ, узнавъ о пріемѣ своихъ пословъ, и, разсчитывая на помощь изъ Литвы, велѣлъ собирать войско. Въ Москвѣ не дремали тоже, и 180,000 ратниковъ было выслано къ границамъ, съ цѣлью не пускать Ахмата на русскую землю. Кромѣ того, Іоаннъ дорогими подарками склонилъ на свою сторону крымцевъ (тоже татаръ, но не подвластныхъ Ахмату), чтобы они сдѣлали набѣгъ на Литву и тѣмъ помѣшали ей выслать войско на помощь Ахмату, а также, когда Ахматъ уйдетъ съ войскомъ на Россію, попытались напасть на его собственныя владѣнія.

Между тѣмъ, войско Ахмата шло впередъ и остановилось, наконецъ, на рѣкѣ Угрѣ, къ западу отъ Москвы. Въ Москвѣ приготовлялись къ защитѣ, а Іоаннъ самъ отправился къ войску, которое стояло на другомъ берегу рѣки Угры. Нужно было рѣшиться на битву; но Іоаннъ убоялся многочисленной татарской рати и воротился въ Москву посовѣтоваться, не заключить ли лучше мира съ Ахматомъ. Тутъ выступилъ Вассіанъ и сказалъ Іоанну: „Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что выдаешь христіанство, бѣжишь прочь, не бившись съ татарами. Зачѣмъ боишься ты смерти? Вѣдь не безсмертный ты человѣкъ; а безъ року нѣтъ смерти ни человѣку, ни звѣрю, ни птицѣ. Дай мнѣ, старику, войско въ руки, и увидишь, что я не побѣгу“. Народъ тоже былъ недоволенъ медлительностью Іоанна и роптaлъ на него. Наконецъ, Іоаннъ явился снова въ лагерь, но снова сталъ колебаться и отправилъ посольство къ Ахмату, который стоялъ на другомъ бе-

регу и не смѣлъ нападать на русскихъ. Ахматъ сказалъ послу: „Я пришелъ сюда наказать Іоанна за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не почитаетъ меня, не платитъ дани девять лѣтъ. Пусть онъ самъ явится предо мною, и тогда князья наши будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость". Понятно, что Іоаннъ не могъ унизиться до такого раболѣпства, да къ тому же пришло слѣдующее письмо отъ Вассіана:

„Ахматъ приближается, и христіанство гибнетъ, а ты смиряешься, просишь о мирѣ, посылаешь къ нему; онъ же гнѣвомъ дышетъ, твоего моленія не слушаетъ, хочетъ до конца разорить христіанство. Дошелъ до насъ слухъ, что у тебя есть льстивые совѣтники, которые въ трусости своей тебѣ нашептываютъ, что нужно бѣжать, что опасно биться съ татарами. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ. Отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величіе, когда народъ тьмами погибнетъ и церкви Божіи разорятся и осквернятся! Не на тебя ли падетъ кровь эта? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ, чтобы ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанства. Вспомни о предкахъ твоихъ—о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ половцами, о Димитріи Донскомъ. Онъ самъ впереди бился, не щадилъ живота своего, не испугался множества татаръ. За это Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрій и славится не только передъ людьми, но и передъ Богомъ. Подражай ты Димитрію. Но, можетъ быть, ты опять скажешь, что мы клялись не поднимать рукъ на хана; въ такомъ случаѣ послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ велѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, какъ на разбойника, хищника. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, христіанскаго государя, повиноваться безбожнику, язычнику? Государь, прибѣгни подъ крѣпкую руку Господа!"

Написать такое письмо грозному князю, который казнилъ

Берсеня за одно неосторожное слово, было не безопасно; но Вассіанъ лучше желалъ перенести гнѣвъ Іоанна, предпочелъ бы даже наказаніе, чѣмъ помолчать тогда, когда видѣлъ, что Россію можно избавить отъ бѣды, а ее не избавляютъ. И Іоаннъ понялъ, что въ этомъ письмѣ высказывается не непокорность архіепископа, а его любовь къ отечеству; онъ понялъ это, и потому Вассіанъ остался по прежнему въ милостяхъ и почетѣ.

Іоаннъ прервалъ переговоры съ Ахматомъ, но биться не начиналъ. Одни говорятъ, что онъ трусилъ, а другіе—что выжидалъ удобнаго времени, хотѣлъ, чтобы татаре напали на него и вѣрнѣе погибли при переправѣ черезъ Угру. Наконецъ, насталъ ноябрь мѣсяцъ, и распространился слухъ, что лишь только рѣка покроется льдомъ, татаре нападутъ на русскихъ. Іоаннъ велѣлъ своему войску отступить отъ берега и стать на мѣстѣ, болѣе удобномъ для битвы. Нѣкоторые изъ полковъ при отступленіи пришли въ безпорядокъ и побѣжали. Ахматъ видѣлъ все это съ другого берега и никакъ не могъ понять причины бѣгства русскихъ; ему показалось, что тутъ есть какая-нибудь злая хитрость, и потому онъ рѣшился лучше отступить, тѣмъ болѣе, что обѣщанная помощь изъ Литвы не приходила; въ войскѣ татарскомъ начались страшныя болѣзни отъ сильныхъ морозовъ, а изъ орды шли самыя неблагопріятныя вѣсти о нападеніи крымскихъ войскъ. Такимъ образомъ, Россія безъ битвы избавилась отъ врага, подъ игомъ котораго она томилась болѣе двухъ столѣтій.

Кромѣ татаръ, у Московскаго государства былъ второй врагъ—Литва. Мы видѣли, что вскорѣ послѣ нашествія Батыя литовскій князь Гедиминъ покорилъ многія русскія области. Сама Литва была невелика, но русскихъ земель было у нея очень много; теперешнія губерніи: Кіевская, Волынская, Черниговская, Курская, Смоленская, Могилевская и Витебская принадлежали ей. Литовцы были народъ храбрый, воинственный, да притомъ они почти всегда находились въ тѣсномъ союзѣ съ Польшею, а потому воевать съ ними было довольно

опасно. Тѣмъ не менѣе у Іоанна III были войны съ Литвою, перевѣсъ въ которыхъ оставался на сторонѣ Москвы. Поводомъ для этихъ войнъ служили бояре, русскіе по происхожденію, которые служили прежде литовскимъ князьямъ, а потомъ переходили въ Москву. Такимъ образомъ, изъ Литвы къ Іоанну перешли князья Воротынскіе, Мезецкіе, Вяземскіе и другіе. Послѣ войны явились въ Москву послы отъ литовскаго князя для заключенія мира.

Пріѣздъ посла обыкновенно отличался торжественностью. Когда посолъ являлся на русской землѣ, то ближайшій воевода посылалъ объ этомъ вѣсть государю, а самъ отправлялся на-встрѣчу послу. Онъ обыкновенно останавливался за городомъ и ждалъ приближенія посла. Воевода, стоя (на лошади или на экипажѣ) посрединѣ дороги, ни на шагъ не сторонился, а посолъ долженъ былъ сворачивать. Зимою, когда такой объѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги расчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу. Затѣмъ, поровнявшись, посолъ и воевода сходили съ коней или экипажей, причемъ воевода всегда старался выйти послѣ посла, такъ какъ это значило, по тогдашнему мнѣнію, оберегать честь своего государя. Затѣмъ они спрашивали другъ друга о здоровьѣ, о здоровьѣ государей, причемъ снимали шапки, и опять продолжали путь. Тутъ уже воевода старался сѣсть прежде посла въ коляску. Если посолъ зналъ эти обычаи москвитянъ, то онъ медлилъ слѣзать, а спѣшилъ влѣзать; но если не зналъ, то воевода оставался всегда побѣдителемъ. Впрочемъ, о послѣ, который не наблюдалъ этихъ формальностей, были дурного мнѣнія и говорили, что онъ или глупъ, или не уважаетъ своего государя. Иностранный посолъ ѣхалъ обыкновенно не одинъ, а съ цѣлою свитою, состоявшею обыкновенно изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Какъ лошади, такъ и все содержаніе на время путешествія посла отъ границъ до Москвы и обратно до границы давались послу отъ московскаго государя. На содержаніе отпускалось обыкновенно около двухъ рублей посуточно; иногда же давались

не деньги, а съѣстные припасы. Такъ, одно англійское посольство получало ежедневно по 62 каравая хлѣба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 куръ, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 10 копѣекъ на свѣчи, по 5 копѣекъ на мелкіе кухонные расходы, по четверти ведра вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и нѣсколько меньше водки.

Когда посолъ въѣзжалъ въ столицу, то торжественность еще увеличивалась: государь посылалъ ему на-встрѣчу войска, велѣно было народу закрывать всѣ лавки, прекратить всякую работу и, принарядившись получше, выходить на улицы и площади. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы посолъ могъ видѣть богатство Россіи и ея благоденствіе, разсказалъ бы обо всемъ этомъ у себя на родинѣ и такимъ образомъ распространилъ слухъ о могуществѣ Россіи. Но зато рѣдко позволяли послу свободно расхаживать по городу, не любили, когда онъ старался сблизиться, разговориться съ жителями.

Когда посолъ являлся во дворецъ, чтобы представиться государю, то наши предки старались устроить все дѣло какъ можно поторжественнѣе. Цѣлыя сотни бояръ обыкновенно наполняли залы и лѣстницы дворца. Они были одѣты въ длинныя мѣховыя одежды, украшенныя золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; на головахъ имѣли высокія мѣховыя шапки, которыя назывались горлатными. Небогатые бояре для этого случая получали одежду изъ казны. Въ пріемной залѣ въ углу стоялъ тронъ, на скамьяхъ у стѣнъ сидѣли бояре, составлявшіе боярскую думу. Царь сидѣлъ на престолѣ, около него лежали высокая остроконечная шапка и посохъ съ крестомъ наверху. Близъ трона стоялъ серебряный рукомойникъ, въ которомъ государь мылъ руки послѣ пріема, потому что послы отъ неправославныхъ государствъ считались нечистыми. Когда послы входили, то одинъ изъ дьяковъ представлялъ ихъ государю и говорилъ, откуда они пріѣхали. При имени того государя, который присылалъ пословъ, московскій государь вставалъ, освѣдомлялся о здоровьѣ своего брата-государя, а

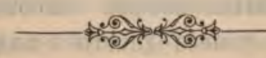
потомъ спрашивалъ посла, счастливо ли онъ совершилъ путешествіе. Потомъ посламъ приносили стулья, и они, посидѣвъ немного, цѣловали руку государя и уходили. Переговоры велись обыкновенно при посредствѣ бояръ или дьяковъ.

Желая оказать честь посламъ, государь приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать. Обѣдалъ онъ обыкновенно за особымъ столомъ, послы же сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ боярами. Вся посуда была серебряная, иногда вызолоченная, но не всегда она отличалась опрятностью и исправностью. Въ тѣ времена считали лишнимъ перемѣнять тарелки послѣ каждаго блюда, иногда на весь обѣдъ подавалось по одной тарелкѣ. Кушаньевъ было очень много, и обѣдъ обыкновенно тянулся очень долго: случалось, что начнется онъ въ два часа дня, а кончится въ одиннадцать вечера. Самымъ парадымъ кушаньемъ были лебеди; если государь отъ своей порціи отрѣзывалъ кусокъ и передавалъ его кому-нибудь изъ сидящихъ, то это почиталось большою честью. Пили за столомъ очень много вина и меду. Этимъ угощеніе не оканчивалось, и послѣ обѣда знатные бояре провожали посла на квартиру и тутъ его еще старались накормить, а главнымъ образомъ напоить. Отказываться отъ питья было никакъ невозможно; пили за здоровье обоихъ государей, потомъ за ихъ женъ, дѣтей, родственниковъ, а когда и этихъ немного, то за здоровье важныхъ лицъ обоихъ государствъ. Напоивъ посла пьянымъ, бояре старались обыкновенно вывѣдать его тайны и нерѣдко успѣвали въ этомъ.

Пріемъ, описанный выше, былъ сдѣланъ и Станиславу Глѣбовичу, послу, явившемуся отъ литовскаго князя Александра. Пьяный Глѣбовичъ выболталъ, что его князь очень хочетъ мира, а потому готовъ сдѣлать разныя уступки, и поручилъ ему, Глѣбовичу, завести даже рѣчь о выдачѣ дочери Іоанна Елены за князя Александра замужъ. Бояре, вытянувъ тайну у посла, донесли обо всемъ государю, который и потребовалъ уступки нѣсколькихъ городовъ, въ противномъ случаѣ грозилъ возобновленіемъ войны. Посолъ долго ломался, но наконецъ согласился. Затѣмъ порѣшили дѣло о бракѣ.

Отдавая свою дочь за литовскаго, а слѣдовательно католическаго, государя, Іоаннъ очень безпокоился, чтобы ее не принуждали отстать отъ православія. Онъ прежде всего потребовалъ, чтобы Александръ прислалъ грамоту, въ которой обязался бы оставить свою жену въ вѣрѣ ея предковъ. Александръ написалъ, что принуждать ее не будетъ, но если она сама захочетъ принять католическую вѣру, то ея воля. Іоаннъ, однако, не успокоился до тѣхъ поръ, пока требуемой грамоты не получилъ. Самой Еленѣ Іоаннъ накрѣпко приказалъ хранить православную вѣру и даже не ходить совсѣмъ въ католическія церкви. Наконецъ Елена съ польскими послами, сопровождаемая нѣсколькими боярынями и священникомъ, отправилась въ путь, въ городъ Вильну, столицу Литовскаго княжества. Александръ верхомъ выѣхалъ противъ нея и встрѣтилъ ее версты за три отъ Вильны. Отъ его коня до тапканы (кареты) Елениной постлали красное сукно, а поверхъ сукна у тапканы камку съ золотомъ. Елена вышла изъ тапканы на камку, за нею вышли боярыни. Александръ сошелъ съ лошади, подошелъ къ Еленѣ, далъ ей руку, спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ опять сѣсть въ тапкану; потомъ онъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ въѣхали въ городъ. Въ тотъ же день было вѣнчаніе, которое совершилъ католическій епископъ, но въ присутствіи православнаго священника, читавшаго тоже свои молитвы.

Такимъ образомъ, литовскій князь сдѣлался зятемъ московскаго, но тѣмъ не менѣе вражда между Литвою и Москвою не прекратилась: она возобновлялась и во время жизни Іоанна III, и при его наслѣдникахъ.



ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ.

I.

Внукъ Ивана III, Иванъ Васильевичъ, остался безъ отца и матери въ раннемъ дѣтствѣ. Рѣдко сироткѣ бываетъ жизнь сладкая; рѣдко люди, которые должны имѣть о немъ попеченіе, заботятся о томъ, чтобы дать ему хорошее воспитаніе. Каждый изъ насъ видѣлъ на вѣку своемъ, какъ иногда опекуны обираютъ безъ родителей оставшихся дѣтей, какъ о нихъ не заботятся, какъ обращаются съ ними не по-христіански. Это случается не только въ нашей обыкновенной жизни, но и въ жизни царей, чему примѣромъ можетъ служить Иванъ Васильевичъ.

Семи лѣтъ отъ роду онъ остался круглымъ сиротою. Въ такомъ возрастѣ, понятно, человѣкъ самъ управлять государствомъ не можетъ, а потому какъ управленіе, такъ и заботливость о молодомъ царевичѣ перешли въ руки знатныхъ бояръ: Шуйскихъ, Бѣльскихъ и Глинскихъ. Бояре эти постоянно ссорились другъ съ другомъ, перебивали другъ у друга власть и, стараясь воспользоваться своимъ высокимъ саномъ, притѣсняли народъ, вымогая у него деньги и подарки. Даже великокняжеская казна не была ограждена отъ ихъ хищничества: они брали изъ нея золото и серебро, дѣлали себѣ кубки, чаши,

разныя украшенія и на этихъ наворованныхъ вещахъ велѣли вырѣзывать свое имя или имя своихъ предковъ, желая этимъ показать, что драгоцѣнности вполнѣ законно принадлежатъ имъ.

Особенно жадничалъ князь Иванъ Шуйскій. Прежде онъ былъ не особенно богатъ, даже порядочной шубы не имѣлъ, но, получивъ на нѣкоторое время въ свои руки власть, зажилъ богачемъ. Откуда же взялись у него деньги и драгоцѣнности? Да часть перешла въ его карманъ изъ сундуковъ великокняжескихъ, другая часть была выморочена у народа.

Когда одинъ бояринъ, такимъ образомъ, обогащался, другіе смотрѣли на него завистливымъ окомъ и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы отнять власть у счастливаго товарища. Бывали случаи, что ночью во дворцѣ поднимался страшный гамъ, не дававшій спать великому князю. Гамъ этотъ производили бояре, ссорившіеся другъ съ другомъ изъ-за награбленной добычи. Дѣло доходило до драки, кровопролитія, даже убійства; бояре не стѣснялись присутствіемъ будущаго государя, который, бывало, плакалъ отъ страха и молилъ буйныхъ честолюбцевъ прекратить раздоръ. Но на испуганнаго ребенка никто не обращалъ вниманія: его грубо выпроваживали изъ комнаты, запирали въ спальню, грозили наказать, если онъ будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. А между тѣмъ, ребенокъ этотъ подросталъ, сталъ все болѣе и болѣе понимать, сталъ видѣть, что бояре таскаютъ его добро, ведутъ себя совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Если пріѣзжалъ иностранный посолъ, то во время пріема его молодой государь важно садился на тронъ въ пріемной залѣ, а Шуйскіе, Бѣльскіе и Глинскіе покорно стояли поодаль и, казалось, готовы были исполнить всякое его приказаніе; но торжественный случай оканчивался, и они задирали носъ по прежнему, по прежнему обижали Ивана, по прежнему не стѣснялись имъ.

Учить ребенка разнымъ наукамъ, столь необходимымъ особенно тому, кому предстоитъ управлять обширною землею со многими милліонами жителей, они не хотѣли. „Пусть себѣ,—думали они,—Иванъ растетъ въ невѣжествѣ; а если великій князь

уменъ и дѣло понимаетъ, то, пожалуй, тѣмъ, которые притѣсняли народъ, придется плохо". Такъ разсуждали бояре и не позаботились объ образованіи государя. Ему набрали цѣлую толпу сверстниковъ, съ которыми онъ игралъ или, какъ тогда говорили, тѣшился. Иногда эти потѣхи отличались жестокостью. Иванъ со сверстниками забавлялся тѣмъ, что бросалъ щенковъ и кошекъ съ высокаго крыльца и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ бѣдныя животныя съ жалобнымъ визгомъ разбивались о мостовую. Иногда Иванъ разъѣзжалъ по улицамъ столицы верхомъ. Бѣда была тогда всѣмъ тѣмъ, которые попадались ему на-встрѣчу: онъ нарочно направлялъ свою лошадь на людей, сбивалъ ихъ съ ногъ, гнался за скрывающимися и хлесталъ ихъ плетью, забавляясь страхомъ и страданіями московскихъ жителей. Конечно, всякій честный человѣкъ постарался бы запретить ребенку подобныя развлеченія, доказать ему, какъ нехорошо дѣлать другимъ вредъ безъ всякой причины; но бояре, напротивъ, тѣшились подобными шутками и говорили молодому великому князю, что, давя людей на улицахъ и муча животныхъ, онъ поступаетъ какъ храбрецъ. Позволяя своему воспитаннику дѣлать всякое насиліе надъ невиннымъ народомъ, бояре держали себя совершенно иначе, когда дѣло касалось ихъ пользы: лишь только они замѣчали, что юный великій князь сдѣлалъ что-нибудь противъ ихъ воли, они его жестоко бранили, говорили ему, что онъ во всемъ долженъ имъ повиноваться. Но чѣмъ старше дѣлался Иванъ, тѣмъ болѣе онъ сталъ понимать, что бояре поступаютъ съ нимъ не такъ, какъ слѣдуетъ, что они должны его уважать, а не бранить, его слушать, а не приказывать, смотрѣть за его добромъ, а не растаскивать его по своимъ карманамъ. Онъ въ глубинѣ души ненавидѣлъ своихъ опекуновъ и готовился имъ страшно отмстить со временемъ.

Между молодыми людьми, игравшими съ Иваномъ, былъ нѣкто Воронцовъ. Иванъ любилъ его, но это не понравилось боярамъ. Дѣло въ томъ, что Воронцовъ, говорятъ, неоднократно подстрекалъ Ивана противъ князя Андрея Шуйскаго,

одного изъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. Ивану было уже тринадцать лѣтъ, онъ былъ вспыльчивъ, жестокъ, а потому бояре сочли за лучшее удалить Воронцова, который могъ настроить Ивана на какой-нибудь поступокъ имъ не по вкусу. Иванъ сильно полюбилъ своего товарища, а потому сталъ заступаться за него, сталъ просить Шуйскаго, но послѣдній не переставалъ тутъ же бить Воронцова и наконецъ приказалъ заключить его въ темницу. Но тутъ уже у юноши лопнуло терпѣніе: скоро послѣ случая съ Воронцовымъ онъ, сопровождаемый нѣсколькими слугами и псарями, гнѣвно вошелъ въ комнату, гдѣ находились бояре, крикнулъ на Андрея Шуйскаго, обозвалъ его измѣнникомъ и велѣлъ сейчасъ же умертвить его, а тѣло бросить на съѣденіе голоднымъ псамъ. Тутъ-то въ первый разъ почувствовали придворные бояре, что пора ихъ власти миновала, что, не препятствуя молодому государю тѣшиться жестокими забавами, они на себѣ могутъ испытать послѣдствія такого воспитанія. Приговоръ надъ Андреемъ Шуйскимъ былъ исполненъ немедленно; другу казненнаго, Бутурлину, позволившему себѣ непочтительно отозваться о великомъ князѣ, отрѣзали языкъ.

Паденіемъ Шуйскихъ воспользовались Глинскіе, родственники Ивана по матери, и стали править государствомъ. Они уже не рѣшались такъ обращаться съ Иваномъ, какъ Шуйскіе, и показывали себя всегда его покорнѣйшими слугами. Народу, однако, отъ этого было не легче, потому что Глинскіе такъ же точно обирали его, творили неправый судъ. Нѣкоторые изъ народа думали-было жаловаться молодому великому князю, но до него ихъ не допускали. Иванъ предавался играмъ, ѣздилъ на охоту, неумѣренно пилъ вино и былъ доволенъ Глинскими, которые исполняли всѣ его прихоти; до дѣлъ управленія онъ не касался, да и, не имѣя ни хорошаго образованія, ни честныхъ совѣтниковъ, могъ ли онъ дѣлать что-либо путное?

Такъ прошло три года, и наконецъ, Ивану Васильевичу исполнилось 16 лѣтъ, т.-е. срокъ совершеннолѣтія. 16-го января

1547 года происходило торжество коронованія, въ знакъ того, что съ этого дня государь уже не нуждается въ опекѣ, а можетъ править Россіею самъ. Иванъ Васильевичъ, окруженный цѣлою толпою придворныхъ, одѣтыхъ въ сіяющія золотомъ и серебромъ платья, отправился въ самый великолѣпный изъ московскихъ соборовъ, именно, въ Успенскій. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ Ивана многолѣтіемъ. Иванъ сѣлъ на дорогое кресло, поставленное посрединѣ собора, рядомъ съ кресломъ митрополита. Затѣмъ священники возложили на его плечи мантію, на голову корону, а митрополитъ произнесъ: „Радуйся и здравствуй, православный царь Иванъ, всея Россіи самодержецъ на многія лѣта". При выходѣ изъ собора Ивана обсыпали нѣсколько разъ золотыми деньгами въ знакъ счастія и богатства. Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ, а затѣмъ и всѣ государи русскіе стали называть себя царями, т.-е. титуломъ болѣе высокимъ, чѣмъ великокняжескій.

По обычаямъ того времени считалось неприличнымъ, чтобы царь былъ безъ царицы, а потому Иванъ, несмотря на свой шестнадцатилѣтній возрастъ, сталъ подумывать о женитьбѣ. Еще до коронованія разосланъ былъ по всей Руси указъ всѣмъ боярамъ и дворянамъ, чтобы они въ назначенный день представили своихъ незамужнихъ дочерей въ ближайшій городъ къ намѣстникамъ на смотръ. Намѣстники обыкновенно отбирали самыхъ красивыхъ и знатныхъ, которыя должны были ѣхать въ Москву, и помежъ нихъ-то государь выбиралъ себѣ невѣсту. Таковъ ужъ былъ обычай на Руси, такъ женились и отецъ Ивана, Василій, и дѣдъ его Иванъ III. Послѣдній поступилъ вопреки этому обычаю только при второмъ бракѣ, женясь на греческой царевнѣ Софьѣ. „А кто не привезетъ, говорилось въ указѣ, дочери своей на смотръ, тому ждать отъ меня великой опалы и казни". Изъ множества дѣвицъ, явившихся по этому указу въ Москву, царь выбралъ Анастасію, дочь боярина Романа Захарьина-Кошкина, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего коронованія отпраздновалъ свадьбу.

Послѣ коронованія и свадьбы слѣдовали по прежнему пиры

и попойки. Потомъ государь поѣхалъ вмѣстѣ съ женою по монастырямъ на богомолье и раздавалъ на пути своемъ щедрые подарки священникамъ и монахамъ. Въ Москвѣ, между тѣмъ, царствовали попрежнему Глинскіе, и народъ попрежнему терпѣлъ притѣсненія отъ нихъ. Угнетенный невѣжественный народъ былъ очень суевѣренъ, а тутъ, какъ на бѣду, случились такія происшествія, которыя считались предзнаменованіями большого несчастія: съ одной колокольни упалъ колоколъ-благовѣстникъ, громъ ударилъ въ куполъ Успенскаго собора, то тамъ, то здѣсь вспыхивали пожары. Народъ ждалъ бѣды, и вдругъ, почти одновременно съ возвращеніемъ царя съ богомолья, вспыхнулъ ужаснѣйшій пожаръ, причины котораго никакъ иначе, какъ волшебствомъ, не могли объяснить. Городъ почти весь былъ построенъ изъ дерева, даже улицы мостились деревянными колодами, а потому, при сильномъ вѣтрѣ, пламя быстро стало переноситься съ одного мѣста на другое. Обгорѣли Успенскій соборъ, царскій дворецъ, до тла сгорѣла оружейная палата, а въ той части города, которая называлась посадомъ и гдѣ въ дрянныхъ, деревянныхъ домикахъ жилъ бѣдный людъ, пожаръ свирѣпствовалъ съ несказанною силою. Не было времени выносить пожитковъ изъ горящихъ домовъ, даже многіе люди погибли въ пламени. Число такихъ несчастныхъ доходило до 1,700 человѣкъ. Народъ, притѣсняемый прежде боярами, а теперь потерявшій послѣднее имущество и уголъ, сталъ волноваться. Онъ кричалъ, что Москву подожгли, и возводилъ подозрѣніе на Глинскихъ, которыхъ считалъ своими первыми врагами. Царь велѣлъ разслѣдовать дѣло и послалъ своихъ чиновниковъ спросить собравшійся на площади народъ, что̀ онъ думаетъ о причинѣ пожара. „Глинскіе подожгли!“ кричала въ одинъ голосъ толпа, а нѣкоторые выступили впередъ и начали разсказывать, что Глинскіе волшебники и волшебствомъ произвели пожаръ. „Княгиня Анна Глинская,—говорили они,—со своими дѣтьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила. Вотъ отъ этого-то Москва

и выгорѣла!“ Суевѣрный народъ вѣрилъ этимъ сказкамъ, и толпа, пришедши въ ярость, пустилась бѣжать по улицѣ, ведущей къ дому Глинскихъ, убивая по дорогѣ всѣхъ встрѣчавшихся слугъ послѣднихъ. Одинъ изъ Глинскихъ, спасаясь отъ опасности, бѣжалъ въ Успенскій соборъ, надѣясь, что толпа, уважающая святыню церковную, не рѣшится его преслѣдовать; но разсчетъ его оказался невѣрнымъ, и онъ былъ убитъ. Царь во время пожара оставилъ столицу и уѣхалъ въ свой загородный домъ на Воробьевы горы. Къ нему бѣжали и тѣ изъ Глинскихъ, которые успѣли ускользнуть изъ Москвы. Народъ цѣлыми тысячами двинулся къ Воробьевымъ горамъ и требовалъ громкими криками выдачи своихъ враговъ. Понадобилась военная сила для того, чтобы смирить безпокойный бѣдный людъ. Должно быть, народу горько приходилось отъ власти Глинскихъ, коли онъ столь настойчиво желалъ ихъ погубить.

Молодой царь былъ сильно пораженъ всѣмъ тѣмъ, что̀ случилось. Теперь уже было не до пировъ, когда столица стояла въ огнѣ, а народъ бушевалъ и самоуправничалъ.

Проживая на Воробьевыхъ горахъ, откуда открывается прелестный видъ на Москву, Иванъ видѣлъ ея пламя, видѣлъ черный дымъ, покрывавшій небо. Мрачно и грустно было у него на душѣ, но онъ не зналъ, что̀ дѣлать, не зналъ, какъ пособить. Однажды, когда онъ въ грустной задумчивости сидѣлъ у окна и глядѣлъ на дымившіеся остатки полуразрушеннаго города, въ комнату вошелъ протопопъ Сильвестръ, еще прежде извѣстный Ивану по своей набожности и уму. Сильвестръ смѣло подошелъ къ грустному царю, пригласилъ его вдуматься еще разъ въ то, что̀ происходитъ вокругъ, сталъ говорить о томъ, какъ сильно и невыносимо страдаетъ народъ отъ боярскаго правленія. Онъ говорилъ Ивану, что Богъ, поручая царямъ государства, потребуетъ у нихъ отчета въ день страшнаго суда; что не съумѣютъ отъ его приговора ни отговориться, ни отпроситься тѣ изъ царей, которые не заботились о своемъ народѣ, предаваясь пиршествамъ, пьянству,



Сильвестръ и молодой царь Иванъ Васильевичъ. (Стр. 170).

праздности; что вся кровь и всѣ слезы падутъ на душу Ивана Васильевича, если онъ не перемѣнитъ своего образа жизни, если, разставшись съ грубыми удовольствіями, удаливъ отъ себя льстецовъ и притѣснителей-бояръ, не возьмется самъ за дѣло во исполненіе той великой обязанности, которую наложилъ на него, какъ на царя, Всевышній. Рѣчь священника была трогательна, она взволновала молодую и набожную душу царя, слезы выступили на его глазахъ, и онъ созналъ свой грѣхъ. Онъ чувствовалъ, что его собственная бездѣятельность — главный виновникъ всѣхъ несчастій, что тотъ народъ, который, какъ взбунтовавшійся, пришлось разгонять оружіемъ, очень несчастливъ. Онъ боялся вѣчнаго наказанія за свои поступки, и принесши тутъ же покаяніе передъ Сильвестромъ, далъ клятву посвятить себя труду на пользу отечества. Онъ просилъ Сильвестра поддерживать его въ этомъ добромъ намѣреніи своими совѣтами и указать людей, способныхъ честно помогать царю въ его трудахъ, направленныхъ на то, чтобы поправить зло, сдѣланное во время правленія хитрыхъ и себялюбивыхъ бояръ. Сильвестръ указалъ на Алексѣя Адашева.

II.

Адашеву царь велѣлъ принимать просьбы и жалобы отъ всякаго, даже самаго простого человѣка. „Алексѣй,—говорилъ царь,—взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взялъ тебя для помощи себѣ. Хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, чтобы печаль мою утолить и людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣть. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ. Не бойся сильныхъ и богатыхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; но ты не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ. Все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери людей праведныхъ отъ бояръ

и вельможъ“. Очевидно, что молодой царь ревностно взялся за дѣла и хотѣлъ въ возможно-скоромъ времени исправить зло, сдѣланное боярами, потому что онъ однажды въ воскресенье вышелъ на городскую площадь, покрытую народомъ, и, обратившись къ митрополиту, такъ заговорилъ: „Ты и самъ знаешь, владыко, какъ послѣ отца я остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери осьми лѣтъ. Родители обо мнѣ не заботились, а мои сильные бояре не радѣли обо мнѣ, были самовластны и сами себѣ похищали моимъ именемъ всякій санъ и почесть: имъ никто не препятствовалъ, и дѣломъ ихъ были только корысть, хищенія и обиды. Я же, какъ глухой, не слышалъ ничего, и въ устахъ моихъ не нашлось обличенія по причинѣ моей юности и необразованности. Они одни властвовали, о, неправедные лихоимцы и хищники, творившіе неправедный судъ! Какой теперь дадите намъ совѣтъ, когда столько пролитыхъ слезъ служатъ вамъ обвиненіемъ? Но я не виновенъ въ этой крови, и пусть притѣснители ждутъ своего воздаянія“. Потомъ Иванъ Васильевичъ обратился къ народу и продолжалъ: „Божьи люди, дарованные намъ Богомъ! молю васъ во имя нашей вѣры и любви къ намъ, нынѣ невозможно исправить всѣхъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ по причинѣ замедленія дѣлъ во время моей пустой и безпомощной юности, по причинѣ неправдъ моихъ бояръ и властей, ихъ неправеднаго безсудства, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, простите другъ друга въ спорахъ и тягостяхъ своихъ, исключая развѣ какихъ-нибудь большихъ дѣлъ: въ этомъ, какъ и въ новыхъ обидахъ, я самъ, сколько возможно, буду вамъ судья и оборона, буду губить неправду и возвращать похищенное!“ Слова Ивана были приняты съ восторгомъ: народъ ждалъ, что его страданія окончатся, и потому слезами радости и умиленія благодарилъ царя за его благія обѣщанія.

И дѣйствительно, за словомъ послѣдовало и дѣло: Иванъ Васильевичъ поручилъ довѣреннымъ лицамъ составленіе и изданіе „Судебника“. Это была книга, заключающая въ себѣ законы, по которымъ должно было судить всякаго, и богатаго, и

бѣднаго. Были судебники и прежде, но такъ какъ они отличались неполнотою, т.-е. на многіе случаи не заключали въ себѣ постановленій, то потому изданіе новаго было необходимо.

Народъ страшно терпѣлъ отъ суда, который творили бояре; обвиняя бѣдныхъ и оправдывая людей своего сословія, они творили неправый судъ, брали взятки, рѣшали дѣла по своему усмотрѣнію. Иванъ издалъ строгій приказъ, чтобы судъ впередъ совершался сообразно съ законами, постановленными въ судебникѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда и тамъ найдутся какіе нибудь пропуски, обращались бы прямо къ царю за разъясненіемъ. Отнятіе имущества, тюремное заключеніе, побіеніе батогами и, наконецъ, ссылка угрожала тѣмъ изъ судей, кто станетъ по прежнему брать взятки. Особенно сильно народъ страдалъ въ провинціяхъ.

Отечество наше раздѣлялось прежде на области и земли, какъ теперь на губерніи. Въ каждую такую область посылались воеводы изъ бояръ для управленія. Они должны были совершать судъ, собирать подати и налоги, казнить воровъ и разбойниковъ и т. д. Жалованья отъ казны имъ не отпускалось, и назначено было количество денегъ, хлѣба и всякаго другого добра, которое жители области должны были отъ себя выдавать воеводѣ. Этотъ налогъ въ пользу воеводы назывался кормленіемъ. Хотя кормленіе было достаточно, но рѣдко воеводы имъ довольствовались. Получая въ управленіе область, воевода поставлялъ себѣ цѣлью обогащеніе, а потому готовъ былъ на все изъ-за дохода. Онъ рѣшалъ дѣла не по справедливости, а по тому, которая сторона даетъ больше взятку; взималъ податей и налоговъ больше, чѣмъ слѣдовало; слѣдуемое отсылалъ въ Москву, а остатокъ пряталъ въ свой карманъ. Бывали случаи, что воеводы, столкнувшись съ ворами и разбойниками, позволяли имъ за извѣстное вознагражденіе безчинствовать и обижать мирныхъ жителей; а когда дѣло доходило до привоза на воеводскій дворъ кормленія, то ужъ дѣлались такія несправедливости, что и разсказать трудно:

воевода, напримѣръ, заявлялъ, что мука, привезенная ему, нехороша, а потому нужно доставлять другую; но прежняя оставалась тоже въ житницахъ воеводы. При этомъ нужно было взятками ублажать воеводскихъ слугъ, потому что иначе они отъ себя производили разныя затрудненія при пріемѣ кормленія. Но неужели нельзя было жаловаться на такія притѣсненія? Конечно можно, но дѣло въ томъ, что русская пословица говоритъ, что до Бога высоко, а до царя далеко. И въ самомъ дѣлѣ, не легко было бѣдному человѣку пріѣхать въ Москву. Еслибы онъ даже и сдѣлалъ это, то въ самой Москвѣ трудно ему ожидать успѣха. Высшимъ боярамъ жаловаться не стоитъ, потому что они тоже не безгрѣшны въ дѣлѣ взятокъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не станутъ преслѣдовать своего собрата, кормящагося насчетъ трудовой копѣйки народа. До царя жалобщику доступить было весьма трудно, потому что приближенные бояре рѣдко кого къ нему допускали. Такимъ образомъ, выходило, что царь и не могъ узнать про тѣ беззаконія, которыя совершались воеводами въ его государствѣ. Итакъ, значитъ, жалобщику въ Москвѣ разсчитывать на успѣхъ было невозможно, да притомъ, если воевода узнаетъ, что тотъ или другой человѣкъ ѣздилъ въ Москву, чтобы подать на него челобитную, то горе ему, горе его семейству! Его станутъ преслѣдовать пуще прежняго и, наконецъ, тѣмъ или другимъ способомъ сведутъ непремѣнно въ могилу. Чтò же было дѣлать бѣдному обиженному народу? Ему оставалось только терпѣть да надѣяться, что Богъ правосудный видитъ беззаконныя дѣла каждаго и каждому воздастъ по заслугамъ въ будущей жизни. Царь Иванъ Васильевичъ желалъ пособить такому горю, потому велѣлъ, чтобы каждая область или земля присылала отъ себя выборныхъ въ Москву. Съ этими выборными людьми самъ Иванъ часто бесѣдовалъ, а потому отъ нихъ узнавалъ такія вещи, которыя прежде были закрыты предъ глазами царя. Эти выборные докладывали царю, гдѣ воеводы безчинствуютъ, а царь наряжалъ немедленно слѣдствіе, и если послѣднее подтверждало слова выборныхъ, то притѣснителей судили и страшно

наказывали. Такое собраніе выборныхъ называется земскимъ соборомъ.

Заботясь о томъ, чтобы народу жить было легче, чѣмъ прежде, Сильвестръ и Адашевъ указали Ивану на необходимость оградить предѣлы Россіи отъ набѣговъ Татаръ. Золотой орды уже не существовало, многія изъ ея земель вошли въ составъ русскаго государства, но все же еще въ двухъ мѣстахъ были независимые татарскіе ханы, именно въ Крыму и Казани. Мы видѣли, что крымскій ханъ былъ вѣрнымъ союзникомъ дѣда Ивана Васильевича и помогалъ ему въ борьбѣ съ Ахматомъ и литовцами. Тѣмъ не менѣе теперешніе крымскіе ханы враждебно смотрѣли на Москву и неоднократно дѣлали нападенія. Такая же опасность угрожала и со стороны Казани. Татары небольшими отрядами нападали, грабили и разрушали сосѣдніе города и села, жителей уводили въ плѣнъ, но въ большія битвы съ русскою ратью не вступали, а, заслышавъ о ея приближеніи, обыкновенно, пользуясь быстротою своихъ малорослыхъ коней, удалялись въ степи, унося съ собою захваченную добычу. Главный городъ этихъ татаръ, Казань, былъ сильно укрѣпленъ и отличался недоступностью, такъ что хищники, засѣвъ за его стѣнами, чувствовали себя въ полнѣйшей безопасности отъ непріятелей. Иногда сами ханы принимали участіе въ набѣгахъ на Россію. Такъ, однажды крымскій ханъ Саипъ-Гирей собрался пограбить и вторгнулся съ войскомъ въ русскіе предѣлы. Противъ него немедленно выслано было войско, такъ что онъ успѣлъ только заглянуть въ нѣсколько незначительныхъ городковъ. Тѣмъ не менѣе Саипъ-Гирею казалось постыднымъ удалиться изъ Россіи, не прославивъ себя никакимъ громкимъ подвигомъ, а потому онъ подступилъ подъ укрѣпленный городъ Пронскъ (близъ Рязани). „Возьмемъ городъ,—говорилъ Саипъ-Гирей,—какъ это дѣлывали наши предки; пусть не говорятъ, что царь татарскій приходилъ на Русь и ничего ей не сдѣлалъ!“

Татаре подступили подъ Пронскъ и потребовали, чтобы воеводы сдались, обѣщая имъ въ такомъ случаѣ милость.

„Божьимъ повелѣніемъ городъ ставится, — отвѣчали воеводы, —а безъ божьяго повелѣнія кто можетъ взять? Пусть царь татарскій постоитъ подъ городомъ и немного подождетъ: скоро придетъ съ войскомъ нашъ великій князь". Впрочемъ, татаре не послѣдовали совѣту воеводъ, а заслышавъ, что дѣйствительно идутъ русскія войска, поспѣшили удалиться въ степи.

Такія же нападенія приходилось терпѣть отъ казанскихъ татаръ, тѣмъ болѣе, что ихъ гнѣздо, Казань, было гораздо ближе, чѣмъ Крымъ, отдѣленный отъ русскихъ предѣловъ необозримыми степями. Сильвестръ и Адашевъ совѣтовали начать великую войну противъ казанцевъ; царь сталъ собираться въ походъ, приказавъ духовенству служить молебны о дарованіи побѣды христіанамъ надъ бусурманами.

150,000 русскаго войска отчасти водою, отчасти сухимъ путемъ двинулось на Казань. Самъ царь находился при войскѣ; Кн. Курбскій, кн. Воротынскій и кн. Горбатый-Шуйскій, считавшіеся опытнѣйшими военачальниками, сопровождали его. Теперь уже стали входить въ употребленіе и пушки, которыя должны были громить казанскія стѣны. Войско благополучно подступило подъ городъ, среди грозныхъ стѣнъ котораго возвышались башни многочисленныхъ мечетей (магометанскихъ храмовъ) и дворцовъ. Войска расположились лагеремъ вокругъ, поставили пушки на мѣста, устроили три полотняныхъ церкви. Въ городѣ господствовала мертвая тишина. Русскіе воеводы стали подумывать, не ушелъ ли ханъ съ татарами въ степи, оставивъ пустою свою столицу. Отрядъ въ 7,000 человѣкъ былъ посланъ впередъ, чтобы медленно и осторожно приблизиться къ городу и разузнать, что̀ тамъ дѣлается. Вдругъ съ шумомъ растворились одни изъ воротъ, и цѣлая толпа татаръ, конныхъ и пѣшихъ, бросилась на русскихъ. Сѣча была страшная, но татаре не одолѣли и должны были воротиться въ городъ. Нѣсколько дней прошло въ незначительныхъ стычкахъ, въ которыхъ то та, то другая сторона имѣла перевѣсъ. Наконецъ на самой высокой башнѣ Казани показалось знамя. Русскіе не знали, какое значеніе оно имѣетъ, но скоро под-

верглись нападенію изъ лѣса, находящагося близъ лагеря. Оказалось, что въ сосѣднихъ степяхъ и лѣсахъ укрывался татарскій царевичъ Япанча съ сильнымъ коннымъ отрядомъ, который, лишь только замѣчалъ знамя на башнѣ, нападалъ на русскихъ. Такимъ образомъ, знамя было условленнымъ знакомъ между татарами, сидѣвшими въ городѣ, и тѣми, которые дѣйствовали вмѣстѣ съ Япанчою въ окрестностяхъ. Нападенія Япанчи всегда были отражаемы съ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе этотъ военачальникъ много вреда наносилъ русскимъ: командуя отрядомъ наѣздниковъ на добрыхъ коняхъ, онъ ловко избѣгалъ преслѣдованія, быстро переходилъ съ мѣста на мѣсто, своими нападеніями не давалъ покоя, захватывалъ ратниковъ, отдѣлившихся отъ войска, отбивалъ съѣстные припасы. Русскіе начальники думали попытаться быстро покончить съ татарами. Они приказали войску готóвиться на приступъ и велѣли впереди вести связанныхъ татарскихъ плѣнниковъ, полагая, что осажденные пожалѣютъ своихъ сотоварищей и не будутъ стрѣлять, такъ какъ въ противномъ случаѣ татарскимъ плѣнникамъ пришлось бы отъ ихъ стрѣлъ гибнуть первыми. Этотъ жестокій разсчетъ не оправдался, потому что осажденные пускали цѣлыя тучи стрѣлъ, крича: „Лучше видѣть васъ мертвыми отъ нашихъ рукъ, чѣмъ еслибы посѣкли васъ гяуры“ (т.-е. иновѣрные).

Казалось, сама природа помогала казанцамъ: страшный дождь не давалъ покоя русскимъ, мочилъ насквозь ихъ палатки и обращалъ почву въ полужидкую грязь, по которой не легко было двигаться и людямъ, и лошадямъ; буря на Волгѣ потопила суда съ съѣстными припасами, предназначавшимися для русскаго войска; сильный вѣтеръ срывалъ палатки. Суевѣрные русскіе приписывали эти неудачи чародѣйству татарскихъ муллъ (священниковъ).

Ежедневно они, при восходѣ солнца, выходили на городскую стѣну, громко произносили свои молитвы, махали одеждами, странно кривлялись и т. д. Русскіе полагали, что этимъ они испрашивали помощь у дьявола, который наводилъ дожди

и бури. Такъ думали не только простые воины: это мнѣніе раздѣляли и Иванъ, и Курбскій. Для уничтоженія сатанинской силы привезли изъ Москвы животворящій крестъ, служили молебны, устраивали крестные ходы. Наконецъ мало-по-малу погода улеглась. Иванъ, по совѣту бояръ, велѣлъ дѣлать подземные подкопы подъ городъ, вкатывать въ эти подкопы бочки съ порохомъ и зажигать ихъ. Отъ этого происходили взрывы, разрушавшіе все то, что̀ было надъ подкопомъ или вблизи его. Одинъ такой взрывъ разрушилъ часть городской стѣны, и русскія войска пошли на приступъ. Битва продолжалась нѣсколько часовъ, и русскіе были отбиты, а въ слѣдующую же ночь татаре кое-какъ починили стѣну камнями, деревянными балками и т. п. Иванъ Васильевичъ хотѣлъ попробовать противъ Казани то же средство, которымъ предокъ его Владиміръ св. взялъ Корсунь, т.-е. прервать сообщеніе съ водою и заморить городъ посредствомъ жажды. Но эта попытка—прервать подземные ходы татаръ къ водѣ — окончилась неудачно.

Пятинедѣльная безуспѣшная осада навела уныніе на Ивана и его войско. Людей гибло много отъ враговъ и отъ разныхъ болѣзней, происходившихъ отъ холода (это было осенью), дурной погоды и недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, а между тѣмъ, проку отъ всего этого было мало. Иванъ Васильевичъ рѣшился еще разъ испробовать то средство, которымъ ему удалось-было разрушить часть стѣны, т.-е. подкопъ. Два подкопа устроили, начинили ихъ порохомъ и взрывъ назначили на 2-е октября (1552 года). Войско изготовилось къ приступу, который долженъ былъ немедленно послѣдовать, если взрывъ окончится удачно. Утромъ 2-го октября Иванъ пошелъ въ лагерную церковь и со слезами молилъ Бога о дарованіи побѣды надъ казанцами. Все войско съ замираніемъ сердца ожидало рѣшительной минуты. Въ церкви шла служба, и среди всеобщей тишины дьяконъ читалъ св. Евангеліе. „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, произнесъ онъ, заканчивая чтеніе. Въ эту минуту раздался первый взрывъ, и царь выбѣжалъ изъ церкви, чтобы посмотрѣть, что̀ дѣлается. Взрывъ

былъ столь силенъ и внезапенъ, что многіе воины, стоявшіе около церкви, попадали на землю. Страшное зрѣлище представилось глазамъ царя: камни, бревна, лошади и люди взлетѣли на воздухъ среди яркаго пламени и густого чернаго дыма Царь воротился и снова продолжалъ молиться съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде. Прошло нѣсколько минутъ, дьяконъ читалъ эктенію о царѣ, и при словахъ: „И покорите подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“ раздался второй взрывъ сильнѣе прежняго. Войско двинулось на приступъ къ разрушеннымъ частямъ стѣнъ, и самъ царь на конѣ поѣхалъ на поле сраженія. „Помремъ за нашъ городъ!“ кричали татаре и пустили въ наступающихъ кучу стрѣлъ; но русскіе, ободренные присутствіемъ царя, не попятились, затѣяли рукопашную битву и сбили татаръ со стѣнъ. Такимъ образомъ, доступъ въ городъ былъ открытъ: туда немедленно проникли осаждающіе. Однако, битва этимъ не кончилась, потому что татаре отчаянно защищали каждую улицу, каждый домъ, каждый уголъ въ домѣ. Татарскіе муллы именемъ своего пророка Магомета убѣждали казанцевъ биться до послѣдней крайности съ гяурами. Вездѣ кипѣла битва, въ разныхъ мѣстахъ города вспыхнули пожары. Наконецъ казанскій царь Едигеръ попался въ руки москвитянъ, и тогда часть татарскихъ воиновъ пыталась прорваться силою и убѣжать въ степи, однако, безуспѣшно. Послѣ продолжительнаго боя, во время котораго русскіе безпощадно рѣзали не только сражавшихся татаръ, не только тѣхъ, которые добровольно отдавались, но даже женщинъ и дѣтей, воины Ивана утвердились въ городѣ повсемѣстно. Приказано было тушить пожары и открыть темницы, въ которыхъ томилось много русскихъ, захваченныхъ татарами во время войны и раньше. Городъ былъ отданъ войску на разграбленіе: жители, избѣгнувшіе смерти, сдѣлались рабами. За собою Иванъ Васильевичъ оставилъ Элигера, знамена царскія, да городскія пушки.

Послѣ этого счастливаго похода Иванъ Васильевичъ воротился въ Москву, гдѣ народъ его встрѣтилъ съ восторгомъ.

III.

Не долго Россіи суждено было наслаждаться миромъ и благоденствіемъ подъ управленіемъ заботливаго царя, окруженнаго честными и умными совѣтниками. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ казанскаго похода, и Иванъ Васильевичъ сдѣлался страшно жестокъ, казнилъ и праваго, и виноватаго, забавлялся страданіями мучимыхъ имъ же людей. Изъ добраго и любимаго всѣми царя, занятаго дѣлами государства, онъ сдѣлался царемъ грознымъ, измышляющимъ самыя безчеловѣчныя истязанія. Случалось, напримѣръ, что онъ, завидя гуляющій народъ, велѣлъ внезапно на него выпускать голоднаго медвѣдя и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ разъяренное животное терзало свои жертвы. Откуда же такая перемѣна? Кажется, что виновникомъ въ этой перемѣнѣ была, во-первыхъ природная, развитая еще въ дѣтствѣ, жестокость, сдерживавшаяся вліяніемъ Сильвестра и Адашева, а во-вторыхъ—ненависть и недовѣріе къ боярамъ, тоже съ дѣтства запавшія глубоко въ душу Ивана Васильевича.

Вскорѣ послѣ казанскаго похода умерла Анастасія. Иванъ очень ее любилъ. Случалось, что одно слово царицы сдерживало сильные порывы гнѣва въ царѣ. Бояре враждебно смотрѣли на Анастасію и, главнымъ образомъ, на ея братьевъ, Захарьиныхъ, которые, несмотря на то, что принадлежали къ роду не особенно знаменитому, тѣмъ не менѣе пользовались довѣріемъ царя.

Когда Анастасія скончалась, то царь былъ очень печаленъ. Тутъ ему кто-то шепнулъ, что супруга его умерла не естественною смертью, а отъ злобы бояръ, погубившихъ ее различными чарами. Эта мысль не давала царю покоя, и онъ не могъ равнодушно смотрѣть на тѣхъ, которыхъ подозрѣвалъ въ участіи въ этомъ темномъ дѣлѣ.

Однажды случилось, что царь опасно заболѣлъ. Онъ самъ и всѣ приближенные были увѣрены, что срокъ жизни его дол-

женъ окончиться скоро. Иванъ составилъ завѣщаніе, по которому царемъ долженъ былъ быть признанъ его малолѣтній сынъ Димитрій, а Захарьинымъ поручалось управленіе до совершеннолѣтія Димитрія. Больной царь желалъ, чтобы еще при немъ всѣ присягнули Димитрію, потому что, зная изъ опыта хитрости бояръ, боялся, чтобы послѣ смерти не задумали какого-нибудь злого дѣла относительно его сына. Опасенія его были вполнѣ основательны, такъ какъ и теперь бояре, разсчитывая на скорую смерть Ивана, осмѣлились не исполнить его повелѣнія и звали на престолъ двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича. Иванъ послалъ своего вѣрнаго боярина, кн. Воротынскаго, къ послѣднему съ повелѣніемъ присягнуть малолѣтнему царевичу, но Владиміръ Андреевичъ отказался и намекнулъ Воротынскому, что самъ разсчитываетъ на корону. Владиміръ Андреевичъ призванъ былъ къ одру умирающаго царя, который просилъ его не перебивать дороги Димитрію, но напрасно. Не хотѣли присягать и многочисленные бояре, которые забылись до того, что въ комнатѣ рядомъ съ спальнею больного царя громко кричали о своемъ нежеланіи служить царевичу. Иванъ все это слышалъ и думалъ о низости тѣхъ людей, которые нѣсколько недѣль тому назадъ покорно сгибались передъ нимъ, называя себя его рабами, а теперь, когда онъ умиралъ, когда, значитъ, переставалъ быть грознымъ для нихъ, они составляли заговоръ противъ его сына, противились его царской волѣ, даже обнаруживали полное неуваженіе къ больному, крича и ругаясь въ сосѣдней комнатѣ. „Не хотимъ служить Захарьинымъ“, говорили одни. „Лучше служить старому князю Владиміру Андреевичу“, добавляли другіе. Громче другихъ кричалъ князь Турунтай-Пронскій. Онъ обратился къ Воротынскому и сказалъ: „Твой отецъ былъ измѣнникъ, да и ты самъ не лучше, а теперь къ присягѣ приводишь!“ — „Я, — отвѣчалъ Воротынскій, — измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Димитрію; ты прямой человѣкъ, а государю и сыну его креста не цѣлуешь и служить не хо-

чешь". Между волновавшимися боярами былъ и Өедоръ Адашевъ, отецъ Алексѣя; что касается Сильвестра, то и этотъ поссорился съ боярами, приводившими другихъ къ присягѣ Димитрію. Иванъ Васильевичъ призвалъ вѣрныхъ бояръ и сказалъ: „Вы дали мнѣ и сыну моему обѣтъ служить вѣрно; другіе бояре бунтуются противъ насъ. Если я, по волѣ Божьей, умру, то вы не забывайте вашей клятвы, не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите въ чужую землю, куда вамъ Богъ укажетъ".

Но не суждено было Ивану Васильевичу умереть въ это время: онъ сталъ мало-по-малу поправляться и, наконецъ, совсѣмъ выздоровѣлъ. Мрачно и гнѣвно посмотрѣлъ царь на тѣхъ, которые ему не хотѣли покориться во время болѣзни. Виновные трепетали, увѣряли въ своей преданности и вѣрности, но государь уже не вѣрилъ имъ. Адашевъ былъ удаленъ отъ двора, съ Сильвестромъ тоже согласіе продолжалось не долго. Иванъ затѣялъ войну съ Польшею, желая завоевать такъ-называемую Ливонію, т.-е. земли по берегамъ Балтійскаго моря. Сильвестръ былъ противникомъ этой войны и постоянно настаивалъ, чтобы царь пошелъ на Крымъ и покорилъ крымцевъ, точно такъ же, какъ казанцевъ. Между тѣмъ, война съ Польшею была неудачна, и Сильвестръ постоянно говорилъ Ивану Васильевичу, что̀ Богъ этимъ хочетъ покарать его за нежеланіе покорить крымскихъ бусурманъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Сильвестръ оказался сторонникомъ Владиміра Андреевича, царь къ нему прежняго уваженія не питалъ и, наконецъ, отдалилъ отъ двора.

Съ удаленіемъ Сильвестра и Адашева царь зажилъ по-давнишнему: вино и удовольствія отнимали у него все время, жестокій нравъ возвратился и особенно сильно проявлялся тогда, когда царь вспоминалъ о боярахъ временъ своего дѣтства или о тѣхъ, которые оказались ему невѣрными во время болѣзни. Вспыльчивый до крайности, Иванъ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе давать волю рукамъ, и тяжелая палка съ длиннымъ желѣзнымъ наконечникомъ, всегдашняя спутница царя,



Иванъ Грозный, воткнувъ свой посохъ въ ногу Василія Шибанова, слушаетъ письмо Курбскаго. (Стр. 182).



не разъ оставляла кровавые слѣды на головахъ и спинахъ бояръ. Между тѣмъ, дѣла въ Ливоніи шли очень плохо, русскія войска постоянно терпѣли пораженія, и Иванъ Васильевичъ, привыкнувшій къ побѣдамъ, полагалъ, что причиною несчастій измѣна и небрежность со стороны бояръ. Вскорѣ случилось событіе, которое какъ будто оправдало это подозрѣніе Ивана. Одинъ изъ военачальниковъ въ Ливоніи былъ кн. Курбскій, тотъ самый, который сражался подъ стѣнами Казани; узнавъ, что послѣ удаленія Сильвестра посажены въ тюрьму нѣкоторые изъ его друзей, и боясь за себя, онъ оставилъ свою должность и бѣжалъ въ Польшу, а потомъ вмѣстѣ съ польскими войсками сталъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Этого мало: Курбскій написалъ письмо Ивану Васильевичу, въ которомъ укорялъ его, что онъ забылъ страхъ Божій, казнитъ и мучитъ невинныхъ людей, что онъ первѣйшій врагъ Россіи, что, удаливъ отъ себя мудрыхъ совѣтниковъ, хочетъ какъ будто прославиться безуміями. Слуга Курбскаго, Василій Шибановъ, былъ присланъ съ этимъ письмомъ въ Москву. Онъ встрѣтился съ царемъ на крыльцѣ дворцовыхъ палатъ и подалъ письмо. Царь, узнавъ, что письмо отъ Курбскаго, воткнулъ свой остроконечный посохъ въ ногу Шибанова, оперся на этотъ посохъ и въ такомъ положеніи читалъ. Шибановъ съ удивительною твердостью выносилъ боль, и даже потомъ, когда его подвергали различнымъ страшнымъ мученіямъ, съ цѣлью вывѣдать, не знаетъ ли онъ чего-нибудь про сообщниковъ Курбскаго, онъ не проронилъ ни одного слова.

Вскорѣ послѣ этого Иванъ Васильевичъ оставилъ Москву и переѣхалъ въ Александровскую слободу. За нимъ туда же перевезли и многія царскія драгоцѣнности. Изъ Александровской слободы онъ прислалъ въ Москву двѣ грамоты, одну боярамъ, другую митрополиту, въ которыхъ писалъ, что такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ измѣнниками, то дольше править не можетъ, а предлагаетъ имъ выбрать себѣ другого царя. Когда грамоты эти сдѣлались извѣстными, то въ Москвѣ произошло страшное безпокойство. Народъ плакалъ о томъ,

что бояре прогнѣвали царя, и спрашивалъ, какъ же быть теперь; духовенство, не ожидавшее ничего подобнаго, не знало, что дѣлать; бояре, всегдашніе противники Ивана, полагали, что отреченіе послѣдняго есть хитрость, посредствомъ которой онъ хочетъ узнать, кто ему истинно преданъ, а кто немедленно станетъ хлопотать о новомъ царѣ. Наконецъ въ Москвѣ порѣшили послать къ разгнѣванному царю митрополита и знатнѣйшихъ бояръ съ просьбою не оставлять царства; Иванъ согласился, но тутъ же заявилъ, что пусть на него не пеняютъ, если онъ будетъ строгъ и неумолимъ для ослушниковъ и измѣнниковъ.

Пріѣхавъ въ Москву, Иванъ объявилъ, что учреждаетъ опричнину. Подъ этимъ именемъ разумѣлся особый штатъ придворныхъ, сначала въ 1,000 человѣкъ, а потомъ въ 6,000, который назначался, главнымъ образомъ, для храненія безопасности царя, для немедленныхъ выполненій его приказаній, для отыскиванія виновниковъ. На содержаніе этихъ опричниковъ отпускались огромныя суммы денегъ, жили они въ царскомъ дворцѣ, и, ѣздя на конѣ, они привязывали къ сѣдлу съ одной стороны собачью голову, съ другой—метлу, въ знакъ того, что ихъ обязанность заключается въ кусаніи и выметаніи царскихъ враговъ. Чувствуя за собою много грѣховъ и сознавая, что пролилъ много невинной крови, Иванъ Васильевичъ сталъ весьма подозрителенъ. Ему постоянно казалось, что со всѣхъ сторонъ угрожаютъ ему, что бояре постоянно составляютъ противъ него заговоры. Изъ страха быть убитымъ или изгнаннымъ изъ отечества, онъ казнилъ всѣхъ, на кого ни падало подозрѣніе, хотя самое незначительное. Имущество казненныхъ поступало въ пользу опричниковъ, а потому послѣдніе, ради своей выгоды, желали, чтобы казни повторялись какъ можно чаще, и съ этою цѣлью постоянно нашептывали Ивану, что то одинъ, то другой изъ бояръ задумывалъ зло противъ царя. Царь не разбиралъ доноса, велѣлъ казнить, и имущество казненнаго съ радостью дѣлили промежъ себя опричники. Теперь царь сталъ рѣдко жить въ Москвѣ; постояннымъ его мѣсто-

пребыванiемъ была Александровская слобода, а дворъ его имѣлъ видъ крѣпости: онъ былъ окруженъ рвомъ, надъ которымъ возвышалась стѣна, оберегаемая опричниками. Триста самыхъ любимыхъ опричниковъ жили съ нимъ внутри дворца. Они какъ и самъ царь, поверхъ обыкновенной одежды, носили монашескiя рясы, ежедневно присутствовали у обѣдни, благовѣстили на колокольнѣ. Самъ Иванъ молился и клалъ поклоны до того ревностно, что неоднократно выходилъ изъ церкви съ шишками на лбу. Послѣ такихъ молитвъ слѣдовали обыкновенно казни и пытки, на чтò царь смотрѣлъ съ удовольствiемъ. Людей вѣшали за ноги, жарили на огнѣ, растирали пополамъ веревкою, вдавливали имъ гвозди подъ ногти, и Богъ знаетъ какихъ еще другихъ жестокостей не придумывали. Однажды царь встрѣтилъ Турунтая-Пронскаго, того самаго, который говорилъ въ пользу избранiя на престолъ Владимiра Андреевича. Сказавъ ему: „Здравствуй“, царь вонзилъ ему ножъ въ сердце. Какъ-то разъ царю донесли про сношенiя нѣкоторыхъ бояръ московскихъ съ Польшею, и царь за-разъ велѣлъ вывести на мѣсто казни нѣсколько сотъ человѣкъ. Царь прiѣхалъ самъ, и ему не понравилось, что народъ не собрался смотрѣть на ужасное зрѣлище. Опричники разбѣжались по городу и начали звать народъ. Когда послѣднiй собрался, то грозный царь обратился къ нему и спросилъ, справедливо ли страдаютъ осужденные. Дрожавшiй отъ страха народъ въ одинъ голосъ заявилъ, что вполнѣ справедливо. Царь далъ знакъ, и началась кровавая потѣха...

Но былъ въ Москвѣ человѣкъ, который осмѣливался противорѣчить Ивану даже тогда, когда тотъ не помнилъ себя отъ гнѣва. Этотъ человѣкъ заступался не за себя, не ради своей пользы подвергался опасности, а хотѣлъ хоть немного облегчить положенiе бѣднаго русскаго народа. Митрополитъ Филиппъ, набожный и благочестивый старецъ, не могъ равнодушно смотрѣть на гибель безвинныхъ жертвъ. Онъ считалъ своею обязанностью, какъ духовный отецъ всей Руси, вступиться за своихъ духовныхъ дѣтей съ опасностью собственной

жизни. „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, а то и тебя можетъ постигнуть гнѣвъ мой!“ говорилъ царь, скрежеща зубами; но митрополитъ не унимался и продолжалъ свою христіанскую рѣчь. Дошло до того, что Иванъ, не осмѣливавшійся долго поднимать руки на митрополита, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Въ одно изъ воскресеній царь былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Онъ былъ по обыкновенію въ черной рясѣ поверхъ свѣтской одежды, со своимъ страшнымъ костылемъ въ рукѣ. Онъ подошелъ послѣ обѣдни къ митрополиту, который долженъ былъ благословить его, но митрополитъ не трогался. „Владыко,—произнесъ одинъ изъ опричниковъ,—царь требуетъ у тебя благословенія“.—„Въ этомъ видѣ, въ этомъ одѣяніи я не узнаю царя московскаго, царя православнаго; я не узнаю его и въ дѣлахъ царства. Съ тѣхъ поръ, какъ сіяетъ солнце, не слыхано, чтобы царь возмущалъ свою державу. Мы здѣсь приносимъ жертву Богу, а за алтаремъ льется неповинная кровь“...—„Чернецъ! — крикнулъ царь, ударяя костылемъ о каменный полъ церкви:—до сихъ поръ я еще щадилъ васъ, измѣнниковъ, а теперь буду такимъ, какимъ вы меня называете“. Всѣ ждали, что за этимъ послѣдуетъ казнь митрополита, но, тѣмъ не менѣе, ожиданія не оправдались. Особенно сильно этой казни желали опричники. А что, думали они, если слова Филиппа подѣйствуютъ на царя, если онъ казнить и свирѣпствовать перестанетъ? Вѣдь тогда имъ, опричникамъ, некого будетъ грабить, неоткуда обогащаться. Но и смертный часъ Филиппа приближался тоже, а слѣдующій случай послужилъ поводомъ къ нему. Однажды, во время крестнаго хода, одинъ изъ опричниковъ надѣлъ шапку тогда, когда читалось евангеліе. „Державный царь!—сказалъ митрополитъ, замѣтивъ это: —прилично ли подобное беззаконіе?—„А что?“ спросилъ царь, не видавшій поступка опричника.—„Одинъ изъ твоихъ людей пришелъ въ образѣ сатанинскомъ“, отвѣчалъ Филиппъ. Между тѣмъ, виновникъ снялъ шапку, и обратившійся царь увидѣлъ всѣхъ своихъ слугъ стоящими вполнѣ благочестивымъ образомъ. Царь, по навѣтамъ опричниковъ, назвалъ митрополита

лжецомъ и клеветникомъ, велѣлъ его посадить въ одинъ изъ монастырей, куда скоро явился любимый опричникъ Ивана, Малюта Скуратовъ, который задушилъ святого и неустрашимаго старца.

Бывали случаи, что царь, наложивъ гнѣвъ свой на цѣлые города и области, опустошалъ и разорялъ ихъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ 1599 году съ Новгородомъ. Какой-то бродяга подалъ доносъ царю, что будто новгородцы хотятъ отдѣлиться отъ Россіи и соединиться съ Литвою. Иванъ, которому всегда хотѣлось свѣжей крови, легко повѣрилъ и со своими неотступными опричниками двинулся въ путь. Пріѣхавъ въ Новгородъ, царь заключилъ въ темницу архіепископа, велѣлъ утопить множество мужчинъ, женщинъ, даже дѣтей въ Волховѣ и позволилъ своей дружинѣ грабить городъ. Пять недѣль продолжались грабежи и убійства; наконецъ, 13 февраля, утромъ, государь велѣлъ выбрать отъ каждой улицы по лучшему человѣку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изнеможенные, унылые, какъ мертвецы; но царь имъ сказалъ: „Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живѣ! Молите Господа Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ здравіи и живите въ Новгородѣ благополучно". Въ этотъ же день царь уѣхалъ изъ Новгорода.

Въ припадкѣ гнѣва онъ даже не пощадилъ родного сына, наслѣдника престола Ивана. Царь совершенно безвинно избилъ Иванову супругу; сынъ заступился за нее и получилъ ударъ страшнымъ костылемъ въ голову, отчего и скончался. Этотъ несчастный случай сильно подѣйствовалъ на грознаго царя; онъ не отходилъ отъ гроба сына, въ продолженіе нѣсколькихъ дней не ѣлъ, не пилъ, забылъ даже о казняхъ. Вообще съ этихъ поръ онъ сдѣлался менѣе свирѣпъ. Болѣзнь, которою онъ страдалъ, развивалась все болѣе и болѣе, и, наконецъ, этотъ страшный человѣкъ скончался. Онъ испустилъ духъ въ ту минуту, когда, почувствовавъ себя нѣсколько лучше, принялся-было играть въ шашки съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ.

IV.

Въ тѣ времена на Руси земли было много, а народу мало. Особенно обширныя пространства по рѣкѣ Камѣ отличались пустынностью. Московскій царь весьма охотно раздавалъ подобныя пустыни въ награду за службу своимъ любимцамъ, съ условіемъ, чтобы они старались тамъ завести села и деревни. Часть земель по Камѣ отдана была, такимъ образомъ, богатымъ купцамъ Строгоновымъ, которые завели въ этомъ краѣ соловарни, посылали своихъ охотниковъ бить звѣря, искали руду, занимались рыбною ловлею. Для того, чтобы поддерживать эти промыслы въ пустынной мѣстности, нужно было строить деревни. Но открытыя деревни, на подобіе теперешнихъ, мало приносили пользы: въ этихъ степяхъ попадались дикіе кочевники, которые не прочь были пограбить сосѣднихъ жителей. Подобныя нападенія случались тѣмъ чаще, что изъ-за Уральскихъ горъ (Каменнаго пояса, какъ тогда называли) набѣгали татаре, жившіе подъ властью хана Кучума въ западной Сибири. Въ виду этихъ опасностей, Строгоновы выхлопотали у царя разрѣшеніе огораживать, т.-е. укрѣплять, свои деревни, имѣть пушки и держать на свой счетъ нѣсколько сотъ человѣкъ воиновъ. Въ военную службу къ нимъ больше всего поступали донскіе казаки.

Люди, которымъ не жилось на родинѣ, часто покидали ее и уходили на пустынные въ то время берега Дона. Преступники, которымъ удалось спастись отъ грозившаго имъ наказанія, отправлялись туда же. Въ привольной степи всѣмъ было достаточно мѣста. Такимъ образомъ, на берегахъ Дона явилось нѣсколько поселеній, ни отъ кого независимыхъ. Жители этихъ поселеній, назвавшіе себя казаками, занимались отчасти земледѣліемъ, отчасти скотоводствомъ, а чаще всего грабежомъ. Они нападали на татаръ, кочевавшихъ въ степяхъ, отнимали у нихъ стада, иногда ходили войною на Крымъ и грабили татарскія села, даже города. Доставалось тоже иногда и русскимъ торговымъ людямъ, ѣздившимъ съ товаромъ по Волгѣ

къ городу Астрахани, потому что казаки считали врагомъ всякаго, кто не принадлежалъ къ ихъ общинѣ и чьимъ имуществомъ можно было пользоваться. Къ этимъ-то храбрымъ, привыкнувшимъ къ борьбѣ съ татарами, донскимъ казакамъ, отправили Строгоновы посланныхъ звать на службу въ Камскую землю, за что обѣщали платить щедро. Около восьмисотъ казаковъ, выбравъ себѣ предводителемъ Ермака Тимоѳеевича, прославившагося смѣлымъ нападеніемъ на московскихъ купцовъ, оставили Донъ и явились къ Строгоновымъ. Сначала казаки отбивали только нападенія татаръ; но потомъ Строгоновы, съ позволенія царя Ивана Васильевича, рѣшили, что для полнаго спокойствія нужно бы покорить ихъ, т.-е. перейти за Уральскія горы, взять татарскій городъ Сибирь и уничтожить царство Кучума. За исполненіе этого предпріятія взялся Ермакъ со своими восемьюстами донскихъ молодцовъ. Битвы казаковъ съ татарами были удачны. „Русскіе воины,—говорили сибирскіе татары,—сильны; когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается. Стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ. Защититься отъ нихъ никакими разными сбруями нельзя: все навылетъ пробиваютъ". Изъ этихъ словъ видно, какое преимущество имѣли русскіе воины, у которыхъ было огнестрѣльное оружіе, передъ татарскими, вооруженными, главнымъ образомъ, лукомъ и стрѣлами. Побѣды Ермака навели ужасъ на Кучума: онъ самъ не рѣшался сразиться съ непріятелемъ и не защищалъ даже своей столицы, которую казаки заняли безъ боя. Одинъ только Мехмедкулъ, татарскій богатырь, братъ Кучума, нападалъ на казаковъ, но и онъ вскорѣ попался въ плѣнъ. Послѣ этого Кучумъ ушелъ въ отдаленныя степи и пересталъ безпокоить счастливыхъ завоевателей.

Увѣдомивъ Строгоновыхъ объ успѣхѣ своихъ дѣйствій въ Сибири, казаки отъ себя снарядили посольство въ Москву бить челомъ великому государю Сибирскимъ царствомъ. Иванъ Васильевичъ былъ очень радъ этому завоеванію, послалъ Ермаку и его товарищамъ богатые дары и отправилъ во вновь

завоеванную землю своего воеводу, который долженъ былъ брать дань съ жителей ея. Дань эта получалась мѣхами. Соболи, горностаи, бѣлки и лисицы, которыхъ много водится въ Сибири, составляли въ тѣ времена предметъ значительной торговли, потому что мѣха употреблялись не только, какъ теперь, на зимнія одежды, но составляли драгоцѣнное украшеніе и лѣтнихъ.



ОСВОБОЖДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ ПОЛЬСКОЙ НЕВОЛИ.

I.

Въ то время, когда ханъ Батый распространялъ разрушенія и убійства на Руси, заставляя ее покориться татарамъ, съ западной стороны нагрянули полки литовскіе подъ предводительствомъ князя Гедимина и завоевали мало-по-малу тѣ области, которыя и теперь еще иногда называютъ Малороссіей, т.-е. губерніи: Волынскую, Подольскую, Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, однимъ словомъ, мѣстность, прилегающую къ среднему теченію Днѣпра. Хотя и тяжко было русскому народу отказаться отъ независимости и признать себя подданнымъ Литвы, но все же нужно было примириться, тѣмъ болѣе, что, не будь Литва начальницею, и эти области, на подобіе восточныхъ, подпали бы подъ власть татаръ. У литовцевъ было отличное и многочисленное войско, которое каждый разъ прогоняло татаръ, если они вздумаютъ заглянуть въ Малороссію; литовскіе князья не притѣсняли народъ, даже часто сами переходили изъ язычества въ православіе: поэтому-то русскіе свыклись съ ними, породнились съ своими завоевателями и жили гораздо лучше, чѣмъ тѣ изъ ихъ соотечественниковъ, которые подпали подъ власть татаръ.

Но не долго продолжалось благополучіе русскихъ подъ властью литовскихъ князей: Литва соединилась съ Польшею, и польскіе порядки завелись на Руси. Простому народу въ Польшѣ было изъ рукъ вонъ какъ плохо: онъ не былъ свободенъ, какъ въ древней Руси, а находился въ крѣпостной зависимости, т.-е. долженъ былъ подчиняться дворянамъ, жить непремѣнно на ихъ землѣ, работать на нихъ, платить имъ подати. Съ тѣхъ поръ, какъ польскіе порядки завелись въ Малороссіи, такая же участь постигла и русскій народъ. Польскіе дворяне или паны стали все болѣе и болѣе распространяться среди русскаго народа, который получилъ презрительное названіе холоповъ и попалъ въ зависимость отъ нихъ. Зависимость эта была весьма тяжела. Холопъ или мужикъ (крестьянинъ) долженъ былъ отбывать барщину, которая состояла въ томъ, что онъ два или три дня работалъ для своего пана, обрабатывая его поля, возводя постройки, рубя лѣсъ и т. д. Чѣмъ больше крестьяне работали, тѣмъ богаче, конечно, дѣлались паны, а потому между послѣдними зачастую можно было встрѣтить такихъ, которые заставляли своихъ крестьянъ работать цѣлыхъ шесть дней въ недѣлю, такъ что бѣдный крестьянинъ, чтобы хоть что-нибудь наработать для себя и семьи своей, долженъ былъ забыть, что есть воскресенье и праздники, посвященные на отдыхъ послѣ трудовъ, и только въ эти дни пахалъ свой участокъ поля, собиралъ и молотилъ свой хлѣбъ. Работать на барщинѣ кое-какъ, спустя рукава, было нельзя, потому что у каждаго помѣщика была цѣлая куча слугъ, приказчиковъ, смотрителей, которые слѣдили за работою, и замѣтивъ хотя малѣйшее упущеніе со стороны крестьянина, строго наказывали. Расправа была коротка: они доставляли виновника на панскій дворъ, а панъ, оттрепавъ по лицу нерадиваго крестьянина, отправлялъ его на конюшню, гдѣ несчастнаго хватали панскіе слуги и избивали розгами или прутьями. Наказаніе сотнею ударовъ и больше было дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Случалось, что несчастный подъ розгами испускалъ духъ, но и тогда панъ и его слуги не подвергались отвѣтственности. Вообще можно сказать,

что крестьяне съ тѣхъ поръ, какъ на Руси, покоренной литовцами, завелись польскіе порядки, сдѣлались вполнѣ безправными, т.-е. людьми, за обиду которыхъ никто не вступался. Большинство поляковъ было того мнѣнія, что такъ уже самимъ Богомъ устроено, чтобы простой народъ служилъ панамъ, которые могутъ дѣлать всякія безчинства.

Но барщиною не оканчивалось разореніе крестьянскаго люда: онъ, кромѣ работы, долженъ былъ приносить пану значительную часть своего имущества, заработаннаго иногда, за недостаткомъ времени, по воскресеньямъ и праздникамъ. Обыкновенно три раза въ годъ крестьяне давали пану по нѣскольку четвериковъ разнаго хлѣба. Кромѣ того, они должны были отдавать десятую часть отъ всѣхъ пожитковъ: отъ птицы, скота, яицъ и т. п. Отъ пчелъ давали подать воскомъ и медомъ; за право держать вола платили роговую подать, за позволеніе ловить рыбу—ловщину, за помолъ муки—сухомельщину. Если случался въ домѣ пана праздникъ, напр., имянины, крестины, свадьба, то крестьяне должны были приносить подарки; если крестьянинъ женился, то родители жениха и невѣсты непремѣнно были обязаны по этому случаю заплатить пану хлѣбомъ или деньгами, и эта подать называлась дудкомъ. Не всѣ, впрочемъ, помѣщики жили въ своихъ имѣніяхъ въ Малороссіи; многіе изъ нихъ постоянно проживали въ польскихъ и литовскихъ городахъ (Краковѣ, Варшавѣ, Вильнѣ), а имѣнія свои отдавали въ аренду евреямъ. Арендою называется то, что еврей платилъ пану за-разъ и за это получалъ право пользоваться доходами съ имѣнія. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ управляли арендаторы-евреи, положеніе народа было еще хуже, потому что евреи оказывались еще болѣе корыстолюбивыми и жестокими, чѣмъ польскіе дворяне, а потому и крестьянъ притѣсняли больше.

Русскій народъ по вѣрѣ былъ православный, польскіе же паны—католики. Казалось бы, что самое лучшее, чтобы каждый исповѣдывалъ свою вѣру и не вмѣшивался въ вѣру другихъ: не людямъ судить объ этомъ, а Богу. Но не тутъ-то было!

Поляки были фанатики, т.-е. желали какими бы то ни было средствами заставить всѣхъ вѣровать такъ, какъ вѣровали сами. Въ этомъ случаѣ на нихъ сильно дѣйствовали монахи, извѣстные подъ именемъ іезуитовъ, которые все твердили, что Богъ, дозволившій полякамъ утвердиться на русской землѣ, будетъ ими недоволенъ, если они не постараются всѣхъ православныхъ перевести въ католичество. Несмотря на то, что нигдѣ въ евангеліи не говорится о томъ, что нужно другимъ силою навязывать свою вѣру, іезуиты, однако, постоянно возбуждали въ панахъ религіозную ревность и старались ихъ убѣдить въ необходимости преслѣдовать православную вѣру. Нашлись между русскими священниками такіе люди, которые изъ-за личныхъ выгодъ перешли на сторону католиковъ и отстали отъ православія. Эти священники и ихъ послѣдователи носили названіе уніатовъ. Они хотя и сохранили обряды православной церкви, но признали папу своимъ начальникомъ, дружились съ іезуитами и помогали послѣднимъ притѣснять православныхъ. Въ Польшѣ существовалъ законъ, по которому право на всѣ должности имѣли только дворяне католической вѣры. Русскимъ дворянамъ, православнымъ, стало завидно, что они лишены этого права и потому они стали одинъ за другимъ переходить въ католичество или въ унію, принимали польскіе обычаи, говорили по-польски, забывали русскій языкъ и притѣсняли своихъ крѣпостныхъ людей точно такъ-же, какъ и польскіе паны.

Но народъ остался вѣренъ вѣрѣ своихъ предковъ и, несмотря на обиды и притѣсненія, никакъ не хотѣлъ переходить въ католичество или унію. Поляки начали съ того, что стали не дозволять постройки новыхъ православныхъ церквей, и народъ принужденъ былъ по деревнямъ и селамъ молиться въ дряхлыхъ, полуразвалившихся храмахъ. Затѣмъ поляки начали отнимать у православныхъ церкви, передавая ихъ уніатскимъ или католическимъ священникамъ. Случалось, что въ нѣкоторыхъ городахъ католическій епископъ отнималъ всѣ церкви отъ православныхъ; тогда послѣдніе строили за городомъ палатки, въ нихъ ставили кое-какую церковную утварь и соби-

рались туда на молитву. Иногда епископъ, недовольный еще тѣмъ, что̀ сдѣлано, посылалъ своихъ слугъ, которые нападали на такую церковь, били, иногда до смерти, православнаго священника, оскорбляли иконы святыхъ разными насмѣшками и палками разгоняли молившійся народъ. Бывало нерѣдко, что толпа католиковъ, подстрекаемая іезуитомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, нападала на православный монастырь, сѣкла розгами иноковъ, рвала волосы на ихъ головахъ и бородахъ и разными другими мученіями старалась заставить отказаться отъ православной вѣры.

Таково-то было положеніе бѣднаго крестьянскаго русскаго люда подъ владычествомъ жестокихъ польскихъ пановъ, хитрыхъ іезуитовъ и жадныхъ къ деньгамъ евреевъ. Немудрено, что паны, на которыхъ работали ихъ холопы (крестьяне), страшно богатѣли. Барскіе дома похожи были на дворцы; дубовые столы положительно гнулись подъ тяжестью золотой и серебряной посуды; шелкъ и бархатъ употреблялись для обыкновенной одежды. Паны веселились, пьянствовали, а бѣдный народъ, у котораго послѣдній мѣдный грошъ былъ стянутъ паномъ для удовлетворенія какой-нибудь прихоти, голодалъ иногда по цѣлымъ днямъ и только молилъ Бога о томъ, чтобы Онъ, наконецъ, положилъ предѣлъ этимъ страшнымъ страданіямъ. Русскій холопъ смирялся по необходимости передъ паномъ, даже евреемъ, но въ глубинѣ души чувствовалъ сильное желаніе отмстить тѣмъ, которые похищали его свободу, его имущество, его вѣру. Тогда обыкновенно говорили, что польскіе паны блаженствуютъ въ Украйнѣ будто въ раю, а русскіе крестьяне мучатся какъ въ аду.

Что же послѣ этого удивительнаго, что многіе крестьяне оставляли свою родину и бѣжали, куда глаза глядятъ. Цѣлыя толпы ихъ укрывались въ безлюдныхъ въ то время степяхъ южной Россіи, преимущественно около Днѣпра. Наконецъ, эти бѣглецы соединились вмѣстѣ и основали такъ-называемую Запорожскую Сѣчь. Они стали жить вмѣстѣ и съ этою цѣлью поселились на одномъ изъ острововъ Днѣпра, ниже камени-

жизни. „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, а то и тебя можетъ постигнуть гнѣвъ мой!“ говорилъ царь, скрежеща зубами; но митрополитъ не унимался и продолжалъ свою христіанскую рѣчь. Дошло до того, что Иванъ, не осмѣливавшійся долго поднимать руки на митрополита, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Въ одно изъ воскресеній царь былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Онъ былъ по обыкновенію въ черной расѣ поверхъ свѣтской одежды, со своимъ страшнымъ костылемъ въ рукѣ. Онъ подошелъ послѣ обѣдни къ митрополиту, который долженъ былъ благословить его, но митрополитъ не трогался. „Владыко,—произнесъ одинъ изъ опричниковъ,—царь требуетъ у тебя благословенія“.—„Въ этомъ видѣ, въ этомъ одѣяніи я не узнаю царя московскаго, царя православнаго; я не узнаю его и въ дѣлахъ царства. Съ тѣхъ поръ, какъ сіяетъ солнце, не слыхано, чтобы царь возмущалъ свою державу. Мы здѣсь приносимъ жертву Богу, а за алтаремъ льется неповинная кровь“...—„Чернецъ! — крикнулъ царь, ударяя костылемъ о каменный полъ церкви:—до сихъ поръ я еще щадилъ васъ, измѣнниковъ, а теперь буду такимъ, какимъ вы меня называете“. Всѣ ждали, что за этимъ послѣдуетъ казнь митрополита, но, тѣмъ не менѣе, ожиданія не оправдались. Особенно сильно этой казни желали опричники. А что, думали они, если слова Филиппа подѣйствуютъ на царя, если онъ казнить и свирѣпствовать перестанетъ? Вѣдь тогда имъ, опричникамъ, некого будетъ грабить, неоткуда обогащаться. Но и смертный часъ Филиппа приближался тоже, а слѣдующій случай послужилъ поводомъ къ нему. Однажды, во время крестнаго хода, одинъ изъ опричниковъ надѣлъ шапку тогда, когда читалось евангеліе. „Державный царь!—сказалъ митрополитъ, замѣтивъ это: —прилично ли подобное беззаконіе?—„А что?“ спросилъ царь, не видавшій поступка опричника.—„Одинъ изъ твоихъ людей пришелъ въ образѣ сатанинскомъ“, отвѣчалъ Филиппъ. Между тѣмъ, виновникъ снялъ шапку, и обратившійся царь увидѣлъ всѣхъ своихъ слугъ стоящими вполнѣ благочестивымъ образомъ. Царь, по навѣтамъ опричниковъ, назвалъ митрополита

лжецомъ и клеветникомъ, велѣлъ его посадить въ одинъ изъ монастырей, куда скоро явился любимый опричникъ Ивана, Малюта Скуратовъ, который задушилъ святого и неустрашимаго старца.

Бывали случаи, что царь, наложивъ гнѣвъ свой на цѣлые города и области, опустошалъ и разорялъ ихъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ 1599 году съ Новгородомъ. Какой-то бродяга подалъ доносъ царю, что будто новгородцы хотятъ отдѣлиться отъ Россіи и соединиться съ Литвою. Иванъ, которому всегда хотѣлось свѣжей крови, легко повѣрилъ и со своими неотступными опричниками двинулся въ путь. Пріѣхавъ въ Новгородъ, царь заключилъ въ темницу архіепископа, велѣлъ утопить множество мужчинъ, женщинъ, даже дѣтей въ Волховѣ и позволилъ своей дружинѣ грабить городъ. Пять недѣль продолжались грабежи и убійства; наконецъ, 13 февраля, утромъ, государь велѣлъ выбрать отъ каждой улицы по лучшему человѣку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изнеможенные, унылые, какъ мертвецы; но царь имъ сказалъ: „Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живѣ! Молите Господа Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ здравіи и живите въ Новгородѣ благополучно“. Въ этотъ же день царь уѣхалъ изъ Новгорода.

Въ припадкѣ гнѣва онъ даже не пощадилъ родного сына, наслѣдника престола Ивана. Царь совершенно безвинно избилъ Иванову супругу; сынъ заступился за нее и получилъ ударъ страшнымъ костылемъ въ голову, отчего и скончался. Этотъ несчастный случай сильно подѣйствовалъ на грознаго царя; онъ не отходилъ отъ гроба сына, въ продолженіе нѣсколькихъ дней не ѣлъ, не пилъ, забылъ даже о казняхъ. Вообще съ этихъ поръ онъ сдѣлался менѣе свирѣпъ. Болѣзнь, которою онъ страдалъ, развивалась все болѣе и болѣе, и, наконецъ, этотъ страшный человѣкъ скончался. Онъ испустилъ духъ въ ту минуту, когда, почувствовавъ себя нѣсколько лучше, принялся-было играть въ шашки съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ.

но и реестровые казаки не могли къ нимъ относиться дружелюбно.

II.

Не разъ русскій народъ выходилъ изъ терпѣнія отъ такихъ притѣсненій, о которыхъ было сказано выше. Въ одномъ городѣ народъ возсталъ противъ уніатскаго епископа, тѣснившаго православныхъ и закрывавшаго ихъ церкви. Епископъ былъ убитъ разгнѣваннымъ народомъ. Но послѣ этого вошло польское войско въ городъ, переловило зачинщиковъ возмущенія, двадцати изъ нихъ отрубило головы, а остальныхъ наказало разнымъ другимъ образомъ. Убитый епископъ, мучившій православныхъ, признанъ былъ поляками за святого мученика, тѣло его было внесено торжественно въ церковь, и католическіе богомольцы стали стекаться на богомолье къ его гробу, какъ будто къ гробу св. угодника.

Случалось иногда, что изъ Запорожья нѣсколько сотъ молодцовъ явятся въ Малороссію. Къ нимъ пристанутъ нѣкоторые изъ реестровыхъ казаковъ и цѣлая толпа народа, вооруженнаго чѣмъ попало. Бѣда тогда польскимъ помѣщикамъ и евреямъ, живущимъ въ селахъ!.. Православный людъ начинаетъ имъ мстить за все свое прежнее горе и страшными жестокостями платить за притѣсненія. Но такъ какъ большинство изъ возставшихъ люди непривычные къ войнѣ, такъ какъ они не имѣютъ даже порядочнаго оружія, то является польское войско и легко побѣждаетъ ихъ. Запорожцы, бывало, уйдутъ тогда въ свою недоступную Сѣчь; реестровые казаки выпросятъ себѣ прощеніе у короля, а несчастный крѣпостной людъ снова идетъ въ рабство къ панамъ, которые пуще прежняго гордятся, пуще прежняго притѣсняютъ. Такія возстанія и смуты повторялись довольно часто. Однажды въ ряды возставшихъ сталъ запорожецъ Павлюкъ. Онъ разослалъ по всей Малороссіи своихъ помощниковъ, которые должны были вездѣ возмущать народъ къ возстанію противъ Польши. „Довольно мы потерпѣли,—говорили эти люди,—отъ пановъ и іезуитовъ;

пора постоять теперь за вѣру православную и за свободу. Если всѣ за-разъ возстанемъ, то добудемъ себѣ вольность, всѣ сдѣлаемся казаками, и наша Малороссія составитъ отдѣльное государство". Любо было народу слушать такія рѣчи, но реестровые казаки, боясь, чтобы Польша, въ случаѣ ея побѣды, не отняла у нихъ правъ и не прекратила выдачи жалованья, не пошли къ Павлюку, а, наоборотъ, стали помогать польскому войску.

Наконецъ послѣднее пришло и встрѣтило возставшихъ русскихъ близъ деревни Кумеекъ, около Днѣпра. Поляки были превосходно вооружены; они хорошо знали военное дѣло. Нечего было и думать о томъ, чтобы сразиться съ ними въ открытомъ полѣ. Войско Павлюка устроило такъ-называемый таборъ. На полѣ подъ Кумейками оно обставилось со всѣхъ сторонъ возами, въ промежутки поставило нѣсколько пушекъ и ожидало нападенія въ той надеждѣ, что за возами защититься легче. Вдругъ затрубили трубы, и польская конница въ блестящихъ панцыряхъ, на славныхъ коняхъ, съ длинными копьями въ рукѣ бросилась на таборъ. Загремѣли пушки, защитники пустили градъ пуль изъ ружей, но поляки не подались, разбили таборъ и ворвались въ его середину. Тогда Павлюкъ и остальные русскіе бѣжали, а польская конница пустилась ихъ преслѣдовать.

Послѣ удаленія поляковъ изъ-подъ Кумеекъ пришли русскіе крестьяне изъ окрестныхъ деревень и похоронили своихъ братьевъ, павшихъ за свободу. Они насыпали надъ ихъ трупами высокія могилы на память потомкамъ о томъ, какъ лилась кровь казацкая на кумейковскихъ поляхъ.

Наконецъ Павлюкъ былъ взятъ въ плѣнъ; польскій военачальникъ, захватившій Павлюка, обѣщалъ ему пощадить жизнь. Павлюкъ былъ отправленъ въ столицу Польши, Варшаву, и здѣсь былъ преданъ суду. Несмотря на обѣщаніе, данное польскимъ полководцемъ, Павлюкъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Въ Варшавѣ даже были люди, которые хотѣли, чтобы Павлюкъ былъ казненъ слѣдующимъ образомъ: ему, го-

ворили они, должно надѣть на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палку, въ родѣ царскаго скипетра; такую казнь онъ заслужилъ тѣмъ, что хотѣлъ изъ Малороссіи сдѣлать отдѣльное государство. Но другіе, болѣе благоразумные, воспротивились этому безчеловѣчному наказанію, и Павлюка казнили тѣмъ, что отрубили ему голову.

Польскіе паны, конечно, послѣ усмиренія возстанія Павлюка стали притѣснять своихъ крестьянъ по прежнему, даже и больше, желая на нихъ выместить свою тревогу. Да, впрочемъ, не только безнаказанно они обижали крестьянъ; случалось, что и казакамъ приходилось отъ нихъ невесело. Въ то время былъ одинъ казакъ, по имени Богданъ Хмельницкій. Онъ былъ очень любимъ своими соотечественниками, потому что былъ хорошо образованъ, что̀ рѣдко встрѣчалось у казаковъ. Онъ жилъ на хуторѣ Суботово, доставшемся ему по наслѣдству отъ отца. Въ сосѣдствѣ было имѣніе польскаго пана Чаплинскаго. Послѣднему очень нравился хуторъ Хмельницкаго, и потому онъ неоднократно просилъ у старосты (губернатора) Конецпольскаго, чтобы тотъ отнялъ хуторъ у Хмельницкаго и подарилъ его или продалъ ему, Чаплинскому. Чаплинскій даже приводилъ разныя доказательства на то, что будто Суботово несправедливо находится во владѣніи Хмельницкаго. Но Конецпольскій никакъ не хотѣлъ брать въ этомъ случаѣ грѣха на душу и отказалъ Чаплинскому. Тогда послѣдній сказалъ: „Окажите мнѣ единственную милость и позвольте самому справиться съ казакомъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуторомъ. Если же онъ пріѣдетъ къ вамъ съ жалобою, то вы скажите ему, что ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія. Пусть онъ жалуется на меня въ судъ, а судомъ ничего со мною не сдѣлаетъ, потому что я польскій дворянинъ“.

Сказано—сдѣлано. Однажды, въ отсутствіи Хмельницкаго, Чаплинскій съ толпою слугъ напалъ на Суботово и ворвался въ домъ. Младшій сынъ Хмельницкаго сталъ браниться съ Чап-

линскимъ и былъ за это битъ такъ сильно, что умеръ черезъ нѣсколько часовъ. Жену Хмельницкаго Чаплинскій захватилъ тоже и, въ довершеніе обиды, обвѣнчался съ нею въ католической церкви. Хмельницкій не нашелъ управы въ Малороссіи и долженъ былъ ѣхать въ Варшаву подавать жалобу на своего обидчика; но сенатъ состоялъ изъ польскихъ пановъ, а потому надежды на успѣхъ у казака было немного.

Чаплинскій, призванный для оправданія, говорилъ, что Суботово незаконно принадлежитъ Хмельницкому, ссылался на то, что у послѣдняго нѣтъ письменнаго свидѣтельства на право владѣть этимъ хуторомъ. „Что же касается жены,—продолжалъ Чаплинскій,—то эта женщина не была его женою: онъ насильно держалъ ее у себя, оттого она такъ легко его и оставила. Теперь же она мнѣ понравилась, и я соединился съ нею по обряду католической церкви, да и она сама приняла тоже католическую вѣру. Мой зять дѣйствительно приказалъ высѣчь сына Хмельницкаго, потому что этотъ мальчишка говорилъ разныя грубости; но будто онъ умеръ отъ побоевъ, это клевета, это безстыдная ложь, которую опровергнутъ нѣсколько свидѣтелей“. Разумѣется, свидѣтели нашлись, и Чаплинскій признанъ невиннымъ.

Оскорбленный рѣшеніемъ суда, Богданъ Хмельницкій отправляется къ королю. Королемъ былъ тогда Владиславъ IV. Онъ лично зналъ Богдана, который отличался храбростью и за это получилъ послѣ одного сраженія въ подарокъ отъ короля саблю. Хмельницкій со слезами на глазахъ разсказалъ королю все, что̀ съ нимъ случилось и дома, и въ Варшавѣ. Король отвѣчалъ: „Извѣстно мнѣ твое чистое сердце, я помню твою службу, увѣренъ, что твое дѣло право, но искъ не подкрѣпленъ письменнымъ свидѣтельствомъ на владѣніе Суботовымъ. Вижу, что и Чаплинскій неправъ. Знаю объ утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь этому не могу“. Такъ говорилъ Владиславъ и говорилъ правду, потому что въ Польшѣ короли не были такъ полновластны, какъ великіе князья и цари московскіе. Въ Польшѣ короли слѣдовали другъ за другомъ не по

наслѣдству, а ихъ выбирали паны, конечно, стараясь, чтобы власть давать такимъ людямъ, которые будутъ ихъ слушаться. Польскіе короли должны были созывать на съѣзды дворянъ, т.-е. составлять сеймы, и безъ дозволенія сеймовъ, какъ древніе русскіе князья безъ дозволенія дружины не могли ничего предпринимать. Владиславъ хотѣлъ-было прекратить въ Малороссіи притѣсненіе за вѣру, выгнать іезуитовъ оттуда, отдать назадъ православнымъ ихъ церкви; но паны, собравшіеся на сеймъ, закричали: „не позволяемъ, не хотимъ", и дѣла остались въ прежнемъ положеніи.

Легко себѣ представить, съ какимъ чувствомъ Хмельницкій долженъ былъ воротиться на родину: онъ былъ ограбленъ самымъ несправедливымъ образомъ, лишенъ имущества, жены, сына и не нашелъ правосудія въ Варшавѣ. Его обидчикъ могъ теперь ему смѣяться въ глаза. Другіе казаки тоже призадумались надъ дѣломъ Богдана: они и прежде недружелюбно смотрѣли на ляховъ (поляковъ, какъ ихъ называлъ народъ), а теперь еще болѣе это чувство развилось въ нихъ. „Сегодня,— думали они,—обидѣли одного, завтра другого обидятъ; и нѣтъ закона у нихъ, нѣтъ правосудія". Хмельницкій поклялся отмстить панамъ и сталъ сговариваться со своими друзьями изъ казаковъ, которые внимательно слушали его рѣчи, потому что знали, что онъ гораздо умнѣе и образованнѣе ихъ всѣхъ. Наконецъ, нѣсколько десятковъ казаковъ собралось на совѣтъ въ одномъ лѣсу, чтобы не быть замѣченными ни отъ кого. Хмельницкій, взявъ съ нихъ клятву хранить все дѣло въ тайнѣ, говорилъ, что онъ поѣдетъ въ Сѣчь, постарается тамъ взволновать запорожскихъ казаковъ противъ Польши, затѣмъ отправится къ хану въ Крымъ; будетъ убѣждать его послать войско въ Малороссію противъ поляковъ, за что пообѣщаетъ большую награду добычею и деньгами. Если, говорилъ дальше Хмельницкій, придутъ запорожцы и татаре, то реестровые казаки къ нимъ пристанутъ, а народъ, надѣясь тоже на избавленіе отъ польской неволи, въ свою очередь возьмется за оружіе и поможетъ избивать ненавистныхъ пановъ. „Мы,—заключилъ

Хмельницкій,—возлагаемъ надежду на Всевышняго, который насъ не оставитъ".—„Умремъ другъ за друга,—воскликнули одушевленные казаки,—и отомстимъ за обиды наши, защитимъ вѣру, освободимъ отъ ярма братьевъ нашихъ!.. Соберемся, начнемъ, намъ поможетъ Всевышній". Скоро послѣ этого Хмельницкій ѣздилъ въ Кіевъ совѣтоваться съ православнымъ митрополитомъ Петромъ Могилою, который одобрилъ планы Хмельницкаго и далъ ему благословеніе.

Однако, поляки провѣдали, что Хмельницкій что-то затѣваетъ, и потому рѣшили схватить его и посадить въ тюрьму, но, вѣроятно, сторожили его не особенно усердно, потому что онъ неожиданно исчезъ, а вѣсть пошла по русской землѣ, что онъ въ Запорожьѣ или въ Крыму собираетъ войско на ляховъ.

III.

„Поругана святая вѣра,—говорилъ Хмельницкій, пріѣхавшій въ Сѣчь, когда запорожцы собрались на площадь слушать его,— у честныхъ епископовъ и монаховъ отнятъ хлѣбъ насущный, надъ священниками ругаются, враги стоятъ съ ножомъ надъ шеею, іезуиты съ безчестіемъ преслѣдуютъ нашу вѣру отеческую. Нѣтъ ничего, чего бы ни рѣшился съ нами сдѣлать панъ; польское войско ходитъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляетъ до тла, какъ будто замыслили истребить весь родъ нашъ. Въ довершеніе всѣхъ мучительствъ отдали насъ въ рабство проклятому роду еврейскому... Вотъ меня, напримѣръ, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ: сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и напослѣдокъ осудили на смерть. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища!"

„Принимаемъ тебя, Хмельницкій, съ хлѣбомъ-солью, съ открытымъ сердцемъ!" отвѣчали запорожцы.

Но черезъ нѣсколько недѣль Хмельницкій былъ уже въ крымскомъ городѣ Бахчисараѣ и, стоя передъ ханомъ, говорилъ слѣдующее: „До сихъ поръ мы были врагами вашими,

но единственно оттого, что были въ польской неволѣ. Знай же, свѣтлѣйшій ханъ, что казаки воевали съ тобою не по желанію, а всегда были и будутъ друзьями подвластнаго тебѣ народа. Теперь мы рѣшились низвергнуть постыдное польское иго, предложить вамъ дружбу, союзъ. Враги наши поляки— ваши враги: они презираютъ силу твою, свѣтлѣйшій ханъ, отказываются платить тебѣ должную дань и еще подучаютъ насъ нападать на тебя. Но знай, что мы поступаемъ искренно: мы извѣщаемъ тебя объ ихъ замыслахъ и предлагаемъ тебѣ помогать намъ противъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ".

„Хмельницкій,—сказалъ ханъ,—если твое намѣреніе искренно, поклянись на саблѣ моей передъ всѣми нами".

„Боже!—клялся Хмельницкій, цѣлуя ханскую саблю,—всей твари видимой и невидимой создатель, вѣдатель помышленій человѣческихъ! Клянусь тебѣ, что̀ ни потребую, чего ни попрошу у его ханской милости, все буду дѣлать безъ коварства и измѣны. Еслибы съ моей стороны вышло что-нибудь ко вреду его ханской милости, то допусти, Боже, чтобы этою саблею отдѣлилась голова моя отъ тѣла".

„Мы теперь вѣримъ тебѣ", сказалъ ханъ и подалъ Богдану руку; всѣ татарскіе придворные сдѣлали то-же въ знакъ союза.

Черезъ мѣсяцъ Хмельницкій уже былъ начальникомъ войска въ 8,000 человѣкъ, состоявшаго преимущественно изъ запорожцевъ. За нимъ шли и татарскіе полки, но они значительно отстали. Вступивъ на родную землю, Хмельницкій хотѣлъ прежде всего напасть на помѣстья Чаплинскаго и отомстить такимъ образомъ этому пану за свои обиды; однако узнавъ, что польскія войска собрались у Желтыхъ Водъ, на берегу Днѣпра, отправился имъ на-встрѣчу. Поляки стояли лагеремъ у Желтыхъ Водъ и ждали прибытія къ себѣ на помощь реестровыхъ казаковъ подъ предводительствомъ Барабыша, которые должны были плыть на байдакахъ по Днѣпру. На-встрѣчу имъ Хмельницкій послалъ ловкихъ людей, которые должны были убѣдить ихъ не сражаться со своими единоплеменниками, а при-

стать къ нимъ и помочь къ освобожденію Малороссіи отъ польской неволи. Между реестровыми казаками было много друзей Хмельницкаго, которые, какъ мы уже знаемъ, обѣщали помогать ему въ случаѣ возстанія; поэтому склонить казаковъ, и такъ не любившихъ польскихъ пановъ, было не трудно. „Бить измѣнниковъ, бить отступниковъ!“ закричали реестровые, и въ мигъ изъ байдаковъ въ волны Днѣпра полетѣли тѣ, которые отличались преданностью королю и не хотѣли допустить соединенія съ войскомъ Хмельницкаго. Такимъ образомъ, вышло, что не поляки получили помощь, а запорожцы. Битва началась. Казаки старались проникнуть въ польскій лагерь, но поляки храбро отбивались. Однако, когда подоспѣли и татары, то поляки были совсѣмъ разбиты до того, что немногіе спаслись бѣгствомъ; большая часть ихъ нашла смерть или пошла въ плѣнъ къ татарамъ.

Другая часть войска, находившаяся подъ предводительствомъ Потоцкаго, узнавъ о желтоводской битвѣ, поспѣшила противъ казаковъ. Около города Корсуня (въ Кіевской губерніи) она встрѣтила татаръ и казаковъ. Хмельницкій не нападалъ на поляковъ, которые шли сомкнутыми рядами. Наконецъ они вошли въ лѣсъ. Дорога спускалась съ крутой горы, и поляки пустились по ней; но оказалось, что тутъ непріятели устроили имъ засаду. Они вырыли поперекъ дороги глубокій ровъ, не замѣтивъ котораго поляки шли безопасно. Вдругъ неожиданно стало невозможно идти дальше, притомъ нѣсколько возовъ и пушекъ, разбѣжавшихся съ горы, попали въ ровъ. Въ польскомъ войскѣ произошелъ безпорядокъ, и казаки произвели тогда нападеніе. Они стрѣляли изъ-за деревьевъ, изъ-за пней, потому польскія пули мало причиняли имъ вреда, между тѣмъ, какъ поляки гибли въ громадномъ числѣ. Тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось выбѣжать изъ лѣсу, попадались въ руки татаръ. Потоцкаго, взятаго въ плѣнъ, въ его собственной каретѣ отвезли въ казацкій лагерь и затѣмъ, посадивъ верхомъ на пушку, обвозили по лагерю на потѣху побѣдоносному казацкому войску.

„Что, паны?—говорили казаки: —будете на насъ войною ходить?“

„Видишь, Потоцкій, — сказалъ Хмельницкій,—какъ Богъ сдѣлалъ: тѣ, которые пошли брать меня въ неволю, сами въ нее попали“.

„Холопъ,—отвѣчалъ неугомонный польскій начальникъ:—чѣмъ заплатишь ты славному рыцарству татарскому? Оно побѣдило меня, а не ты“.

„Тобою заплачу, тобою,—прервалъ Хмельницкій,—тобою, который называешь меня холопомъ, и тебѣ подобными“.

По условію, заключенному съ татарами, всѣ знатные поляки поступали въ плѣнъ къ хану, потому что за нихъ обыкновенно ихъ богатые друзья и родственники платили большія деньги татарамъ, выкупая изъ плѣна. Такимъ образомъ, Потоцкій и многіе другіе паны отправлены были въ Крымъ.

Между тѣмъ, послѣ побѣдъ при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ, вся Малороссія взволновалась. Сначала народъ не приставалъ къ Богдану. Онъ боялся, что поляки побѣдятъ его точно такъ же, какъ Павлюка, а потомъ станутъ пуще прежняго притѣснять тѣхъ, которые окажутся помощниками запорожцевъ. Когда же одержаны были двѣ блистательныя побѣды, то можно было надѣяться, что дѣла на этотъ разъ пойдутъ лучше, и народъ цѣлыми толпами повалилъ къ лагерю Хмельницкаго, котораго уже тогда провозгласили гетманомъ или главнымъ начальникомъ Малороссіи. Кромѣ того, и помимо Хмельницкаго составлялись шайки такъ-называемыхъ гайдамаковъ, которые грабили и жгли дома своихъ прежнихъ притѣснителей и разоряли католическія церкви. Крестьяне много натерпѣлись отъ поляковъ и ихъ союзниковъ-евреевъ, а потому неудивительно, что они кровавымъ образомъ мстили теперь тѣмъ, отъ которыхъ столь долго страдали. Страшный видъ представляла тогда Малороссія!... Каждую ночь небо покрывалось краснымъ цвѣтомъ отъ зарева, производимаго пожарами: то горѣли панскіе дворы и католическія церкви. Днемъ вездѣ подымались густые столбы дыма на пожарищахъ. На почер-

нѣвшей стѣнѣ полуразрушеннаго монастыря висѣлъ цѣлый рядъ католическихъ монаховъ, казненныхъ казаками; въ другомъ мѣстѣ гайдамаки вѣшали вмѣстѣ поляка, еврея и собаку, приговаривая: „ляхъ (полякъ), жидъ (еврей) и собака, у нихъ вѣра одинака“. Панамъ, попавшимся въ руки возставшихъ крестьянъ, буравили глаза, вколачивали гвозди въ голову и дѣлали Богъ знаетъ какія мученія. Не давали спуска ни женщинамъ, ни груднымъ младенцамъ, не обращая вниманія на то, что они были совсѣмъ невиновны. Съ своей стороны и поляки, если имъ удалось разбить отрядъ казаковъ или шайку гайдамаковъ, поступали не лучше. Особенно прославился князь Іеремія Вишневецкій какъ своею львиною храбростью, такъ и ужасною жестокостью. Онъ собралъ около себя нѣсколько тысячъ польскихъ дворянъ, бѣгалъ съ быстротою молніи по Малороссіи и вездѣ обозначалъ свой путь многочисленными висѣлицами, на которыхъ находили смерть попавшіеся въ руки враги. Вишневецкій по происхожденію былъ русскій; но онъ, по примѣру другихъ, сдѣлался однимъ изъ жесточайшихъ гонителей русскаго народа. Случалось, что гайдамаки нападали на зàмокъ пана, брали его, несмотря на отчаянное сопротивленіе со стороны пана и его слугъ, защищавшихся до послѣдней крайности, такъ какъ на помилованіе гайдамаковъ разсчитывать было трудно. Побѣдители, перемучивъ и перебивъ побѣжденныхъ, начинали шарить по всѣмъ угламъ зàмка, надѣвали шелковыя и бархатныя одежды убитаго пана, растаскивали его деньги, драгоцѣнности, садились за столъ и напивались превосходнымъ виномъ до-пьяна, закусывая вкусными яствами изъ кладовыхъ богача; но вдругъ, откуда ни возьмись, налеталъ Вишневецкій: полупьяный народъ разбѣгался во всѣ стороны, его ловилъ князь, вѣшалъ „въ примѣръ другимъ“, истязалъ разными муками.

Но вотъ шло новое польское войско, къ нему присталъ и Вишневецкій. Польское войско остановилось у города Збаража (въ Волынской губерніи) и стало дожидаться короля, который долженъ былъ привести еще больше войска съ собою. Короля

Владислава уже тогда не было въ живыхъ, а на польскій престолъ выбранъ былъ Янъ-Казимиръ, который рѣшился идти самъ покорить непокорную Малороссію. Хмельницкій, у котораго теперь уже силы и русской, и татарской было видимо-невидимо, пошелъ къ Збаражу. Поляки испугались многочисленности враговъ и стали укрѣплять свой лагерь. Богатые паны наравнѣ съ бѣдняками засучили рукава своей одежды и принялись рыть рвы и насыпать валъ. Вскорѣ окопы были готовы, и пока вся сила Богдана успѣла подойти, поляки изготовились къ защитѣ. Татары пускали цѣлыя тучи стрѣлъ, но поляки за окопами укрывались отъ нихъ, такъ что это не приносило имъ особеннаго вреда. Хмельницкій пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ съ большою потерею. Тогда онъ велѣлъ вокругъ польскаго лагеря строить валъ, повыше непріятельскаго, чтобы съ его вершины можно было видѣть, что̀ дѣлается у враговъ, и удачнѣе мѣтить въ нихъ, т.-е. прибѣгнулъ къ тому способу, который употребилъ Владиміръ Св. при осадѣ Корсуни. Такъ какъ воиновъ у Хмельницкаго было очень много, то эта работа почти вдругъ была исполнена, и семьдесятъ пушекъ, поставленныхъ на валу, денно и нощно наносили страшные удары полякамъ. Послѣдніе внутри своихъ окоповъ стали возводить новые, болѣе тѣсные по пространству, но болѣе значительные по высотѣ, и перешли въ нихъ. Осаждающіе заняли прежніе польскіе окопы, повысили ихъ, добавивъ еще земли, и по прежнему стали громить польскій лагерь. Спасаясь отъ пуль и ядеръ, поляки рыли себѣ въ землѣ норы и землянки, въ которыхъ сидѣли, и выходили только тогда, когда казаки шли на приступъ. Между тѣмъ, въ польскомъ лагерѣ не было съѣстныхъ припасовъ, и воины питались кониною, убивая своихъ лошадей; порохъ сталъ тоже выходить, ружья трескаться отъ частой стрѣльбы; вонь отъ гніющихъ человѣческихъ тѣлъ въ польскомъ лагерѣ была невыносима. Притомъ еще русскіе пускали въ ходъ насмѣшки. Они кричали со своихъ окоповъ полякамъ: „Когда, паны, будете оброкъ собирать въ Украинѣ? Вотъ ужъ мы вамъ цѣлый годъ не платимъ. А не прикажете ли

идти на барщину? Не прикажете-ли отдать вамъ десятину отъ лошадей и отъ другой скотины?“ Поляки падали духомъ, но ихъ постоянно ободрялъ Вишневецкій. Онъ говорилъ, что скоро придетъ король на помощь, что казакамъ и татарамъ сдаваться нельзя, потому что они жестоко мучатъ и убиваютъ плѣнныхъ. Узнавъ, что поляки въ лагерѣ надѣются на короля, Хмельницкій придумалъ хитрость: онъ велѣлъ казакамъ отступить на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря и, отступая, кричать, что король съ войскомъ близко. Онъ думалъ, что поляки, услышавъ и увидѣвъ, что̀ дѣлается въ казацкомъ лагерѣ, выйдутъ изъ окоповъ, и тогда можно будетъ ихъ истребить въ чистомъ полѣ; но Вишневецкій пронюхалъ въ чемъ дѣло и, велѣвъ всѣмъ своимъ не двигаться съ мѣста, разстроилъ этотъ планъ. Хмельницкій еще разъ попробовалъ сдѣлать приступъ. Съ одной стороны двигался на польскій лагерь большой гуляй-городъ. Это былъ какъ бы заборъ изъ крѣпкихъ досокъ, который подвигался на колесахъ и закрывалъ собою воиновъ, приближающихся къ окопамъ. Съ другой стороны шли казаки и татаре, гоня передъ собою польскихъ плѣнниковъ, чтобы они первыми падали мертвыми, если изъ лагеря станутъ стрѣлять по подступающимъ. Но полякамъ удалось поджечь и такимъ образомъ уничтожить гуляй-городъ; они пускали пули и стрѣлы, не щадя своихъ, и такимъ образомъ отбили приступъ.

Янъ-Казиміръ, между тѣмъ, приближался и былъ уже не далеко отъ города Збаража. Хмельницкій оставилъ часть казаковъ и татаръ осаждать збаражскій лагерь, а съ остальными войсками пошелъ на-встрѣчу новыхъ непріятельскихъ силъ. Поляки, однако, не обѣщали себѣ побѣды: пожаръ дворца въ Варшавѣ наканунѣ выступленія въ походъ, ударъ молніи въ большое войсковое знамя и другія, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу, явленія они считали дурными предзнаменованіями. Король ободрялъ всѣхъ.—„Тотъ умретъ, какъ измѣнникъ,—говорилъ онъ однимъ,—кто побѣжитъ; велю палачу казнить такого негодяя“. „Я готовъ жить и умереть съ вами“, говорилъ онъ другимъ. Увидѣвъ, что одинъ полкъ во время битвы

смѣшался и побѣжалъ, король поскакалъ къ нему и сказавъ: „Я самъ вамъ начальникъ“, вернулъ малодушныхъ и кинулся въ битву. „Не уйдемъ,—кричали солдаты,—король не покинетъ насъ!“ Нѣкоторые паны совѣтовали Яну-Казиміру оставить войско и бѣжать въ Варшаву, потому что если король погибнетъ, то великое зло будетъ для Польши; но король наотрѣзъ отказался отъ такого предложенія и самъ, съ саблею въ рукахъ, рыскалъ по самымъ опаснымъ мѣстамъ поля битвы. Несмотря, однако, на мужество короля и его войска, побѣда явно стала переходить на сторону русскихъ; только темнота ночи, сильный дождь и вѣтеръ помѣшали докончить ее. На слѣдующій день битва должна была возобновиться.

Между тѣмъ, во время этой ненастной ночи произошли значительныя перемѣны: не суждено было восходящему солнцу увидѣть снова истребленіе людей. Король ночью послалъ къ Хмельницкому и къ хану пословъ съ просьбою о мирѣ, обѣщая первому дать больше правъ казакамъ, не притѣснять православія, а второму—заплатить много золота, на которое были всегда очень падки татаре. „Миръ! миръ!“ воскликнули воины на слѣдующій день, и особенно поляки были рады этому извѣстію, потому что имъ угрожала полная погибель. Хмельницкій просилъ позволенія повидаться лично съ королемъ и получилъ разрѣшеніе. Онъ взошелъ въ королевскую палатку, преклонилъ одно колѣно и произнесъ слѣдующую рѣчь: „Много уже лѣтъ, наияснѣйшій и могущественнѣйшій государь, много уже лѣтъ свирѣпая и коварная ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ обращена была на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Они притѣсняли насъ, дѣлали насъ рабами. Священники наши были для нихъ хуже нехристовъ. Насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣли отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлость моей рѣчи, государь мой! Терпѣніе мое потерялось. Мы принуждены были просить помощи у чужеземцевъ и заключить съ ними союзъ противъ пановъ; вѣдь защищать жизнь свою и имущество свойственно всякому; скотъ, если его мучатъ, бодается. У меня въ мысли не было

поднимать оружія противъ вашего величества, а мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ".

Король ничего не отвѣчалъ и только ласково протянулъ руку. Хмельницкій поцѣловалъ ее, а одинъ изъ приближенныхъ короля, отъ имени самого короля, сказалъ слѣдующее: „Что было, и кто въ томъ виноватъ, того невозможно разобрать, и даже вспоминать о томъ не будемъ. Его величество не будетъ раздражать никого; подобно солнцу, освѣщающему добрыхъ и злыхъ, добрый монархъ благодѣтельствуетъ своимъ подданнымъ, прощаетъ виновнаго, если онъ загладитъ свой проступокъ вѣрностью и честными трудами".

Обѣщанія короля, данныя казакамъ, заключались въ слѣдующемъ: вѣры православной притѣснять не будутъ и іезуитовъ не пустятъ въ Малороссію; Хмельницкій остается гетманомъ; число казаковъ реестровыхъ, т.-е. вольныхъ людей, получающихъ жалованье отъ короля, будетъ не 6,000, а 40,000; остальной же народъ остается по прежнему въ подданствѣ у пановъ; кіевскій православный митрополитъ будетъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ высшими католическими духовными лицами.

Послѣ заключенія мира, освобожденные збаражскіе поляки, изнуренные и израненные, явились въ Зборовъ и получили отъ короля отличія за мужественную оборону. Татаре, взявъ много золота съ поляковъ, двинулись въ Крымъ, грабя по дорогѣ русскія деревни и уводя даже иногда союзниковъ въ рабство. Очевидно, имъ было все равно съ кѣмъ воевать, съ кѣмъ дружиться, лишь бы только получать добычу.

IV.

Весело было казакамъ послѣ заключенія зборовскаго договора: они собирались отдохнуть послѣ продолжительной и трудной войны, отвоевавъ себѣ права свои и православную вѣру. Хмельницкій думалъ, что надолго теперь будетъ миръ, а митрополитъ кіевскій поѣхалъ на время въ Варшаву, чтобы

засѣдать въ польскомъ сенатѣ, какъ это было упомянуто въ договорѣ. Но не особенно гостепріимный пріемъ ожидалъ его въ столицѣ польскаго королевства: король и многіе паны хотѣли исполнить обѣщаніе, данное казакамъ; но польскіе епископы наотрѣзъ отказались отъ допущенія православнаго митрополита въ свое общество. „Онъ еретикъ, — говорили они, — намъ не подобаетъ засѣдать въ сенатѣ вмѣстѣ съ еретикомъ". Напрасно ихъ убѣждали, напрасно говорили, что изъ-за этого случая Хмельницкій можетъ разсердиться и взбунтовать народъ опять, напрасно требовали отъ нихъ уступки, грозя въ противномъ случаѣ гнѣвомъ короля. „Король хоть король,— говорили епископы,—а правилъ нашей вѣры измѣнять не можетъ; не подобаетъ намъ засѣдать вмѣстѣ съ еретикомъ, да и только". Митрополитъ, видя, что изъ-за него подымаются бурные споры, не желая быть виновникомъ несогласій, уѣхалъ изъ Варшавы.

Но если поляки, благодаря безсмысленному упрямству своихъ епископовъ, не могли исполнить договора, то также трудно было сдѣлать это и Хмельницкому. По зборовскому договору число казаковъ опредѣлялось въ 40,000; остальной же народъ долженъ былъ вернуться опять въ подданство къ панамъ. А такого народа, который проливалъ кровь свою, были цѣлыя сотни тысячъ, и онъ-то теперь долженъ былъ снова потерять свободу, изъ-за которой бился, снова отбывать барщину, покоряться тѣмъ же панамъ, противъ которыхъ возставалъ... Понятно, что это не нравилось народу, и онъ не хотѣлъ слушаться приказаній Хмельницкаго на счетъ того, чтобы покорно гнуть снова шею подъ панское иго. „Пусть Хмельницкій знаетъ,—говорилъ народъ,—что если онъ намъ измѣнилъ, то мы выберемъ другого начальника и будемъ добывать опять себѣ свободу". Народъ отказался слушаться распоряженій Хмельницкаго и не шелъ въ подданство. Между тѣмъ, поляки требовали, чтобы Хмельницкій выполнялъ условія зборовскаго договора; Хмельницкій сперва много имъ обѣщалъ, но на дѣлѣ ничего не могъ сдѣлать съ народомъ. „Гос-

пода поляки,—говорилъ гетманъ польскимъ посламъ, почесывая голову, — поддѣли меня. По ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, который исполнить нельзя никакимъ образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ казаковъ; что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на поляковъ все-таки поднимутся".

И Хмельницкій говорилъ правду: толпы гайдамаковъ не переставали появляться то здѣсь, то тамъ, грабя, убивая возвращающихся въ свои помѣстья пановъ. „Хотимъ всѣ быть вольными казаками!" кричали они. Да и сами казаки роптали на Хмельницкаго за то, что онъ выговорилъ свободу только для нихъ, а братью ихъ оставилъ въ прежней польской неволѣ. Они напоминали ему побѣды у Желтыхъ Водъ, у Корсуна, у Зборова; говорили, что стоитъ опять поднять войну, призвавъ на помощь Крымцевъ, и можно будетъ снова разбить поляковъ и заключить съ ними такой миръ, по которому вся Малороссія сдѣлается свободною. Хмельницкій сталъ думать объ этомъ; ему въ голову пришла такая мысль, что въ случаѣ удачи онъ самъ можетъ сдѣлаться независимымъ царемъ Малороссіи, что, конечно, лучше, чѣмъ считаться слугою Яна-Казиміра. Долго думалъ Хмельницкій, долго тайно готовился и, наконецъ, объявилъ, что опять будетъ воевать съ Польшею, пока не дастъ свободы всему малороссійскому народу. Народъ съ радостью привѣтствовалъ эти слова гетмана, снова ополчившагося на поляковъ; казаки принялись за недавно оставленное оружіе, а татарскія полчища, всегда довольныя ссорою у сосѣда, во время которой можно поживиться, спѣшили широкою степью по дорогѣ къ Днѣпру.

Въ Польшѣ не дремали тоже. Тамъ предвидѣли, что миръ съ Хмельницкимъ будетъ непродолжителенъ, и готовились къ новой борьбѣ. Король заявилъ, что онъ опять поведетъ войско самъ и обѣщалъ пасть или мечемъ наказать бунтовщиковъ. Теперь у мѣстечка Берестечка суждено было пролиться ручьямъ польской, русской и татарской крови. Хотя главное начальство надъ войскомъ принадлежало королю, но только по имени, а

въ дѣйствительности почти всѣмъ управлялъ Іеремія Вишневецкій, тотъ самый, о которомъ говорилось уже нѣсколько разъ. На берестечскомъ полѣ стояли казаки, сомкнутые тѣсными рядами, образуя четыреугольникъ. Польская конница, закованная въ желѣзные панцыри, съ Вишневецкимъ во главѣ, бросилась на этотъ четыреугольникъ. Раздался залпъ нѣсколькихъ тысячъ ружей, полетѣли пули градомъ, многіе воины Вишневецкаго попадали съ коней, но остальные неслись попрежнему вскачь на казаковъ. Послѣдніе выдвинули впередъ свои длинныя копья, но копья только скользили по твердымъ панцырямъ поляковъ, у которыхъ даже лошади были защищены желѣзными листами. Не было возможности противустоять грозѣ, и казаки подались, смѣшались, побѣжали. Что же касается до татаръ, то они были храбрецами только тогда, когда видѣли, что непріятелю плохо; теперь же вовсе не чувствовали особеннаго желанія помѣряться силами съ побѣдоноснымъ войскомъ. Видя удачу Вишневецкаго, ханъ закричалъ, что въ казацкомъ войскѣ измѣна, и велѣлъ своимъ воинамъ пуститься въ бѣгство. Хмельницкій помчался къ хану, хотѣлъ вернуть его, доказывалъ, что еще не все потеряно, но ничего не дѣйствовало на хана, который даже задержалъ на нѣкоторое время Хмельницкаго при себѣ и такимъ образомъ лишилъ казацкое войско его гетмана. Тогда побѣда совсѣмъ перешла на сторону поляковъ, которые пустились по всѣмъ направленіямъ преслѣдовать своихъ непріятелей. Однако, преслѣдованіе продолжалось недолго, потому что и воины польскіе, и лошади были страшно измучены.

Казаки, тѣмъ временемъ, устроили изъ возовъ таборъ и заперлись въ немъ. Они, кромѣ того, стали устраивать окопы, чтобы надежнѣе укрыться отъ польскихъ пуль. На слѣдующій день поляки окружили таборъ и начали громить его изъ пушекъ. Казаки устроили новые окопы, внутри прежнихъ, рыли себѣ ямы, чтобы прятаться отъ выстрѣловъ, и вообще очутились въ такомъ положеніи, въ какомъ были поляки у Збаража. Наконецъ и здѣсь враги русскихъ восторжествовали: казаки

частью погибли, частью сдались въ плѣнъ, частью пробились сквозь польскія войска и убѣжали.

Спасшіеся отъ преслѣдованія казацкіе начальники собрались въ маленькой деревушкѣ Масловомъ-Ставѣ. Сюда прибылъ и Хмельницкій. Нѣкоторые думали еще продолжать войну, но оказалось, что силъ для этого не хватало: войско было перебито или разсѣяно, всѣ пушки послѣ битвы при Берестечкѣ достались полякамъ, татаре ушли въ свой Крымъ. Рѣшено было просить мира у короля. Какъ тяжело было это сдѣлать русскимъ, видно изъ того, что собраніе въ Масловомъ-Ставѣ они назвали „Черною радою“, т.-е. печальнымъ совѣщаніемъ.

Со всѣми знаками покорности, на колѣняхъ, умолялъ Хмельницкій въ городѣ Бѣлой Церкви Яна-Казиміра о мирѣ. Янъ-Казиміръ согласился дать миръ, даже оставилъ Хмельницкаго гетманомъ, но число реестровыхъ казаковъ уменьшилъ двадцатью тысячами, уменьшилъ имъ жалованье, дозволилъ снова іезуитамъ распространяться въ Малороссіи и преслѣдовать православіе.

Такъ печально кончилось второе возстаніе Хмельницкаго; тѣмъ не менѣе послѣдній въ глубинѣ души все искалъ случая отмстить Польшѣ и освободиться отъ нея. Онъ раздумалъ, что собственно силы у него мало, а потому отказался отъ мысли сдѣлаться независимымъ малороссійскимъ царемъ и сталъ посылать пословъ въ Москву съ просьбою, чтобы тогдашній московскій государь, Алексѣй Михайловичъ, защитилъ его родину отъ Поляковъ и присоединилъ ее къ своему православному государству.

V.

Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ пословъ Богдана. Но такъ какъ дѣло было весьма важно, потому что влекло за собою войну съ довольно могущественною въ то время Польшею, то самъ его не рѣшалъ, а велѣлъ собраться земскому собору. Долго на соборѣ бояре рядили, судили, долго

спорили другъ съ другомъ, но, наконецъ, общимъ совѣтомъ подали царю бумагу, въ которой было написано слѣдующее: „Когда Янъ-Казиміръ былъ избранъ на королевство, то присягалъ, чтобы ему всѣхъ христіанъ, которыхъ вѣроисповѣданіе отличается отъ римско-католическаго, защищать и никакимъ образомъ ни самому никого за вѣру не притѣснять, ни другимъ того не позволять; а если онъ своей присяги не сдержитъ, то подчиненные освобождаются отъ всякой вѣрности ему и послушанія. Но король Янъ-Казиміръ своей присяги не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую вѣру, разорилъ многія церкви. Слѣдовательно, гетманъ Хмельницкій и все войско его теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольные люди. А потому слѣдуетъ гетмана съ его землями принять подъ высокую государеву руку“.

Немедленно послѣ этого послы отправились изъ Москвы въ Малороссію. 31 декабря 1653 года они явились въ городъ Переславль. Духовенство и народъ встрѣтили ихъ за пять верстъ отъ города; въ знакъ радости въ городѣ палили изъ пушекъ и звонили въ колокола. На 8-е января слѣдующаго года назначена была общая рада (совѣтъ, вѣче), какъ наконецъ порѣшить дѣло о Малороссіи. Съ ранняго утра громадныя толпы народа со всѣхъ сторонъ залегали обширную площадь, крыши сосѣднихъ домовъ и заборы были усѣяны людьми, любопытствующими узнать, что-то будетъ. Въ одиннадцать часовъ вышелъ изъ своего дома гетманъ, съ нимъ были всѣ старшины казацкіе и московскіе бояре. Мертвая тишина водворилась на площади, и гетманъ началъ говорить:

„Казацкіе старшины, все войско запорожское и всѣ православные христіане! вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освобождалъ насъ отъ руки враговъ, гонящихъ церковь Божію и все христіанство нашего православнаго исповѣданія. Вотъ уже шесть лѣтъ мы въ постоянныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божію, дабы имя русское не помянулось въ землѣ нашей. Мы собрали общенародную раду, чтобы наконецъ выбрать себѣ государя



Гетманъ Хмельницкій, говорящій рѣчь казацкимъ старшинамъ. (Стр. 216).

изъ четырехъ, какого хотите: первый—царь турецкій, который много разъ черезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который, если захотимъ, и теперь еще въ прежнюю милость принять насъ можетъ; четвертый—православный великой Россіи царь Алексѣй Михайловичъ. Котораго хотите—избирайте. Царь турецкій—бусурманъ; всѣмъ извѣстно, какъ православные греки бѣду терпятъ отъ него и въ какомъ угнетеніи живутъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ въ дружбу приняли, и отъ котораго многія нестерпимыя бѣды испытали. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше еврея, даже собаку, чѣмъ христіанина, брата нашего, почитали. А царь московскій одной съ нами вѣры. Онъ теперь сжалился надъ нашими бѣдствіями и, милостивое сердце къ намъ свое склонивши, своихъ бояръ прислать изволилъ. Если мы его со всѣмъ усердіемъ возлюбимъ, то подъ его покровительствомъ хорошо намъ будетъ; если же кто съ нами несогласенъ, то куда хочетъ — вольная дорога".

Гетманъ кончилъ, и толпа въ одинъ голосъ закричала: „Хотимъ подъ царя московскаго, подъ царя православнаго!"—„Всѣли такъ соизволяете?" спросилъ гетманъ.—„Всѣ! всѣ!" кричалъ народъ. Такимъ образомъ совершилось соединеніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ, и войска Алексѣя Михайловича пошли войною на Яна-Казиміра, который, понятно, по доброй волѣ не хотѣлъ лишиться Малороссіи.

„Теперь, господа поляки,—говорилъ Хмельницкій бывшимъ у него польскимъ плѣннымъ,—мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разстанемся, такъ что вы не будете наши, а мы не будемъ ваши. Этой потери вы себѣ никогда не можете вознаградить, да и мы уже никогда не покажемъ склонность къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, что̀ вы, по вашему неблагоразумію и легкомыслію, потеряли". И въ самомъ дѣлѣ, война шла очень успѣшно, и хотя Московскому государству не удалось отвоевать отъ Польши всей Малороссіи, но половину ея, т.-е. лѣ-

вый берегъ Днѣпра и городъ Кіевъ, оно успѣло присоединить къ себѣ. Лѣтъ черезъ сто, впрочемъ, и остальная часть была отнята у поляковъ.

Хмельницкій скончался въ 1657 году, еще во время борьбы съ Польшею. Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ старшинъ, благодарилъ ихъ за службу, убѣждалъ беречь отъ враговъ православную вѣру и православный народъ и наконецъ назвалъ имена тѣхъ лицъ, которыхъ онъ считалъ достойными получить послѣ его смерти гетманство. „Никого изъ нихъ не хотимъ,—отвѣчали сквозь слезы казаки,—хотимъ твоего сына, Юрія“.

— Онъ молодъ, для такого труднаго времени не годится, —сказалъ Богданъ.

— Ничего,—отвѣчали казаки,—мы его будемъ учить, совѣтовать ему.

— Пусть такъ,—заключилъ Богданъ,—вручается онъ въ покровительство Божіе и вашу опеку. Я предаю проклятію того, кто совратитъ его съ пути истиннаго.

Когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого раздавшіеся пушечные выстрѣлы возвѣстили казакамъ о смерти любимаго гетмана, то плачъ поднялся по всей Украйнѣ. Хмельницкаго похоронили въ Суботовѣ. Но этому человѣку не суждено было и послѣ смерти имѣть покой: поляки, завладѣвшіе, нѣсколько лѣтъ спустя, Суботовымъ, вынули изъ могилы его кости и разбросали ихъ съ поруганіемъ. Они не хотѣли даже въ могилѣ оставить въ покоѣ того, кто противъ нихъ храбро защищалъ свою вѣру, свое отечество, свой народъ...



ВЕЛИКІЙ ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ.

I.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ у царя Алексѣя Михайловича родился (1672 года, 30 мая, въ часъ ночи) сынъ, нареченный Петромъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза и отъ первой жены имѣлъ дѣтей Ѳеодора, Софію и Іоанна, Петръ же родился отъ второй. Несмотря на это, царь очень радовался рожденію младенца, котораго, казалось, любилъ больше другихъ дѣтей своихъ. Но недолго пришлось ему тѣшиться сыномъ: едва послѣднему исполнилось четыре года, какъ Алексѣй Михайловичъ скончался, передавъ престолъ Ѳеодору.

Этотъ новый государь черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ бездѣтнымъ, и потому поднялся вопросъ, которому изъ двухъ братьевъ, Іоанну или Петру, сидѣть на престолѣ. Іоаннъ былъ старше, а потому, казалось бы, что онъ прямой наслѣдникъ, да бѣда въ томъ, что онъ былъ слабъ и умомъ, и тѣломъ, а потому для всѣхъ было очевидно, что для Россіи же будетъ лучше, если ею будетъ управлять младшій, обнаруживающій большія способности, Петръ. Нѣкоторые изъ бояръ и духовенства были за Іоанна, другіе за Петра, и потому рѣшено было обратиться съ вопросомъ къ народу московскому, который густою толпою стоялъ у дворца и ждалъ, чѣмъ кончится со-

вѣтъ. Спросили народъ и послѣдній въ одинъ голосъ закричалъ, что хочетъ видѣть на престолѣ десятилѣтняго Петра.

Однако бояре, стоявшіе за Іоанна, были очень огорчены такимъ рѣшеніемъ, недовольна была и Софія; они возмутили стрѣльцовъ, т.-е. находившееся въ Москвѣ войско, произвели смуту и такимъ образомъ добились, что Петръ и Іоаннъ будутъ царствовать вмѣстѣ, а помощницею имъ будетъ Софія, которая тѣмъ болѣе необходима, что Іоаннъ умомъ недалекъ, а Петръ годами малъ. Рѣшено было, что Іоаннъ будетъ главнымъ царемъ, Петръ же второстепеннымъ. Софія очевидно не любила своего младшаго брата и потому была очень рада, когда послѣдній вмѣстѣ съ матерью уѣхалъ изъ Москвы и поселился въ селѣ Преображенскомъ.

„Пусть онъ, — думала Софія, — растетъ вдали отъ дѣла, тѣмъ дольше я буду управлять государствомъ“.

Итакъ, молодые годы Петръ проводилъ не въ столицѣ. У него былъ учитель Зотовъ, но этотъ учитель былъ изъ такихъ, которые и сами-то недалеки. Петръ иногда ставилъ его въ весьма неловкое положеніе, когда задавалъ вопросы, на которые самъ учитель отвѣчать не могъ. И немногому-то выучилъ Петра Зотовъ: читать по-церковному, писать, да и то плохо, молитвамъ—вотъ и всѣ знанія, сообщенныя молодому человѣку до шестнадцатилѣтняго возраста. Самъ Петръ впослѣдствіи неоднократно жаловался на свое небрежное обученіе во время дѣтства. Но чего не могъ дать Петру Зотовъ, то дали ему другіе. Петръ охотно слушалъ разсказы про разныя европейскія государства, гдѣ просвѣщеніе процвѣтало, гдѣ были такіе порядки, такія чудеса, о которыхъ на Руси и не слыхивали въ тѣ времена. Въ Москвѣ было много иностранцевъ, которые со временъ Ивана III стали пріѣзжать сюда на службу. Они жили въ отдѣльной части города, называемой Нѣмецкою слободою. Тутъ были разные купцы, ремесленники, рабочіе, солдаты изъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, торговавшіе или служившіе въ Россіи. Русскіе косились на нихъ, называли ихъ еретиками, но, несмотря на то, тер-

пѣли, потому что знали, что иностранцы нужны имъ: англійскіе купцы привозили разный прекрасный товаръ, нѣмецкіе ремесленники знали лучше русскихъ строительство, выдѣлку металловъ, часовое мастерство и т. д.; иностранные солдаты и офицеры въ военномъ дѣлѣ были гораздо опытнѣе необразованныхъ русскихъ, и потому не разъ способствовали побѣдамъ надъ поляками или татарами. Однимъ словомъ, иностранцы были люди нужные, а потому русскіе хотя и не любили ихъ, но по нуждѣ терпѣли.

Петръ изъ Преображенскаго часто забѣгалъ въ Нѣмецкую слободу бесѣдовать съ ея жителями, веселиться съ ними и все болѣе и болѣе убѣждался изъ ихъ разговоровъ, что въ другихъ европейскихъ государствахъ и люди просвѣщеннѣе, и дѣла идутъ лучше, все болѣе и болѣе приходилъ къ тому заключенію, что русскіе, говорившіе о безполезности и даже вредѣ просвѣщенія, о презрѣніи къ иноземцамъ, совершенно неправы. Особенно нравился Петру уроженецъ города Женевы, Лефортъ, служившій въ русскомъ войскѣ и разсказывавшій Петру, какъ устроено военное дѣло въ Европѣ, какое тамъ оружіе, какіе прекрасные корабли. Съ Лефортомъ и другими иностранцами Петръ обходился просто, называлъ ихъ своими друзьями и учителями.

Конечно, еслибы онъ жилъ въ Москвѣ, во дворцѣ, то Софія не допустила бы до такихъ сношеній съ иностранцами; но такъ какъ она на Петра не обращала никакого вниманія, не хотѣла даже совсѣмъ допускать его къ дѣламъ, то Петръ жилъ самостоятельно. Эта нелюбовь со стороны сестры была для него истиннымъ счастьемъ, потому что дала ему возможность узнать про такія вещи, про которыя онъ бы никогда не узналъ, живя въ Кремлѣ.

Заинтересованный разсказами иноземцевъ, Петръ хотѣлъ учредить и у себя войско, подобное европейскому. Въ то время былъ обычай, что къ царевичамъ съ дѣтства приставляли сверстниковъ для игръ. Изъ нихъ-то молодой Петръ образовалъ два полка, по нѣскольку сотъ человѣкъ въ каждомъ, ко-

торые носили названіе потѣшныхъ. Съ ранняго дѣтства Петръ любилъ играть въ солдатики, а когда ему однажды въ первый разъ подарили небольшую саблю, то онъ былъ внѣ себя отъ радости. Теперь онъ по цѣлымъ днямъ возился со своими потѣшными: то вооружалъ ихъ, то училъ маршировать и стрѣлять, то устраивалъ земляные окопы, то давалъ примѣрныя сраженія. Такія постоянныя упражненія привели къ тому, что полки потѣшныхъ, которые росли вмѣстѣ съ царевичемъ, сдѣлались, наконецъ, весьма опытными въ военномъ дѣлѣ и далеко превосходили тогдашнее войско изъ русскихъ—стрѣльцовъ.

Скоро Петръ не удовольствовался сухопутною арміею. Случайно въ одной кладовой онъ встрѣтилъ старенькій ботикъ, устроенный какъ-то необыкновенно. Онъ сталъ разспрашивать что̀ это, и узналъ, что это англійскій ботикъ, который можетъ ходить на парусахъ даже противъ вѣтра. Это сильно заинтересовало царевича. Онъ велѣлъ одному голландцу, старику Карстенъ-Брандту, знающему судостроеніе, привести ботикъ въ порядокъ и былъ въ восторгѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ чудныя свойства своей находки. Съ этихъ поръ онъ упросилъ Карстенъ-Брандта сдѣлать ему нѣсколько такихъ ботиковъ, и такимъ образомъ явился маленькій флотъ, который былъ спущенъ сперва на Яузу, но когда эта рѣка оказалась узкою, то на Переяславльское озеро, имѣющее около тридцати верстъ пространства.

Плаванье сдѣлалось столь же любимымъ занятіемъ Петра, какъ и военныя упражненія, и, можно сказать, что на берегахъ Переяславльскаго озера Петръ жилъ больше, чѣмъ въ Преображенскомъ. Напрасно мать писала ему письма, приглашала воротиться, пожить съ нею: Петръ всегда отпрашивался у нея и только въ письмахъ, гдѣ подписывался „недостойнымъ сынишкой Петрушкой“, извѣщалъ ее о своемъ здоровьѣ, да объ успѣхахъ своего флотскаго дѣла.

Не надо думать, чтобы Петръ на свой флотъ и на свое войско смотрѣлъ исключительно какъ на игрушки. Онъ хотѣлъ

только привыкнуть, наловчиться, чтобы потомъ и устроить большое войско и большой флотъ по этому образцу. Онъ въ тоже время не упускалъ изъ виду и наукъ и, будучи уже семнадцатилѣтнимъ юношею, внимательно слушалъ уроки ариѳметики, геометріи, географіи и другихъ наукъ, преподаваемыхъ ему иностранцами. Такимъ образомъ, онъ воспитывался совершенно не такъ, какъ другіе московскіе царевичи: другіе жили во дворцѣ, постоянно были окружены цѣлою толпою слугъ, въ науку не заглядывали, труда и усталости не знали; онъ, напротивъ, не нѣжился, работалъ, учился. Даже тогда, какъ бывалъ въ Преображенскомъ, занимался литьемъ пушекъ, токарнымъ дѣломъ и другими ремеслами.

Сначала Софія не обращала вниманія на брата, но потомъ стала его опасаться. Она знала, что братъ не очень-то ее любитъ, а потому, достигнувъ совершеннолѣтія, можетъ устранить ее отъ дѣлъ. Изъ образа жизни Петра она видѣла, что этотъ человѣкъ не таковъ, какъ Іоаннъ, что онъ самъ пожелаетъ править, а потому сильно безпокоилась. Ея приверженцы раздѣляли съ нею безпокойство, и одинъ изъ нихъ, по имени Шакловитый, совѣтовалъ даже умертвить Петра и его мать. Неизвѣстно, согласилась-ли съ этимъ преступнымъ мнѣніемъ Софія или нѣтъ, но слухъ объ этомъ намѣреніи дошелъ до Петра. Ночью разбудили царевича и сообщили ему, что нѣсколько стрѣльцовъ пришли изъ Москвы съ этою вѣстью. Петръ, вскочивъ съ постели, полуодѣтый, сѣлъ на коня и пустился изъ Преображенскаго въ укрѣпленный Троицкій монастырь. За нимъ послѣдовала туда же въ каретѣ мать. Скоро пришли потѣшные полки и привезли пушки. Изъ Москвы стали къ нему являться бояре и просили принять ихъ къ себѣ на службу. Генералъ Гордонъ, командовавшій полкомъ изъ иностранцевъ, тоже перешелъ на сторону Петра и явился въ монастырь вмѣстѣ съ своими воинами. Софія думала-было защищаться, но увидѣвъ, что и войска, и народъ московскій на сторонѣ Петра, отказалась отъ власти, удалилась въ монастырь, а Петръ съ этой минуты сталъ русскимъ царемъ. Его братъ

Іоаннъ не противился и добровольно устранилъ себя отъ дѣлъ. Этотъ переворотъ случился въ сентябрѣ 1689 года, значитъ тогда, когда Петру было 17 лѣтъ.

II.

До сихъ поръ Петръ еще не видѣлъ настоящаго моря и довольствовался для плаванія лишь рѣками и озерами. Тѣмъ не менѣе онъ непремѣнно хотѣлъ познакомиться съ корабельнымъ дѣломъ на самомъ морѣ. Въ то время Россія не простиралась еще до береговъ морей Балтійскаго и Чернаго. Первое принадлежало шведамъ, второе туркамъ и крымскимъ татарамъ. Что же касается до моря Каспійскаго, то оно, какъ внутреннее, не можетъ быть посѣщаемо кораблями разныхъ образованныхъ европейскихъ народовъ, и потому молодого царя оно не могло научить его любимому дѣлу. Оставалось лишь Бѣлое море, куда приставали, къ городу Архангельску, корабли голландскіе, нѣмецкіе и преимущественно англійскіе. Бѣлое море цѣлыхъ семь мѣсяцевъ въ году покрыто непроходимыми льдами, прекращающими всякое плаваніе, но тѣмъ не менѣе хотя лѣтомъ можно было, благодаря его водамъ, сноситься съ Европою. Петръ отправился въ Архангельскъ и былъ пораженъ прекраснымъ устройствомъ иностранныхъ кораблей. Цѣлые дни въ Архангельскѣ онъ проводилъ въ бесѣдахъ съ капитанами и матросами, въ осмотрѣ судовъ. Тутъ же строилось и нѣсколько русскихъ кораблей, причемъ самъ царь, случалось, работалъ съ топоромъ въ рукахъ. Здѣсь же онъ узналъ отъ иностранцевъ, что у нихъ на родинѣ строятся корабли еще болѣе прочные и великолѣпные, узналъ, что за границею есть такіе фабрики и заводы, о какихъ никому и не мечталось на Руси. Петръ порѣшилъ скоро отправиться за границу, чтобы лично познакомиться съ этими чудесами, а теперь пока работалъ въ Архангельскѣ и забавлялся прогулками по Бѣлому морю. Эти прогулки не всегда были безопасны, и разъ царь едва не заплатилъ за нихъ своею собственною жизнью. Онъ уѣхалъ на яхтѣ слишкомъ далеко отъ

берега, не обращая вниманія на собирающіяся тучи, которыя предвѣщали бурю. Буря наконецъ разразилась. Яхта, на подобіе орѣховой скорлупы, носилась по разъяренным волнамъ, угрожая ежеминутно опрокинуться или разбиться въ дребезги о скалы. Всѣ ждали смерти. Петръ видѣлъ опасность, но не смутился и продолжалъ править рулемъ. По счастью на яхтѣ находился опытный лоцманъ Антипъ Тимофеевъ. Петръ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы, видя опытнаго человѣка, упрямо настаивать на своемъ, а потому предложилъ ему управлять рулемъ. Тимофееву удалось довести яхту до берега и тѣмъ спасти царя и его спутниковъ отъ гибели. Онъ былъ щедро награжденъ за это, а царь на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ, поставилъ большой деревянный крестъ, который самъ сдѣлалъ, съ надписью: „Сей крестъ сдѣлалъ Петръ въ лѣто 1694".

Наконецъ царь собрался посѣтить чужія страны. Это было вещью необыкновенною на Руси, а потому многіе были очень недовольны и роптали. Говорили, что Петръ не держится старыхъ обычаевъ, что не царское дѣло знаться съ еретиками, что царь долженъ жить во дворцѣ, издавать указы, а не ѣздить по чужимъ землямъ, изъ которыхъ, кромѣ грѣха, ничего люди не выносятъ. Когда Петръ заговорилъ о томъ, что будетъ посылать многихъ изъ дѣтей знатныхъ бояръ за границу учиться разнымъ ремесламъ и наукамъ, то неудовольствіе стало еще больше. Даже самъ патріархъ (глава русскаго духовенства), по имени Адріанъ, не одобрялъ намѣреній Петра, говоря, что нечему учиться у нѣмцевъ, потому что вся ихъ премудрость отъ дьявола, что Богъ запретилъ людямъ заниматься науками, потому что это значитъ вывѣдывать тайны Господни. Но молодой царь не слушалъ этихъ, теперь дикихъ, а тогда обыкновенныхъ рѣчей и рѣшился путешествовать. Онъ уѣхалъ въ чужіе края не за тѣмъ, чтобы поглядѣть слегка на то, чтȍ тамъ дѣлается, не за тѣмъ, чтобы развлечься, а за тѣмъ, чтобы учиться, и потому не хотѣлъ окружить себя никакою пышностью и великолѣпіемъ. Снаряжено было посольство отъ

русскаго государя къ государямъ сосѣднимъ; во главѣ посольства стоялъ Лефортъ, а въ свитѣ его между другими былъ молодой офицеръ Петръ Михайловъ. Подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывался царь московскій.

Посольство побывало въ Ригѣ и оттуда моремъ отправилось въ прусскій городъ Кенигсбергъ. Въ этомъ городѣ былъ въ то время одинъ знаменитый нѣмецкій инженеръ, у котораго Петръ, все же подъ именемъ Михайлова, сталъ учиться разнымъ военнымъ наукамъ, главнымъ образомъ артиллеріи. Инженеръ выдалъ ему наконецъ свидѣтельство въ превосходныхъ успѣхахъ. Съ прусскимъ государемъ заключенъ былъ союзъ, по которому Россія Пруссіи, а Пруссія Россіи должны помогать въ случаѣ, если кто-нибудь нападетъ на одну изъ этихъ двухъ державъ. Покончивъ дѣла въ Кенигсбергѣ, посольство отправилось въ Голландію.

Вездѣ на пути царь старался съ пользою употребить время. Онъ устраивалъ свиданія съ учеными людьми, съ которыми бесѣдовалъ о нуждахъ Россіи и у которыхъ просилъ совѣтовъ и наставленій. Онъ осматривалъ фабрики и заводы, самъ все подмѣчалъ, и просилъ своихъ спутниковъ учиться тоже, чтобы принести потомъ своими знаніями пользу отечеству. Онъ приглашалъ многихъ мастеровыхъ людей переѣхать на службу въ Россію, обѣщая имъ больше жалованья и милости. Но вездѣ онъ старался избѣгать всякихъ торжественныхъ церемоній и не любилъ, когда гдѣ-нибудь нѣмцы, провѣдавъ про своего интереснаго гостя, сбѣгались на него смотрѣть какъ на диво. А это случалось очень часто. Въ городкѣ Коппенбургѣ, чрезъ который посольство должно было проѣхать и гдѣ Петръ думалъ остановиться для осмотра какихъ-то заводовъ, собралось нѣсколько германскихъ принцевъ и принцессъ, жаждавшихъ познакомиться съ необыкновеннымъ царемъ. Петръ, опередившій свое посольство, пріѣхалъ въ Коппенбургъ и остановился въ хижинѣ простого работника. Немедленно къ нему явился чиновникъ съ приглашеніемъ отъ принцевъ и принцессъ. Петръ сначала отговаривался, но по-

томъ согласился, съ условіемъ, однако, чтобы никакихъ церемоній не было, а визитъ сошелъ бы запросто. Лишь только разнеслась по городу вѣсть, что царь принялъ приглашеніе, огромная толпа народа собралась у подъѣзда дома, занимаемаго принцами и принцессами, а придворные старались хоть на крыльцѣ, хоть въ корридорѣ, по крайней мѣрѣ мелькомъ взглянуть на Петра. Послѣдній, однако, обманулъ всѣ ожиданія, потому что велѣлъ кучеру подъѣхать къ заднему ходу дома и быстрыми шагами прошелъ незамѣченнымъ во внутренніе покои. Когда принцессы стали ему говорить обыкновенные комплименты, то онъ закрылъ лицо рукою и, притворяясь сконфуженнымъ, повторялъ: „Ich kann nicht sprechen" (не умѣю говорить); но потомъ, когда разговоръ пересталъ состоять изъ простыхъ фразъ и комплиментовъ, царь оживился и привелъ въ восторгъ иностранцевъ, которые не могли надивиться его уму и находчивости. Одна изъ принцессъ привезла съ собою въ Коппенбургъ знаменитыхъ иностранныхъ артистовъ, думая развлечь Петра музыкою и пѣніемъ; но ни то, ни другое не заинтересовало его особенно, и онъ прямо заявилъ, что въ такихъ вещахъ толку не понимаетъ.

— Можетъ быть вы предпочитаете охоту?—спросила одна изъ принцессъ.

— Отецъ мой,—отвѣчалъ царь,—очень любилъ ее, но я болѣе всего люблю плавать по морямъ, пускать фейерверки, строить корабли.

Изъ Коппенбурга царь прямо поѣхалъ въ Голландію, которая больше всего привлекала его, такъ какъ она славилась своимъ флотомъ, столь живо, какъ мы видѣли, интересовавшимъ Петра.

Близъ города Саардама Петръ встрѣтилъ случайно кузнеца Киста, который былъ ему знакомъ, такъ какъ приходилъ съ другими голландцами въ Архангельскъ. Онъ подозвалъ его къ себѣ и, конечно, ужасно удивилъ кузнеца, который не хотѣлъ вѣрить тому, что передъ нимъ стоялъ царь московскій. Да и въ самомъ дѣлѣ трудно было узнать послѣдняго въ ши-

рокихъ холщевыхъ шароварахъ, въ красной матросской курткѣ, въ лакированной шляпѣ съ широкими полями, съ топоромъ за поясомъ. Петръ объяснилъ Кисту вкратцѣ, что пріѣхалъ поработать при постройкѣ корабля, запретилъ говорить кому бы то ни было о себѣ, поселился въ домѣ Киста и на слѣдующій же день отправился на работу. Ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ чернорабочихъ, Петръ трудился, рубилъ балки, таскалъ тяжести, ко всему присматривался, все подмѣчалъ. Понятно, что при такомъ образѣ жизни объ удобствахъ и говорить было нечего: царь жилъ въ бѣдномъ домикѣ, вставалъ съ зарей, завтракалъ и обѣдалъ въ простомъ трактирѣ, гдѣ собирались обыкновенно чернорабочіе. И никто бы не узналъ его, — конечно, кромѣ Киста, — въ массѣ другихъ саардамскихъ плотниковъ, еслибы одинъ саардамецъ не получилъ письма отъ своего пріятеля, жившаго въ Москвѣ и доносившаго, что къ этому времени въ Саардамѣ долженъ быть царь московскій, скрывавшійся подъ видомъ простого работника. Онъ даже писалъ, что по трясенію головы, по размахиванію правой рукой и по небольшой бородавкѣ можно узнать Петра. Саардамцы стали подсматривать за гостемъ Киста и что-то соображать, а Петръ, замѣтивъ это, пуще прежняго началъ скрываться и этимъ окончательно себя выдалъ. Теперь уже царю положительно не было прохода отъ толпы любопытныхъ, преслѣдовавшихъ его на каждомъ шагу, и потому онъ, послѣ девятидневнаго пребыванія у Киста, рѣшился уѣхать въ Амстердамъ, столицу Голландіи, откуда и писалъ въ Москву, патріарху: „Мы въ городѣ Амстердамѣ благодатью Божіею и вашими молитвами въ добромъ состояніи живы и, слѣдуя слову Божію, сказанному праотцу Адаму, трудимся; это дѣлаемъ не изъ нужды, но для изученія морского дѣла, чтобы, попривыкнувъ къ нему совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа воевать и ихъ побѣждать“.

И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, также точно какъ въ Саардамѣ, Петръ взялся за топоръ. По его приказанію, всѣ члены посольства должны были въ эти четыре мѣсяца, которые пред-

полагалось провести въ Амстердамѣ, изучить какое нибудь мастерство, которое могло бы пригодиться въ Россіи. Непріятно было нѣкоторымъ изъ важныхъ бояръ печься у огня въ кузницѣ или пачкаться на красильномъ заводѣ, но повелѣніе царя исполнить должно было тѣмъ болѣе, что самъ онъ своею неутомимою дѣятельностью превосходилъ всѣхъ: днемъ онъ работалъ при постройкѣ кораблей, на бумажной фабрикѣ, учился гравированію, разсматривалъ разные предметы въ микроскопъ; вечеромъ до поздней ночи приходилось читать доклады, получаемые съ каждою почтою изъ Россіи, и отписывать на нихъ, что̀ всегда дѣлалъ Петръ собственноручно. Въ свободное отъ занятій время онъ катался по Нѣмецкому морю.

Изъ Амстердама царь поѣхалъ въ Англію. Король этой страны, желая угостить царя на славу, началъ не съ баловъ и придворныхъ праздниковъ, а съ того, что устроилъ флотскіе маневры, т.-е. примѣрное морское сраженіе, и пригласилъ Петра посмотрѣть на это дѣло. Пальба изъ пушекъ, гонка кораблей и другихъ судовъ привели Петра въ восторгъ, такъ что онъ воскликнулъ: „Не будь я русскимъ царемъ, я бы желалъ быть командиромъ англійскаго флота!“ Изъ Англіи онъ опять черезъ среднюю Европу проѣхалъ въ Вѣну, для заключенія союза съ австрійскимъ императоромъ противъ турокъ, а оттуда думалъ посѣтить Италію; но важныя безпокойства, возникшія въ Москвѣ, заставили его поспѣшить на родину.

Мы уже видѣли тѣ рѣчи, которыя были въ ходу у невѣжественной части русскихъ по поводу поведенія Петра и его путешествія за границу. Почти наканунѣ отъѣзда Петра между нѣкоторыми стрѣльцами и боярами составился заговоръ на жизнь Петра, но замыслы эти были открыты, и виновные понесли смертную казнь. Теперь, въ отсутствіе Петра, волненіе началось снова. Многіе были недовольны тѣмъ, что иностранцы поступали на службу въ Россію; другіе прямо считали царя отступникомъ и еретикомъ; третьи хотѣли даже вызвать Софію изъ монастыря и передать ей власть надъ государствомъ. Взбунтовались стрѣлецкіе полки, и дѣло дошло даже до битвы, въ

которой, впрочемъ, генералъ Гордонъ разбилъ бунтовщиковъ и переловилъ ихъ. Человѣкъ 50 зачинщиковъ были повѣшены. Когда объ этомъ донесли царю, то послѣднiй писалъ изъ-за границы, чтобы слѣдствiе сдѣлать какъ можно построже. Казнили еще человѣкъ 70. Наконецъ воротился самъ Петръ и объявилъ, что снова разслѣдуетъ дѣло, казнитъ всѣхъ виновныхъ и, такимъ образомъ, на будущее время избавитъ Россiю отъ возмутителей. Болѣе 1700 человѣкъ были заключены въ тюрьму и почти всѣ казнены черезъ отсѣченiе головы или повѣшенiе. Вѣшали обыкновенно на зубчатыхъ стѣнахъ Кремля, и казненныхъ въ это время было столько, что въ Москвѣ даже образовалась поговорка: „Что ни зубецъ, то виситъ стрѣлецъ". Узнавъ изъ дѣла, что заключенная въ монастырь Софiя тоже возбуждала стрѣльцовъ къ мятежу и мечтала о вступленiи на престолъ, Петръ велѣлъ передъ окномъ ея кельи повѣсить нѣсколько зачинщиковъ и воткнуть повѣшеннымъ въ ротъ бумаги, на подобiе прошенiй, въ которыхъ значилось, что желаютъ, чтобы Софiя управляла на мѣсто Петра. Однако, этими казнями Петръ не совсѣмъ уничтожилъ враговъ своихъ: ему пришлось неоднократно дѣлать то же. Какъ жестокъ и неумолимъ въ этомъ отношенiи былъ Петръ, можно видѣть изъ того, что онъ велѣлъ строить висѣлицы на плотахъ и пускалъ эти плоты съ висящими мертвыми тѣлами по теченiю рѣкъ, чтобы, такимъ образомъ, навести страхъ на всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, ослушниковъ царской власти. Не даромъ говорятъ, что, по жестокости нрава, разницы между Петромъ Великимъ и Иваномъ Грознымъ почти нѣтъ; но дѣло только въ томъ, что между ними есть разница въ причинахъ жестокой казни ихъ и цѣляхъ. Иванъ казнилъ потому, что любилъ проливать кровь человѣческую; онъ готовъ былъ лишить человѣка жизни, если этотъ человѣкъ ему лично не понравился. Петръ, наоборотъ, всегда казнилъ за дѣло и имѣлъ въ виду не свою пользу, а пользу всей Россiи. Онъ видѣлъ, что съ невѣжественными и въ то же время дерзкими ослушниками ничего добромъ сдѣлать нельзя, а потому прибѣгалъ къ страшнымъ

мѣрамъ; не будь Петръ до жестокости твердъ и настойчивъ, ему помѣшали бы непремѣнно осуществить тѣ полезныя для Россіи дѣла, которыя мы сейчасъ увидимъ.

III.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Петра изъ-за границы всѣ были внѣ себя отъ удивленія отъ тѣхъ порядковъ, которые сталъ вводить государь. Дѣло началось слѣдующимъ образомъ: по обыкновенію, знатнѣйшіе бояре въ какой-то праздникъ собрались во дворецъ на поклонъ государю, который вышелъ къ нимъ съ ножницами въ рукахъ и сталъ одному за другимъ вырѣзывать клочки волосъ изъ бороды. Бояре были въ изумленіи отъ подобнаго рода поступка, но не смѣли противорѣчить государю и покорялись его волѣ. Черезъ нѣсколько дней на пиру, данномъ Лефортомъ, повторилось то-же самое. Царь не удовольствовался шутками надъ бородою: онъ сталъ преслѣдовать и древнюю русскую одежду. Одежда эта отличалась красотою и у зажиточныхъ богатствомъ, но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы была вполнѣ удобною. Она была длинна, доходила почти до пятъ, вслѣдствіе чего затрудняла хожденіе; рукава въ длину иногда достигали до трехъ аршинъ и такимъ образомъ сильно затрудняли всякую ручную работу. Петръ велѣлъ своимъ шутамъ отрѣзать куски полъ и рукавовъ, иногда приказывалъ боярину, одѣтому по такому образцу, становиться на колѣни и ту часть длиннаго кафтана, которая при этомъ опускалась на полъ, велѣлъ отрѣзать, укорачивая такимъ образомъ одежду.

Что же значили такіе поступки Петра? Неужели они были пустою прихотью со стороны человѣка образованнаго, умнаго? Неужели Петръ, самъ обрившій лицо по иностранному обычаю и одѣвшійся въ нѣмецкій сюртукъ, треугольную шляпу и ботфорты или башмаки, хотѣлъ свои вкусы насчетъ внѣшняго вида навязать всѣмъ? Не было ли это признакомъ безумія государя?

которой, впрочемъ, генералъ Гордонъ разбилъ бунтовщиковъ и переловилъ ихъ. Человѣкъ 50 зачинщиковъ были повѣшены. Когда объ этомъ донесли царю, то послѣдній писалъ изъ-за границы, чтобы слѣдствіе сдѣлать какъ можно построже. Казнили еще человѣкъ 70. Наконецъ воротился самъ Петръ и объявилъ, что снова разслѣдуетъ дѣло, казнитъ всѣхъ виновныхъ и, такимъ образомъ, на будущее время избавитъ Россію отъ возмутителей. Болѣе 1700 человѣкъ были заключены въ тюрьму и почти всѣ казнены черезъ отсѣченіе головы или повѣшеніе. Вѣшали обыкновенно на зубчатыхъ стѣнахъ Кремля, и казненныхъ въ это время было столько, что въ Москвѣ даже образовалась поговорка: „Что ни зубецъ, то виситъ стрѣлецъ". Узнавъ изъ дѣла, что заключенная въ монастырь Софія тоже возбуждала стрѣльцовъ къ мятежу и мечтала о вступленіи на престолъ, Петръ велѣлъ передъ окномъ ея кельи повѣсить нѣсколько зачинщиковъ и воткнуть повѣшеннымъ въ ротъ бумаги, на подобіе прошеній, въ которыхъ значилось, что желаютъ, чтобы Софія управляла на мѣсто Петра. Однако, этими казнями Петръ не совсѣмъ уничтожилъ враговъ своихъ: ему пришлось неоднократно дѣлать то же. Какъ жестокъ и неумолимъ въ этомъ отношеніи былъ Петръ, можно видѣть изъ того, что онъ велѣлъ строить висѣлицы на плотахъ и пускалъ эти плоты съ висящими мертвыми тѣлами по теченію рѣкъ, чтобы, такимъ образомъ, навести страхъ на всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, ослушниковъ царской власти. Не даромъ говорятъ, что, по жестокости нрава, разницы между Петромъ Великимъ и Иваномъ Грознымъ почти нѣтъ; но дѣло только въ томъ, что между ними есть разница въ причинахъ жестокой казни ихъ и цѣляхъ. Иванъ казнилъ потому, что любилъ проливать кровь человѣческую; онъ готовъ былъ лишить человѣка жизни, если этотъ человѣкъ ему лично не понравился. Петръ, наоборотъ, всегда казнилъ за дѣло и имѣлъ въ виду не свою пользу, а пользу всей Россіи. Онъ видѣлъ, что съ невѣжественными и въ то же время дерзкими ослушниками ничего добромъ сдѣлать нельзя, а потому прибѣгалъ къ страшнымъ

мѣрамъ; не будь Петръ до жестокости твердъ и настойчивъ, ему помѣшали бы непремѣнно осуществить тѣ полезныя для Россіи дѣла, которыя мы сейчасъ увидимъ.

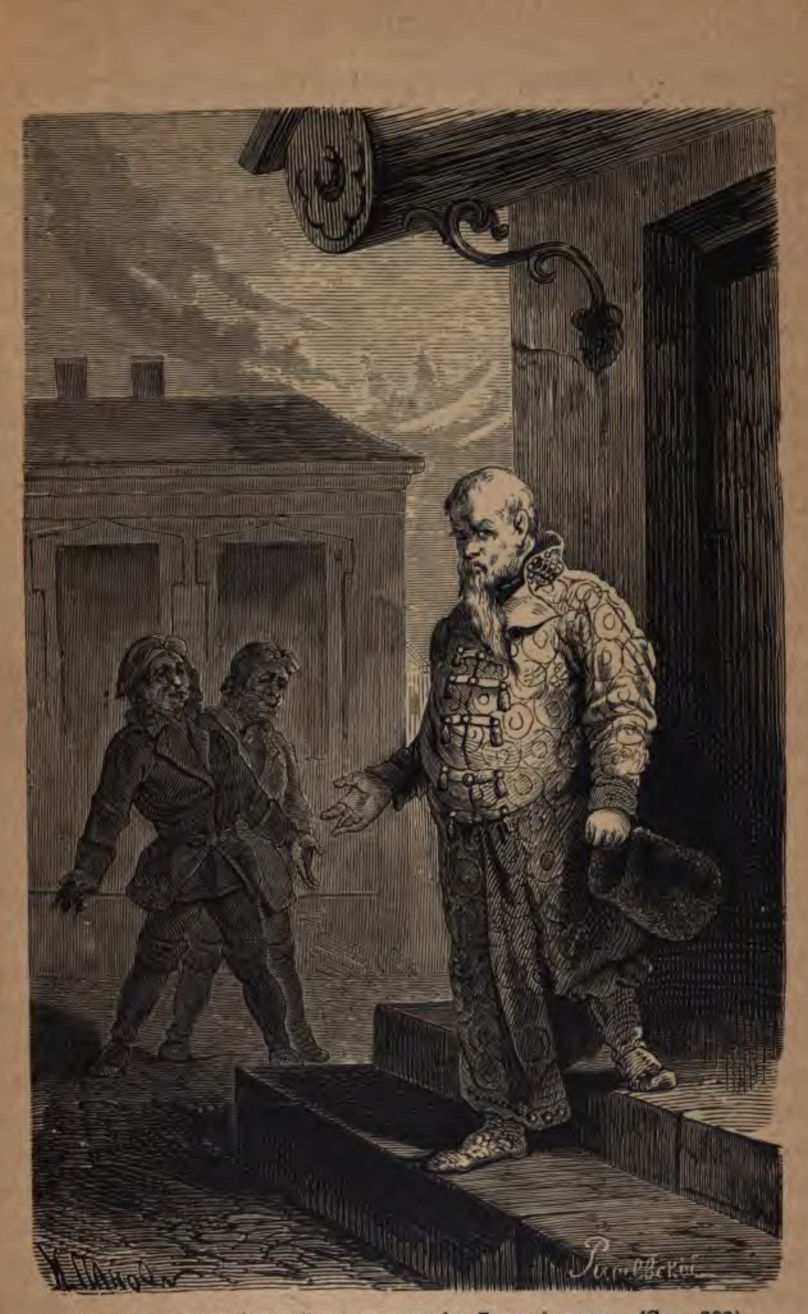
III.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Петра изъ-за границы всѣ были внѣ себя отъ удивленія отъ тѣхъ порядковъ, которые сталъ вводить государь. Дѣло началось слѣдующимъ образомъ: по обыкновенію, знатнѣйшіе бояре въ какой-то праздникъ собрались во дворецъ на поклонъ государю, который вышелъ къ нимъ съ ножницами въ рукахъ и сталъ одному за другимъ вырѣзывать клочки волосъ изъ бороды. Бояре были въ изумленіи отъ подобнаго рода поступка, но не смѣли противорѣчить государю и покорялись его волѣ. Черезъ нѣсколько дней на пиру, данномъ Лефортомъ, повторилось то-же самое. Царь не удовольствовался шутками надъ бородою: онъ сталъ преслѣдовать и древнюю русскую одежду. Одежда эта отличалась красотою и у зажиточныхъ богатствомъ, но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы была вполнѣ удобною. Она была длинна, доходила почти до пятъ, вслѣдствіе чего затрудняла хожденіе; рукава въ длину иногда достигали до трехъ аршинъ и такимъ образомъ сильно затрудняли всякую ручную работу. Петръ велѣлъ своимъ шутамъ отрѣзать куски полъ и рукавовъ, иногда приказывалъ боярину, одѣтому по такому образцу, становиться на колѣни и ту часть длиннаго кафтана, которая при этомъ опускалась на полъ, велѣлъ отрѣзать, укорачивая такимъ образомъ одежду.

Что же значили такіе поступки Петра? Неужели они были пустою прихотью со стороны человѣка образованнаго, умнаго? Неужели Петръ, самъ обрившій лицо по иностранному обычаю и одѣвшійся въ нѣмецкій сюртукъ, треугольную шляпу и ботфорты или башмаки, хотѣлъ свои вкусы насчетъ внѣшняго вида навязать всѣмъ? Не было ли это признакомъ безумія государя?

Какъ ни странны, однако, эти требованія Петра, тѣмъ не менѣе они имѣли свой смыслъ. Петръ ясно видѣлъ, побывавъ за границею, что тамъ люди гораздо образованнѣе, что, слѣдовательно, русскимъ слѣдовало бы многому научиться у своихъ сосѣдей. Между тѣмъ, русскіе отъ этого отказывались и смотрѣли на иностранцевъ, какъ на еретиковъ, отъ которыхъ ничего заимствовать нельзя. Петръ хотѣлъ уничтожить, хотя бы насильно, этотъ предразсудокъ и потому хотѣлъ, чтобы русскіе даже по внѣшнему виду походили на другихъ европейцевъ. Русскіе очень дорожили своею одеждою, и царь хотѣлъ доказать имъ, что смѣшно и неразумно отказываться подражать тѣмъ, которые дѣлаютъ то или другое дѣло лучше, чѣмъ мы.

Если русскіе дорожили своею одеждою, то еще болѣе они придавали значенія своей бородѣ. Даже самъ патріархъ былъ въ страшномъ недоумѣніи, узнавъ, что царь ведетъ войну съ бородами. Патріархъ Адріанъ по этому поводу говорилъ проповѣдь, въ которой было убѣждалъ своихъ слушателей не слушаться царя и оставаться съ бородами. Невѣжественный начальникъ русской церкви говорилъ: „Оставьте еретическій обычай брить и подстригать бороды, потому что самъ Спаситель, св. апостолы и великіе пророки хранили ее, какъ даръ Божій. Неужели вы, о, беззаконники, считаете красотою брить бороды, а оставлять одни усы? Вѣдь такъ сотворены Богомъ коты и псы, а не люди. Неужели хотите уподобиться безсловеснымъ скотамъ или противнымъ иностранцамъ, которые, благодаря своему безобразному обычаю бриться, похожи на обезьянъ? Вѣдь бритье бороды—это грѣхъ смертный! Посмотрите на картину страшнаго суда: не видите-ли одесную Христа праведниковъ, украшенныхъ бородою, а ошую — невѣрныхъ еретиковъ-брадобритниковъ, съ одними усами, подобно котамъ и псамъ“. Далѣе патріархъ грозилъ, что безбородымъ не позволитъ причащаться и бывать у обѣдни. Но Петру сопротивляться было нельзя: онъ велѣлъ, и патріархъ долженъ былъ замолчать, долженъ былъ прекратить свою смѣшную рѣчь о



Бояринъ съ подрѣзанной, по приказанію Петра I, полою. (Стр. 232).



томъ, что Богъ велѣлъ отпускать бороду. Многіе послѣдовали примѣру царя и обрились сами, хотя нѣкоторые и очень сожалѣли о своихъ бородахъ. Другихъ царь велѣлъ обрить насильно. Одинъ русскій говорилъ, что онъ свою бороду, обритую по приказанію царя, носитъ въ карманѣ, а когда его спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ: „Затѣмъ, чтобы въ гробъ пойти съ бородою, и на страшномъ судѣ показать бороду Богу". Однако, и между духовными лицами были люди, сочувствующіе Петру. Такъ, напримѣръ, къ одному образованному епископу обратился разъ одинъ русскій съ слѣдующими словами: „Какъ ты, владыко, велишь? По указу царскому велятъ брить бороду, а по моему лучше пусть голову отсѣкутъ, а бороды не выдамъ". Епископъ отвѣчалъ: „Что отростетъ? голова-ли отсѣченная, или борода обритая? Такъ лучше не щадить бороды, чѣмъ терять голову".

Патріархъ Адріанъ много мѣшалъ Петру своимъ невѣжествомъ и упорствомъ, а потому послѣ его смерти Петръ повелѣлъ, чтобы вовсе не было патріарха, а чтобы церковными дѣлами управлялъ совѣтъ, состоящій изъ образованныхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ людей. Этотъ совѣтъ называется синодомъ.

Вообще Петръ всегда старался слѣдовать русской пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше", и потому веденіе различныхъ дѣлъ постоянно поручалъ коллегіямъ, т.-е. обществамъ, состоящимъ изъ нѣскольнихъ лицъ, которыя должны были рѣшать разные вопросы не иначе, какъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ. Была коллегія военная, торговая, горная и т. д. Главныхъ коллегій было двѣнадцать. Коллегіи засѣдали въ томъ зданіи, которое теперь составляетъ петербургскій университетъ. Зданіе это представляетъ собою какъ-бы двѣнадцать отдѣльныхъ домовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое; въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій засѣдала одна изъ коллегій. Вполнѣ сознавая, что человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и опытенъ, можетъ ошибаться, Петръ учредилъ сенатъ, члены котораго должны были ему помогать въ управленіи, совѣто-

вать, выполнять его порученія. Петръ всегда слушалъ совѣты другихъ и, если они оказывались разумными, принималъ; впрочемъ, бывали случаи, что, вслѣдствіе вспыльчивости своего характера, онъ иногда забывался и позволялъ себѣ грубо обращаться съ тѣми, которые ему указывали его ошибки. Тѣмъ не менѣе, пришедши въ себя, онъ всегда очень жалѣлъ о своей горячности и покорно извинялся передъ тѣми, которыхъ обидѣлъ въ минуту гнѣва. Вотъ, напримѣръ, интересный случай изъ жизни Петра. Однажды царь, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ сенаторовъ, велѣлъ, чтобы взять съ крестьянъ сосѣднихъ деревень по четверти муки, для прокормленія бѣднаго новгородскаго люда, которому угрожалъ голодъ. Долгорукаго по какимъ-то причинамъ не было въ томъ засѣданіи сената, когда разсуждали о сказанномъ дѣлѣ; но когда дѣло дошло до исполненія, то онъ преспокойно запечаталъ царскій указъ и не отослалъ его къ тому, кому слѣдовало, на томъ основаніи, что крестьяне, съ коихъ предполагалось собрать муку, сами были бѣдны и еле-еле могли пропитаться своими скудными плодами отъ земледѣлія. Царю донесли о дерзости Долгорукаго, и онъ, встрѣтивъ ослушника, бросился на послѣдняго съ поднятой рукой. „Вотъ грудь моя,—сказалъ Долгорукій,—убей; но кто изъ насъ будетъ правъ?“ Затѣмъ онъ объяснилъ царю, что брать съ бѣдныхъ крестьянъ невозможно, и взамѣнъ этого предложилъ доставить изъ своихъ богатыхъ житницъ требуемую муку, а также совѣтовалъ заставить и другихъ зажиточныхъ помѣщиковъ помочь голодающему новгородскому люду. Выслушавъ Долгорукова, Петръ обнялъ его и сердечно благодарилъ, какъ за добрый совѣтъ, такъ и за любовь къ крестьянамъ.

Ласковый и простой въ обращеніи со всѣми, не исключая и простолюдиновъ, Петръ былъ строгъ относительно тѣхъ, въ которыхъ видѣлъ лѣность и нерадѣніе въ исполненіи своихъ обязанностей. Но особенно онъ былъ суровъ относительно тѣхъ, которые брали взятки и рѣшали дѣла не въ пользу того, кто былъ правъ, а въ пользу того, кто больше далъ. Однажды

Петръ, разъѣзжая по городу, услыхалъ случайно, какъ два его лакея, которые постоянно его сопровождали, разговаривали другъ съ другомъ о богатомъ образѣ жизни одного чиновника. Петръ зналъ, что этотъ чиновникъ получалъ жалованье не особенно большое и своихъ имѣній не имѣлъ. Проѣзжая мимо дома этого чиновника, Петръ велѣлъ остановиться, вошелъ въ домъ и, убѣдившись въ его великолѣпіи, грозно спросилъ хозяина, откуда у него столько денегъ. Спрошенный чистосердечно сознался, и Петръ подвергнулъ его наказанію, но, однако, оставилъ при должности, такъ какъ этотъ чиновникъ былъ очень умный и дѣльный человѣкъ. Но не всегда дѣло тѣмъ кончалось: случалось, что взяточникамъ отсѣкали головы. Между чиновниками было много иностранцевъ, выписанныхъ изъ-за границы; но Петръ не давалъ имъ преимущества передъ русскими, и если находилъ между послѣдними людей способныхъ и ему преданныхъ, то возвышалъ ихъ и надѣлялъ несмѣтными богатствами. При этомъ онъ не обращалъ никакого вниманія на знатность. Случилось, напримѣръ, что одинъ боярскій сынъ посланъ былъ за границу учиться, но возвратился, ничего по лѣности не изучивши. Съ нимъ былъ слуга изъ калмыковъ, который не терялъ времени, проведеннаго за границею, и самъ собою сдѣлалъ большіе успѣхи. Петръ, который часто самъ экзаменовалъ молодыхъ людей, возвратившихся изъ-за границы, узналъ это и далъ калмыку очень видную должность, а его барина опредѣлилъ къ нему въ подчиненные. Одинъ изъ дѣльнѣйшихъ помощниковъ Петра былъ Меньшиковъ, выигравшій много сраженій; этотъ человѣкъ, говорятъ, въ дѣтствѣ занимался продажею пирожковъ на улицахъ Москвы. Другой помощникъ Петра, баронъ Шафировъ, былъ прежде приказчикомъ въ какой-то лавкѣ и, какъ человѣкъ способный, возвысился до баронскаго достоинства. Онъ неоднократно оказалъ большую пользу Россіи тѣмъ, что всегда велъ переговоры съ иностранными государями. Даже вторая супруга царя, Екатерина Скавронская, понравившаяся ему умомъ и красотою, происходила изъ крестьянскаго рода.

Русское войско должно было тоже подвергнуться значительнымъ реформамъ (измѣненіямъ). Прежнее войско почти никогда своему дѣлу не обучалось, сражалось вразсыпную, даже однообразнаго вооруженія не имѣло. Оружіе было довольно плохо, по крайней мѣрѣ, гораздо хуже, чѣмъ у другихъ западныхъ европейцевъ. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, даже раньше, былъ обычай нанимать на службу нѣмецкіе полки, которые составляли лучшую часть московскаго войска; но войско, состоявшее изъ русскихъ людей, всегда по вооруженію и по знанію своего дѣла уступало иностранцамъ. Между тѣмъ, Петръ нуждался въ хорошемъ войскѣ, такъ какъ ему предстояло вести войну съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ сосѣдей, именно со шведами. Швеція—въ настоящее время государство небольшое, но полтораста лѣтъ тому назадъ она была несравненно обширнѣе. Она распространялась не только къ сѣверу и къ западу отъ Балтійскаго моря, какъ теперь, но и держала подъ своею властью восточные берега. Эти берега, особенно близъ рѣки Невы, нѣкогда принадлежали русскимъ, но потомъ отняты шведами. Петръ задумалъ непремѣнно отнять древнее достояніе своего отечества. Хотя мѣстность эта была болотиста, хотя рѣдкое ея народонаселеніе было страшно бѣдно, тѣмъ не менѣе Петръ рѣшился не пощадить русской крови для того, чтобы добыть этотъ клочокъ земли. Его манила близость Балтійскаго моря. Мы уже видѣли, что тогдашняя Россія прилегала лишь къ Каспійскому и Бѣлому морямъ; но первое, какъ закрытое, не могло служить средствомъ къ сообщенію съ европейскими народами; второе, какъ очень сѣверное, бо̀льшую часть года было покрыто льдомъ, а потому не особенно удобно было прямо сообщаться съ Германіей, Голландіей и Англіей, т.-е. съ тѣми странами, которыя больше всего полюбились царю Петру и откуда онъ заимствовалъ порядки, вводимые въ Россію. Петръ говаривалъ, что Россія безъ гавани на Балтійскомъ морѣ будетъ похожа на домъ безъ оконъ, куда не можетъ проникнуть солнечный свѣтъ, т.-е. европейское просвѣщеніе. Поэтому „прорубить окно въ Европу“, т.-е.

пріобрѣсти гавани на Балтійскомъ берегу, Петръ считалъ дѣломъ первой важности. Но безъ войны нельзя было этого достигнуть, и потому Петръ, заключивъ союзъ съ королями польскимъ и датскимъ, объявилъ войну шведамъ.

Шведскій король Карлъ XII былъ очень храбръ, войско у него было образцовое. Несмотря на то, что и русское войско Петръ старался обучать на иностранный манеръ, оно еще не привыкло къ новымъ порядкамъ: плохо пока обращалось съ новымъ оружіемъ, не свыклось съ новою одеждою. Начало войны было крайне неблагопріятно для русскихъ: при городѣ Нарвѣ шведы ихъ окончательно разбили, и Карлъ XII, полагая, что у Петра послѣ этого совсѣмъ ужъ силы не осталось, ушелъ воевать съ поляками. Многіе совѣтовали Петру просить мира у шведскаго короля и говорили, что въ противномъ случаѣ Россіи придется испытать много бѣдствій.

Но все это не поколебало Петра, который рѣшился продолжать войну во что бы то ни стало. Пока Карлъ воевалъ въ Польшѣ, онъ составлялъ новыя войска, обучалъ ихъ, вооружалъ. Не стало у Петра пушекъ, и Петръ велѣлъ взять по нѣскольку колоколовъ изъ церквей и монастырей и перелить ихъ въ пушки; не стало денегъ — и онъ увеличилъ подати и налоги, велѣлъ богатымъ церквамъ и монастырямъ доставить въ казну часть своихъ доходовъ. Много было ропоту противъ Петра: духовенство говорило, что онъ не уважаетъ святой вѣры; народъ—что онъ притѣснитель; но Петръ отвѣчалъ всѣмъ, что для пользы отечества нечего жалѣть отдѣльныхъ личностей, что брать изъ монастырей колокола и деньги, не для того, чтобы удовлетворить своей прихоти, а для того, чтобы доставить счастіе и могущество Россіи,—дѣло похвальное и необходимое. „Можетъ быть, — отвѣчалъ Петръ тѣмъ, которые боялись новыхъ бѣдствій отъ войны со шведами, — господа шведы побѣдятъ насъ еще разъ-другой, но въ концѣ-концовъ и насъ научатъ побѣждать“. Вездѣ на Руси кипѣла работа, и, казалось, во всѣхъ дѣлахъ принималъ участіе самъ царь. Онъ леталъ съ одного конца Россіи въ другой: здѣсь судилъ ви-

новнаго; тамъ показывалъ, какъ лить пушки; въ третьемъ мѣстѣ съ картою въ рукахъ помогалъ воздвигать укрѣпленія; въ четвертомъ надсматривалъ за работниками, строящими суда. Онъ не имѣлъ ни минуты покоя, отбросилъ всякую пышность, питался обыкновенною пищею, работалъ больше всѣхъ.

Вотъ ужъ часть войска была готова, и Петръ послалъ ее брать шведскіе города на берегахъ рѣки Невы. Часто онъ самъ пріѣзжалъ къ войску и, показывая чудеса храбрости, воодушевлялъ своихъ солдатъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, была шведская крѣпость Нотебургъ. Петръ самъ распоряжался осадою этой крѣпости и взялъ ее. Онъ переименовалъ ее въ Шлиссельбургъ. Оттуда съ войскомъ онъ двинулся дальше на западъ по теченію Невы и взялъ другую крѣпость Ніеншанцъ, находившуюся на рѣчкѣ Охтѣ, значитъ въ восточной части теперешняго Петербурга. Отъ плѣнныхъ шведовъ Петръ узналъ, что черезъ нѣсколько времени въ Неву должны войти два шведскихъ корабля съ разными военными и съѣстными запасами для Ніеншанца. Онъ узналъ, что корабли, приблизившись къ устью Невы, должны сдѣлать два выстрѣла, чтобы дать о себѣ знать жителямъ Ніеншанца. Въ отвѣтъ на это должны изъ крѣпости тоже два раза выстрѣлить изъ пушекъ въ знакъ того, что входъ въ Неву безопасенъ. И въ самомъ дѣлѣ, шведы, ничего не зная о судьбѣ Ніеншанца, вечеромъ подъѣхали; послѣдовали условные выстрѣлы, Петръ велѣлъ отвѣчать тѣмъ же. Шведы еще болѣе увѣрились въ безопасности, но такъ какъ уже было поздно, то къ Ніеншанцу не пошли, а стали на якорѣ близъ Васильевскаго острова и на утро думали продолжать путь. Петръ велѣлъ изготовить нѣсколько лодокъ, выбралъ кучку храбрыхъ солдатъ и, когда совершенно стемнѣло, пустился въ путь. Съ ними былъ и Меньшиковъ. Русскіе плыли молча, гребцамъ велѣно было стараться не производить шума веслами, чтобы не обратить на себя вниманія непріятелей. Русскіе счастливо доплыли до непріятельскихъ кораблей, никѣмъ незамѣченные, и бросились на приступъ. Шведы проснулись, но слишкомъ

поздно: они выстрѣлили изъ пушекъ и ружей, убили нѣкоторыхъ нападающихъ, но Петръ и Меньшиковъ уже были на палубѣ одного изъ кораблей, рубили и убивали удивленныхъ и оробѣлыхъ матросовъ. Русскіе солдаты послѣдовали примѣру своего царя, и корабли, наконецъ, были взяты. Эта побѣда, одержанная благодаря уму и храбрости Петра, была первою побѣдою русскихъ на морѣ.

Немедленно послѣ этой удачи Петръ принялся закладывать городъ при устьяхъ Невы. Начали съ крѣпости, которая была заложена на Петро-Павловскомъ островѣ самимъ царемъ и, въ присутствіи находящагося здѣсь войска и рабочихъ, торжественно освящена духовенствомъ. Въ крѣпости построили соборъ. Недалеко отъ нея, на Петербургской сторонѣ, въ маленькомъ домикѣ о двухъ комнатахъ, меблированныхъ весьма бѣдно, жилъ самъ царь. Домикъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени. Затѣмъ постройки стали воздвигаться и по другую сторону рѣки, и на Васильевскомъ островѣ. Адмиралтейство построено Петромъ для разныхъ надобностей флота; на Васильевскомъ островѣ скоро возникли большіе дома Меньшикова и другихъ вельможъ. Нечего и говорить, что дома эти были гораздо великолѣпнѣе царскаго жилища. Здѣсь же построено было зданіе для двѣнадцати коллегій (теперешній университетъ). Конечно, во времена Петра Санктпетербургъ (т.-е. городъ св. Петра) занималъ только частичку теперешняго; въ немъ жителей было не 700,000, какъ теперь, а только 40,000; но Петру полюбился этотъ приморскій городъ, и потому онъ сдѣлалъ его своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства. Съ тѣхъ поръ Москва перестала быть столицею Россіи. Но постройка новаго города дорого стоила Россіи: нужно было засыпать многія болота, прорыть многіе каналы. Цѣлыя десятки тысячъ рабочихъ трудились надъ этимъ дѣломъ, и значительная часть ихъ умирала отъ тяжести работъ, отъ нездороваго климата, даже отъ голода, потому что съѣстные припасы, по случаю войны, доставлялись неаккуратно. Постройка Петербурга производилась не спокойно, а, такъ сказать, подъ выстрѣлами

непріятеля, который и съ суши, и съ моря неоднократно пытался завладѣть невскими островами, но всегда безуспѣшно. Почти вмѣстѣ съ Петербургомъ явился и сильный русскій флотъ. Суда строились въ городкѣ Лодейное Поле и спускались въ море по рѣкѣ Свири, по Ладожскому озеру и потомъ по рѣкѣ Невѣ. Этому новому флоту предстояло выдержать не одну страшную битву со шведами. Чтобы не допускать послѣднихъ къ Петербургу съ моря, Петръ укрѣпилъ островъ Котлинъ, назвавъ его Кронштадтомъ. Котлинъ продолговатый островокъ, лежитъ поперекъ узкаго залива и по обѣ стороны оставляетъ узкій проходъ для кораблей. Петръ сообразилъ, что если на немъ поставить пушки, то онѣ могутъ не пропускать непріятеля проникнуть черезъ проливъ и помѣшать ему, такимъ образомъ, дойти до Петербурга. Вскорѣ Котлинъ сталъ неприступною крѣпостью, а на пространствѣ между нимъ и Петербургомъ развѣвались флаги нѣсколькихъ десятковъ кораблей, построенныхъ въ Лодейномъ Полѣ. И другіе народы стали посѣщать Петербургъ и торговать въ немъ. Первымъ пришелъ голландскій корабль съ грузомъ вина и соли. Петръ былъ въ восторгѣ отъ его пришествія, самъ выѣхалъ къ нему на-встрѣчу, богато одаривъ и капитана, и матросовъ.

Несмотря на побѣды близъ Невы, война не прекращалась. Карлъ XII, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Польшѣ, гдѣ онъ прославился своими побѣдами, вошелъ опять въ Россію, объявивъ, что уничтожитъ царя московскаго. Онъ двинулся въ Малороссію и при городѣ Полтавѣ встрѣтилъ русское войско, предводимое самимъ Петромъ. Минута была рѣшительная: отъ нея могла зависѣть вся будущая судьба Россіи. Петръ ободрялъ свои войска, которыя, побывавъ подъ Нотебургомъ, Ніеншанцемъ и въ другихъ сраженіяхъ, меньше уже боялись шведовъ, чѣмъ прежде. Во время сраженія, весьма кровопролитнаго, Петръ, по обыкновенію, не щадилъ жизни. Треугольная шляпа, надѣтая на его голову, была прострѣлена. Не даромъ онъ еще до полтавской битвы говорилъ и писалъ: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только



Нападеніе Петра Великаго на шведскіе корабли близъ Васильевскаго Острова. (Стр. 240).

въ счастіи и благоденствіи Россіи". Битва кончилась самымъ благопріятнымъ для насъ образомъ: нѣсколько тысячъ шведовъ попалось въ плѣнъ вмѣстѣ со многими генералами, а Карлъ XII, раненый въ ногу, поспѣшно бѣжалъ съ остальными своими солдатами. Блистательный пиръ данъ былъ Петромъ по этому поводу; приглашеніе получили и плѣнные генералы. Петръ предложилъ тостъ за здоровье своихъ учителей, а когда его тутъ же спросили, кто эти учители, онъ отвѣчалъ: „Вы, господа шведы; вы научили насъ побѣждать!"

Велика была радость Петра по случаю полтавской побѣды, но еще болѣе возрадовался онъ, а съ нимъ и вся Россія тогда, когда получилось извѣстіе о заключеніи мира съ Швеціею, которая уступила своему побѣдителю земли у Финскаго и Рижскаго заливовъ. Послѣ заключенія мира Петръ на небольшомъ катерѣ съ тремя пушками, изъ которыхъ постоянно стрѣляли, пріѣхалъ въ Петербургъ, помолился въ соборѣ и затѣмъ объявилъ на площади народу, что двадцать-одинъ годъ продолжавшаяся война кончена со славою и пользою для отечества. Затѣмъ поставлены были на площади бочки съ виномъ и пивомъ, и радостный народъ вмѣстѣ со своимъ царемъ пировалъ до поздней ночи. Между тѣмъ, сенатъ просилъ Петра принять титулъ императора, который съ тѣхъ поръ русскими государями употребляется рядомъ съ титуломъ царя.

Праздники по поводу заключенія мира перешли изъ Петербурга въ Москву. Петръ рѣшился удивить свою старую столицу необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Онъ велѣлъ сдѣлать корабли изъ легкихъ досокъ, поставить ихъ на полозья, распустить паруса и совершить, такимъ образомъ, прогулку флота по покрытымъ снѣгомъ улицамъ Москвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ устроенъ былъ уличный маскарадъ, въ которомъ принимали участіе царь, царица и всѣ придворные. Впереди всѣхъ ѣхалъ бояринъ Ромодановскій, „предсѣдатель всепьянѣйшей коллегіи", въ длинномъ красномъ плащѣ. За нимъ верхомъ на волахъ и коровахъ слѣдовали другіе, одѣтые тоже самымъ разнообразнымъ способомъ; потомъ тянулась процессія на свиньяхъ,

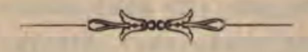
ручныхъ медвѣдяхъ, ослахъ, собакахъ. Самъ царь былъ на маленькомъ кораблѣ, двигавшемся на полозьяхъ, на которомъ матросами явились восьмилѣтніе и девятилѣтніе мальчики. Вообще Петръ былъ охотникомъ попировать и повеселиться, но никогда ради этого не забывалъ дѣла; онъ стоялъ за пирушки веселыя, но пышности и роскоши не любилъ; самъ жилъ просто, одѣвался просто, и когда одинъ иностранецъ предложилъ ему купить большой алмазъ, стоившій чрезвычайно дорого, то царь отвѣчалъ, что онъ не станетъ тратить трудовыхъ денегъ своего народа на покупку пустяковъ.

Замѣчательную вещь представляли собою введенныя Петромъ ассамблеи, т.-е. собранія или вечера у знатныхъ придворныхъ или бояръ. До Петра женщинъ на Руси никогда въ общество не допускали, а держали взаперти; даже женихъ и невѣста обыкновенно не видались другъ съ другомъ до свадьбы ни разу, а все устраивалось исключительно по волѣ родителей. При такихъ условіяхъ, понятно, должны были часто случаться вполнѣ несчастныя супружества: мужъ ненавидѣлъ навязанную ему другими жену и наоборотъ. Петръ порѣшилъ, что нужно разрушить этотъ варварскій обычай, а потому издалъ указъ, чтобы молодые люди непремѣнно лично знали другъ друга и чтобы за шесть недѣль до свадьбы было непремѣнно обрученіе, послѣ котораго дѣло еще можетъ разстроиться, если этого пожелаетъ женихъ или невѣста. Чтобы уничтожить обычай затворничества женщинъ, по крайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ, Петръ приказалъ боярамъ посѣщать ассамблеи вмѣстѣ съ женами и дочерьми. Сначала дѣло не ладилось: женщины сядутъ въ одномъ углу, молодые люди—въ другомъ и ни слова не проронятъ другъ другу; но потомъ общество мало-по-малу попривыкло и старалось, вмѣстѣ съ Петромъ, поддерживать общій разговоръ, танцы, игры.

Всю жизнь работалъ Петръ на пользу Россіи, и хотя подчасъ отъ его затѣй приходилось народу тяжеленько, но плодъ отъ нихъ всегда былъ хорошъ. Петръ казнилъ цѣлыя тысячи своихъ подданныхъ, но этимъ устрашилъ всѣхъ враговъ про-

свѣщенія, мѣшавшихъ ему преобразовать Россію; онъ пролилъ много крови и слезъ народа въ шведскую войну и при построеніи Петербурга, но зато навсегда соединилъ Россію съ Европою. И умеръ этотъ человѣкъ оттого, что бросился въ воду спасать русскихъ людей. Петръ былъ однажды на Лахтѣ (близъ Петербурга) и съ берега увидѣлъ, что бурное море угрожаетъ потопить большую лодку, въ которой находились двадцать солдатъ. Лодка стояла уже на мели. Петръ послалъ на помощь, но видя, что дѣло идетъ не особенно скоро, онъ самъ бросился въ лодку, пустился къ погибающимъ, спрыгнулъ съ лодки въ воду и спасъ тѣхъ, которымъ грозила опасность. Но это было въ ноябрѣ, а потому жестокая простуда свела государя въ постель, между тѣмъ, какъ дѣла, которыхъ онъ не любилъ оставлять, были причиною того, что Петръ не берегъ и теперь своего здоровья. Утромъ 28 января 1725 года великій царь-работникъ разстался съ жизнью. За нѣсколько часовъ до смерти онъ слабымъ голосомъ сказалъ окружавшимъ его слѣдующія достойныя слова: „Изъ меня познайте, сколь бѣдное созданіе есть человѣкъ“.

Каждый житель Петербурга, вѣроятно, присматривался къ исполинскому памятнику, воздвигнутому Петру императрицею Екатериною II. На высокомъ скалистомъ холмѣ изображенъ Петръ скачущимъ на конѣ, съ повелительно поднятою рукою. Конь его давитъ громаднаго змѣя, какъ бы въ знакъ того, что Петръ Великій былъ первымъ, рѣшившимся раздавить невѣжество — самаго страшнаго змѣя, отъ котораго долго страдала Россія.



ПРАВЛЕНІЕ ВРЕМЕНЩИКОВЪ.

I.

Порядки, заведенные Петромъ Великимъ въ Россіи, многимъ не нравились. Поэтому и самъ великій царь-работникъ и его друзья имѣли много недоброжелателей, которые не прочь были воротить старые обычаи, прогнать иностранцевъ, отростить бороды, оставить Петербургъ и жить по прежнему. При жизни Петра Великаго эти недоброжелатели рѣдко осмѣливались обнаруживать свои мысли и желанія, потому что боялись царскаго гнѣва,—гнѣва неукротимаго. Смирно они сидѣли въ правленіе его супруги Екатерины I, но уже подняли голову въ царствованіе малолѣтняго Петрова внука—Петра II. Князья Долгорукіе управляли вмѣсто маленькаго императора Петра, какъ нѣкогда Шуйскіе, Бѣльскіе и Глинскіе стояли во главѣ государства во время дѣтства Іоанна IV. Долгорукіе и ихъ партія (т.-е. вельможи, которые имъ сочувствовали) носили названіе „верховниковъ", людей верховныхъ, правительствующихъ. Казалось, что дѣла верховниковъ шли очень хорошо, что молодой императоръ ихъ слушался во всемъ, что онъ уже намѣревался жениться на одной изъ княженъ Долгорукихъ, какъ вдругъ неожиданное событіе разстроило на время ихъ честолюбивые планы: молодой Петръ II простудился на охотѣ, слегъ въ постель и скончался въ 1730 году.

Кому теперь быть на царствѣ? Послѣ Петра Великаго оставалась дочь Елисавета, и престолъ законнымъ порядкомъ долженъ былъ перейти къ ней; но верховники, не любя Петра, нелюбовь свою перенесли и на его дѣтей и потому рѣшились возвести племянницу Петра великаго, Анну, дочь его старшаго брата Іоанна, которая въ тоже время была герцогинею курляндскою и жила въ городѣ Митавѣ. Но, избирая ее на престолъ, верховники позаботились о томъ, чтобы не потерять и своего прежняго значенія. Они хотѣли устроить дѣла такъ, чтобы Анна Іоанновна оставалась императрицею только по имени, а они бы сами по прежнему правили государствомъ. Верховникамъ казалось, что достигнуть этого нетрудно, такъ какъ Анна не отличалась большими способностями. Верховники, во главѣ которыхъ стоялъ Василій Лукичъ Долгорукій, отправляютъ посольство въ Митаву къ Аннѣ и предлагаютъ ей русскую императорскую корону, но съ условіемъ, что она должна жить въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, и должна рѣшать всѣ государственныя дѣла не по своей волѣ, а по совѣту верховниковъ. Слѣдовательно, Долгорукіе и ихъ единомышленники хотѣли ограничить императорскую власть и прибрать всѣ дѣла въ свои руки. Но друзья Петра Великаго вовсе не имѣли желанія повиноваться Долгорукимъ и не хотѣли, чтобы реформы великаго царя-работника и его труды пропали даромъ. Долгорукіе очень хорошо знали это и потому по дорогѣ къ Митавѣ разставили своихъ людей, чтобы никого изъ постороннихъ не допустить до будущей императрицы. Планъ Долгорукихъ удался: Анна приняла предложеніе, согласилась на ограничивающія ея самостоятельность условія и отправилась изъ Митавы въ Москву. Тутъ ее встрѣтилъ Василій Лукичъ Долгорукій, устроилъ ей торжественный пріемъ, проводилъ во дворецъ, но и самъ во дворцѣ остался, приказавъ строго-на-строго не допускать до императрицы безъ его позволенія. Разумѣется, онъ боялся, чтобы кто-нибудь изъ его противниковъ не завелъ сношеній съ императрицей и не надоумилъ ее избавиться отъ временщиковъ и ихъ условій, ко-

торыя вовсе не нравились другимъ русскимъ. Однако предосторожности Василія Лукича полнаго успѣха не имѣли: одно изъ знатныхъ духовныхъ лицъ прислало Аннѣ въ подарокъ дорогіе столовые часы, внутри которыхъ императрица нашла прошеніе объ уничтоженіи условій и удаленіи Долгорукихъ. Анна очень любила маленькаго ребенка одного изъ своихъ придворныхъ, часто ласкала его, брала въ свою спальню и неоднократно находила въ одеждѣ этого ребенка, котораго къ ней приносили ежедневно, письма такого содержанія, какъ и то, которое было найдено въ часахъ. Но вотъ однажды, послѣ возвращенія императрицы отъ обѣдни изъ Успенскаго собора, ей доложили, что много офицеровъ, дворянъ и разныхъ чиновниковъ просятъ позволенія подать ей прошеніе. Анна велѣла ихъ пустить въ одну изъ залъ дворца и сама къ нимъ вышла. Ее сопровождалъ, по обыкновенію, Василій Лукичъ Долгорукій. Просители, во главѣ которыхъ были князь Трубецкой и князь Черкасскій, подали ей челобитную (прошеніе) и тутъ же объяснили, что они, а вмѣстѣ съ ними и вся Россія, желаютъ, чтобы Анна правила неограниченно; что условія, подписанныя ею, суть не иное что, какъ выдумка нѣкоторыхъ честолюбцевъ, желающихъ своей, а не народной пользы. Выслушавъ рѣчи Трубецкого и Черкасскаго, императрица обратилась къ Долгорукому и сказала: „Такъ это не было желаніе народа, чтобы я подписала ограниченіе императорской власти? Стало быть ты, Василій Лукичъ, обманулъ меня?“ Она велѣла подать себѣ бумагу съ подписанными условіями и тутъ же ее разорвала, объявивъ, что будетъ править самодержавно, какъ ея предшественники.

Нечего и говорить о томъ, что Долгорукіе и другіе верховники немедленно были удалены отъ двора. Анна стала ихъ ненавидѣть, а тѣ люди, которыхъ они преслѣдовали во время своей власти и силы, теперь поставили своею задачею отмстить имъ. Главнѣйшихъ верховниковъ, преимущественно Долгорукихъ, сослали и потомъ постоянно слѣдили за ними. Семейство Долгорукихъ поселено было въ Сибири, но потомъ,

черезъ девять лѣтъ, четверо изъ Долгорукихъ, въ томъ числѣ и Василій Лукичъ, были привезены въ Петербургъ и тутъ заключены въ крѣпость. Ихъ подозрѣвали въ заговорѣ противъ императрицы и подвергли пыткѣ. Въ началѣ и половинѣ прошлаго столѣтія этотъ безчеловѣчный обычай былъ въ большомъ ходу въ Россіи. Онъ состоялъ въ томъ, что виновнаго или подозрѣваемаго человѣка подвергали разнымъ мученіямъ съ цѣлью вытребовать у него признаніе. Разумѣется, что весьма часто и невинные люди, не могшіе выносить страданій, наговаривали на себя и на другихъ совсѣмъ неосновательно. Не даромъ императрица Екатерина II, уничтожившая въ Россіи варварскій обычай пытки, говаривала, что послѣдняя не только не помогаетъ истинѣ, а напротивъ мѣшаетъ ей. Справедливость этого мнѣнія оправдалась и теперь: Долгорукіе во время мученій признались въ заговорѣ, котораго они никогда не составляли, и были казнены смертью. Вотъ какова была судьба могущественныхъ временщиковъ, правившихъ почти самодержавно въ послѣдніе годы царствованія Петра II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны.

II.

Большую часть своей жизни до вступленія на русскій престолъ императрица Анна провела въ Митавѣ, въ средѣ нѣмцевъ, которыхъ очень любила. Многіе изъ ея прежнихъ придворныхъ послѣдовали за нею въ Россію, поселились въ Петербургѣ, куда переѣхала и Анна, и заняли высшія должности въ государствѣ. Со временъ Петра Великаго много было иностранцевъ въ Россіи, но они не пользовались большимъ вліяніемъ. Петръ хотѣлъ, чтобы они обучили русскихъ всякимъ искусствамъ, наукамъ и ремесламъ, и всегда отдавалъ первенство образованному русскому передъ чужеземцемъ, зная, что первому благо Россіи всегда ближе къ сердцу и что послѣдніе пріѣзжали въ Россію только изъ-за хорошаго жалованья. Но при Аннѣ Іоанновнѣ на иностранцевъ смотрѣли иначе: императрица отдавала имъ высшія должности, потому что къ

нимъ привыкла; она думала, что между русскими нѣтъ способныхъ людей, хотя въ то время уже многіе отличались образованіемъ, да притомъ, смущенная на первыхъ порахъ послѣ пріѣзда въ Россію интригою верховниковъ, она стала недовѣрять русскимъ вельможамъ. И вотъ, едва только Анна переѣхала въ Петербургъ, какъ ее окружили иностранцы. Немедленно Остерманъ назначенъ былъ главнымъ лицомъ для сношеній съ иностранными государями; Минихъ сталъ главнокомандующимъ русской арміей; Биронъ сталъ надсматривать за судомъ, сборомъ податей, управленіемъ областей. Въ числѣ министровъ, безъ помощи которыхъ Анна никакихъ дѣлъ не рѣшала, былъ только одинъ русскій, именно Волынскій. Остерманъ и Минихъ были люди во всякомъ случаѣ умные. Что же касается Бирона, то этотъ былъ еле грамотенъ и развѣ своею пріятною наружностью да лестью и хитростью пріобрѣлъ такое значеніе, что сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ. Онъ жилъ прежде въ городѣ Кёнигсбергѣ, гдѣ попалъ въ тюрьму за уличную драку и убійство. Просидѣвъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ пошелъ искать счастья въ Митавѣ, поступилъ сначала конюхомъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, потомъ былъ произведенъ въ камергеры, потомъ сталъ получать одну должность за другой и уже въ Россіи сдѣлался первымъ министромъ; наконецъ вліяніемъ русскаго двора избранъ былъ курляндскимъ герцогомъ. Одинъ иностранецъ говаривалъ о немъ: „Биронъ говоритъ о лошадяхъ какъ умный человѣкъ, но коль скоро заговоритъ о людяхъ — оказывается глупымъ, какъ лошадь“.

Добившись высокихъ почестей въ Россіи, онъ вызвалъ изъ Германіи свою многочисленную родню, роздалъ ей лучшія государственныя мѣста, платилъ богатое жалованье, позволялъ обкрадывать казну и самъ обкрадывалъ. Его состояніе возросло до 28 милліоновъ рублей и, кромѣ того, онъ имѣлъ много селъ и деревень, подаренныхъ ему императрицей. Роскошь и великолѣпіе почти царское господствовали въ домѣ Бирона, который задавалъ блестящіе балы, гдѣ обыкновенно присутствова-



Дурацкая свадьба при Аннѣ Іоанновнѣ. (Стр. 248).

ла сама императрица. Всѣ чиновники, высшіе и низшіе, которые не нравились счастливому временщику, были немедленно удаляемы, а на ихъ мѣсто поступали тѣ, которые угождали и льстили курляндскому герцогу и русскому министру, жена котораго носила платья по 100,000 рублей.

Добрая Анна Іоанновна вполнѣ довѣряла Бирону и съ удовольствіемъ слушала, какъ ей разсказывали о счастьѣ и богатствѣ русскаго народа, котораго состояніе значительно будто бы улучшилось, благодаря стараніямъ его, Бирона. Насколько это была правда, мы увидимъ потомъ. Биронъ разными празднествами и балами отвлекалъ императрицу отъ государственныхъ дѣлъ, и она, думая, что все идетъ хорошо, была спокойна и награждала Бирона и его приверженцевъ. Дворецъ ея былъ устроенъ великолѣпно; всѣ дамы и кавалеры, бывавшіе въ ея залахъ, сіяли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. У кареты ея шли обыкновенно 48 лакеевъ, у Бироновской 24, у каретъ сановниковъ по 12. На содержаніе конюшни императрицы отпускалось ежегодно 100,000 р., между тѣмъ, какъ содержаніе всего двора царя Петра Великаго стоило только 50,000, и въ то же время дочь этого царя, Елисавета, теперь получала въ годъ не болѣе 40,000 рублей. Петербургъ украшался великолѣпными зданіями, которыя строили для себя Биронъ, Минихъ, Остерманъ и ихъ друзья. Однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ ни бывала Анна, она видѣла богатство и великолѣпіе. Итакъ продолжала себѣ спокойно царствовать Анна, не вѣдая, что̀ вокругъ нея творится, а Биронъ ея именемъ дѣлалъ самыя страшныя злоупотребленія и развлекалъ ее балами и маскарадами.

Самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ праздниковъ была извѣстная „дурацкая свадьба". Въ прежнія времена былъ у государей и вельможъ обычай, не совсѣмъ похвальный, содержать шутовъ, называемыхъ обыкновенно дураками, обязанностью которыхъ было развлекать господъ своихъ и смѣшить ихъ разными шутками и выходками. У Анны Іоанновны шутовъ было много, и между ними былъ одинъ русскій знатнаго рода, именно,

князь Голицынъ. Говорятъ, что Биронъ былъ всегда очень доволенъ, когда русскіе вельможи, на подобіе Голицына, брали на себя столь унизительную роль; не даромъ онъ опредѣлилъ князя Волконскаго на должность надзирателя за комнатною собачкою императрицы. Этого-то Голицына, для потѣхи императрицѣ и всему Петербургу, женили на горбатой карлицѣ по имени Бужениновнѣ. Для отпразднованія ихъ свадьбы на Невѣ построенъ былъ домъ изъ льда; внутренность дома освѣщалась ледяными свѣчами, намазанными нефтью. Изъ нефти устроены были фонтаны, бившіе изъ ледяныхъ резервуаровъ; у подъѣзда дома стояли ледяныя пушки, которыя стали стрѣлять, лишь только свадебная процессія приблизилась. Да и эта процессія представляла собою странное зрѣлище: впереди, на слонѣ, въ клѣткѣ, ѣхали новобрачные; за ними тянулись люди разныхъ народностей, населявшихъ Россію, въ своихъ костюмахъ. Тутъ были великороссы, малороссы, самоѣды, татаре и т. д.; одни ѣхали на лошадяхъ, другіе на ослахъ, третьи на собакахъ, четвертые на свиньяхъ. Процессія направилась сначала ко дворцу Бирона, тамъ обѣдала, а затѣмъ двинулась къ ледяному дому, оставивъ въ которомъ на цѣлую ночь новобрачныхъ, отправилась въ обратный путь. Императрица была очень довольна этою забавою, и значительною суммою денегъ наградила своего министра Волынскаго, который былъ устроителемъ и распорядителемъ шутовской свадьбы.

Но въ то время народу приходилось очень жутко: русскій мужичокъ платилъ большія подати, которыя взимались чрезвычайно строго. Россію посѣтили голодные годы, былъ падежъ скота; многіе крестьяне совсѣмъ обѣднѣли и были поставлены въ невозможность уплатить слѣдуемыя казнѣ деньги. Черезъ нѣсколько лѣтъ недоплаченныхъ податей накопилось очень много, именно, до пяти милліоновъ рублей. Во время управленія Бирона строжайшимъ образомъ взыскивали недоимочныя деньги, продавали послѣднюю корову крестьянина, послѣднюю рубашку, чтобы выручить подати, да еще наказывали розгами и кнутомъ тѣхъ, которые, по бѣдности, не могли заплатить. Тѣ

изъ крестьянъ, которые не были въ состоянiи платить податей, бѣжали изъ Россiи въ сосѣднiя государства, преимущественно въ Польшу.

Другiе оставляли свои полуразрушенныя хижины и, запасшись дубинами, отправлялись въ лѣса, разбойничали по дорогамъ. Вотъ до чего довело жестокое управленiе временщика Бирона. Бывали и такiе случаи, что угнетенный народъ возставалъ, бунтовался. Такъ было однажды въ Кiевской губернiи, гдѣ какой-то обманщикъ объявилъ народу, что онъ сынъ Петра Великаго, Алексѣй, о которомъ напрасно думаютъ, что онъ умеръ. Этотъ самозванецъ Алексѣй собралъ себѣ партiю изъ крестьянъ и вступилъ даже въ борьбу съ войсками, но былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ вмѣстѣ со своими сообщниками.

Обращаясь жестоко съ русскими крестьянами, Биронъ отказывалъ въ уваженiи и православнымъ священникамъ. Доказательствомъ этого можетъ послужить слѣдующiй фактъ: одинъ православный священникъ написалъ книгу, въ которой доказывалъ, что въ лютеранской, исповѣдуемой нѣмцами, вѣрѣ много погрѣшностей и что православная вѣра выше ея. Казалось бы, что говорить это въ государствѣ, гдѣ весь народъ православный, можно безъ всякаго опасенiя, но вышло не такъ: священникъ, по распоряженiю Бирона, былъ на долгое время посаженъ въ тюрьму.

Знатные вельможи изъ русскихъ враждебно смотрѣли на Бирона, который разорялъ ихъ отечество и всѣ мѣста въ государствѣ занялъ нѣмцами. Они ненавидѣли Бирона и его друзей, но никто изъ нихъ не осмѣливался высказать своихъ чувствъ и мыслей, потому что могущественный любимецъ императрицы былъ страшенъ для каждаго. Самъ Биронъ понималъ, что онъ въ Россiи любимымъ быть не можетъ, и потому принималъ всѣ мѣры для своей безопасности. Онъ платилъ большiя деньги шпiонамъ, обязанностью которыхъ было вывѣдывать, что̀ думаютъ и говорятъ о правительствѣ, и случалось, что иногда по одному подозрѣнiю, по одному навѣту этихъ шпiоновъ сажали человѣка въ крѣпость, подвергали его пыткѣ,

заставляли обвинять самого себя и потомъ казнили. Опаснѣйшимъ для себя человѣкомъ Биронъ считалъ Волынскаго. Онъ видѣлъ, что Волынскій, какъ министръ, имѣетъ доступъ къ императрицѣ; видѣлъ, что Волынскій былъ уменъ и, слѣдовательно, хорошо понималъ всѣ злоупотребленія; видѣлъ, что Волынскій гордъ и не хочетъ унижаться передъ нимъ. Биронъ поручилъ своимъ шпіонамъ слѣдить за Волынскимъ и доносить обо всемъ, что̀ онъ ни говорилъ, что̀ ни дѣлалъ. Наконецъ онъ рѣшился объявить императрицѣ, что Волынскій — опасный человѣкъ, и что его нужно подвергнуть слѣдствію и потомъ предать суду. Анна колебалась; видя это, Биронъ объявилъ, что если государыня сама будетъ защищать Волынскаго, то онъ, Биронъ, удалится изъ Петербурга. Императрица испугалась такой угрозы со стороны Бирона и потому позволила ему начать дѣло о Волынскомъ. Назначено было слѣдствіе, которое прежде всего раскрыло, что Волынскій бралъ иногда взятки и присвоилъ себѣ часть казенныхъ денегъ. Но ни то, ни другое не показалось Бирону и его приближеннымъ достаточною причиною для осужденія русскаго министра, потому что всѣ они дѣлали то же самое. Далѣе Волынскаго обвиняли въ томъ, что онъ непочтительно отзывался о государынѣ, читалъ иностранныя книги и разговаривалъ со своими гостями о государственныхъ дѣлахъ. Итакъ, по мнѣнію временщика, читать книги и разсуждать о серьезныхъ дѣлахъ было преступленіемъ!.. Въ этомъ-то обвинили Волынскаго передъ судомъ, и судьи, въ угоду Бирону, приговорили несчастнаго къ смертной казни. Его прежде подвергли жестокой пыткѣ, потомъ возвели на эшафотъ, отрубили сперва правую руку, а потомъ голову. Съ нимъ вмѣстѣ обезглавлены были два его друга; третьему же отрѣзали языкъ, а четвертаго наказали кнутомъ.

III.

Анна Іоанновна была вдова и дѣтей не имѣла, а потому должна была подумать о томъ, къ кому перейдетъ власть послѣ ея смерти. Елисавета Петровна, дочь Петра В., не лю-

бимая Анною, не могла разсчитывать попасть въ ея наслѣдницы. Анна вызвала изъ Германіи свою близкую родственницу, Анну Леопольдовну, и порѣшила, что престолъ долженъ перейти къ ея потомкамъ. Но Анна Леопольдовна была дѣвица, и потому ей стали пріискивать жениха. Сначала Биронъ думалъ-было женить на ней своего собственнаго сына, но когда эта интрига не удалась, то пріѣхалъ въ Россію принцъ Антонъ Брауншвейгскій, который и женился на Аннѣ Леопольдовнѣ. Отъ этого брака черезъ годъ послѣ свадьбы родился сынъ Іоаннъ, который былъ объявленъ наслѣдникомъ Анны Іоанновны, все болѣе и болѣе слабѣвшей и чувствовавшей приближеніе смерти. Наконецъ, осенью 1740 года она скончалась.

Многіе думали, что со смертью императрицы кончится власть Бирона, и что отъ имени малолѣтняго государя будетъ управлять государствомъ или его отецъ, или мать. Но надежды эти не оправдались, потому что покойная императрица оставила завѣщаніе, въ которомъ требовала, чтобы до совершеннолѣтія Іоанна всѣми дѣлами завѣдывалъ Биронъ, получившій титулъ регента или правителя. Биронъ, на основаніи этого завѣщанія, переѣхалъ на жительство въ императорскій лѣтній дворецъ и продолжалъ править по прежнему.

Разумѣется, между Бирономъ и родителями императора не могло быть дружественныхъ отношеній, потому что принцу Антону и его супругѣ было ближе заняться управленіемъ, чѣмъ постороннему человѣку, Бирону. Русскіе вельможи по прежнему ненавидѣли временщика, а гвардія, учрежденная, какъ извѣстно, Петромъ В., съ грустью смотрѣла на то, что родная дочь Петра, Елисавета, удалена отъ престола. Биронъ очень хорошо понималъ, что его не любятъ, и думалъ строгими мѣрами устрашить своихъ недруговъ. Съ родителями малолѣтняго императора онъ поступалъ дерзко, разъ даже не дозволилъ принцу Антону въ продолженіе нѣсколькихъ дней выѣзжать изъ дому, говорилъ, что если онъ не будетъ повиноваться его распоряженіямъ, то будетъ высланъ вонъ изъ Россіи. Опасаясь заговора, Биронъ поставилъ сильный караулъ около своего

дворца и строжайше приказалъ солдатамъ стрѣлять, если они увидятъ, что въ ночное время, съ 10 часовъ вечера до 5 утра, приближается ко дворцу какая-нибудь толпа людей. Шпіоны дѣйствовали по прежнему: они переодѣвались, подслушивали, засматривали въ окна, такъ что въ Петербургѣ нѣкоторые богатые люди стали строить дома, отдѣленные отъ улицы пространными, плотно запиравшимися дворами или палисадниками. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, Биронъ не усмотрѣлъ врага, которымъ явился упомянутый уже нами Минихъ.

Минихъ завидовалъ Бирону вслѣдствіе того значенія, которое этотъ послѣдній пріобрѣлъ въ Россіи. Минихъ полагалъ, что онъ, воспользовавшись нелюбовью родителей императора къ Бирону, свергнетъ его и поэтому возвысится самъ на его мѣсто. Минихъ не разъ уже заговаривалъ съ Анной Леопольдовной насчетъ того, что недурно бы избавиться отъ ненавистной опеки Бирона, но Анна ни на что не рѣшалась. Наконецъ, она однажды сказала: „Но какъ же можно достигнуть того, чтобы Биронъ не былъ регентомъ?"

— Скажите одно слово,—отвѣчалъ Минихъ, бывшій тогда фельдмаршаломъ, т. е. главнымъ начальникомъ войска, — и я арестую Бирона и приведу его къ ногамъ вашимъ.

Анна наконецъ сказала, что она на все готова. „Въ такомъ случаѣ, — заговорилъ Минихъ, — я вамъ дамъ нѣсколько надежныхъ офицеровъ и солдатъ, идите съ ними и захватите регента въ его собственномъ домѣ".

— Я сама не смогу,—отвѣчала Анна.

Тогда порѣшили, что въ ночь (разговоръ происходилъ утромъ) самъ Минихъ, безъ участія Анны, попытается взять подъ арестъ Бирона. Минихъ, надѣясь на удачу, провелъ цѣлый день въ подготовленіяхъ, въ разговорахъ съ тѣми офицерами и солдатами, которые должны были произвести переворотъ, а вечеромъ онъ поѣхалъ въ гости къ регенту, чтобы узнать, не провѣдалъ ли онъ, благодаря своимъ шпіонамъ, о готовящейся грозѣ. Оказалось, что Биронъ ничего не зналъ, и потому фельдмаршалъ рѣшился дѣйствовать. Ночью Минихъ, съ

нѣсколькими офицерами и гвардейскими солдатами, явился въ Зимній дворецъ, гдѣ жили родители императора, еще разъ переговорилъ съ Анной, которая дала поцѣловать свою руку всѣмъ участникамъ въ заговорѣ противъ регента, и направился къ Лѣтнему дворцу. Приблизившись къ мѣсту жительства регента, онъ призвалъ къ себѣ офицера, командовавшаго карауломъ, и сообщилъ ему, что, по приказанію матери государя, Биронъ долженъ быть арестованъ. Ни офицеръ, ни его команда не имѣли желанія защищать ненавистнаго временщика и пустили Миниха и его товарищей. Дверь въ спальню была заперта, и потому заговорщики ее выломали. Биронъ, испуганный шумомъ и догадавшійся, вѣроятно, въ чемъ дѣло, спрятался подъ кровать, но былъ найденъ и взятъ, несмотря на то, что, защищаясь, искусалъ руку одному солдату. Онъ былъ перевезенъ сначала въ крѣпость, а потомъ вмѣстѣ съ семействомъ отправленъ на жительство въ Сибирь. Когда плѣннаго Бирона везли въ каретѣ по петербургскимъ улицамъ, народъ толпился вокругъ, провожая ругательствами и проклятіями того, кто сдѣлалъ Россіи столько зла.

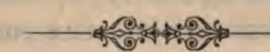
Не стало Бирона, зато явился Минихъ, который, несмотря на то, что регентство теперь принадлежало Аннѣ Леопольдовнѣ, управлялъ всѣмъ: Анна Леопольдовна сама за дѣло не принималась, потому что не чувствовала себя достаточно способною для этого. Вмѣстѣ съ Минихомъ и Остерманомъ, сохранившими свое прежнее значеніе, является еще и третій иностранецъ, Линаръ, который, кажется, больше чѣмъ два прежнихъ пользовался расположеніемъ правительницы. Минихъ хотѣлъ властвовать одинъ, такъ, какъ властвовалъ Биронъ, и потому однажды заявилъ Аннѣ, что она должна или всегда исполнять его совѣты, или дать ему отставку. Онъ помнилъ, что Биронъ по дѣлу Волынскаго подобнымъ же образомъ говорилъ съ императрицей—и выигралъ. Но каково же было удивленіе Миниха, когда правительница ему заявила, что онъ можетъ получить отставку. Теперь Остерманъ и Линаръ управляли Россіею и если не принесли ей столько вреда, сколько

Биронъ, то только потому, что власть ихъ продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Анна Леопольдовна и ея супругъ очень боялись, чтобы Елисавета Петровна не произвела переворота и не потребовала себѣ престола. Они понимали, что Елисавета, какъ дочь Петра Великаго, имѣетъ на это полное право, и знали, что всѣ русскіе любятъ Елисавету. Живя въ Москвѣ или въ Петербургѣ, Елисавета часто хаживала за городъ, привѣтливо разговаривала съ крестьянами, иногда даже принимала участіе въ ихъ играхъ. Старые солдаты петровскихъ временъ не разъ говаривали: „Только прикажи, матушка, мы всѣ за тебя, и ты будешь царицею". Но Елисавета и не помышляла о власти, а напротивъ, говаривала, что царское достоинство сопряжено со столькими трудами и огорченіями, что стремиться къ нему— значитъ не дорожить своимъ покоемъ. Но, несмотря на это, правительница, и особенно ея мужъ не довѣряли Елисаветѣ. Принцъ Антонъ назначилъ десятерыхъ изъ своихъ приверженцевъ, чтобы они, переодѣваясь и шныряя вокругъ дворца дочери Петра Великаго, доносили ему о тѣхъ людяхъ, которые тамъ бываютъ, о разговорахъ, которые тамъ ведутся. Принцу донесли, что докторъ Елисаветы, французъ Лестокъ, что-то замышляетъ и къ чему-то подговариваетъ Елисавету. Принцъ Антонъ встревожился и сталъ убѣждать свою жену въ необходимости насильно постричь Елисавету въ монахини. Анна Леопольдовна готова была согласиться на это, но только желала прежде сама переговорить съ Елисаветой. Ихъ разговоръ остался тайною, но извѣстно, что Елисавета была страшно встревожена этимъ разговоромъ. Утромъ явился Лестокъ, который еще больше встревожилъ ее, сказавъ, что въ городѣ носятся слухи, будто ее и всѣхъ ея друзей скоро арестуютъ, ее заключатъ въ монастырь, а ея друзей сошлютъ въ Сибирь или казнятъ смертью. Лестокъ убѣждалъ царевну не медлить и въ слѣдующую же ночь произвести переворотъ, говоря, что гвардія готова согласиться на это. Встревоженная всѣмъ случившимся и окончательно убѣжденная въ необходимости рѣ-

шиться, Елисавета согласилась, потомъ пала на колѣни предъ иконою, долго молилась и дала обѣтъ, что если Богъ дозволитъ ей избавиться отъ угрожающихъ опасностей и вступить на престолъ, то въ ея царствованіе не будетъ казненъ смертью ни одинъ человѣкъ.

Ночью 14 ноября 1741 года Елисавета въ саняхъ съ Лестокомъ и еще съ нѣсколькими преданными ей офицерами поѣхала въ казармы гвардіи. Солдаты съ криками радости окружили ее, постоянно повторяя: „Веди насъ, матушка!“ Елисавета съ тремя стами солдатъ тихо, среди глубокой ночи, двинулась къ Зимнему дворцу. Дворцовый караулъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія отряду Елисаветы, который арестовалъ молодого императора и его родителей. Послѣдніе были сосланы на жительство въ Холмогоры (Архангельской губ.), а несчастный Іоаннъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. На престолъ вступила Елисавета Петровна, ее окружили русскіе люди, и Россія вздохнула свободнѣе.



1812 годъ.

I.

Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ былъ для Россіи и страшнымъ, и славнымъ: страшнымъ потому, что ей пришлось выдержать жестокую войну съ двѣнадцатью народами, ополчившимися на нее; славнымъ потому, что народъ нашъ готовъ былъ принести и все свое имущество, и себя въ жертву отечеству и, наконецъ, не только отразилъ многочисленныхъ враговъ, но и показалъ всему свѣту, какіе подвиги онъ можетъ совершать.

Тогда въ Россіи царствовалъ Александръ I, во Франціи Наполеонъ I. Послѣдній, сынъ простого гражданина, поступившій въ военную службу, своими военными способностями и по-истинѣ счастливыми обстоятельствами скоро сдѣлался знаменитымъ въ своемъ отечествѣ. Франція тогда управлялась безъ государя, т.-е. имѣла республиканское правленіе. Наполеонъ, какъ опытный воинъ, былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ всѣхъ французскихъ войскъ. Онъ одерживалъ постоянно самыя блистательныя побѣды надъ тѣми народами, съ которыми Франція вела войну, и потому пріобрѣлъ себѣ много друзей какъ между солдатами, такъ и между гражданами. Нѣкоторые изъ его доброхотовъ предложили ему, какъ бы отъ

лица всего французскаго народа, уничтожить республику и взять власть въ свои руки; Наполеонъ согласился: преданное ему войско заставило молчать тѣхъ, которые пытались-было сопротивляться этому, и Наполеонъ, такимъ образомъ, провозглашенъ былъ императоромъ. Честолюбіе составляло его главную характеристическую черту, а потому скоро ему показалось, что быть повелителемъ одной Франціи слишкомъ мало и слѣдуетъ постараться о власти надъ другими народами. И дѣйствительно, всѣ сосѣдніе государи, особенно маленькіе, преклонялись передъ нимъ и не смѣли ему перечить; тѣ же, которые почему-либо не успѣвали заслужить расположенія французскаго императора, были свергаемы съ престоловъ, а на ихъ мѣсто Наполеонъ сажалъ своихъ родственниковъ, особенно братьевъ. Такимъ образомъ, Наполеонъ хозяйничалъ въ Италіи, въ Голландіи, въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ. Большія нѣмецкія государства, какъ-то: Австрія и Пруссія, нѣсколько разъ хватались за оружіе противъ французскаго императора, но постоянно терпѣли пораженія. Раза два и императоръ Александръ посылалъ имъ на помощь свои войска, но и послѣднія, вмѣстѣ со своими союзниками, не могли ничего подѣлать противъ храброй французской арміи, командуемой такимъ превосходнымъ военачальникомъ, какъ Наполеонъ I. Одна только Англія была отъ него болѣе или менѣе безопасна, хотя и постоянно вела съ нимъ войну. Ее укрѣпила сама природа, такъ какъ Англія со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, а у Наполеона не было сильнаго флота, съ которымъ онъ могъ бы нанести ей вредъ. Стараясь всѣми силами принудить англичанъ къ заключенію мира, такъ какъ они мѣшали французской торговлѣ, нападали на морѣ на французскіе корабли и т. д., Наполеонъ придумалъ очень тонкое средство, которое заключалось въ слѣдующемъ: онъ зналъ, что англійскіе товары, особенно произведенія ихъ фабрикъ и заводовъ, раскупаются по всей Европѣ и даютъ такимъ образомъ значительный барышъ англичанамъ. И вотъ Наполеонъ сталъ приказывать не покупать нигдѣ во Франціи англійскихъ

товаровъ и приказаніе это распространилъ даже на тѣ государства, которыя его боялись и потому не желали навлекать на себя страшнаго гнѣва. Почти всѣ европейскіе государи обязались не пускать англійскихъ произведеній въ свои земли и даже отказывать англійскимъ кораблямъ въ гостепріимствѣ въ своихъ гаваняхъ. Разумѣется, отъ этого былъ большой вредъ для англичанъ, но и тѣмъ, которые должны были исполнять желаніе Наполеона, было не весело: они ничего не покупали у англичанъ, значитъ и англичане не покупали у нихъ. Наполеонъ былъ не такой человѣкъ, чтобы обращать вниманіе на выгоду народа, даже своего собственнаго: ему хотѣлось унизить Англію, сердившую его, и потому онъ всѣ мѣры считалъ позволительными.

Французы повиновались Наполеону отчасти изъ любви, отчасти отъ страха. Многіе изъ нихъ понимали, что Наполеонъ гордъ, честолюбивъ, что ему ни по чемъ проливать цѣлыя рѣки человѣческой крови; но они въ то же время не могли не сознаться, что онъ уменъ, даже геніаленъ, а главнымъ образомъ, льстило ихъ самолюбію то обстоятельство, что своими побѣдами Наполеонъ сдѣлалъ имя французовъ страшнымъ почти во всей вселенной и привелъ многіе народы къ зависимости отъ Франціи. Но зато войско боготворило его. Наполеонъ всегда водилъ войска свои къ побѣдамъ, богато награждалъ ихъ чинами, орденами, добычею, а потому пользовался слѣпою любовью и слѣпымъ повиновеніемъ съ ихъ стороны. Разумѣется, тѣ народы, которые поставлены были въ необходимость слушать повелѣнія французскаго императора, сильно не долюбливали его, но не могли ничего подѣлать, такъ какъ за малѣйшій проступокъ противъ себя Наполеонъ являлся съ войскомъ, производилъ кровопролитіе, разорялъ города и въ концѣ концовъ заставлялъ повиноваться силою. Одинъ только народъ былъ преданъ ему: это поляки. Они въ концѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе своихъ раздоровъ и безпорядковъ, дошли до того, что потеряли самостоятельность; польское государство раздѣлено было тремя сосѣдями на части: Россія полу-

чила бывшія нѣкогда во временномъ соединеніи съ Польшею губерніи литовскія и еще нѣкоторыя земли; Австрія — такъ называемую Галицію, а Пруссія—остальную часть Польши, съ городами Варшавою и Познанью. Поляки не хотѣли примириться со своимъ новымъ положеніемъ и изыскивали средства возвратить себѣ прежнюю независимость. Многіе изъ нихъ, не желавшіе жить въ отечествѣ послѣ его раздѣленія, т.-е. эмигранты, отправлялись во Францію и поступали въ войско Наполеона. Чтобы привлечь поляковъ къ себѣ, Наполеонъ сталъ поговаривать о намѣреніи возстановить Польшу. Вслѣдствіе этого-то поляки были привязаны къ французскому императору. Ожиданія ихъ, казалось, начали сбываться: послѣ жестокой войны, которую пруссаки вмѣстѣ съ русскими вели противъ Наполеона и въ которой Наполеонъ все же остался побѣдителемъ, заключенъ былъ миръ въ мѣстечкѣ Тильзитѣ, и въ силу этого мира Пруссія отступилась почти отъ всѣхъ взятыхъ прежде у Польши областей; изъ нихъ образовалось такъ-называемое герцогство Варшавское. Поляки не совсѣмъ были довольны рѣшеніемъ, состоявшимся въ Тильзитѣ: они надѣялись, что Наполеонъ отниметъ у Россіи Литву, а у Австріи—Галицію и не удовольствуется только землями, взятыми отъ Пруссіи. Но Наполеонъ ободрялъ поляковъ и сулилъ имъ несбыточныя мечты. Поляки вѣрили и снова стали преданно служить Наполеону. Между тѣмъ, императорамъ россійскому и австрійскому Наполеонъ говорилъ не то: онъ убѣждалъ ихъ быть совершенно спокойными на счетъ того, что области, входившія прежде въ составъ Польши и теперь принадлежавшія имъ, навсегда остаются ихъ собственностью, такъ какъ онъ, Наполеонъ, для поляковъ больше того, чтò сдѣлалъ уже, ничего дѣлать не намѣренъ. Кромѣ того, по тильзитскому миру, Россія и Пруссія обязались не вступать ни въ какія сношенія съ англичанами.

Когда императоръ Александръ I сдѣлалъ по тильзитскому миру уступки Наполеону I, то казалось, что дружба и хорошія отношенія между этими двумя государями будутъ продол-

жительны. Кабинетъ Наполеона былъ украшенъ бюстомъ Александра, самая любезная переписка между двумя императорами не прерывалась, и Наполеонъ говаривалъ, что не можетъ терпѣть, если въ его присутствіи кто-нибудь выражается непочтительно о повелителѣ Россіи. Былъ даже поднятъ вопросъ о женитьбѣ Наполеона на одной изъ русскихъ принцессъ, но дѣло это не состоялось, и Наполеонъ сочетался бракомъ съ дочерью австрійскаго императора. Но дружественныя отношенія продолжались недолго: императоръ Александръ видѣлъ, что отсутствіе торговли съ Англіею крайне невыгодно для русскаго народа; онъ притомъ видѣлъ, что Наполеонъ начинаетъ посматривать на Россію, какъ на страну, находящуюся отъ него въ зависимости. Наконецъ Наполеонъ сталъ что-то очень громко обнадеживать поляковъ насчетъ присоединенія Литвы къ герцогству Варшавскому и въ довершеніе всего нанесъ личное оскорбленіе императору Александру. Послѣднее заключалось въ томъ, что французскія войска заняли германскія владѣнія принца Ольденбургскаго, близкаго родственника русскаго государя. Александръ просилъ Наполеона не тревожить принца и ручался въ томъ, что принцъ даже не думаетъ ничего такого, чтò могло бы показаться вреднымъ для Франціи; но Наполеонъ не желалъ исполнить просьбы Александра и продолжалъ распоряжаться въ Ольденбургѣ. Видя, что Наполеонъ нарушаетъ договоры, русскій царь не особенно сталъ стѣсняться ими, и дѣло, наконецъ, дошло до явнаго разрыва: Наполеонъ сталъ собирать войска, Александръ тоже. Да могло ли быть иначе? Наполеонъ хотѣлъ, чтобы всѣ посторонніе государи были его слугами и безпрекословно повиновались его волѣ; русскій же царь полагалъ, что такое поведеніе несообразно съ достоинствомъ Россіи: онъ готовъ былъ сохранить дружбу съ Франціею, но служить ея повелителю онъ не видѣлъ никакой необходимости. Такимъ образомъ, произошла достопамятная война 1812 года.

Въ походъ на Россію Наполеонъ собирался не одинъ: всѣ народы Европы, союзные съ Франціею (а союзники у нея,

хотя бы изъ страха, были многочисленны), должны были сопровождать дотолѣ непобѣдимую французскую армію. Въ одномъ нѣмецкомъ городѣ Наполеонъ созвалъ конгрессъ, т.-е. съѣздъ государей, ему преданныхъ, и здѣсь-то предложилъ начать войну съ русскими. Онъ убѣждалъ ихъ, что для нихъ же полезно смирить гордую Россію и возстановить на ея счетъ Польшу въ тѣхъ размѣрахъ, какіе она имѣла до раздѣла. „Вѣнценосные друзья Франціи" (такъ называлъ Наполеонъ преданныхъ ему государей) не осмѣлились перечить волѣ человѣка, котораго они боялись ужасно, и изъявили готовность соединиться съ нимъ. Потомъ Наполеонъ поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ. Цѣлая масса польской молодежи начала поступать во французскіе полки, отправлявшіеся въ походъ на Россію. Армія Наполеона собиралась на лѣвомъ берегу Нѣмана,—рѣки, отдѣлявшей Россію отъ герцогства Варшавскаго. Въ составъ ея, кромѣ французовъ, входили: поляки, нѣмцы, итальянцы, испанцы и даже жители отдаленнаго Египта—мамелюки, которые составляли стражу самого Наполеона. Однихъ фурманщиковъ для упряжки телѣгъ и фуръ находилось при войскѣ 2,500 человѣкъ, пекарей до 3,000, больничныхъ сторожей 1,200, провіантскихъ чиновниковъ 2,000. Вся армія доходила до 600,000 человѣкъ и сопровождалась 1,500 пушекъ. Но не нужно забывать, что солдаты, входившіе въ составъ многочисленной арміи Наполеона, были не новички, а люди, привыкшіе къ военному дѣлу,—люди, которые уже въ разныхъ странахъ привыкли побѣждать враговъ, а потому были увѣрены, что и теперь имъ легко удастся взять верхъ надъ русскими. Да притомъ во главѣ этого громаднаго ополченія находился полководецъ, уже столько разъ доказавшій свой военный талантъ, что торжество его надъ Россіею, кажется, не подлежало никакому сомнѣнію.

Ночью съ 11 на 12 іюня была страшная буря: дождь лилъ безостановочно; молнія поминутно пробѣгала по небосклону, покрытому черными тучами; удары грома, какъ пущенные выстрѣлы, наводили страхъ на людей и животныхъ. Въ такую-

то ночь явился Наполеонъ въ лагерѣ подъ Нѣманомъ и далъ приказаніе переходить своему войску на другую сторону, т.-е. на берегъ, принадлежащій Россіи. Въ четырехъ мѣстахъ на рѣкѣ наведены были мосты, по которымъ хлынули въ Россію французскіе солдаты, ободренные рѣчью своего государя, обѣщавшаго имъ въ Россіи богатую добычу и безсмертную славу. Императоръ Александръ находился тогда въ Литвѣ, при русскомъ войскѣ, которое готовилось къ встрѣчѣ съ Наполеономъ. Узнавъ о томъ, что французы перешли Нѣманъ, онъ призвалъ къ себѣ адъютанта и велѣлъ ему немедленно скакать въ Петербургъ съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся. Тутъ же онъ сказалъ: „Въ манифестѣ о войнѣ упомянуть непремѣнно, что я не помирюсь съ врагами до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставленъ въ нашей землѣ“. Очевидно было, что царь не думаетъ останавливаться ни предъ какими жертвами, лишь бы только спасти достоинство Россіи и разъ навсегда показать гордому завоевателю, что онъ ошибся, если думалъ здѣсь встрѣтить ту же трусость и то же низкопоклонство, съ которыми къ нему относились хотя бы, напримѣръ, въ Германіи. Но въ то же время Александръ I не желалъ кровопролитія: чтобы совсѣмъ отклонить отъ себя упрекъ въ томъ, что онъ не употребилъ всѣхъ усилій для предотвращенія военныхъ дѣйствій, онъ послалъ къ Наполеону генерала Баклашова, которому было поручено сказать, что русское правительство готово вступить въ переговоры съ французскимъ и удовлетворить всѣ требованія, если, впрочемъ, послѣднія окажутся справедливыми; но переговоры только тогда могутъ начаться, когда Наполеонъ выведетъ свои войска опять за Нѣманъ; въ противномъ же случаѣ на него одного падетъ отвѣтственность передъ Богомъ и людьми за потоки слезъ и крови, которые будутъ пролиты. Но Наполеонъ слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ на заявленіе Баклашова: „Неужели вы думаете, что я привелъ мои войска только затѣмъ, чтобы посмотрѣть Нѣманъ?“ Бесѣдуя дальше съ русскимъ генераломъ и желая ему дать понятіе о намѣреніи французовъ

занять, въ случаѣ упорства русскихъ, Москву, Наполеонъ спросилъ: „А скажите, по какой дорогѣ удобнѣе всего пройти въ Москву?“ Баклашовъ отвѣтилъ: „Есть много дорогъ, ваше величество; вотъ Карлъ XII шведскій шелъ, напримѣръ, туда черезъ Полтаву“. Наполеонъ не могъ не понять, что̀ значитъ упоминаніе про Карла XII.

Собрать войско въ одно мѣсто теперь гораздо легче, такъ какъ есть желѣзныя дороги, по которымъ можно совершать движеніе очень быстро; но лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ желѣзныхъ дорогъ не знали, а потому и сборъ войска сопровождался значительными затрудненіями и замедленіями. Всего войска подъ ружьемъ у императора Александра было при началѣ войны не болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ; правда, императоръ разослалъ указы во всѣ концы Россіи, чтобы полки поспѣшили на западъ, для соединенія съ главною арміею, но вѣдь дѣло это нельзя было устроить сейчасъ же. Еслибы даже собрать вмѣстѣ и все войско, находившееся въ Россіи, то и въ такомъ случаѣ оно едва-ли сравнялось бы по числу съ арміею непріятеля. Русскіе люди понимали это и для спасенія родины готовы были жертвовать своею жизнью: по предложенію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ,—предложенію, одобренному самимъ императоромъ, охотники изъ молодыхъ людей всякаго званія составляли отряды такъ называемыхъ ополченцевъ. Они украшали свои фуражки крестомъ, на-скоро выучивались стрѣльбѣ и другимъ военнымъ искусствамъ и являлись въ дѣйствующую армію. Другіе жертвовали значительныя суммы денегъ, изъ которыхъ ополченцамъ выдавалось жалованье и шились для нихъ мундиры, покупалось оружіе. Особенно сильно было желаніе помочь отечеству въ Москвѣ: московское купечество собрало много денегъ; дворянство на свой счетъ вооружило нѣсколько полковъ, а всѣ жители Москвы до того были проникнуты желаніемъ сражаться съ врагомъ, что потребовали себѣ оружія; правительство открыло для нихъ арсеналы, и большая часть московскаго люда вооружилась.

Между тѣмъ, французы вступили въ литовскія губерніи.

Находившаяся тамъ русская армія, подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли, была столь малочисленна, что не могла противиться Наполеону въ открытомъ полѣ и потому отступила, но въ порядкѣ. Первые дни въ Россіи для Наполеона прошли очень удачно: онъ все болѣе и болѣе укрѣплялъ въ себѣ надежду на то, что съ Россіею покончитъ весьма скоро. Дѣло въ томъ, что въ Литовскомъ краѣ жило много поляковъ, которые встрѣтили его, какъ избавителя. Въ городѣ Вильнѣ давались въ честь Наполеона блистательные праздники; студенты виленскаго университета встрѣтили его еще за городскою заставою и почти всѣ поступили къ нему на службу. Но народъ въ Литвѣ далеко не такъ дружелюбно смотрѣлъ на пришельцовъ, какъ дворянство польскаго происхожденія. Между тѣмъ, французы, останавливаясь по селамъ, зачастую обирали народъ, заставляли его помогать себѣ таскать разныя тяжести, иногда даже грабили. Бѣдные литовскіе крестьяне особенно жаловались на вестфальцевъ и баварцевъ, полки которыхъ были вмѣстѣ съ Наполеономъ. Ихъ они, коверкая по своему чужія имена, называли обыкновенно безпальцами и поварцами. „Французъ, говорили литовцы, какъ сытъ да пьянъ, никого не трогаетъ, только болтаетъ безъ умолку; а эти ко всѣмъ пристанутъ, да требуютъ хлѣба и денегъ“. Наполеонъ распоряжался въ Литвѣ, какъ у себя дома: въ Вильнѣ онъ назначилъ новыхъ чиновниковъ, на мѣсто прежнихъ, изъ поляковъ и французовъ, и подумывалъ даже о постройкѣ крѣпости въ этомъ городѣ. Его генералы думали, что французская армія здѣсь останется на зимнихъ квартирахъ, да и самъ Наполеонъ какъ-то разъ сказалъ: „Для 1812 года довольно; остальное довершитъ 1813“. Но скоро онъ измѣнилъ свое намѣреніе: вѣроятно, его нетерпѣливая натура не могла выносить медлительности, и потому велѣно было войску идти дальше.

Хотя уже болѣе мѣсяца французы и ихъ союзники гостили въ нашемъ государствѣ, но важныхъ стычекъ не было, потому что русская армія отступала передъ ними. Старые солдаты, особенно тѣ, которые служили подъ командою извѣстнаго Су-

ворова, роптали на такого главнокомандующаго, который отступаетъ, и часто повторяли пословицу: „русакъ не ракъ, задомъ ходитъ не любитъ“. Недовольныхъ много было и между народомъ. „Шапками закидаемъ!“ кричалъ народъ, мало понимающій, какъ опасно было отважиться на рѣшительную битву съ полководцемъ превосходнымъ и начальствующимъ надъ большою и хорошо вооруженною арміею. Еслибы Барклай-де Толли проигралъ сраженіе, то онъ этимъ открылъ бы путь французамъ въ середину Россіи и облегчилъ бы имъ побѣду надъ послѣднею. Самъ Наполеонъ вполнѣ понималъ это и ничего такъ не желалъ, какъ битвы съ русскими войсками; но Барклай уклонялся отъ нея и только мелкими отрядами, состоявшими преимущественно изъ казаковъ, безпокоилъ французское войско. Наконецъ, идя за отступающими русскими войсками, Наполеонъ вступилъ въ Смоленскую губернію. Тутъ уже положеніе его стало перемѣняться къ худшему. Если простой народъ и въ Литвѣ враждебно смотрѣлъ на его войско, то онъ, по крайней мѣрѣ, не возставалъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; здѣсь же французы въ каждомъ простомъ гражданинѣ, въ каждомъ мужикѣ встрѣчали опаснаго непріятеля. Помѣщики вооружали свою дворню охотничьими ружьями и самодѣльными пиками; крестьяне принимались за топоры, косы и колья. Обыкновенно, завидѣвъ приближающійся непріятельскій отрядъ въ какой-нибудь деревнѣ, жители деревни уничтожали или увозили съ собою все то, что̀ могло доставить врагамъ пищу, и удалялись въ лѣса. Иногда они поджигали собственные дома, не желая, чтобы враги Россіи могли въ нихъ имѣть болѣе или менѣе удобный ночлегъ. Вооруженные чѣмъ попало, русскіе не дерзали, конечно, вступить въ открытую борьбу съ войскомъ Наполеона, но вели такъ-называемую партизанскую войну, т. е. подстерегали и убивали солдатъ, отдѣлившихся отъ отрядовъ, ночью тревожили непріятелей быстрыми нападеніями и прятались опять въ лѣса, лишь замѣчали, что врагъ приготовился встрѣтить ихъ; нападали на транспорты хлѣба, шедшіе во французскій лагерь. Такъ какъ

французы на пути почти нигдѣ не встрѣчали ничего съѣдомаго, то Наполеонъ велѣлъ доставлять пищу изъ Польши. Но присылка ея въ военное время шла неправильно: партизаны и казаки мѣшали ей, а потому случалось, что армія французскаго императора частенько голодала.

Отъ своего войска Наполеонъ отдѣлилъ одну часть,—впрочемъ, не очень значительную,—и послалъ ее по дорогѣ въ Петербургъ; самъ же съ главными силами слѣдовалъ за Барклаемъ-де-Толли и говорилъ, что миръ заключитъ тогда, когда побѣдителемъ вступитъ въ Москву. Русское войско, между тѣмъ, отступало все далѣе и далѣе и по ту сторону Смоленска хотѣло соединиться съ другою арміею, которою командовалъ генералъ Багратіонъ. Наполеонъ провѣдалъ про цѣли Барклая и велѣлъ своимъ идти скорѣе: онъ понималъ, что поодиночкѣ разбить русскія арміи легче, чѣмъ тогда, когда онѣ соединятся. Русскому главнокомандующему нужно было во что бы то ни стало задержать враговъ, чтобы дать, такимъ образомъ, возможность обѣимъ русскимъ арміямъ соединиться. Мѣстомъ, въ которомъ должна была произойти задержка французовъ, былъ Смоленскъ. Этотъ городъ съ древнихъ временъ былъ окруженъ каменною стѣною, но стѣна эта, впрочемъ, мало могла оказать пользы въ настоящее время. Она была построена еще тогда, когда большихъ, мѣткихъ, стрѣляющихъ на далекое разстояніе пушекъ не было, а потому и города защитить, и сама поддержаться долго не могла. Въ Смоленскѣ, тѣмъ не менѣе, засѣло нѣсколько русскихъ полковъ, которымъ было приказано сопротивляться врагамъ до послѣдней крайности и отступить лишь тогда, когда не будетъ никакой возможности держаться. Въ день имянинъ Наполеона, 4-го августа, французы явились у Смоленска и сразу бросились на приступъ, но были остановлены пулями и ядрами мѣтко стрѣлявшихъ защитниковъ. Потерпѣвъ пораженіе при первомъ приступѣ, французы не попытались болѣе кидаться на стѣны храбраго города, но вокругъ него разставили 150 пушекъ и стали такимъ образомъ разрушать какъ крѣпостную стѣну, такъ и дома въ

городѣ. Зажигательные заряды, падая на крыши деревянныхъ зданій, легко воспламеняли ихъ, и скоро въ разныхъ частяхъ города вспыхнули пожары. Простые граждане, вмѣстѣ съ солдатами, участвовали въ защитѣ города, несмотря на то, что всѣхъ, не принадлежавшихъ къ военному сословію и схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, Наполеонъ безъ всякой жалости подвергалъ разстрѣлянію. Онъ думалъ такимъ образомъ устрашить русскихъ и заставить ихъ прекратить партизанскую войну; но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ: жестокость его только возбуждала еще бо̀льшую ненависть въ русскихъ, еще бо̀льшее желаніе отмстить за погибшихъ братьевъ, которые были казнены за свою любовь къ отечеству.

Адскій огонь, истекавшій изъ 150 французскихъ пушекъ, обратилъ почти весь Смоленскъ въ кучу развалинъ: изъ 2,050 домовъ, бывшихъ въ городѣ, уцѣлѣло только 350; улицы завалены были трупами; французскія войска все въ большемъ количествѣ не переставали подступать. При такихъ условіяхъ долѣе держаться не было возможности, и начальники, бывшіе въ Смоленскѣ, рѣшились отступить и послѣдовать за главною арміею. Сдѣлать это теперь можно было тѣмъ удобнѣе, что получилось извѣстіе о соединеніи Барклая съ Багратіономъ, слѣдовательно нѣсколько дневная задержка враговъ подъ Смоленскомъ уже оказала свое хорошее дѣйствіе, а дальнѣйшее продолженіе напраснаго кровопролитія было не нужно. Русскія войска положили на возы всѣ вещи, могшія чѣмъ нибудь оказать пользу непріятелю, чтобы все это взять съ собою; чего взять не могли, то потопили въ рѣкѣ или нарочно испортили, и выступили изъ города. Чудотворная икона Богоматери Смоленской тоже была взята изъ соборной церкви и помѣщена на одинъ изъ лафетовъ. Русскіе удалились, а французы вступили въ городъ или, лучше сказать, въ развалины города. Армія Наполеона, ожидавшая найти въ Смоленскѣ много разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ она сильно нуждалась, была очень недовольна, не нашедши почти ничего въ опустошенномъ городѣ.

Вступленіе непріятелей въ Смоленскъ произвело весьма грустное впечатлѣніе на всю Россію: хотя русскій главнокомандующій и не могъ ожидать, чтобы у этого города многочисленный непріятель потерпѣлъ пораженіе отъ горсти русскихъ, тѣмъ не менѣе народъ полагалъ, что городъ Смоленскъ, который въ древнія времена не разъ мужественно отражалъ непріятелей, съумѣетъ и теперь отстоять себя. Если и прежде русскіе съ неудовольствіемъ смотрѣли на отступленіе и повторяли извѣстную суворовскую пословицу, то теперь это неудовольствіе увеличилось значительно. Крестьянамъ было жаль своихъ опустошенныхъ усадьбъ, солдаты скучали въ бездѣйствіи, и между тѣми и другими стали ходить толки о неблагонадежности Барклая. Войска стали ему не довѣрять; говорили, что онъ въ сношеніи съ непріятелемъ, что Наполеонъ его подкупилъ и что онъ отступаетъ на гибель Россіи. „Мы французовъ шапками закидаемъ, штыками черезъ голову перекинемъ!“ кричали солдаты, которые, конечно, не понимали, какъ опасно вступать въ неравный бой съ лучшимъ полководцемъ того времени, не понимали, что потерять армію легко, но что поправить потомъ такую ошибку очень трудно. Слухи, невыгодные для Барклая, дошли до императора Александра, который сильно надъ ними призадумался не потому, чтобы онъ вѣрилъ этимъ слухамъ и не былъ убѣжденъ въ честности своего главнокомандующаго, а потому, что понималъ невозможность оставить во главѣ войска такого человѣка, который не пользовался довѣріемъ своихъ подчиненныхъ и всей Россіи. Сначала думалъ-было самъ императоръ стать во главѣ войска, но потомъ выборъ его палъ на генерала Михаила Илларіоновича Кутузова, котораго онъ и назначилъ на мѣсто Барклая. Барклай просилъ себѣ, какъ милости, позволенія остаться при русскомъ войскѣ и сражаться за Россію.

Кутузовъ былъ старый сѣдой воинъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ славу во многихъ сраженіяхъ съ турками и поляками и пользовался любовью солдатъ. Онъ со слезами на глазахъ принялъ указъ Александра I о командованіи всею арміею, и слезы

эти могли выражать какъ радость, такъ и опасеніе старика. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было трудное: отказаться онъ не могъ—это было бы совершить преступленіе противъ отечества, которое съ довѣріемъ простирало къ нему руки; принять же опасно. Кутузовъ зналъ, что если онъ не успѣетъ изгнать Наполеона изъ Россіи, если, при стеченіи разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, потеряетъ армію, то его возненавидитъ вся Россія, хотя неосновательно, станетъ называть его виновникомъ своего несчастія. Но Кутузовъ готовъ былъ вполнѣ забыть о самомъ себѣ и потому принялъ главное начальство. Трогательно было прощаніе его съ Петербургомъ и наконецъ онъ уѣхалъ къ арміи.

Между тѣмъ, императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Москву, чтобы успокоить народъ и завѣрить его, что мира съ Наполеономъ не будетъ до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ врагъ находится на русской почвѣ. Народъ съ торжествомъ встрѣтилъ императора, и повсюду раздавался крикъ: „Батюшка-царь, отецъ нашъ! дай насмотрѣться на себя, веди насъ всюду, дай умереть за себя!“ Когда государь шелъ въ Успенскій соборъ, то скопленіе народа вокругъ него было такъ сильно, что онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ остановиться; полицейскіе чиновники стали раздвигать народъ, но государь сказалъ кротко: „Не троньте ихъ, я и такъ пройду“. Ко времени пребыванія государя въ Москвѣ относится образованіе московскаго ополченія, которое доходило до 80,000 человѣкъ. Ополченцы были одѣты въ русскіе сѣрые суконные кафтаны и такіе же шаровары; рубашки на нихъ были съ косымъ воротомъ, на шеѣ платки, на головѣ суконныя фуражки, сапоги смазные поверхъ штановъ; кафтаны были широки настолько, чтобы можно было подъ нихъ, въ случаѣ надобности, надѣвать полушубки. Нѣкоторые портные, не могшіе жертвовать много денегъ на отечественное дѣло, свою любовь къ родинѣ старались доказать тѣмъ, что даромъ шили форму для ополченцевъ. Устроивъ дѣла въ Москвѣ, государь поѣхалъ въ Петербургъ; тутъ онъ засталъ ополченцевъ почти готовыми къ выступленію

и произвелъ имъ смотръ на Исакіевской площади. И государь, и другіе удивлялись, съ какою ловкостью и умѣньемъ ополченцы выполнили во время смотра разныя военныя движенія, несмотря на то, что большая часть ихъ недѣли двѣ или три до этого никогда не занималась военнымъ дѣломъ.

Русскіе солдаты очень рады были извѣстію о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ. Они думали, что немедленно начнется наступленіе и говорили: „Пріѣдетъ Кутузовъ бить французовъ". Наконецъ, близъ города Гжатска, онъ соединился съ арміей и въ присутствіи нѣсколькихъ солдатъ сказалъ своему адъютанту: „Ну, можно ли съ такими молодцами отступать?" Слова его мигомъ распространились по арміи. Одно обстоятельство, само по себѣ не имѣющее никакого значенія, еще болѣе заставляло войско довѣрять Кутузову: во время смотра близъ Гжатска надъ нимъ взвился орелъ, и солдаты, признавъ въ птицѣ предвѣстницу славныхъ побѣдъ, громкимъ „ура" огласили поле. Но новый главнокомандующій не велѣлъ останавливаться: отступленіе продолжалось. Кажется, что Кутузовъ вполнѣ одобрялъ планъ Барклая-де-Толли и хотѣлъ его продолжать, но потомъ, выбравъ удобное положеніе при селѣ Бородинѣ, рѣшился попробовать счастья въ битвѣ. „Ни шагу назадъ", сказалъ онъ, дойдя до Бородина,—и русская армія остановилась.

Раннимъ утромъ въ день 26 августа Наполеона разбудилъ гонецъ, присланный отъ передового отряда, съ извѣстіемъ, что русская армія остановилась. Наполеонъ быстро схватился съ своей походной постели, велѣлъ подать себѣ лошадь и воскликнулъ: „Прекрасно! Пойдемте отворять московскія ворота". Онъ обозрѣлъ войска, потомъ воротился въ палатку и написалъ рѣчь: „Солдаты! наступаетъ сраженіе, котораго вы такъ давно ждали: непріятель, до сихъ поръ уклонявшійся отъ сраженія бѣгствомъ, наконецъ остановился и ожидаетъ боя. Побѣда зависитъ отъ васъ самихъ. Она намъ необходима. Слѣдствіемъ ея будетъ все возможное изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Помните, что вы

французы. Поступайте мужественно, какъ вы поступали до сихъ поръ, и позднѣйшее потомство прославитъ ваши подвиги. Объ васъ будутъ говорить: „онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ стѣнами Москвы". Хотя Бородино и не очень-то близко отъ Москвы, но Наполеонъ называлъ бородинскую битву московскою на томъ основаніи, что тамъ протекаетъ рѣка Москва. „Да здравствуетъ императоръ!—кричали воодушевленные французы: — мы взяли Вѣну, Берлинъ, Мадритъ, Римъ, Неаполь, возьмемъ и Москву!" Между тѣмъ, Кутузовъ сказалъ солдатамъ, окружавшимъ его: „Братцы! помните, что за нами Москва". Этими словами онъ напомнилъ имъ про городъ, дорогой для русскаго сердца, указывая на то, что если въ предстоящей битвѣ русскіе дрогнутъ и будутъ оттѣснены французами, то для послѣднихъ откроется свободный доступъ къ древней столицѣ нашего отечества.

Силы обоихъ противниковъ были почти равныя; французы превосходили русскихъ численностью, но незначительно. Мы видѣли, что въ началѣ войны у французовъ войска было гораздо больше, но теперь число его поуменьшилось, какъ отъ болѣзней, распространившихся во французской арміи отъ голода и усталости, такъ и оттого, что въ каждомъ завоеванномъ городѣ имъ пришлось оставлять свои полки, да кромѣ того, отъ ихъ главной арміи отдѣлилось нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ для движенія на Петербургъ. У русскихъ же, напротивъ, съ каждымъ днемъ войска прибывали, такъ какъ являлись ополченцы, увеличивалось число партизановъ, да и русской арміи доставляли въ достаточномъ количествѣ всякое продовольствіе. Битва началась съ того, что нѣсколько французскихъ полковъ ударили въ штыки. Немедленно послѣ этого заревѣли французскія пушки; русскіе отвѣчали тѣмъ же. Не много битвъ видѣлъ міръ такихъ, какъ бородинская!.. Болѣе 100,000 человѣкъ легло на полѣ сраженія. Русскіе дрались храбро, французы—тоже. Гулъ орудій не давалъ возможности разслышать команду. Русскіе потеряли въ этотъ достопамятный день своего храбраго Багратіона. Барклай бился какъ

левъ. Онъ былъ вездѣ, гдѣ только опасность была значительнѣе; но непріятельскія пули, штыки и сабли не коснулись его. Наступленіе темной ночи раздѣлило сражающихся и прекратило безпощадный бой. Самъ Наполеонъ называлъ бородинское сраженіе упорнѣйшимъ изъ всѣхъ, которыя ему удалось видѣть въ жизни. Всѣ ожидали, что на слѣдующій день возобновится бой, но русскій главнокомандующій разсудилъ иначе: хотя русскіе ни на шагъ не отступали передъ натискомъ враговъ, но Кутузовъ полагалъ, что войска его слишкомъ ослаблены битвою, чтобы драться снова и такимъ образомъ рисковать потерпѣть пораженіе. На слѣдующій день онъ сталъ отступать къ Москвѣ, а непріятель по прежнему пошелъ за нимъ.

По мѣрѣ того, какъ непріятель двигался на востокъ, въ Москвѣ народъ все болѣе и болѣе безпокоился за свой городъ. Къ счастію, губернаторомъ московскимъ былъ тогда умный и расторопный графъ Растопчинъ, который долго успокоивалъ московскій людъ и поддерживалъ въ немъ надежду на побѣды. Особенно замѣчательны объявленія или афиши Растопчина, въ которыхъ увѣдомлялось о всемъ происходившемъ въ арміи и указывалось, какъ должно москвичамъ вести себя. Эти афиши, написанныя на простонародномъ языкѣ, понятны были для всякаго и потому пользовались большимъ довѣріемъ со стороны простого народа. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ афишъ: „Слава Богу! у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно, хлѣбъ не дорожаетъ, мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется— чтобы злодѣя побить, и то будетъ: станемъ Богу молиться да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ передъ Богомъ заступники Божья Матерь и московскіе чудотворцы, передъ свѣтомъ — милостивый государь нашъ Александръ Павловичъ, а передъ супостатомъ христолюбивое воинство. А чтобы скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, а они рады съ вами жить и умереть. Когда дѣло дѣлать—я съ вами,

на войну идти—передъ вами, а на отдыхъ—за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ. Они, распустя уши, да и другому въ уши переполохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло — кору драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, а всѣхъ ловитъ за виски да и въ тиски, и пошелъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. А для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то, и другое, то каковъ бы онъ ни былъ—за хохолъ да на съѣзжую; тотъ, кто возьметъ — тому честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хотя пяти пядей будь во лбу. Мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку-Москву; а кому беречь мать, какъ не дѣткамъ? Ей Богу, братцы, государь на насъ надѣется; а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. Я вѣрный слуга царскій, русскій бояринъ и православный христіанинъ".

Но какъ ни успокоивалъ Растопчинъ, а все же полнаго спокойствія быть не могло. Богатые купцы и бары уѣзжали изъ Москвы, кой-кто изъ бѣдняковъ дѣлалъ то же самое; многія казенныя вещи вывозили тоже. Растопчинъ хлопоталъ, чтобы изъ Москвы уѣзжало людей какъ можно меньше; онъ былъ убѣжденъ, что армія Кутузова остановится передъ городомъ и дастъ еще разъ Наполеону сраженіе, во время котораго вооруженные москвичи выступятъ изъ города и помогутъ своимъ. Кутузовъ въ деревнѣ Филяхъ, подъ самою Москвою, въ простой крестьянской избѣ, собралъ совѣтъ изъ своихъ генераловъ, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли остановиться или продолжать отступленіе дальше, пожертвовавъ Москвою и пустить враговъ въ древнюю русскую столицу. Осторожный Барклай доказывалъ, что опасно давать новую битву, такъ какъ подъ Москвою удобнаго для этого мѣста не оказалось. Самъ главнокомандующій былъ того же мнѣнія и

говорилъ: „Пусть это будетъ ихъ послѣднее торжество“, а потомъ добавилъ: „Потеря Москвы не есть еще потеря Россіи“.

Лишь только пришла въ Москву вѣсть о рѣшеніи Кутузова выдать Москву врагамъ, въ городѣ поднялась страшная суматоха. Никто не хотѣлъ оставаться въ немъ, боясь непріятелей; каждый спѣшилъ уѣхать или уйти куда бы то ни было. Разные экипажи, телѣги, одноколки наполняли улицы, ведущія къ заставамъ, что съ восточной стороны Москвы. Пѣшеходы несли мѣшки и узлы со всякимъ добромъ. Чего нельзя было взять съ собою, то портилось или зарывалось въ землю, лишь бы только не доставалось въ руки врагу. Торговцы хлѣбомъ потопили свои барки съ рожью и пшеницею, не желая, чтобы ихъ товарами кормились французы. Толкотня и давка на улицахъ московскихъ были до того ужасны, что большую часть войска Кутузовъ долженъ былъ посылать въ обходъ, кругомъ города, такъ какъ кратчайшимъ путемъ, черезъ городъ, идти было невозможно. Между тѣмъ, непріятель напиралъ, и всякое замедленіе со стороны отступающихъ было крайне опасно. По счастію, арріергардомъ (т.-е. частью войскъ, идущею позади) командовалъ генералъ Милорадовичъ, который послалъ своего адъютанта къ Мюрату, неаполитанскому королю, предводительствовавшему авангардомъ (передовымъ отрядомъ) французовъ, съ предложеніемъ заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, обѣщая драться до послѣдняго солдата и оставить только развалины Москвы, если французы не согласятся на его предложеніе. Мюратъ согласился, и отступленіе русской арміи въ Москву совершилось безпрепятственно.

Лишь только русскій арріергардъ перешелъ за Москву, началось вступленіе французскихъ войскъ. Наполеонъ подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ и здѣсь слѣзъ съ лошади. Онъ ожидалъ, что къ нему пріѣдутъ начальники города, торжественно поднесутъ ему ключи, изъявятъ покорность и станутъ просить о пощадѣ. По крайней мѣрѣ, такой обычай

существуетъ вездѣ въ Европѣ: и Вѣна, и Берлинъ, и другія столицы сдавались французамъ съ такою церемоніею. Но ожиданія французскаго императора были тщетны: никто къ нему не являлся. „Видно, эти варвары не знаютъ, какъ сдавать города“, сказалъ разсерженно Наполеонъ и велѣлъ позвать къ себѣ знатнѣйшихъ жителей города. Но вся Москва была пуста, и посланные успѣли привезти къ Наполеону только нѣсколькихъ человѣкъ, бѣдно одѣтыхъ, да и то преимущественно изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ.—„Гдѣ начальство Москвы?“ грозно спросилъ Наполеонъ. — „Никого нѣтъ, всѣ уѣхали“, отвѣчали призванные.—„Гдѣ же Растопчинъ?“—„И онъ провожаетъ Кутузова“, былъ отвѣтъ.—„Прогоните эту сволочь“, сказалъ Наполеонъ своимъ адъютантамъ, указавъ на призванныхъ жителей Москвы, и, сѣвши на лошадь, въѣхалъ въ пустынную Москву. Такъ какъ было уже поздно, то онъ остался ночевать въ одномъ изъ домовъ недалеко отъ Дорогомиловской заставы.

Между тѣмъ, его войска начали располагаться въ нашей столицѣ. Они были рады, что достигли давно желанной цѣли, но какъ-то безпокоились при видѣ того безлюдія, которымъ отличалась Москва: изъ жителей остались только бѣднѣйшіе, да и тѣ попрятались, гдѣ кто могъ. Одинъ изъ отрядовъ двинулся къ Кремлю, ворота котораго были заперты. По дорогѣ ему встрѣтился какой-то русскій булочникъ, послѣдній принялъ пышно одѣтаго генерала изъ поляковъ за самого Наполеона и убилъ его. Конечно, онъ заплатилъ жизнью за свою дерзость. Изъ Кремля, между тѣмъ, послышались выстрѣлы; но защитниковъ было немного, и потому французскій отрядъ безъ труда вошелъ въ Спасскія и другія ворота, разрушивъ ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Въ царскомъ дворцѣ приготовлены были покои для Наполеона, который утромъ слѣдующаго дня (3 сентября) совершилъ торжественный въѣздъ въ старый русскій Кремль. Онъ былъ одѣтъ очень просто, но свита, сопровождавшая его, блистала золотомъ и серебромъ. Музыка наигрывала военные марши, войска неумолчно кри-

чали: „Да здравствуетъ императоръ!“ Въѣзжая въ Москву, Наполеонъ объявилъ своимъ генераламъ: „Теперь война кончена, мы въ Москвѣ, Россія покорена; я предпишу ей такой миръ, какой мнѣ надобенъ“. Но не такъ думалъ старикъ Кутузовъ: „Теперь только война начинается“, говаривалъ онъ; императоръ же Александръ сказалъ курьеру, привезшему ему грустное извѣстіе о вступленіи враговъ въ Москву, слѣдующія достопамятныя слова: „Скажите всѣмъ, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и поселянъ, и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія“.

II.

Итакъ, Наполеонъ занялъ Москву. Онъ размѣстился въ Кремлѣ, генералы также пріискали себѣ удобныя квартиры; войско было расквартировано отчасти въ обыкновенныхъ домахъ, отчасти на площадяхъ, въ палаткахъ. Французы собирались въ Москвѣ зимовать, такъ какъ знали, что зимою въ Россіи холодно, а потому войну вести несподручно; но вотъ въ первыхъ же числахъ сентября гостей сталъ выгонять изъ жилищъ огонь. Загорится вдругъ ни съ того, ни съ сего то одинъ домъ, то другой; какъ нарочно, откуда ни возьмись, порывистый вѣтеръ, и пылающія головни перелетаютъ съ крыши на крышу, распространяя повсюду разрушеніе. Наполеонъ велѣлъ тушить пожары, но оказалось, что всѣ пожарныя машины были или испорчены, или вывезены изъ Москвы заблаговременно, по приказанію Растопчина. Это обстоятельство, равно какъ и посылка нѣсколькихъ поджигателей изъ русскихъ дали французамъ понять, что Москву жгутъ сами русскіе, не желая, чтобы ихъ дома служили убѣжищемъ и приносили пользу тѣмъ людямъ, которые терзаютъ ихъ отечество. Такъ какъ въ Москвѣ въ тѣ времена деревянныхъ построекъ было гораздо больше, то и пожары распространялись съ неимовѣр-

ною быстротою. Иногда нѣсколько пожаровъ одновременно начиналось въ двухъ-трехъ мѣстахъ; они росли все болѣе и болѣе и, наконецъ, соединялись въ одно море огня.

Расквартированные по домамъ французы принуждены были покидать свои жилища, переходить съ одного мѣста на другое, съ другого въ третье и т. д. Даже Кремлевскій дворецъ былъ въ опасности, и самъ Наполеонъ принужденъ былъ, въ виду этого, перекочевать въ Петровскій дворецъ, болѣе отдаленный. Иногда и французы поджигали дома, главнымъ образомъ, потому, чтобы скрыть слѣды грабежа, который съ ихъ стороны случался нерѣдко.

Но пожары были дѣломъ второстепеннымъ для французовъ: конечно, неудобно имъ было перекочевывать съ квартиры на квартиру, но съ этимъ еще можно бы помириться людямъ, которые привыкли всегда быть наготовѣ и очень рѣдко спать двѣ ночи на одномъ и томъ же мѣстѣ. Самое главное было то, что враги не нашли въ Москвѣ тѣхъ обильныхъ запасовъ, на которые разсчитывали и въ которыхъ сильно нуждались. Хлѣба въ запасныхъ магазинахъ не было; барки съ нимъ, стоявшія на рѣкѣ, были потоплены; скотины никакой. Въ домахъ французы находили разныя съѣдомыя вещи, но такъ какъ частные люди въ городахъ обыкновенно не дѣлаютъ большихъ запасовъ, то такая пища могла хватить французамъ ненадолго. Въ разныхъ лавкахъ они позахватывали много чаю, сахару, кофе, конфектъ, варенья, имѣли иногда самыя изысканныя лакомства, но въ необходимомъ постоянно нуждались: у нихъ не было въ достаточномъ количествѣ ни говядины, ни хлѣба, ни соли. Лошадямъ пришлось еще хуже: сѣно и овесъ были въ Москвѣ большою рѣдкостью, а потому лошади, которымъ предстояло возить пушки и носить на себѣ всадниковъ, скоро исхудали до крайности. Наполеонъ разсчитывалъ, что пройдетъ еще нѣсколько времени, пожары прекратятся, русскіе попривыкнутъ, перестанутъ дичиться французовъ, и мужички попрежнему повезутъ свои товары на московскіе рынки. Но не тутъ-то было: окрестные крестьяне предпочитали

чали: „Да здравствуетъ императоръ!“ Въѣзжая въ Москву, Наполеонъ объявилъ своимъ генераламъ: „Теперь война кончена, мы въ Москвѣ, Россія покорена; я предпишу ей такой миръ, какой мнѣ надобенъ“. Но не такъ думалъ старикъ Кутузовъ: „Теперь только война начинается“, говаривалъ онъ; императоръ же Александръ сказалъ курьеру, привезшему ему грустное извѣстіе о вступленіи враговъ въ Москву, слѣдующія достопамятныя слова: „Скажите всѣмъ, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и поселянъ, и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія“.

II.

Итакъ, Наполеонъ занялъ Москву. Онъ размѣстился въ Кремлѣ, генералы также пріискали себѣ удобныя квартиры; войско было расквартировано отчасти въ обыкновенныхъ домахъ, отчасти на площадяхъ, въ палаткахъ. Французы собирались въ Москвѣ зимовать, такъ какъ знали, что зимою въ Россіи холодно, а потому войну вести несподручно; но вотъ въ первыхъ же числахъ сентября гостей сталъ выгонять изъ жилищъ огонь. Загорится вдругъ ни съ того, ни съ сего то одинъ домъ, то другой; какъ нарочно, откуда ни возьмись, порывистый вѣтеръ, и пылающія головни перелетаютъ съ крыши на крышу, распространяя повсюду разрушеніе. Наполеонъ велѣлъ тушить пожары, но оказалось, что всѣ пожарныя машины были или испорчены, или вывезены изъ Москвы заблаговременно, по приказанію Растопчина. Это обстоятельство, равно какъ и посылка нѣсколькихъ поджигателей изъ русскихъ дали французамъ понять, что Москву жгутъ сами русскіе, не желая, чтобы ихъ дома служили убѣжищемъ и приносили пользу тѣмъ людямъ, которые терзаютъ ихъ отечество. Такъ какъ въ Москвѣ въ тѣ времена деревянныхъ построекъ было гораздо больше, то и пожары распространялись съ неимовѣр-

ною быстротою. Иногда нѣсколько пожаровъ одновременно начиналось въ двухъ-трехъ мѣстахъ; они росли все болѣе и болѣе и, наконецъ, соединялись въ одно море огня.

Расквартированные по домамъ французы принуждены были покидать свои жилища, переходить съ одного мѣста на другое, съ другого въ третье и т. д. Даже Кремлевскій дворецъ былъ въ опасности, и самъ Наполеонъ принужденъ былъ, въ виду этого, перекочевать въ Петровскій дворецъ, болѣе отдаленный. Иногда и французы поджигали дома, главнымъ образомъ, потому, чтобы скрыть слѣды грабежа, который съ ихъ стороны случался нерѣдко.

Но пожары были дѣломъ второстепеннымъ для французовъ: конечно, неудобно имъ было перекочевывать съ квартиры на квартиру, но съ этимъ еще можно бы помириться людямъ, которые привыкли всегда быть наготовѣ и очень рѣдко спать двѣ ночи на одномъ и томъ же мѣстѣ. Самое главное было то, что враги не нашли въ Москвѣ тѣхъ обильныхъ запасовъ, на которые разсчитывали и въ которыхъ сильно нуждались. Хлѣба въ запасныхъ магазинахъ не было; барки съ нимъ, стоявшія на рѣкѣ, были потоплены; скотины никакой. Въ домахъ французы находили разныя съѣдомыя вещи, но такъ какъ частные люди въ городахъ обыкновенно не дѣлаютъ большихъ запасовъ, то такая пища могла хватить французамъ ненадолго. Въ разныхъ лавкахъ они позахватывали много чаю, сахару, кофе, конфектъ, варенья, имѣли иногда самыя изысканныя лакомства, но въ необходимомъ постоянно нуждались: у нихъ не было въ достаточномъ количествѣ ни говядины, ни хлѣба, ни соли. Лошадямъ пришлось еще хуже: сѣно и овесъ были въ Москвѣ большою рѣдкостью, а потому лошади, которымъ предстояло возить пушки и носить на себѣ всадниковъ, скоро исхудали до крайности. Наполеонъ разсчитывалъ, что пройдетъ еще нѣсколько времени, пожары прекратятся, русскіе попривыкнутъ, перестанутъ дичиться французовъ, и мужички попрежнему повезутъ свои товары на московскіе рынки. Но не тутъ-то было: окрестные крестьяне предпочитали

лучше испортить и сжечь свой хлѣбъ, свое сѣно, но не везли его на продажу французамъ, хотя послѣдніе не прочь были платить за все это хорошія деньги. Французы голодали до того, что принуждены были очень часто питаться кониною, а иногда даже ѣли воронъ и галокъ, которыхъ называли городскою дичью.

Разумѣется, что многіе стали роптать на Наполеона, и войско не относилось ужъ теперь къ нему съ такимъ довѣріемъ, какъ прежде. Безпорядокъ и непослушаніе между французскими солдатами водворялись все болѣе и болѣе, а это еще болѣе ухудшало ихъ положеніе. Теперь уже начальники не могли, да и не хотѣли препятствовать грабежу, который принялъ громадные размѣры. Толпы французскихъ солдатъ ходили изъ дома въ домъ и брали все, что̀ имѣло хоть какую-нибудь цѣнность. Они не щадили и церквей, которыя лишились въ это время всѣхъ богатствъ своихъ, за исключеніемъ, конечно, того, что̀ было вывезено раньше или спрятано въ надежныхъ мѣстахъ священниками. Наполеонъ употреблялъ всевозможныя средства для того, чтобы ободрить своихъ солдатъ: онъ не разъ самъ произносилъ рѣчи къ нимъ, просилъ потерпѣть немного, говоря, что все скоро перемѣнится къ лучшему, сочинялъ и распускалъ ложныя вѣсти, въ родѣ того, напримѣръ, что французы взяли Петербугъ, заводилъ въ Москвѣ театры и выписывалъ изъ Парижа актеровъ и актрисъ; но это мало веселило оборванныхъ, голодныхъ и прозябшихъ французовъ, между которыми развилась страшная смертность, какъ отъ дурной пищи, такъ и отъ непривычки къ русскимъ морозамъ, которые въ 1812 году начались уже въ сентябрѣ. А войска русскія, между тѣмъ, шныряли постоянно вокругъ Москвы; сосѣдніе лѣса были полны отрядами казаковъ и партизановъ, которые не пропускали ни одного случая вредить французамъ. Наполеонъ посылалъ въ сосѣднія деревни за сѣномъ, хлѣбомъ, овсомъ; русскіе же всегда были на готовѣ и старались взять въ плѣнъ или перебить посланныхъ. За однимъ возомъ сѣна посылались цѣлые полки, да и тѣ иногда принуждены были возвращаться съ

пустыми руками; что же касается до транспортовъ изъ Литвы и Польши, то они обыкновенно перехватывались русскими на дорогѣ и не доставались Наполеону. Особенно много вреда французамъ причинялъ русскій партизанъ Фигнеръ, который, зная прекрасно ихъ языкъ, переодѣтый во французскій мундиръ, пріѣзжалъ въ Москву, заводилъ разговоры съ непріятельскими солдатами и офицерами, вывѣдывалъ отъ нихъ разныя тайны и сообщалъ все это своимъ, чтобы лучше знать, какъ дѣйствовать.

Наполеонъ думалъ, что русскіе, потерявъ Москву, станутъ у него просить мира; но не тутъ-то было! Кутузовъ говорилъ, что война только начинается; народъ все болѣе и болѣе вооружался; число донскихъ казаковъ при русской арміи увеличивалось тоже. А между тѣмъ, Наполеону миръ былъ очень нуженъ: это былъ единственный исходъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ тогда находился. И вотъ гордый завоеватель, до сихъ поръ только казнившій или миловавшій другихъ, рѣшился заговорить о мирѣ первый. Онъ послалъ въ Петербургъ Александру I письмо, въ которомъ, въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ, объяснилъ, что всегда его уважалъ и очень сожалѣетъ о томъ, что случилось кровопролитіе. Далѣе писалъ онъ о возможности завести переговоры, но при этомъ успѣлъ и деликатно пригрозить бѣдою для Россіи, если она откажется теперь отъ мира съ нимъ. Императоръ Александръ хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему обѣщанію не переговариваться съ врагами до тѣхъ поръ, пока они на русской землѣ, и оставилъ письма Наполеона безъ отвѣта. Видя неуспѣхъ съ одной стороны, Наполеонъ послалъ одного изъ своихъ генераловъ къ Кутузову и велѣлъ завести съ нимъ рѣчь о мирѣ, по крайней мѣрѣ вывѣдать, какъ думаютъ русскіе вліятельные люди. Но Кутузовъ объявилъ, что государь ему далъ право только сражаться съ непріятелемъ, а не входить въ переговоры, и прибавилъ опять свою любимую фразу о томъ, что, по его мнѣнію, теперь война лишь начинается. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, узнавъ отвѣтъ Кутузова,

бранилъ и своихъ, и себя самого, и Россію, но даже и въ минуту раздраженія не могъ не отдать справедливости стойкости русскихъ и ихъ любви къ родинѣ. „Русскіе — великій народъ!“ воскликнулъ онъ.

Оставаться въ Москвѣ долѣе не было никакой возможности, и Наполеонъ, пробывъ въ нашей столицѣ около 27 дней, рѣшился удалиться изъ нея, лишившись въ ея стѣнахъ, главнымъ образомъ, отъ разныхъ болѣзней, болѣе 30.000 человѣкъ въ одинъ неполный мѣсяцъ. Онъ думалъ пробраться черезъ Калугу въ юго-западныя губерніи, болѣе богатыя хлѣбомъ и теплыя, провести такъ зиму и весною опять возобновить наступленіе. Выступающіе изъ Москвы французы отличались слабостью, исхудалостью; лошади ихъ еле двигались. Холодъ заставлялъ ихъ не брезгать никакою теплою одеждою, и потому одни надѣли полушубки; другіе—шали и большіе платки; третьи, за неимѣніемъ ничего болѣе подходящаго, дамскіе салопы и священническія рясы. Около 40.000 фуръ тянулось за ними съ разными цѣнными вещами, награбленными въ церквахъ, лавкахъ и частныхъ домахъ нашей столицы. Наполеонъ, уходя, велѣлъ поджечь нѣсколько домовъ, а подъ иныя зданія подложить порохъ и взорвать ихъ на воздухъ. Это была месть за неудачу, но месть, доказывающая слабость,—месть, злившаяся не на людей, а на неодушевленные предметы. Въ какомъ положеніи была Москва въ то время, когда непріятели ее оставили, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: изъ 2.567 каменныхъ домовъ, бывшихъ въ Москвѣ до сентября 1812 года, выжжено 2.041 (осталось 526), изъ 6.591 деревянныхъ —выжжено 4.491 (осталось 2.100); лавокъ каменныхъ было 6.324, выжжено 5.335 (осталось 989); деревянныхъ было 2.197, выжжено 1.818 (осталось 379); не совсѣмъ сгорѣвшихъ, а только обгорѣвшихъ домовъ было: каменныхъ 180, деревянныхъ 223. Изъ 237 церквей 12 сгорѣло до тла, 115 обгорѣло. 10 октября послѣдніе французскіе отряды оставили Москву, и въ тотъ же день въ почти разрушенный городъ вступили казаки, а за ними и другія русскія войска.



Наполеоновская армія въ Россіи послѣ сожженія Москвы. (Стр. 282).

Оставляя Москву, Наполеонъ продолжалъ еще питать въ сердцѣ своемъ надежду на побѣду надъ русскимъ царемъ. Главное, въ чемъ онъ нуждался, это были зимнія квартиры и съѣстные припасы для изнуреннаго войска. Москва, опустошенная и своими, и чужими, не могла доставить французамъ необходимыхъ удобствъ, а потому они оставили ее и направились на югъ, въ страны, еще не разоренныя. Вся задача состояла въ томъ, чтобы какъ-нибудь скрыть передъ русскимъ войскомъ цѣль своего похода, потому что Наполеонъ, прежде искавшій битвы съ Кутузовымъ, теперь желалъ избѣжать ея, такъ какъ у русскихъ было и больше войска, и войско это было въ гораздо лучшемъ состояніи. Поэтому французы раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, двинувшихся по разнымъ направленіямъ, такъ что очень трудно было угадать, гдѣ настоящая цѣль ихъ похода. Несмотря на все искусство этого плана, онъ не удался: дѣло въ томъ, что одинъ изъ партизановъ, шнырявшій повсюду за французами и бывшій тайкомъ неоднократно въ ихъ лагерѣ, провѣдалъ въ чемъ дѣло, и далъ знать русскимъ генераламъ. Кутузовъ во-время разставилъ сильные отряды въ Тарутинѣ и Малоярославцѣ, чтобы не дать французамъ идти туда, куда имъ хочется. Они пробовали-было пробиться силою, но неудачно, и были оттѣснены на прежнюю дорогу, то-есть на ту, по которой шли къ Москвѣ. Кутузовъ былъ очень радъ такому обороту дѣла: онъ говорилъ, что возвращеніе непріятелей по прежней дорогѣ убійственно для нихъ, такъ какъ дорога эта уже подверглась самому страшному опустошенію, а потому изрядно и безъ того проголодавшійся врагъ не встрѣтитъ на ней ни крова, ни пищи. И дѣйствительно, предсказаніе стараго русскаго воина сбылось: французскіе солдаты мерли съ голоду; лошадиное мясо, даже падаль, были для нихъ рѣдкимъ лакомствомъ. Когда лошади почти всѣ были съѣдены, то и пушки, и возы съ награбленною добычею нужно было оставлять на дорогѣ. А тутъ, какъ на бѣду, въ октябрѣ пристукнули морозы словно крещенскіе, снѣгъ выпалъ глубокій. Плохо одѣтые французы гибли и отъ холода,

и отъ голода. Эта недавно блистательная армія представляла теперь горсть исхудалыхъ, больныхъ бѣглецовъ, еле державшихъ ружья въ окоченѣлыхъ рукахъ, оборванныхъ или коекакъ прикрытыхъ, кто рогожкою, кто женскимъ капотомъ, кто шубою. И этимъ несчастнымъ бѣглецамъ на каждомъ шагу угрожали то казаки, то партизаны, то просто крестьяне, выходившіе теперь на французовъ какъ на охоту. Завидѣвъ русскихъ, французъ, отдѣлившійся изъ толпы своихъ соотечественниковъ, бросалъ оружіе и кричалъ: „la vie“ (значитъ: пощади“). „Зачѣмъ просишь, чтобы тебя ловили, и такъ возьмемъ!“ кричали съ насмѣшкою мужички, не понимая, что значатъ слова француза, и брали его въ плѣнъ. Даже бабы выходили на ловлю французскихъ солдатъ и нерѣдко возвращались съ плѣнниками и добычею. Очевидно, несчастнымъ и насквозь промерзшимъ было не до защиты. За кусокъ хлѣба и возможность провести ночь въ тепломъ уголкѣ многіе изъ нихъ продавали свою свободу. Но не только отряды казаковъ, крестьянъ и партизановъ напирали со всѣхъ сторонъ на отступавшихъ въ безпорядкѣ французовъ: за ними шелъ Кутузовъ съ правильнымъ войскомъ, тепло одѣтымъ, сытымъ и хорошо вооруженнымъ; съ сѣвера, кромѣ того, шла другая русская армія, которая успѣшно отразила французовъ, хотѣвшихъ идти на Петербургъ; съ юга подвигалась третья армія. Русскіе надѣялись, что не только всѣ войска Наполеона будутъ истреблены, но и самъ онъ не избѣгнетъ плѣна. Особенно разсчитывали на это тогда, когда французамъ придется проходить черезъ рѣку Березину, на которой мостовъ не было, а холодное время года и глубина мѣшали переходить въ бродъ. Но тутъ Наполеонъ еще разъ доказалъ свои военныя способности: онъ разставилъ остатки своихъ войскъ такъ, что русскіе начали дѣйствовать вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало, а его инженеры съ удивительною быстротою навели тайкомъ нѣсколько мостовъ. Русскіе спохватились только тогда, когда половина французовъ была уже на другомъ берегу, а другая половина продолжала проходить черезъ мосты, несмотря на русскія пули и

ядра, которыя сѣяли смерть въ тѣсно столпившихся на узкомъ мосту французскихъ солдатахъ. Наконецъ и одинъ мостъ провалился, а люди, лошади и пушки полетѣли въ воду; но самъ Наполеонъ съ тою частью войска, которая у него была разстроена меньше другихъ, находился уже на другомъ берегу.

Наконецъ 25 декабря 1812 года не осталось въ Россіи ни одного непріятеля, за исключеніемъ плѣнныхъ. Изъ громадной арміи, вошедшей въ предѣлы нашего отечества, оставалось лишь 20,000 человѣкъ, болѣе или менѣе счастливо выбравшихся изъ него. Цѣлыя сотни пушекъ, сложенныхъ въ настоящее время въ московскомъ Кремлѣ, цѣлыя сотни знаменъ, украшающихъ нынѣ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, отняты были у отступающихъ французовъ. А сколько добычи разными цѣнными вещами, мелкимъ оружіемъ и т. д. досталось русскимъ,—этого и не перечесть.

Наполеонъ довелъ свои войска лишь до Вильны, а тамъ сѣлъ въ сани и съ чужимъ паспортомъ, чтобы не быть узнаннымъ на дорогѣ, уѣхалъ во Францію собирать новыя войска, но своими подданными былъ принятъ далеко не съ восторгомъ. Александръ же порѣшилъ докончить дѣло побѣдъ надъ Наполеономъ и, освободивъ отъ него Россію, освободить и Европу. Онъ зналъ, что большинство иностранныхъ государей заключили союзъ съ нимъ не по дружбѣ, а изъ страха, и потому надѣялся найти себѣ союзниковъ. И вотъ, лишь только русскіе въ первый день новаго года вступили, преслѣдуя французовъ, на прусскую землю, прусскій король немедленно объявилъ себя другомъ Александра и врагомъ Наполеона и призывалъ свои войска и свой народъ приняться за оружіе противъ Франціи. Примѣру Пруссіи послѣдовали Австрія и другія земли. Между самими французами число недовольныхъ Наполеономъ со дня на день возрастало. Наполеонъ собралъ еще новыя войска, но тутъ счастіе ему измѣнило и онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ. Въ самомъ Парижѣ, главномъ городѣ Франціи, Александра приняли какъ освободителя и объявили, что Наполеонъ, какъ человѣкъ жестокій, какъ крово-

пійца и притѣснитель, лишенъ престола. Наполеонъ пытался-было бѣжать на кораблѣ въ Америку, но былъ пойманъ на морѣ своими всегдашними врагами — англичанами, которые поселили его на отдаленномъ и почти безлюдномъ островѣ св. Елены и держали тамъ подъ стражею до тѣхъ поръ, пока этотъ страшный человѣкъ не умеръ. Государи, изгнавшіе, таким образомъ, Наполеона, съѣхались на совѣтъ въ Вѣну и долго разсуждали о томъ, какъ бы успокоить Европу послѣ бѣдъ, причиненныхъ ей Наполеономъ. Тамъ же они порѣшили, чтобы герцогство Варшавское навсегда присоединить къ Россіи.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.




DK 42 .P33 1893
Razskazy iz russkoi istorii.
Stanford University Libraries
3 6105 041 451 183

